

NEW YORK TIMES AND USA TODAY BESTSELLING AUTHOR OF REAL

Когда борешься за
любовь - борешься
сильнее.

МОЙ

КЭТИ ЭВАНС

http://vk.com/real_raw_ripped

"Он мой, а я его. Наша любовь всепоглощающая, сильная, неидеальная и настоящая..." В международном бестселлере "НАСТОЯЩИЙ" неудержимый плохой парень Андеграунда наконец встретил достойного соперника. Нанятая, чтобы держать его в отличной форме, Брук Дюма, разбудила первобытную жажду в Ремингтоне "Разрывном" Тэйте к ней, такой же необходимой, как воздух, которым он дышит... и теперь он не может жить без нее. Брук никогда не предполагала, что в конечном итоге будет с мужчиной, о котором мечтает каждая женщина, но не все мечты заканчиваются "долго и счастливо", и именно тогда, когда они нуждаются друг в друге больше всего, ее отбирают у него. Теперь с расстоянием и тьмой между ними, единственное, что осталось, это бороться за любовь к человеку, которого она называет "МОЙ".

ПЛЭЙЛИСТ «МОЙ»

“IRIS” by Goo Goo Dolls

“DARK SIDE” by Kelly Clarkson

“I CHOOSE YOU” by Sara Bareilles

“BENEATH YOUR BEAUTIFUL” by Labrinth featuring Emeli Sandé

“FIRST TIME” by Lifehouse

“STAY WITH YOU” by Goo Goo Dolls

“BETWEEN THE RAINDROPS” by Lifehouse

“BREATHLESS” by the Corrs

“ACCORDING TO YOU” by Orianthi

“HERE WITHOUT YOU” by 3 Doors Down

“WHEN YOU’RE GONE” by Avril Lavigne

“FAR AWAY” by Nickelback

“HOLD ME NOW” by Red

“UPRISING” by Muse

“DEMONS” by Imagine Dragons

“KISS ME” by Ed Sheeran

“FROM THIS MOMENT ON” by Shania Twain and Bryan White

Сердце являет собою полую мышцу, и его биение сопровождает нас всю жизнь. Размером с кулак оно состоит из четырех камер: два предсердия и два желудочка. Как эта мышца может вместить что-то настолько охватывающее, как любовь? Сердцем ли мы любим? Или своей бессмертной душой? Я не знаю. Я знаю только то, что я чувствую эту любовь каждой клеточкой своего тела, каждым вздохом, целой бесконечностью своей души. Я поняла, что вы не можете бегать, если разорвали связку, но ваше сердце может быть разбитым на миллион кусочков, а вы все еще сможете любить всем своим естеством.

Я была разбита и вновь исцелена.

Я любила и я люблю.

Я влюблена и я навсегда останусь такой, какой сделала меня эта любовь, этот человек. Когда-то я мечтала о медалях и чемпионских титулах, но теперь я мечтаю только о голубоглазом бойце, который в один прекрасный день изменил мою жизнь, когда прикоснулся своими губами к моим...

Глава 1

С возвращением, Разрывной!

Брук

Прошло два месяца, а именно шестьдесят два дня с тех пор, как я вернулась к нему. Одна тысяча четыреста восемьдесят восемь часов желания, тоски и потребности в нем. Это было даже дольше, чем то время, когда тысяча женщин, мужчин и фанатов по всему миру наблюдали за его падением.

Он вернулся.

Итак, наконец. Первый бой нового сезона в Андерграунде.

Он тренировался, как сумасшедший. Он еще больше накачал мускулы. Он более взбешенный, чем всегда, и я знаю, что в этом сезоне он готов забрать то, что принадлежит ему.

Публика Вашингтонской арены состоит из приблизительно тысячи человек, и когда объявляют победителя сегодняшнего боя, толпа звереет.

Мы все знаем, что сейчас его должны позвать. Его помощник, Пит, сидит напряженный справа от меня. Он сказал мне, что он «приманка», что большинство людей здесь из-за него.

Ну, я, несомненно.

Воздух заряжается волнением с запахами духов, пива и пота. Два предыдущих бойца сейчас покидают ринг, один из них в сопровождении своей команды. А я с колотящимся сердцем неподвижно сижу на своем месте в первом ряду, в самом центре, именно там, где желает видеть меня мой мужчина. И вот я здесь, в ожидании, мое тело гиперчувствительное, а мое сердце отбивает его имя. Ремингтон, Ремингтон, Ремингтон...

Динамики трещат, когда диктор включает микрофон, и я чуть не выпрыгиваю из кожи.

— Дамы и господа, все мы помним наши разбитые сердца, наши сломленные души! Когда фаворит зрителей проиграл на финальном соревновании в прошлом году.

Толпа выражает неодобрение от воспоминания, а мое горло сжимается от мысли о том, как побитое тело Реми выносили из ринга.

— Не бойтесь, люди. Не бойтесь!

— РЕМИ!!!!!!!!!!!! — кто-то кричит.

— Пусть он уже выходит! — еще кричит кто-то.

— О, он выйдет. В этом нет сомнений; он выйдет, — мрачно говорит диктор, мучительно растягивая время для толпы. — После долгих размышлений и многочисленных слухов, это абсолютно официально. Человек сражается в этом сезоне, и он никого не берет себе в заложники, люди! Вот он и здесь, дамы и господа. Он. Здесь! Вы все знаете, о ком я говорю?

Толпа ревет:

— РАЗ-РЫЫЫЫЫЫВНОЙ!

— Кто?

— РАЗ-РЫЫЫЫЫЫВНОЙ!

— Еще раз, потому, что я вас не слышу!

— РАЗРЫЫЫЫВНОЙ!

— Верно, дамы и господа! Вот наш любимый плохой парень с этой печально известной

улыбкой и этими смертоносными кулаками, готовыми выгравировать R.I.P. ^[1] на ком угодно, кто станет на его пути в этом году. Единственный и неповторимый, Ремингтоооон Тэйт, ваш РАЗРЫЫЫЫЫЫЫНОЙ!

Дикое возбуждение обрушивается на меня, когда толпа ревет стоя, как никогда.

— Боже мой, поклонники жаждут его, — выдыхает Пит.

И я тоже. Боже мой. Я тоже.

Через ринг напротив меня женщины машут трусиками в воздухе. Трусиками! Еще одна поднимает знак, на котором написано «УЛОЖИ МЕНЯ, РАЗРЫВНОЙ!»

Во рту у меня пересохло, и тысяча и одна крылатые вещи затрепетали в моем животе, когда я увидела проблеск красного.

Затем он становится ближе.

Выбегает из прохода к рингу.

К его рингу.

Мое тело оживает от ощущений, когда он прорывается сквозь толпу.

Некоторые фанаты оставили свои места, чтобы схватить его, но он с легкостью расталкивает свой путь сквозь толпу, на его лицо падает тень от капюшона его красной мантии. Реми. Мой Реми. Мужчина, которого я люблю каждой своей частичкой.

— Разрывной, ты являешься смыслом слова СЕКСУАЛЬНЫЙ!

— Реми, я хочу, чтобы ты, черт возьми, оплодотворил меня!

С плавным прыжком он поднимается на ринг, затем медленно, не торопясь, снимает свою мантию «РАЗРЫВНОЙ». Крики сотен женщин раздаются в моих ушах, когда он направляется к своему углу, чтобы отдать накидку Райли, помощнику своего тренера.

Райли с улыбкой похлопывает его по мускулистой спине и что-то ему говорит. Ремингтон закидывает голову назад, как будто он смеется, затем встает в центре ринга, выпрямляет свои длинные сильные руки и начинает делать свои медленные самоуверенные «я-знаю-вы-все-хотите-меня-трахнуть» повороты.

Я умираю.

Я никогда в жизни не привыкну к его виду на этом ринге. Мое сердце возбужденно ударяется в грудную клетку, а все мои внутренности пульсируют от необходимости, и моя грудь кажется воздушным шаром, который вот-вот лопнет от возбуждения. Жесткий, тощий и совершенный, он весь опасен, весь красивый, и весь мой.

Мои глаза поглощают каждый дюйм того, на что каждая другая женщина пускает слюни, и я беспомощно провожу взглядом сверху вниз по его идеальной спортивной форме. Мои глаза с любовью ласкают его загар и целуют чернильные кельтские полосы на его бицепсах. Я восхищаюсь его торсом и длинными сильными ногами, его рельефными руками, узкой талией и широкими плечами. Каждый мускул в его совершенном теле образован так, что, если вы проведете пальцами по его великолепной форме, то будете точно знать, где заканчивается одна часть и начинается другая.

И когда он снова поворачивается, я вижу его пресс, подобный стиральной доске, с восемью квадратиками — восемь! Да, это невозможно, но у него они есть... А его лицо...

О боже, я даже не могу это воспринять.

Щетина на челюсти. Блестящие голубые глаза. Сексуальная ухмылка. Ямочки. На его лице улыбка; это как раз то выражение, говорящее, что у него на вечер запланировано очень много неприятностей, а вы не хотите этого пропустить, игривое и мальчишеское.

Групповой вздох простирается в рядах позади меня, когда он оборачивается к нам

лицом.

В моем желудке просыпаются бабочки, когда эти танцующие голубые глаза начинают оглядывать толпу, молча смеясь над всеми нами. Его явно позабавила наша одержимость Ремингтоном Тэйтом!

Возле меня блондинка средних лет со слишком большим количеством ботокса прыгает вверх-вниз и орет, как сумасшедшая:

— Реми! Дай мне ощутить вкус того Разрывного!

Меня охватывает побуждение потянуть эту женщину за волосы вниз, но в то же время, я знаю, что нельзя смотреть на него, не растворяясь в луже похоти.

Он жеребец. Создан для спаривания. Чтобы производить потомство.

И он нужен мне, как следующий вдох.

Я хочу его больше, чем любая другая кричащая здесь женщина хочет его.

Я хочу каждую его часть. Я хочу его тело. Его ум. Его сердце. Его прекрасную душу.

Он говорит, что он мой, но я знаю, что есть часть Ремингтона Тэйта, которая никогда никому не будет принадлежать.

Я — его, но он неукротимый и непобедимый.

Единственный, кто может победить Ремингтона Тэйта — это он сам.

Он там, всегда неуловимый и загадочный, черный ящик бесконечной тайны. И я хочу потеряться в нем, даже если никогда не смогу выбраться.

Пит пихает локтем меня в ребра и шепчет на ухо:

— Боже мой, это несправедливо, что он получает все внимание, а это, — он указывает на свое тощее тело, — не получает ничего.

Я улыбаюсь. С вьющимися волосами и карими глазами Пит всегда одет в черный костюм с галстуком. Он не только личный помощник Реми, он также и его старший брат и один из моих самых близких друзей.

— Норе ты нравишься таким, какой есть, — поддразниваю его я своей младшей сестрой.

На это он улыбается и поигрывает бровями, многозначительно кивая на ринг, где Ремингтон заканчивает свои повороты и почти полностью стоит лицом ко мне.

Мои нервные окончания перемешиваются и покалывают от волнения, когда его мерцающие голубые глаза скользят по всей длине моего ряда, где он знает, буду я. Клянусь, каждая часть меня дрожит в предвкушении, ожидая, что эти глаза найдут меня.

Они находят.

Он электризует меня. Между нами проскакивает невидимый ток. Его улыбка вспыхивает во мне, и вдруг такое чувство, как будто в моей груди, там, где бьется сердце, находится горящий факел, что он только что зажег.

Его глаза удерживают меня, охваченную теплом, что из них исходит, и я вижу его молчаливую радость сегодня, его собственнический взгляд, который говорит всем в помещении, что я. Принадлежу. Ему.

Затем он указывает на меня.

Мое сердце останавливается.

Кажется, что все глаза следуют за пальцем, указывающим в мою сторону, направленным прямо на мою грудь, где мое сердце колотится для него. Его неистово синий взгляд отчетливо говорит «Это для нее».

Вокруг меня взрывается рев от восторга зрителей. То, как фанаты его любят, поражает

меня, как адреналин, как шот текилы, что сразу врежется в голову. То, как он любит их в ответ. То, как он любит меня.

Я поражена тем, как публика реагирует на него, и тем, как он стоит там, демонстрируя свои ямочки, впитывая всю энергию в помещении и направляя ее в «Разрывного».

Боже, я люблю его, и я ни за что не хочу, чтобы он об этом забывал!

Под импульсом я посылаю ему воздушный поцелуй.

Он ловит его и направляет к своему рту.

Толпа становится еще громче. Реми, смеясь, указывает на меня, и я смеюсь тоже. Мои глаза немного жжет, потому что я так счастлива, что просто не могу поместиться в своей коже. Я счастлива, потому что он счастлив и он там, где должен быть.

Это его сезон. В этом году ничто не помешает Ремингтону Тэйту заполучить титул чемпиона в Лиге Андерграунда. Ничто.

Он будет делать все, что потребуется, потому, что он целеустремленный, мощный, страстный мужчина, и как бы я не боялась, беспокоилась, волновалась или все вместе взятое, я буду поддерживать его.

— А сейчас, дамы и господа, может у нас найдутся аплодисменты поприветствовать новичка в Андерграунде, из Бойцовского Клуба. Знаменитый, внушающий страх и смертоносный Грант Гонсалес, «Гооодзилла»!

Когда объявляют его противника, Ремингтон беспокойно кружит по рингу, как пантера, пока огромная глыба серебра не выходит из второго прохода. Реми сгибает пальцы в кулаки, наблюдая, как мужчина забирается на ринг. Сегодня их руки в повязках с оголенными суставами, что очень похоже на то, как мужчины дрались в старые времена.

Новый боец едва ли снял свою мантию, как зрители начинают бойкотировать его.

— Буууууу! Бууууу!

— Этот парень убил пару людей в драках, — говорит мне Пит вполголоса. — Он нечист, а значит ублюдок.

— Не говори мне, что люди умирали на этих мероприятиях, — в ужасе прошу я, чувствуя тревожное землетрясение в желудке. Пит закатывает глаза.

— Брук, это бои без правил. Конечно, случается дерьмо.

Мысль о том, что Реми сражается с убийцами, катапультирует мой обычный страх перед боем на совершенно новый уровень. Опасения, которые я подавляла, когда мой мужчина упивался обожанием зрителей. Опасения, которые сейчас охватывают мой желудок и сжимают меня, как кулак.

— Пит, смерть это больше, чем «случается дерьмо».

Ремингтон с противником легко ударяются кулаками и толпа затихает. У меня внутри все замирает. Я дико, почти с тревогой, измеряю взглядом нового парня, как будто я что-то узнаю о нем от одного его внешнего вида. Белая кожа молодого человека чем-то смазана и выглядит, как жир. Им разрешено быть скользкими во время борьбы? У него длинные волосы, завязаны в хвост и такие накачанные мышцы, каких я никогда не видела ни у одного бойца. Ни у кого нет такой хорошей формы и красивого тела, как у Реми. Бьюсь об заклад, никто не заботится о своем теле и не тренируется с таким же рвением, как это делает он.

Когда раздается колокол, кажется, я не дышу.

Они приближаются друг к другу. Ремингтон ждет движения противника, идеально держа защиту. Каждая из его мощных мышц расслаблена, так что они могут быстро вступать в бой. Наконец, «Годзилла» замахивается. Реми уклоняется, таранит того в бок, и,

невероятно, этот огромный монстр с большим грохотом падает на пол.

Когда начинается подсчет рефери, я задыхаюсь в полном неверии.

Губы Реми искажаются в незаметной улыбке, когда он смотрит на неподвижную фигуру и практически бросает вызов ему двигаться.

Он не движется.

Толпа взрывается ревом.

Пит вскакивает на ноги, поднимая вверх кулаки.

— Да! Отлично! Кто здесь босс! Кто. Здесь. БОСС!

— ОДИН УДАР, дамы и господа! — кричит голос в динамиках. — Один чертов удар!

Он вернулся! ОН ВЕРНУЛСЯ!!! Мужчины и женщины, девушки и чертовы мальчики, сегодня я представляю вам вашего единственного Рааазрывного!!! РАЗрыыыывной!

Рефери поднимает руку Реми в знак победы.

И хотя вся арена выкрикивает его имя, его веселые голубые глаза немедленно прикипают ко мне, и все мое тело начинает болеть в каждом месте.

Боже.

Он чертовский бог секса. И он чертовски заводит меня.

— Разрывной, пожалуйста, ох, пожалуйста, позволь мне прикоснуться к тебе! — кричащая женщина бежит к краю ринга, протягивая руки сквозь канаты к нему.

Кажется, Ремингтону становится ее жалко, и он хватается за ее руку. Он проводит губами по костяшкам ее пальцев, и она начинает истерически кричать. Я смеюсь, но затем змея ревности скручивается внутри моего желудка. Отпуская ее, он поднимает на меня взгляд, и затем, с той гибкостью его движений, что напоминает мне больших смертоносных кошек, спрыгивает с ринга.

Арена полностью затихает, и все, что я могу слышать, это мое сердцебиение.

Ремингтон... Ремингтон... Ремингтон...

Он подходит ко мне, улыбка на его лице говорит мне, что он думает, он единственный.

— Ты ревнуешь, — говорит он глубоким голосом, от которого поджимаются пальцы на ногах.

— Немного, — говорю я, смеясь над собой.

Он не смеется, но улыбается улыбкой, которая искрится в его голубых глазах, когда он проводит пальцами вверх по моему горлу, потом я чувствую нежное касание подушечкой его большого пальца к моей нижней губе. В моем животе пробудились бабочки. Его веки припущены, когда он исследует мой рот. Он делает это медленно, от одного уголка к другому, и затем, из-за того что он думает, что этот рот принадлежит ему, он овладевает им.

Его губы разжигают меня. Мой желудок вращается, когда он заставляет мои губы раскрыться, и когда появляется его язык, горячий, влажный и могучий, чтобы на миг ощутить мой пьянящий вкус, я подавляю стон.

— Не надо, — грубо говорит он, глядя на мой зацелованный рот, на миг оценивая своих рук дело. На долю секунды он прижимается губами к моему лбу и затем направляется назад к рингу своей грациозной походкой, расслаблено и почти пританцовывая.

За моей спиной я слышу задыхающиеся голоса.

— Вот дерьмо, я хочу делать это десятью способами до воскресенья.

— Обожемой, он был прямо здесь!

Я облизываю губы, и все еще могу почувствовать вкус сексуального негодяя, единственного кто заставляет мои соски твердеть, а влагалище набухнуть от полного его

обладания.

Когда объявляют его следующего соперника, Ремингтон сгибает мышцы рук до кончиков пальцев. На миг он улыбается мне с ринга, и очень четко его две ямочки говорят мне, как сильно ему нравится оставлять меня в луже любви и желания. Дьявол.

Боец, которого я помню с прошлого года, Паркер Дрейк, «Террор», поднимается на ринг. И звенит колокол.

Тып.

Толпа замолкает, когда начинается бой, и оба мужчины начинают размахиваться и ударять. Удары Реми мощные, и можно услышать звук приземления его кулаков, глубокий, сильный, и быстрый, как молния. Пум-пум-пум! Ерзая на своем сидении, я смотрю и слушаю, по очереди ощущая то трепет, то волнение, когда Паркер падает на пол. Я вскакиваю на ноги и кричу «Разрывной!» в один голос со всеми другими людьми, зная, что это первый из множества раз, я нахожусь здесь и наблюдаю, как Ремингтон возвращает все себе, каждую отдельную вещь, что отдал за меня.

Глава 2

Счастье = Он

В своей жизни я проводила ночи только с одним мужчиной. Я люблю наткаться на его мускулы, когда мы спим. Мне нравится, как простыни пахнут им, нами, и как его плечи стали моей любимой подушкой, хотя они чертовски твердые и я не могу понять, почему мне нравится спать на них, но я сплю. А еще его руки вокруг моей талии, его запах, и его сердце, я люблю это все, каждую частичку. Особенно, когда он наклоняет голову, чтобы зарыться носом в моей шее, а я утыкаюсь в его.

Проблема в том, что его сторона кровати, кажется, выталкивает его ровно в десять утра, а моя сторона кровати, похоже, не имеет кнопки выталкивания.

Сегодня я чувствую себя мертвой массой, потому как могу сказать, что его даже нет в комнате.

Когда его нет рядом, воздух отличается. Он заряжает его, когда он близко, меня как будто окружают медленные, мощные вибрации, приводящие в гиперготовность, и я чувствую одновременно безопасность и волнение.

Я действительно влюбилась в него.

Шесть месяцев назад мне хотелось «приключения на одну ночь», немного развлечься после того, как посвятила свои годы карьере. Взамен... мне достается он.

Непредсказуемый, сводящий с ума, сексуальный... мужчина, которого жаждут все, а я не хотела. В конечном итоге я не только жажду его, я по уши в него влюблена. И сейчас любить его является наиболее волнующими американскими горками, на которых я когда-либо ездила в своей жизни.

Сидя на кровати, я потираю глаза, пытаюсь защитить их от потока солнечных лучей. Хотелось бы мне принять «Red Bull» и «Monster», как это делает Реми. Мы почти не спали, занимаясь нашим любимым занятием, сексом, а он уже рвется к работе. Я даже вижу его чемодан у двери, готовый к нашему переезду к следующему месту тура, в то время как мой еще нужно упаковать.

Вновь прищурившись, я сползаю с кровати и направляюсь к небольшому шкафу, чтобы что-то надеть, когда замечаю письмо на тумбочке возле его айфона, который он включает очень редко, разве что, чтобы послушать музыку. От вида моего письма на меня обрушиваются ужасные воспоминания, и мне приходится подавить желание схватить его, порвать и спустить в унитаз.

Но Ремингтон сошел бы с ума. Он дорожит этим глупым письмом, что я оставила ему, когда уходила.

Потому что в нем я сказала ему то, что никто никогда не говорил ему прежде.

«Я люблю тебя, Реми».

Я начинаю двигать ногами, закрываю глаза и говорю сама себе, что я не идеальна. Меня никогда не учили делать это. Я никогда не мечтала о любви, партнере... я мечтала о спорте и о новейших кроссовках. Не о колючих черных волосах и голубых глазах. Я пытаюсь научиться быть женщиной, которую заслуживает такой мужчина, как он. И я хочу провести всю оставшуюся жизнь, показывая Реми, что заслуживаю его, и все остальные дни посвятить тому, чтобы убедиться, что он возвращает себе то, что потерял из-за меня. Если в мире кто-то и заслуживает быть чемпионом — это он.

— Он слабак, просто расслабься, — слышу его грубый мужественный голос вне спальни.

Мне смешно от того, как мое тело отреагировало на произношение слова «слабак»^[2] Ремингтоном, оно сжимается и становится немного жарко. Шлюха.

Улыбаясь, я роюсь в его вещах в шкафу, затем приходится приступить к его чемодану. Я знаю, что ему нравится, когда я надеваю его вещи. Думаю, от этого ему кажется, что я его собственность, и это безумие, как сильно мне нравится дразнить его альфа-склонности. Когда его глаза голубые, он собственник, но когда они черные, он прямо-таки метит свою территорию.

Меня радует, когда он ворчливо повторяет «ты моя», а его радует, когда я ношу его вещи.

Так что, почему бы сегодня утром не обрадовать нас обоих? Я беру его боксерскую мантию «РАЗРЫВНОЙ» и проскальзываю в нее, затем спешу в ванную, чищу зубы, умываю лицо, собираю волосы в высокий хвост и выхожу.

Я слышу его смех в гостиной, больше похожий на мягкую насмешку над чем-то, что пробормотал Пит, и когда я направляюсь за угол, у меня внутри происходит то, что он всегда заставляет меня чувствовать.

Боже мой.

Не могу поверить в то, что он делает со мной. Я даже не могу объяснить эту комбинацию дрожь-содрогание-трепетание внутри меня, но это восхитительно.

— Он проверяет тебя, чувак, и я не вижу здесь ничего забавного, — говорит тревожно Пит. — Его разведчики опрашивали все отели вокруг, чтобы узнать, где мы остановимся в следующий раз.

— Просто расслабься и продолжай следить, Пит, — говорит Ремингтон, а я просто пляшусь, на миг, осознав, что затаила дыхание.

Мой голубоглазый лев.

Его волосы чертовски торчат. Чернильные кельтские полосы на его мускулах изгибаются, когда он медленно потягивает напиток электролита. Я вижу его славно загорелый торс. Эти спортивные штаны, сидящие низко на его узких бедрах, показывают лишь край его звездной татуировки. Его босые ноги. Он выглядит горячим, сильным и способным на крепкие объятия. Пульсирующая энергия, которая, кажется, исходит из самого его существа, действует на меня, как магнит.

— Доброе утро, Брук! — говорит из кухни Диана Вернер, его повар и диетолог.

Почти лениво, Ремингтон медленно, очень медленно поднимается, его мышцы подергиваются в движении. Замечательные голубые глаза проходятся по моему телу, замечая на мне его красную накидку, достигающую лодыжек, и проблеск владения своей территорией искрится в его взгляде так, что заставляет каждую мою женскую часть стянуться от желания.

— Что ж, привет, Мисс Разрывная, — вскакивает Пит, его карие глаза весело блестят.

Я улыбаюсь. Потому что я не только хочу носить одежду Разрывного, мне бы хотелось, чтобы он попросил меня носить его имя, даже если когда-то я сказала своей лучшей подруге, что никогда в жизни не выйду замуж, потому что моя карьера всегда будет на первом месте.

— Привет, Пит и Диана, — говорю я сонным голосом, но мои глаза на Ремингтоне, а мое сердце не собирается останавливаться.

Сбавит ли оно когда-нибудь ритм, когда я возле него? Когда я смотрю на него этим

утром, как и каждое утро в течение последних нескольких месяцев. Я говорю сама себе, что не сплю, он не фантазия, он настоящий. Мой НАСТОЯЩИЙ.

Он спас мою сестру из когтей человека, которого я даже не могу назвать. Ремингтон бросил поединок чемпионата взамен на ее свободу, даже не колеблясь. Даже не говоря мне. Он потерял свой титул, огромную сумму денег, и мог потерять свою жизнь, все для спасения моей сестры, Норы.

Но я не знала, что это было для меня.

Все, что я знала — это то, что он был на последнем поединке сезона. Проигрывавший. Измученный. Избитый. Падающий. Поднимающийся. Плюющий в Скорпиона.

Мне хотелось умереть.

Мой боец, всегда такой энергичный, настойчивый, страстный и полный решимости, отказался от боя.

Боже, я была очень, очень не права.

Он не наказывал меня, он спасал мою сестру для меня.

Если бы он не вернулся в мой родной город Сиэтл, с благополучно доставленной Норой, я бы совершила самую большую ошибку своей жизни, и расплачивалась бы за нее всю оставшуюся жизнь.

Я бы прожила остаток своих дней без любви, без улыбок, и, хуже всего, без Реми. Как я бы и заслужила.

В то время как я борюсь с тысячей фунтов раскаяния, что дает мне моя память, появляются его ямочки, и если мне казалось, что я была счастлива пару минут назад, то ничто не сравнится с этой лавиной счастья.

— Привет, — шепчу я.

— Значит, моя маленькая петарда живет, — говорит он с дьявольским блеском в глазах.

— Только едва, по сравнению с тобой.

Он смеется, и Пит откашливается:

— Ребята, я как бы все еще здесь, и Диана тоже.

Моя улыбка исчезает, но у Ремингтона — нет, она смягчается, и также взгляд в его глазах. Внезапно он заставляет меня чувствовать стеснение. Невинность. Как будто он раздел меня прошлой ночью, и этим утром я вся такая без своей храбрости, без единого клочка защиты, одета только в то, что принадлежит ему.

Все еще используя эти ямочки, как смертоносное оружие против меня, он подходит.

Мое тело дергается туда-сюда, когда я заставляю себя пойти к нему навстречу, и я подавляю писк, когда он протягивает одну мускулистую руку, хватаясь пальцем за пояс накидки, и убирая оставшееся расстояние между нами, притягивает меня к себе.

— Иди сюда, — бурчит он.

Он наклоняет голову и целует меня возле уха, проводя рукой по моей пояснице, поглаживая, поднимаясь вверх к надписи «РАЗРЫВНОЙ» на спине, как-будто напоминая мне, что она там. Я задерживаю дыхание, когда он наклоняет голову к моей шее, и долго глубоко вдыхает меня. Черт, он убивает меня, когда так делает, и между моих ног я чувствую болезненное сжатие от потребности.

— Ремингтон, ты меня слушаешь? — спрашивает Пит.

Ремингтон рычит мое имя нежно, низко и глубоко, так, как во время секса:

— Доброе утро, Брук Дюма.

Мой желудок сжимается в ответ на это, а от его нежного поцелуя на моем ухе у меня

подкашиваются колени, потому что он всегда так на меня действует. Голос Пита повторяет то, что он только что сказал, и я начинаю отходить, но Ремингтон мне не позволяет.

Он ногами придвигает стул и садится, увлекая меня с собой. Затем он передвигает меня на одно его бедро, чтобы достать свой спортивный напиток со стола, и, наконец, смотрит на Пита и говорит низким, но твердым голосом.

— Удвой наших разведчиков и следи за ними.

Он проводит пальцами вниз по моей спине, когда опускает бутылку, а Пит почесывается и качает головой в полном замешательстве.

— Рем... чувак... этот гребаный ублюдок смошенничал, чтобы выиграть, и он знает, что проиграет с тех пор, как ты сражаешься в этом сезоне. Сейчас он за нами шпионит, и он сделает все возможное, чтобы саботировать тебя в этом году. Он будет пытаться морочить тебе голову, провоцировать тебя до чертиков!

Я едва ли вникла в тему, но что бы то ни было, «провоцировать» Ремингтона не очень хорошая идея. Обычно он держит самообладание. Он трезвый, настойчивый и упрямый, но, прежде всего, он биполярный, и вам бы не хотелось разбудить его темную сторону, если вы не готовы иметь дело с более, чем двумя сотнями фунтов безрассудности, которые не спят.

Я люблю мои больше, чем двести фунтов безрассудности, но его безрассудность все еще волнует меня, даже если он совершенно не выглядит возмущенным на предупреждения Пита.

Вместо того чтобы ответить своему личному помощнику, он поворачивается ко мне, запуская пальцы в мои волосы на затылке.

— Будешь завтракать? — спрашивает он меня.

Кусая внутреннюю сторону своей щеки, понижаю голос, чтобы пощадить Пита.

— Ты имеешь в виду того, кто ушел из моей постели?

Он сжимает мой нос и склоняется ко мне.

— Сегодня работа вытащила твой завтрак из постели.

— На самом деле я чувствую странное похмелье сегодня утром, я вообще не голодна.

— Похмелье от чего? От моего рта? — спрашивает он с веселыми глазами.

Я смотрю на его рот, а он такой идеальный и совершенный. Он прекрасно его использует. Каждое продуманное слово, что он произносит — идеальное. Сексуальный гад. Конечно, у меня от него похмелье, которого я никогда не чувствовала до него.

— Я знаю, — вставляет Пит, — я бы был менее обеспокоенным из-за него и из-за того, что он планирует делать, если бы он не знал о твоём Криптоните, — он кивает на меня.

— Он даже не приблизится к моему Криптониту. Я скорее его сломаю.

От тихой убежденности, с которой он говорит, моя кожа на руках покрылась мурашками, и кажется, меня немного тошнит.

Финальный поединок прошлого сезона — мой самый худший кошмар.

— Тем не менее, я точно могу предположить, что он уже находит пути, чтобы добраться к твоему Криптониту, — говорит Пит. — Находит способы нажать на твою красную кнопку, чтобы ты стал обеспокоенным и безрассудным.

Ремингтон оборачивается ко мне, откидывает мои волосы в сторону и наклоняет мою голову назад, чтобы изучить меня, как будто знает, что я с трудом могу слышать имя того человека, и еще труднее слышать, как они говорят об этом.

Черный Скорпион является моим личным Волдемортом. Этот мудака обидел мою сестру, потом обидел меня. И, хуже всего, он обидел Ремингтона. В финале того сезона. Он

причинил ему боль из-за меня. Боже, я фантазирую об убийстве ублюдка.

— Он собирается дразнить тебя, мучить тебя... — продолжает Пит зловещим тоном.

Реми, молча, смотрит на меня, его грудь обнажена, шея загорелая и сильная, и когда он обращает свое внимание на Пита, его голос становится более мрачным.

— Пит, он еще не нанес удара, а ты уже впадаешь в панику, — говорит он ему.

— Потому что мне одному осталось исправлять положение, когда ты потерпел неудачу, — Пит поглаживает рукой свой черный галстук. — Этот сезон может стать очень опасным. Чувак, мы хотим, чтобы ты был сильным и подготовленным. Мы должны отправиться в аэропорт через полчаса, замечательно, но я предупреждаю тебя, что в Фениксе может быть не так спокойно, как мы ожидали.

— Я буду держать себя в руках. Просто удвой наших разведчиков, — теперь серьезно говорит Ремингтон. Затем он делает последний глоток спортивного напитка и отставляет пустую бутылку в сторону.

— Хорошо, позволь мне позвонить еще... — я смотрю, как Пит направляется на кухню, набирая что-то на телефоне.

Теперь голос Ремингтона становится глубже, когда он направляет свое пристальное внимание на меня.

— Ты заспалась, — бормочет он, удерживая мое лицо и улыбаясь мне сверху вниз. — Ты истощена прошлой ночью?

Его голос источает одновременно секс и нежность. Я киваю, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Я слышала, в этом виноваты секс-боги, — поддразниваю я.

Он мягко смеется, поглаживая пальцем мои губы.

— Верно. Ты готова идти?

Я кусаю его за палец и, улыбаясь, киваю.

— Мне не хватало тебя в постели этим утром, — шепчу я.

— Боже, мне тоже. Я должен быть первым, кого видят эти чудесные глаза каждое утро.

Он прижимает меня к себе и прячет лицо в моих волосах, и все напряжение от услышанного слова «Скорпион» и тошнота покидают меня, когда я чувствую его запах. Я утыкаюсь носом в его грудь и вдыхаю его, как он вдыхает меня, и теряется комната, теряется мир, в этот момент ничего не имеет значения. Ничего не имеет значения, кроме него, его рук вокруг меня и моих рук вокруг него. Думаю, часть его до сих пор не может поверить, что я в его руках снова, потому что он так сильно меня сжимает, что я с трудом могу дышать, но мне и не нужно дышать. На меня так влияет его запах, ощущение его сильных рук вокруг меня, что когда еще два месяца назад я тупо отказалась от него, я с трудом могла это осознать.

— Я люблю тебя, — шепчу я, и когда он не отвечает, открываю глаза и вздрагиваю, когда вижу, как его ожесточенный взгляд изучает меня. Он снова проводит пальцем по моей нижней губе и затем сильно прижимает к своей груди, словно я драгоценность. Он опускает голову и его губы возле моего уха:

— Теперь ты моя.

Глава 3

Полёт в Аризону

Частный самолет является самой крупной игрушкой Ремингтона.

Команда всегда занимает места в первой секции в передней части самолета, в то время как мне с Ремингтоном нравятся места позади, рядом с огромным баром с деревянными панелями и телевизором с плоским экраном, хоть мы и редко этим пользуемся.

Сегодня, когда мы садимся, в воздухе витает волнение. Сезон официально открыт, и ощутив вкус боя Ремингтона, команда собрана физически и морально. Пит и Райли даже стукнулись кулаками с пилотами, как только мы выскочили из «Эскалейда».

— Все становится намного лучше, когда ты здесь, — говорит мне Диана, усаживаясь в роскошное «лучше-первого-класса» сиденье. — Я так рада видеть вас двоих снова вместе.

— Я должен сказать, — тренер Люп забирается внутрь, и, если честно, то после того, как этот мужчина целую неделю был постоянно раздражительным, почти странно видеть эту улыбку на его лице, — ты мотивируешь нашего парня больше, чем все, что я видел. Я не только рад тому, что ты вернулась, но и тайно молился за это, а я, черт побери, атеист.

Я смеюсь, качая головой и продолжая идти по проходу, но, прежде чем я достигаю задних мест, Пит, похоже, уже сел и подзывает меня.

— Брук, ты видела наши новые костюмы «Босс»^[3]? — спрашивает он меня.

Нахмурившись, я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на Пита, и вижу, что Райли тоже уже на борту. Пит улыбается мне и разглаживает рукой свой черный галстук, когда я тщательно рассматриваю его внешний вид, а Райли усмехается и разводит руками, как будто открывая мне лучший вид, чтобы рассмотреть. Я понятия не имела, что их костюмы новые.

Это то, что в основном эти парни и носят, и сегодня, как и каждый день, они оба готовы предстать «Людьми в черном XII» или кем бы то ни было на сегодняшний день.

Пит, с его вьющимися волосами и карими глазами, был бы своего рода интеллектуальным зубрилой. Райли, с его светлыми волосами и этим взглядом серфингиста, был бы тем, кто случайно убивает демонов, медленно открывая дверь машины.

— Что скажешь? — подталкивает он.

Я, убеждаясь, что на моем лице восхищенный взгляд, отвечаю:

— Ребята, вы выглядите сексуально! — и взвизгиваю, когда кто-то сжимает мою задницу. Ремингтон тащит меня за талию по проходу к нашим местам.

Он усаживает меня и плюхается рядом со мной, его брови надвигаются низко над глазами.

— Повтори это еще раз о другом парне.

— Зачем?

— Просто попробуй.

— Пит и Райли выглядят таааааак...

Он поднимает руки и щекочет меня под мышками.

— Теперь попробуешь снова? — подстрекает он.

— Обожемой, твои люди в черном так чертовски...

Он щекочет меня сильнее.

— Ты даже не позволяешь мне сказать слово «сексуально»! — пишу я, когда он

останавливается.

Его голубые глаза блестят, губы Реми образуют самую соблазнительную улыбку, которую я когда-либо видела, и, в сочетании с щетиной на челюсти и ямочками, мои пальцы определенно поджимаются.

— Хочешь попробовать еще раз, Брук Дюма? — хрипло спрашивает он.

— Да, хочу! Потому, что я думаю, Пит и Райли выглядят потрясающе...

Он щекочет меня так сильно, что я бьюсь и кручусь в воздухе, потом я задыхаюсь, и замираю, полусидя, откинувшись на своем месте, моя грудь дотрагивается до его твердых грудных мышц с каждым резким вздохом. Наши улыбки исчезают, когда между нами начинает потрескивать восхитительное сексуальное напряжение, в то время как мы пристально смотрим в глаза друг другу.

Вдруг он протягивает руку и своим пальцем заправляет прядь волос мне за ухо, его голос понижается, а ямочки исчезают одна за другой.

— Скажи это, произнося мое имя, — говорит он, и по мне проходит дрожь, когда он проводит тыльной стороной пальца по моей челюсти.

— Твое эго недостаточно большое? — задыхаясь, шепчу я, запоминая его лицо. Квадратная челюсть, торчащие волосы, гладкие темные брови над этими пронзительными голубыми глазами, смотрящими на меня с небольшим озорством и достаточной ревностью, чтобы заставить мое влагалище сжиматься.

— Можно сказать, что оно ощутимо уменьшилось, когда моя девушка пожирала глазами тех двух недоумков. — он отстраняется, позволяя мне сесть, и, когда я сажусь, свободно откидывается так, как сидят все сексуальные парни, с разведенными ногами и жилистыми длинными руками, раскинутыми на спинке сиденья и смотрит на меня, наполовину нахмурившись.

— Что я должна была сказать? — дразню его улыбкой. — Что они не выглядят хорошо в новых костюмах? Они мне, как братья.

— Нет, они мне, как братья.

— Видишь ли. Я твоя, так что это одно и то же, — пожимаю плечами, расправляя юбку на коленях. — Теперь ты знаешь, что я чувствую, когда тысячи женщин кричат тебе, — я приобретаю самодовольный вид, пристегиваясь ремнем безопасности.

Он поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела на него.

— Кого волнует, что они кричат, когда я без ума от тебя?

Стук. Это было мое сердце.

— Тогда то же самое и со мной. Ты не должен рычать, когда ребята на меня смотрят.

Его глаза темнеют, он убирает руку и сжимает челюсть в твердую линию.

— Будь благодарна за то, что я себя контролирую и не привязываю их к ближайшему фонарному столбу. Я, черт возьми, знаю, что они делают с тобой в своих мыслях.

— Только потому, что ты это делаешь, не значит, что и другие тоже.

— Конечно, они делают. Иначе никак.

Я улыбаюсь, потому что знаю, что он трахает меня в своей голове тонны времени, когда не может делать этого физически. И, конечно, я делаю то же самое. Бьюсь об заклад, даже монахиня, увидевшая его, делала бы то же самое.

Я шаловливо ныряю пальцами под его футболку и чувствую выпуклости его восьмикубикового пресса, наслаждаясь ощущением его кожи под моими пальцами. Я боготворю все, что касается человеческого тела. Не только потому, что я специалист по

спортивной реабилитации, но и потому, что была спортсменкой и полностью восхищена тем, на что способны наши тела, как они выносят удары, насколько они приспособлены быть механизмами спаривания и выживания. . Но как бы я отчаянно не любила человеческое тело, все же тело Реми — это моя главная церковь. Я даже не могу объяснить словами, что оно творит с моим телом.

— Все девушки раздевают тебя мысленно, когда ты дерешься, — говорю я ему, и у меня исчезает улыбка от небольшой капли ревности. — От этого я начинаю сомневаться, что ты выбрал меня из толпы.

— Потому что я знал, что ты для меня. Исключительно, только для меня.

Мое тело мгновенно напрягается от таких слов, что звучат так сексуально в сочетании с этой его уверенной улыбкой.

— Так и есть, — соглашаюсь я, глядя в эти игривые голубые глаза. — И сейчас я не могу определить, что хочу поцеловать первым больше, тебя или твои ямочки?

Ямочки исчезают, и блеск в его глазах тоже, когда он протягивает руку к моей нижней губе.

— Меня. Всегда меня первым. Затем все остальное.

Завершается загрузка багажа и закрывается дверь самолета, а я ощущаю своей нижней губой тепло и массаж его пальца. И я смутно осознаю, что команда разговаривает на своих местах, так как слышу свой жаждущий шепот:

— Дай, я выключу свой телефон на время полета... Но ты определенно должен мне утренний поцелуй. Даже, если сейчас уже полдень, — киваю ему в предупреждении.

Я чувствую, как его низкий смех окутывает мою кожу.

— Я должен тебе больше, но начну с твоих губ.

Боже. Ремингтон? Он убивает меня. Он разговаривает небрежно, почти скучающе говоря «Да, я собираюсь тебя сейчас поцеловать». И мой организм трепещет. Моя кровь закипает, когда я начинаю об этом думать. Быстро вытаскиваю свой телефон из сумки, чтобы выключить его, и тут замечаю сообщение от Мелани.

МЕЛАНИ: «Моя лучшая подруга! Прошло очень много времени, и я сильно скучаю по тебе. Когда ты приедешь домой?»

Мел! Я двумя руками отписываю ей: «Я тоже скучаю по тебе! Очень сильно, Мел! Но я так счастлива! Я так чертовски счастлива, что это не смешно! Или, может, это так и есть! Видишь? Я говорю, как пьяная! Хахаха»

МЕЛАНИ: «Я хочу Реми».

МЕЛАНИ: «И Брук! Вааах!»

БРУК: «Теперь, когда начался сезон, я организую для тебя отличное место, чтобы ты приехала! Это беру на себя! Нора тоже может приехать».

МЕЛАНИ: «Но ты все еще будешь снимать жилье в Сиэтле?»

На мгновение я хмурюсь на этот вопрос, потому что, когда я бросила свою жизнь и решила следовать за своим секс-богом на край света, пока он начинал свой тренировочный режим и готовился к этому сезону, я совсем не думала об арендной плате.

Отвечаю Мелани: «Я по-настоящему привязалась к нему, Мел, так что, скорее всего, не буду продлевать аренду, когда истечет время. Теперь мой дом здесь. Сейчас я улетаю, но напишу тебе позже. Люблю тебя, Мелли!!!!!»

МЕЛАНИ: «ВЗАИМНО!»

Я выключаю телефон и кладу его в сумку. И как только я поднимаю голову, внизу

живота у меня все сжимается, когда я вижу, что Реми держит свой стильный серебряный айпод. Бац. Этот мужчина в самом деле знает, как соблазнить меня с помощью музыки. Я смотрю, как его палец перемещается, выбирая музыку, и медленная чувственная манера, с которой он движется, вызывает поток влаги между моих бедер.

Он поднимает на меня взгляд с дьявольской улыбкой, затем протягивает руку и надевает мне наушники, и я ужасно взволнована, когда он нажимает «воспроизвести». Начинается песня, и пронизывающие любопытные голубые глаза остаются на мне, наблюдая за моей реакцией.

А я таю на своем сидении.

И чувствую, как моя душа содрогается внутри меня.

Потому что песня, которую он выбрал для меня, полностью заставила меня перестать дышать.

Он прижимается своим лбом к моему, наблюдая за тем, как я слушаю, а я настолько растрогана этой песней, что у меня дрожат руки, когда меняю его наушники на свои и помещаю один в свое ухо, а другой в его. Таким образом, мы оба слушаем вместе.

Снова прижимаясь лбом к нему, я наблюдаю за выражением его лица так же пристально, как и он наблюдает за моим... и мы оба слушаем эту удивительную песню. Не просто любую песню. Его песню.

Iris...

В исполнении Goo Goo Dolls.

Его взгляд темнеет от тех самых эмоций, что бушуют во мне, и затем он берет одной рукой мое лицо. Мое тело напрягается от ожидания, когда он приближается. Я чувствую его дыхание на своем лице, когда он медленно устраняет расстояние между нашими губами. К тому времени, как он касается своими губами к моим, я уже раскрыла их и позволила своим векам медленно сомкнуться. Он касается легонько, дважды. Нежно. Лениво. Я издаю звук, похожий на стон, требующий, чтобы он поцеловал меня сильнее, но слышу только:

«Когда все должно разрушиться»

«Я просто хочу, чтобы ты знала, кто я»

Боже, я не могу слушать эту песню, не чувствуя, как меня пожирает изнутри потребность быть ближе к нему настолько, насколько это возможно. Так близко, насколько я могу достать. С головы до ног я жажду его, каждая моя частичка жаждет каждую частичку его. Я запрокидываю голову и слегка прижимаюсь своими губами к его, жадно запуская пальцы в его волосы. Реми, о Боже, поцелуй меня сильнее.

Он заставляет меня подождать еще немного, наклоняя рукой мою голову набок, и затем, затем его губы наконец-то накрывают мои, язык обводит приоткрытые губы до тех пор, пока я не открываю их шире и не задыхаюсь, возбужденная, когда наши языки соприкасаются. Я не слышу его стон, но ощущаю вибрацию, проходящую через грудь напротив моей груди, и содрогаюсь, как только дотрагиваюсь своим языком до его и расслабляю рот под его властью. Потому что никому не доверяю больше, чем этому мужчине, с которым я разрушила все свои стены, как ни с кем другим. Поглаживая одной рукой мое тело, он нежно посасывает нижнюю губу, и я ощущаю, как между ног нарастает жар, от которого перехватывает дыхание, твердеют соски и увеличивается чувствительность по всей коже.

До этого момента я и не знала, как нуждалась в его поцелуе, когда все мое тело гудит под его ртом, и я двигаю губами и языком, чтобы убедить его язык вернуться в меня.

Даже не знаю, смотрят ли Пит или Райли, или еще кто-то; в наших ушах играет Iris, а

рты влажные и алчущие. Его пальцы непринужденно проникают под топ, пока он сосет, засасывает, исследует, пробует. Кажется невозможным, но каждый трепещущий дюйм моей кожи испытывает удовольствие просто от того, что его рот делает с моим.

Стону от желания и кусаю его, и он теряет малейший контроль.

Расстегивает мой ремень безопасности и склоняется надо мной, пока я не раскидываюсь по всему заднему сиденью.

Музыка останавливается и начинается следующая песня, но он разочарованно вздыхает, когда провода окончательно запутываются между нами, выдергивает наушники и отбрасывает их в сторону. Затем проводит глазами по моему телу. Вдруг все, что я слышаю — это стук моего сердца, когда он снова наклоняет голову.

— Черт, я хочу тебя, — говорит он, затем я слышу приятный звук того, как его губы еще раз прикасаются к моим. Тепло распространяется по моим венам, когда он снова накрывает мой рот. Соприкасаясь языками. Лаская руками. Со смешанным дыханием.

Между бедрами я такая набухшая. Я неустанно извиваюсь под его весом, двигая ртом быстрее и более нетерпеливо. Я чувствую выпуклости его восьмикубикового пресса под футболкой, И мои нервные окончания разжигаются, когда он снова скользит своими длинными пальцами под мой топ.

Он убивает меня. Я хотела этого поцелуя, но теперь хочу большего. Каждая пора, атом и клетка нагреваются до уровня сверхновой звезды^[4]. Наши рты двигаются так правильно вместе, и я чувствую себя живой, раскрытой, любимой. Я люблю, хочу, нуждаюсь... в нем. Так чертовски сильно. Не думаю, что он когда-то по-настоящему узнает... как мне стыдно за то, что ушла от него... как мне больно от того, как он пострадал из-за меня... как я полна решимости остаться с ним... как сильно я действительно его люблю...

Его пальцы находят мои соски через бюстгальтер, и они настолько чувствительны, что от малейшего касания меня пронзает удовольствие до самых кончиков пальцев ног.

— Реми, мы должны остановиться, — выдыхаю я, тяжело дыша, пока у меня еще есть пара нейронов, работающих в мозгу. Но даже когда я говорю, я сжимаю его мускулы и «сумасшедшую-как-черт», возбужденную часть меня совершенно не волнует, сделаем ли мы это прямо здесь и прямо сейчас.

Но предполагаю, что он впадет в бешенство, если кто-нибудь здесь услышит, как я кончаю.

Он немного отстраняется и делает длинный шумный вдох. Затем смотрит на меня с горящими глазами и снова меня целует, но немного грубее. Он тихо стонет и останавливается, опираясь своей головой о мою. Я слышу его резкое дыхание.

— Включи мне песню, — говорит он грубым шепотом, позволяя мне сесть.

С хорошим осознанием того, что мои губы опухли, я хватаю свой айпод и начинаю просматривать плейлист, пытаюсь игнорировать пульсацию между бедер.

— Просто дай мне сначала прийти в себя.

Он смеется, щипая меня за нос.

— Включи мне одну из твоих бойких анти-любовных песен.

— Их так много, что даже не знаю, с какой начать, — я начинаю искать, когда он ставит свой палец на мой и быстро начинает управлять им.

— У меня есть одна для тебя. Такая, как ты любишь.

Его голос звучит возле моего уха, вызывая приятную легкую дрожь по всему телу. Он кликает «воспроизвести» на дерзкую песню, что мне нравится, но это вовсе не песня о

сильной девушке.

Это Келли Кларксон — «Темная сторона». (Kelly Clarkson's "Dark Side.")

Мои внутренности тают, когда я слышу музыку. Я люблю Келли, но ох, эта песня. Слова. Реми хочет знать... что я останусь, что пообещаю не сбежать..?

Он снова смотрит на меня, с этой легкой самоуверенной улыбкой. Но его глаза не такие дерзкие. В его глазах застыл вопрос. Он хочет знать.

И когда он берет мою руку и переплетает наши пальцы в такой манере, к которой я никогда не оставалась равнодушной, я приближаюсь к его уху без наушника и говорю ему:

— Я обещаю. Я обещаю, мое сердце принадлежит тебе, и я принадлежу тебе. Я всегда буду принадлежать тебе.

На этой земле просто нет такой песни, нет достаточно большого плейлиста, чтобы сказать ему, что я действительно люблю его. Я люблю его, когда его глаза черные, и когда его глаза голубые, и несмотря на то, что знаю глубоко внутри, что он не верит, что я здесь, чтобы остаться, но в один день клянусь, я сделаю так, чтобы он поверил мне. Мы улыбаемся, продолжая слушать эту песню, и когда он сжимает мою руку, я отвечаю ему тем же, говоря себе что, что бы ни случилось, я никогда, никогда не отпущу эту руку.

♥ ♥ ♥

НАШ ОТЕЛЬ В ФЕНИКСЕ выглядит, как какой-то рисунок. Длинное двадцатипятиэтажное кирпичное здание красиво простирается на пустынном ландшафте, в окружении цветущих кактусов и с цветами, такими огромными и яркими, что у меня появилось желание подойти и прикоснуться к ним, просто чтобы убедиться, что они не из пластика.

Внутри мраморного лобби две девочки-подростка шепчутся и указывают на Реми, когда он проходит мимо, потому что, конечно, они его заметили. Вы замечаете его, как замечаете быка, проходящего мимо вас в лобби отеля. Их глаза, похоже, незамедлительно нас изучают — компанию, которая пришла вместе с ним — и следующей оценивают меня.

Приподнимаю бровь с удивленной улыбкой, и они, кажется, определяют, что вероятно, я его девушка, но я ничего не могу поделать с тем, что мой желудок выделяет безумные скручивающие движения от собственнических чувств, когда они окидывают его последним «сверху-донизу» взглядом своими маленькими голодными глазами.

— Посмотри на этих двух влюбленных девочек! Он всегда строит глазки, — говорит мне Диана. — Это не заставляет тебя ревновать?

— Очень, — отвечаю я, наморщив нос от отвращения к своей собственной ревности.

Реми смотрит в мою сторону и подмигивает, пока ждет с Питом ключи, а Диана, смеясь, толкает меня локтем.

— Господи, этот мужчина знает, как очаровывать! — произносит она. — Но я не стала бы ревновать, Брук, вся команда ощущает любовь между вами двумя. Мы никогда не видели его таким с кем-то другим. Не важно, сколько женщин дефилировало здесь, он все же вернулся к тебе.

— Что ты имеешь в виду? — бросаю на нее хмурый взгляд. — Где дефилировали женщины?

— В нашем отеле.

— Ты имеешь в виду недавно?

Мой желудок падает, и я именно подразумеваю, падает, когда у Дианы расширяются глаза и ее лицо теряет цвет.

Она начинает качать головой, и затем... затем она начинает оглядываться вокруг,

словно хочет спрятаться в проклятый цветочный горшок!

— Брук, — шепчет она извиняющимся тоном, как только отступает на шаг назад.

Почему?

Неужели она думает, что я собираюсь ударить ее?

Разве, похоже, что я собираюсь кого-то бить?

Не хочу я ни на кого нападать, я еле стою.

Перед глазами все расплывается, когда я поворачиваюсь и смотрю на спину Реми. В другой конец лобби. Я думаю о его движениях, когда он, как хищник берет меня, когда мы занимаемся любовью. В мыслях я вижу его глаза, то, как он смотрит на меня, когда я кончаю для него. Представляю себе, как он раскинут на кровати отеля, в то время как десятки женщин развлекаются с ним, его голубые глаза, мои голубые глаза, наблюдают, как они тоже кончают с ним.

И затем, затем я думаю, что его глаза могли не быть голубыми. Они могли быть черными. Реми в его самой грубой форме, напряженный и маниакальный, настолько безрассудный, насколько он может быть.

Потому что он не является нормальным. Даже не близок к нормальному. Он не только чертов Ремингтон «Разрывной» Тэйт, он биполярен, и его настроение меняется от одного спектра к другому. Когда он становится маниакальным, он иногда не помнит, что делает. И в месяц, когда я ушла, он был очень, очень маниакальным. Его глаза, черные и таинственные с отчаянием смотрели на меня с больничной койки...

У меня внутри все скручивается, и, кажется, будто легкие застряли в горле, когда я вспоминаю, как он пытался снять респиратор и остановить меня.

Сердце отбивает «борьба или бегство». Я нахожу в лобби Райли. Он занят телефоном, а я очень хорошо помню, как он не так давно приводил кучу блестящих красивых женщин в номер Ремингтона, чтобы развлечь его, когда у него был черный период.

Прежде, чем смогу себя остановить, я пулей несусь к нему с дрожащими кулаками по бокам.

— Сколько шлюх ты привел в кровать Ремингтона, Райли?

— Извини? — он опускает свой телефон в полном недоумении.

— Я спросила, сколько... шлюх... ты привел в его кровать. Он хотя бы осознавал, что делал с ними?

Он бросает взгляд на широкую спину Ремингтона, затем хватается за локоть и оттягивает в сторону лифта.

— Ты не можешь высказывать свое мнение, Брук. Помнишь? Ты ушла! Ты ушла, когда он был сломлен в гребаной больничной койке. Пит нянчился с твоей сестрой в реабилитационном наркотическом центре, а я едва мог собрать все кусочки того, что твое письмо... твое чертово письмо... сделало с ним! Что-то, чего ты никогда даже не осмыслишь! И если ты забыла, у Рема аффективное расстройство^[5]. Его нужно было вытаскивать из гребаной темноты...

— Эй, — Ремингтон за шиворот дергает его назад, сжимая руку в кулак, как будто готовясь поднять его. — Какого черта ты делаешь?

Райли высвобождается и смотрит на свой галстук, заправляя его в свой дурацкий новый пиджак «Босс».

— Послушай, я пытался объяснить Брук, что все было не так весело, как сейчас, когда ее не было с нами.

Реми тыкает пальцем в грудь Райли.

— С этим покончено. Ты понял?

Райли сжимает челюсть, и Ремингтон тычет пальцем ему в грудь так сильно, что он делает шаг назад.

— Ты понял? — спрашивает он.

Райли выразительно кивает.

— Да, я понял.

Больше не говоря ни слова, Ремингтон обнимает рукой меня за шею и направляет в лифт.

Но всю поездку в лифте у меня внутри все сжимается от боли, хоть я и пытаюсь урезонить сама себя, что не имею права чувствовать себя так.

Не видя ничего перед собой, я смотрю на наш пентхаус, когда мы заходим внутрь. Это наш новый дом. Наши отельные номера всегда становятся на время, будто домом, но они — не мой дом. Мой дом далеко. Мой дом теперь — этот мужчина. И я должна принять тот факт, что любовь к нему может меня сломать. Снова и снова, любовь к Ремингтону ломает меня. Когда он дерется и получает больше ударов, чем я могу вынести, я могу сломаться. Когда он нежен со мной и дает мне всю любовь, которую я не чувствую, что заслуживаю, я могу сломаться. Когда у него глаза становятся черными и он не помнит того, что сказал или сделал... я могу сломаться.

— Тебе нравится номер, маленькая петарда? — тепло его тела окутывает меня, когда он подходит сзади и обнимает меня руками. Я чувствую тепло. Защиту. — Хочешь пойти на пробежку, когда стемнеет?

Его губы проводят кривую между моей шеей и ключицей, и легкое касание посылает болезненную легкую пульсацию к моему сердцу. Такое чувство, будто я проглотила весь сад, полный обжигающе-горячих кактусов, когда подтягиваю воротник рубашки и оборачиваюсь.

— Ты трахался с другими женщинами?

Наши глаза встречаются, и знакомая дрожь понимания проходит сквозь меня, когда я смотрю на его лицо. Хоть убей меня, но я не могу понять, о чем он думает.

— Я понимаю, что не имею никакого права спрашивать тебя, — я внимательно смотрю в его голубые глаза, и они смотрят на меня с такой же интенсивностью. — Мы расстались, правильно? Это был конец. Но... у тебя было что-то с другими?

Я жду, а в его глазах появился огонек.

Он. Действительно. Улыбается!

— Это имеет для тебя значение? — задиристо спрашивает он, поднимая одну бровь. — Если я с кем-то спал?

Гнев и ревность вскипают во мне так быстро, что я хватаю подушку с дивана и ударяю ею его в грудь, взрываясь.

— А ты как думаешь, чертов придурок?

Он хватается за подушку и быстро отбрасывает ее.

— Скажи мне, насколько это имеет значение, — блеск озорства в его глазах только заставляет меня сильнее сжать зубы, и я бросаю в него другой подушкой.

— Скажи мне!

— Зачем? — он отклоняет подушку и, когда я начинаю отступать, идет за мной с веселой улыбкой. — Ты ушла от меня, маленькая петарда. Ты оставила меня с милым письмом, очень красиво говорящим мне пойти на хрен и вести славную жизнь.

— Нет! Я оставила тебя с письмом, в котором сказала, что люблю тебя! Кое-что, чего ты не говорил мне, пока я не вернулась и не попросила тебя это произнести.

— Ты сейчас такая чертовски привлекательная. Иди сюда, — он берет меня за затылок, притягивая к себе, и у меня уходят все силы на то, чтобы вырваться.

— Ремингтон. Ты смеешься надо мной! — жалко кричу я.

— Я сказал, иди сюда, — он снова заключает меня в объятия, и я извиваюсь и дергаюсь, пытаюсь освободиться.

— Реми, скажи мне! Пожалуйста, скажи мне, чем ты занимался? — умоляю я.

Он прижимает меня к стене, опираясь своим лбом о мой, его взгляд полностью собственнический.

— Мне нравится, что ты ревнуешь. Это потому, что ты меня любишь? Считаешь меня своей собственностью?

— Отпусти, — сердито дышу я.

Он поднимает одну большую загорелую руку и берет мое лицо так нежно, будто я могла быть из стекла.

— А я — да. Я чувствую полное право собственности на тебя. Ты моя. Я не отпущу тебя.

— Ты говорил мне «нет», — дышу я, пылая внутри обидой. — В течении многих месяцев. Я умирала из-за тебя. Я сходила с ума. Я... кончила... как гребаная идиотка! На твоей гребаной ноге! Ты отказывался от меня, пока я... чуть ли не умирала внутри, желая тебя. У тебя было больше силы воли, чем у Зевса! Но первые женщины, которых приводят к твоей двери... как только я ушла, первые шлюхи, оказавшиеся с тобой...

На его лице остается улыбка, но свет в его глазах померк, и сейчас его взгляд свирепо интенсивный.

— Что бы ты сделала, если бы была здесь? Остановила бы это?

— Да!

— Но где ты была?

Я начинаю прерывисто дышать.

Он опускает голову и смотрит мне в глаза, теперь с любопытством.

— Где ты была, Брук? — одна большая теплая рука обхватывает мою шею, и большим пальцем он гладит точку пульса.

— Я была сломлена, — кричу я, одновременно от гнева и боли. — Ты сломал меня.

— Нет. Ты. Твое письмо. Сломало меня, — смех исчез из его взгляда, когда он проводит подушечкой своего большого пальца вверх по моему горлу, затем с любовью направляет его вдоль челюсти, и затем, наконец, проводит им по губам, мягко, как перышком. — Какое это имеет значение, если я должен был поцеловать тысячу губ, чтобы забыть эти?

В дверь постучали, но наша энергия, направленная друг против друга, наведена, как ракеты на свои цели. Он слишком занят, удерживая меня в своих объятиях, а я слишком занята своим разбитым сердцем и отвращением к тому, что, фактически, являюсь виновницей в том, потому что мы расстались. Я знаю, что ему нужен секс, когда он маниакальный. Я знаю, что ушла. Я не имела никакого права на Ремингтона, или на что-нибудь, что он сделал или сказал.

Так что я разбила собственное сердце, когда ушла от него, и сейчас реальность того, что случилось, когда я ушла, возвращается и продолжает разбивать его. И вот я здесь, с огромным комком в горле и с таким же тяжелым дыханием, как у огнедышащего дракона.

Он отстраняется, чтобы открыть дверь и впустить посыльного, стоящего там с чемоданами. Когда я пытаюсь пройти, он хватается меня за рубашку сзади и говорит:

— Иди сюда, теперь успокойся.

Я отталкиваю его руку и сама не знаю, хочу ли позволить ему успокаивать меня. Я веду себя иррационально. Я сломалась. Я ушла. Тот, на кого я злюсь прямо сейчас, тот, кого я хочу ударить прямо сейчас — это я. У меня внутри все скручивается от боли, когда мы удерживаем взгляды друг друга. Я вытираю слезу, направляясь к открытой двери, где Ремингтон продолжает затаскивать остальные наши вещи внутрь.

Знаю, что виновата в этом я. Потому, что думала, что я сильная и попыталась защитить себя, и таким образом сделала больно себе, сделала больно ему и еще куче людей, потому что я была сильной и считала, что смогу защитить его и свою сестру, а вместо этого облажалась. Но я так изранена внутри, что мне просто хочется запереться где-то и хорошенько выплакаться. Я представляю себе, как сверкающие шлюхи приходят в его номер, когда он даже не был по-настоящему в своем уме, и меня сейчас стошнит.

Я говорю посыльному:

— Спасибо. Вы не могли бы отнести эту сумку с этим чемоданом в другой номер?

Парень толкает тележку назад к лифту и кивает.

— Куда ты идешь? — спрашивает Ремингтон, когда я ступаю в коридор.

Я делаю вдох и оборачиваюсь:

— Я хочу переночевать сегодня у Дианы. Я чувствую себя не очень хорошо, и лучше нам поговорить об этом, когда... когда я... успокоюсь, — говорю я с перекрытым горлом.

Он смеется.

— Ты же не серьезно.

Когда я подхожу к лифту и нажимаю кнопку вызова, его смех быстро исчезает.

Когда я захожу в него с посыльным, я держу все в себе, рвоту и слезы. Молодой парень улыбается мне и спрашивает:

— Впервые в этом отеле?

Сглотнув, я киваю.

Как только я прибываю в комнату Дианы, начинаю плакать. Она заносит чемоданы внутрь и закрывает дверь.

— Брук, я не хотела причинять неприятностей! Я думала, ты знаешь. Поклонницы и женщины — это всегда было так, за исключением того, когда ты рядом. Мне очень жаль.

— Диана, я порвала с ним! Да! Я понимаю, что это все моя вина. Я во всем виновата. Даже в потере им чемпионского титула.

— Брук, — Диана пытается утешить меня, усаживая на кровать. — Они пришли и ушли. Это не было...

Я вытираю слезы и всхлипываю, но мои страдания, кажется, весят, как сталь.

— Он жил таким образом до моего появления. Не знаю, чего я ожидала, когда уходила. Я думала, ему понадобится немного времени, чтобы быть снова на коне, понимаешь? Но я знаю, что быть беспомощным и хандрить — не для Ремингтона. Он был бы...

Безрассудным. Маниакальным. Или причиняющим неприятности. Или ломающим вещи. Но что, если он был тихим и чувствовал себя подавленным? Я оставила его справляться с этим в одиночку, а у Пита и Райли всегда есть способ справиться с этим. Поток новых слез выходит из меня.

— Давай, — ободряет меня Диана. Я вздрагиваю, услышав телефон в номере. — Да.

Ремингтон, — шепчет она и вешает трубку.

— Он идет сюда. Он хочет, чтобы я открыла дверь, или он выломает ее.

— Я не хочу его видеть в таком состоянии, — кричу я, всхлипывая и хватая носовой платок, будто это поможет скрыть тот факт, что я плакала здесь, как ребенок.

Я чувствую его приближение, как торнадо, когда Диана рывком открывает дверь.

— Диана, — низким голосом бормочет он, затем пересекает комнату, направляясь прямо туда, где я свернулась в клубок на кровати.

Его глаза темно-синие от эмоций.

— Ты, — говорит он, протягивая свою руку, — идем со мной.

— Я не хочу, — говорю я, вытирая скатившую слезу.

Его ноздри раздуваются, и я вижу, что ему трудно держать себя под контролем.

— Ты моя, и ты нуждаешься во мне, и я хочу, чтобы ты пошла со мной наверх, черт возьми.

Я опускаю голову и вытираю слезу.

Всхлипываю.

— Ладно, иди сюда, — он берет меня на руки. — Спокойной ночи, Диана.

Я бьюсь, а он охватывает меня, прижимая к себе и говоря мне на ухо:

— Бей и царапай меня, что тебе угодно. Кричи. Ударь меня. Проклинай меня ко всем чертям. Сегодня ты будешь спать только со мной.

Он несет меня в лифт, затем в наш номер. Ногой закрывает дверь, кладет меня на кровать и снимает свою футболку. Его мускулы напрягаются от резкого движения, и я вижу каждый великолепный сантиметр его прекрасной кожи, кожи, к которой прикасались другие женщины, целовали, облизывали, и прилив новой ревности и неуверенности пронзает меня. Я, как сумасшедшая, вскрикиваю и пинаю, когда он начинает раздевать меня.

— Придурок, не трогай меня!

— Эй, эй, послушай меня, — он охватывает меня руками и взглядом. — Я без ума от тебя. Я прошел через ад без тебя. Через ад. Перестань скандалить, — говорит он, сжимая мое лицо. — Я люблю тебя. Я люблю тебя. Иди сюда.

Он забирает меня к себе на колени. Я не ожидала от него нежности, я ожидала борьбы, чтобы смогла выпустить пар, но он обезоруживает меня, и вместо этого я реву в его руках, когда он держит меня, его губы приоткрыты сзади моего уха, его голос тихий, но твердый и печальный.

— Насколько хорошо, ты думала, я справлялся, когда ты ушла? Ты думала, что это будет легко для меня? Что я не буду чувствовать себя одиноким? Преданным? Обманутым? Использованным? Выброшенным? Никчемным? Мертвым? Ты думала, что не будет дней, когда я ненавижу тебя больше, чем любил за то, что ты разорвала меня на части? Ты так думала?

— Я оставила все ради тебя, — кричу я, больно обхватив себя руками, поскольку я физически изо всех сил пытаюсь держать себя в руках. — С тех пор, как встретила тебя, все, чего я хотела — это быть твоей. Ты сказал, что ты мой. Что ты мой... мой... Настоящий.

Он тихо стонет и сильно прижимает меня к себе:

— Я самый Настоящий чертов мужчина, который у тебя когда-либо был.

У меня продолжают литься слезы, когда я смотрю в его глаза, и они так прекрасны, глаза Ремингтона. Они голубые и нежные, эти глаза видят меня насквозь, эти глаза знают обо мне все, и они больше не смеются, а вместо этого отражают немного боли, которую

чувствую я. Я больше не могу в них смотреть, и закрываю глаза, когда меня настигают новые рыдания.

— Все это время это должна быть я, — говорю я. — Это должна быть только я.

— Тогда, никогда, черт возьми, не говори мне, что любишь и уходишь от меня. Не умоляй меня сделать тебя своей, убегая при первой же возможности, когда я не смотрю. Я даже не мог пойти поймать тебя. Разве это честно по отношению ко мне? Разве? Я даже не мог встать на свои собственные гребаные ноги, чтобы пойти остановить тебя.

Я рыдаю сильнее.

— Я проснулся, чтобы прочитать твое письмо, вместо того, чтобы увидеть тебя. Ты была всем, что я хотел увидеть. Всем. Что я хотел. Видеть.

Его слова так больно слышать, я даже не могу говорить сквозь слезы.

Мне кажется, я плакала у него на коленях, пока не уснула. И, когда я проснулась посреди ночи, мои глаза и голова болели от рыданий. Я голая. До меня доходит, что он раздел меня, как всегда. Его кожа горячая напротив моей, его нос в области сгиба моей шеи и плеча, его руки обнимают меня, и я придвигаюсь ближе, даже если это больно. Мы причиняем боль друг другу и приносим утешение. Он притягивает меня ближе, и я слышу, как он вдыхает мой запах, как будто в последний раз, и, прежде чем осознать свои действия, я так же отчаянно вдыхаю его запах в ответ.

Глава 4

Феникс

На следующий день я чувствую себя дерьмово, но потом, когда мы тихо завтракаем, слышу бормотание Ремингтона:

— Пробежишься со мной к спортзалу?

Я киваю.

Он, кажется, наблюдает за мной, будто не может понять, что поделать со взрывной гранатой. И я также пытаюсь выяснить, что с собой поделать. Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько поглощенной ревностью, обидой, гневом и ненавистью к самой себе. Меня так тошнит, что я даже не ем, только потягиваю апельсиновый сок. Затем надеваю свои штаны для бега, теннисную обувь и пытаюсь не блевать, когда чищу зубы.

Сегодня в Аризоне жарко, как в аду, на тропинке возле нашего отеля я натягиваю кепку и спокойно разминаю свои квадрицепсы^[6], пытаюсь сосредоточиться на том, что люблю больше всего на свете после Ремингтона — беге. Знаю, от этого я почувствую себя хорошо, ну если не хорошо, то, по крайней мере, лучше.

Мы не говорили об этом.

Мы не целовались.

Мы не касались друг друга.

После того, как прошлой ночью я кричала, как идиотка, в его руках. Когда я проснулась, он смотрел в окно, его профиль невозможно было прочесть, и когда он повернул голову, как будто чувствуя меня, мне пришлось закрыть глаза, потому что просто боюсь, что если он будет нежен со мной, я снова сломаюсь.

Сейчас он подпрыгивает на месте, а я растягиваюсь. Он одет в свою серую толстовку и спортивные штаны. За каждый сантиметр его (бегающего боксера) вы бы отдали свою жизнь. Убили бы. Оставили бы всю свою жизнь в Сиэтле позади.

— Хорошо, — шепчу я ему, кивая.

— Давай сделаем это, — он слегка шлепает меня по попе и мы начинаем бежать. Но из-за бессонной ночи я не могу набрать той скорости, что хочу. Ремингтон сегодня выглядит только немного усталым. Он спокойно бежит рядом со мной, размахивая кулаками в воздухе.

А я все жду выброса эндорфинов, но мое тело сегодня не является моим другом, как и эмоции. Я хочу забиться в тихий уголок и снова плакать, пока не выплакаю все это и больше не будет больно. Пока не перестану злиться на себя или на него за то, что согласился на все, что угодно, что мог заполучить в свои руки в течение нескольких месяцев, когда не мог прикоснуться своими руками ко мне.

Я перестала бежать и уперлась руками в колени, пытаюсь привести свое дыхание в норму. Ремингтон замедляется и, размахивая кулаками в воздухе, возвращается. Мне хочется застонать от того, как хреново я себя чувствую, когда он выглядит более, чем хорошо. Он останавливается рядом со мной, и я с помощью кепки скрываю свое глупое лицо.

— Если собираемся бежать в спортзал, то нам нужно добраться туда сегодня, — весело шепчет он, сдвигая мою кепку назад. Сильно прикусываю губу, когда он осматривает меня, заставляя удерживать его взгляд.

Стоя на месте, он улыбается мне, показывая свои ямочки. Немного высокомерный,

очень горяч, Ремингтон Тэйт, мужчина моей мечты. В этой серой толстовке. С этими голубыми глазами, всматривающимися в меня. Он такой аэродинамический, когда бегаёт; даже, когда уставший, он бросает вызов гравитации. Его плечи, твердые как скалы, растягивают ткань толстовки, когда он шагает по тротуару.

Кто-нибудь, пожалуйста, просто убейте меня сейчас же.

— Думаю, я туда пройду, — говорю я ему, опускаясь на колени, чтобы вдруг завязать еще один узел на обуви. Таким образом, я могу смотреть на свои "Найки" вместо него. — Беги без меня, я позже буду там.

Я никогда не отказывалась бегать с ним. Это наше время, оно особенное, но я чувствую себя слабой, усталой и несчастной.

Опустившись на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне, он снимает мою кепку, осматривая меня. На его лице больше нет ямочек.

— Я пройду с тобой, — с легкостью говорит он, и выпрямляясь, надевает мне кепку обратно.

— Ты не должен. Тренер Люп ждет.

Он берет меня за подбородок, сковывая меня своими мучительными голубыми глазами.

— Я. Пройду. С тобой. Брук. Теперь дай мне свою руку и позволь мне помочь тебе встать.

Он протягивает свою руку, и я вижу ее, я хочу ее, и вот же она. Я встаю самостоятельно и начинаю идти.

Он тихо смеется и подходит ко мне.

— Не могу в это поверить, черт возьми, — бормочет он.

Он засовывает руки в толстовку, и с наклоненной темной головой, глядя на тротуар, идет рядом со мной. У него упал капюшон, когда он наклонился, чтобы предложить руку, и его черные волосы восхитительно взъерошены. Боже, мне хочется смять их, поцеловать и делать вид, что я сильная, как раньше, но вместо этого меня тошнит и я чувствую себя такой же сильной, как зубочистка.

— Сколько их было? Ты знаешь? — слышу свой голос.

Он издает низкий рычащий звук и тянет две горсти волос, прежде, чем опустить руки.

— Просто скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал? Что ты хочешь от меня услышать? Ты не перестаешь плакать, ты не ешь, черт возьми, ты избегаешь моего прикосновения. Какого черта ты придаешь этому значение?

— Потому что ты даже не помнишь; ты даже не знаешь, что с ними делал, кто они. Одна может быть беременной твоим чертовым ребенком в то время, как мы разговариваем! Они могли фотографировать тебя. Они могли. . воспользоваться тобой!

Он раздражается смехом и смотрит на меня с нежным весельем, как будто никто никогда не может причинить ему боль, но они могут. Чертов самодовольный мудака, они могут!

Даже когда он является самым сильным, самым мощным человеком, которого я знаю. Когда он темный, он одновременно безрассудный и уязвим, он может причинить боль себе, и определенно, ему могут сделать больно. От мысли, что кто-нибудь, а особенно, какие-то проститутки имели к нему доступ, когда он был в таком состоянии, мне кажется, я взрываюсь. Я вытираю слезу злости и продолжаю идти. Затем он вытесняет меня своим телом и нарочно задевает своей рукой мою. Он трется пальцами о мои.

— Просто возьми меня за руку, маленькая петарда, — мягко говорит он.

Делая медленный вдох, я заставляю свой палец двигаться и наши мизинцы сцепляются.

Я чувствую, как тепло от его прикосновения поднимается по моей руке, и думаю, он замечает, что я не могу подавить легкую дрожь. Он дразнит меня низким голосом, от которого у меня внутри все тает:

— Я даю тебе свою руку, а ты даешь мне свой мизинец?

— Ремингтон, я не способна на это прямо сейчас!

Я начинаю бежать вперед, а он просто догоняет меня в спортзале, снимая свою толстовку и надевая перчатки. Он начинает колотить по грушам без единого взгляда в мою сторону и очень-очень сильными ударами. Я стою в стороне, напряженная от того, как между нами потрескивает воздух, как будто внезапно электрическая проволока собирается вспыхнуть. Тренер смотрит на него, смотрит на меня, и появляется Райли, также обеспокоенный, рассматривая нас обоих.

Никто не разговаривает с ним, и никто не говорит со мной.

Я иду в ванную, где меня начинает выворачивать..

♥ ♥ ♥

НА АРЕНЕ “АНДЕРГРАУНДА” в Фениксе подавляюще жарко.

Дорогостоящие места тесно заполнены, одно за другим, и около пяти сотен людей сейчас дико кричат, когда Мясник и Молот поднимаются на ринг. Удар! Бух! И Молот заканчивает кроваво и неподвижно на полу.

— Ничего себе, Молоту не повезло, — говорит Пит.

Кирк "Молот" Дирквуд даже не дернулся после того, как упал.

Тем не менее, Мясник является бойцом огромных размеров. Настолько мясистый, что вдвойне или втройне больше любого другого бойца, его кулаки выглядят, как железные шары, а костяшки пальцев, как шипы. Его только что объявили победителем, а сейчас он выкрикивает кучу ругательств толпе, говоря им, что он "самый сильный ублюдок ринга, которого они когда-либо видели!" и вдруг, пол вздрагивает у него под ногами, когда он сердито начинает шагать по рингу, крича еще громче:

— ДАЙТЕ МНЕ РАЗРЫВНОГО! Позвольте мне, черт возьми, сразиться с Разрывным!!!!

Бессознательного Молота уносят с ринга, и мой желудок стягивается в узел в ту секунду, когда Мясник стучит себя в грудь, как горилла, продолжая кричать пугающим грубым голосом, как у монстра.

— РАЗРЫВНОЙ!! Ты меня слышишь? Выходи, слабак! Встреться со мной, как с Бенни!

— Он приятель сама знаешь, кого, — говорит мне Пит, закатывая глаза. — И теперь, благодаря прошлогоднему финалу, он думает, что также может побить Рема.

Толпа становится неугомонной. Я замечаю, что жажда Мясника только будоражит публику. Они услышали имя и оно распространяется, как лесной пожар, по всей арене, начиная с ропота и увеличиваясь к более бурному темпу: "Разрывной! Разрывной! РАЗРЫВНОЙ!"

Я немедленно осознаю каждой клеточкой своего тела, что они хотят его вывести. Его хотят, и не только Мясник, но и вся кричащая арена.

— Разрывной! Разрывной! РАЗРЫВНОЙ! — они скандируют.

У меня такое ощущение, будто огромный кулак сжимает все содержимое моего желудка, пока я ожидаю его проблеска. Он зол на меня. Он зол на меня, потому что я возмутительна, и я ненавижу то, что не могу перестать быть возмутительной, а от этого я зла на саму себя.

— Разрывной, Разрывной!! — продолжает кричать толпа.

Когда толпа становится еще громче, поднимается суматоха и организаторы, похоже, собираются выполнить требование.

— РАЗРЫВНОЙ! РАЗРЫВНОЙ!

— Дайте нам чертового РАЗРЫВНОГО!

Срабатывают динамики, и комментатор звучит запыхавшимся:

— Вы просили его, дамы и господа! Вы просили его! Теперь давайте позволим выйти тому, ради которого вы все сегодня здесь! Единственный и неповторимый, RRRRRRраааааааззззззззззрыыыыыыыыыыыыыыыыыыывнооооооой!

Толпа ревет от восторга и мое тело кричит в тишине, в то время, как весь организм на пределе. Мое сердце бьется, легкие расширяются, а глаза болят от того, как пристально я смотрю на проход. Все сосуды и капилляры в моем теле расширяются, чтобы уместить кровоток, а мышцы на ногах, кажется, готовы к бегу, даже не смотря на то, что все, что я могу делать — это беспокожно извиваться на месте. Я никак не могу переубедить свое тело, что Реми не в опасности. И я также. Мой мозг не может понять, что человек, которого я люблю, делает это ради спорта, ради жизни. Ради его душевного благополучия. Так что я сижу здесь, а мое тело обрушивает на меня все те гормоны, которые были бы, если бы меня загнали в угол три медведя, готовые меня съесть.

И затем я вижу, как он выходит на арену — сильный, великолепный, держа себя под контролем.

Он быстро выходит на ринг и снимает свою мантию, в то время, как Мясник продолжает молотить кулаками себя в грудь. Толпа принимает Ремингтона со всей своей любовью и преданностью. Как и всегда.

Я задерживаю дыхание и сжимаю руки в кулаки на коленях, ожидая, когда он посмотрит на меня.

Это убивает меня. Сначала я смотрю в ожидании, затем в страхе, затем в неверии, когда он делает свои повороты, не улыбаясь, потом опускает руки по бокам и встает на свое место. Звенит колокол.

Мужчины атакуют. Я вздрагиваю, когда голова Реми откидывается в сторону от удара.

— О нет! — мой желудок падает, а перед глазами все размывается, когда я вижу кровь.

Ужасные звуки треска костей звучат один за другим, когда Мясник обрушивает более трех ударов подряд в лицо Реми.

— О Боже, Пит, — задыхаюсь я, закрывая лицо.

— Черт, — говорит мне Пит. — Какого черта он не смотрел на тебя?

— Он меня ненавидит.

— Брук, перестань.

— Мы. . он. . мне трудно смириться с женщинами, ясно?

Пит смотрит на меня с противоречивым выражением, и его взгляд сверлит мой профиль, как будто он хочет что-то сказать, но не может.

Ремингтон сердито рычит и начинает защищаться, качая головой и отходя назад. Его лицо в крови из носа, с губы, с маленького шрама на брови, и я даже не знаю, откуда еще.

Мясник снова размахивается, но Ремингтон блокирует удар, и около минуты они обмениваются джебами, пока не объявляют перерыв, тогда они направляются по своим углам. Райли кладет что-то на раны, а тренер кричит на Реми. Он кивает, встряхивает руками, сгибает пальцы и возвращается, теперь сердито занимая позицию лицом к лицу с этим здоровенным ужасным зверем с острыми костяшками пальцев.

Они снова начинают размахиваться и наносить удары.

Ремингтон проводит отвлекающий маневр и Мясник наносит удар в воздухе, где должен был быть Реми. Ремингтон возвращается и наносит апперкот ему в лицо так сильно, что Мясника заносит в сторону.

Мяснику требуется немного времени для восстановления почвы под ногами. Он размахивается рукой, но Реми уклоняется и с совершенной точностью и скоростью наносит ответные удары ему в ребра, в живот и в лицо. Бух, бух, бух!

Мясник снова размахивается кулаком, целясь в лицо Реми, но Реми блокирует удар и вновь отвечает попаданием собственных костяшек пальцев прямо в уродливое жирное лицо Мясника. Мясник падает на колени.

Рядом со мной продолжает возрастать волнение Пита, и я слышу его бормотание:

— Давай, Рем. Почему ты позволяешь ему доставать себя? Ты сделал это, — он поворачивается ко мне и шепчет, — Ты можешь научить скорости и ловкости, но никогда не сможешь научить человека быть сильным нокаутером, каким является Рем. Как только он начинает бить, как хочет, это конец, — он улыбается, но я нет.

У Реми все еще идет кровь, и в процессе боя его тело получает несколько ударов.

Я ненавижу, ненавижу, ненавижу, когда он получает травмы, не смотря на то, что это моя работа — помогать ему восстановиться. Он смеется, сплевывая, почти наслаждаясь этим.

Кошмар боя прошлого сезона что-то со мной сделал, и наблюдать за этим — убивает меня снова и снова.

Мой страх вырос и воспалился, а сегодня он подавляющий. На мгновение, моя голова чуть-чуть кружится, но в то же время я уверена, что адреналин держит меня в сознании, держит мое тело готовым к тому, чтобы защитить его.

Мясник снова встает, наносит еще один удар в лицо, и у Ремингтона откидывается голова, но его тело прочно остается на месте. Мое дерево всегда прочно стоит. Он размахивается, и наносит в ответ более сильный удар. Оба мужчины сцепляются, затем отталкиваются друг от друга и Ремингтон снова нападает, сейчас кровь на его лице идет ручьями, когда он снова начинает — бух, бух, бух!

Его быстрые, последовательные удары заставляют Мясника отступать. Толстяк опирается на веревки позади него, но отказывается падать. Реми заводит его в угол, его грудь блестит от пота, а мышцы пульсируют, когда он наносит очень сильные удары Мяснику в живот, а затем в лицо.

Мое дыхание ослабело. Страх разъедает мои внутренности вместе с другими противоречивыми ощущениями, такими, как невероятное возбуждение, всегда охватывающее меня, когда я наблюдаю, как он сражается. Он такой зрелищный. Мощь его тела, пульсация его мышц, идеальные изгибы, когда мышцы напрягаются и расслабляются. Ремингтон использует одновременно ум и интуицию в борьбе. Кажется, будто он планирует сюжет и затем просто действует соответственно ему. Но больше всего кажется, будто он живет моментом. Любит это.

Сейчас он с сосредоточенным лицом избивает Мясника, пока мужчина не грохается в красную лужу возле его ног. В буквальном смысле — у его ног. Его лицо плюхается на ботинки Реми.

Губы Реми изгибаются в удовольствии от увиденного, и он отступает, поворачиваясь всем телом в мою сторону.

— РАЗРЫВНОЙ! — кричит комментатор, и когда руку Реми поднимают вверх, его взгляд, наконец, направляется на меня.

У меня останавливается пульс. Исчезает шум. Даже не чувствуется сердцебиение. Это глупо, насколько сильно мне это нужно, но когда он, наконец, поднимает руку, поворачивая голову ко мне, и его отчаянные, злые, голубые глаза останавливаются на мне, я вздрагиваю на сидении.

Его взгляд отчетливо собственнический и яростный, капля крови стекает на веко с пореза на брови, кровь капает с его носа и губ.

И когда рефери его о чем-то спрашивает, он кивает, и они зовут к нему другого бойца.

— Да, теперь ему нужно истратить свою ярость, — бормочет Пит себе под нос.

Когда я это слышу, сквозь меня проносится новый ураган нервов. Клянусь, если бы я не знала Реми лучше, я бы подумала, что он делал это только для того, чтобы помучить и наказать меня.

Эндорфины не дадут ему почувствовать боль. На самом деле, он так горд и энергичен из-за того, что неустанно учил свое тело принимать их. Он постоянно доводит тело до предела, и думаю, что его болевой порог может быть выше, чем у любого другого спортсмена, которого я встречала. Но мои собственные ограничения выходили за пределы до наступления вечера.

Ремингтон делает несколько попаданий по новому парню, используя отличные комбинации ударов, но хоть Райли и попытался подлечить его в углу, кровь продолжает стекать у него по лицу.

Оба бойца обмениваются сильными ударами, и вдруг, ринг становится водоворотом перемещающейся плоти и твердеющих мышц. Я отслеживаю Реми по чернильным браслетам на его бицепсах, когда он наносит то, что Райли называет "ударами пачками". Один он наносит под ребра, один в челюсть, и затем наносит правый хук, его самый мощный удар.

Его противник раскачивается, спотыкается и падает, распластавшись.

Толпа кричит.

— RRRRRRРАЗРЫЫЫВНООООЙ! Дамы и господа, ваш победитель, еще ра Рааазрыывноооооой!

Я так измучена. Я превратилась в желе, "Джелло"^[7], такое же мягкое и глупое.

— РАЗРЫЫЫВНОООЙ!

Такое чувство, что это длится вечность, но на самом деле, дорога в лимузине из "Андерграунда" в отель длится около двадцати минут, и мои ноги трясутся, когда мы забираемся в машину. Все мои чувства кричат, чтобы я позаботилась о своем мужчине, когда он плюхается в сиденье напротив моего, в то время, как злая часть меня все еще хочет ударить его, потому что. . . какого черта там происходило?

— Чувак, какого черта ты делал? — начинает Райли, звуча так же озадаченно, как я себя чувствую.

— Вот, держи, Рем, — Пит передает ему пакет геля для его челюсти. — Думаю, на порез на брови нужно наложить шов.

— Как ты себя чувствуешь, парень? Хорошо чувствовать, когда из тебя выбивают дерьмо? — спрашивает тренер в полном негодовании, выпрямляясь на своем месте. — Где, черт возьми, была твоя игра?

Ремингтон оставляет пачку геля и смотрит прямо на меня, неподвижно сидящую на сидении напротив него.

Он одет в свои серые спортивные штаны и в удобную красную толстовку, капюшон на его голове для того, чтобы выровнять температуру тела. Он, большой и тихий, раскинулся на сидении, но у него идет кровь из носа, из губ, из пореза над бровью. Его лицо, как месиво. Когда я смотрю на это, кажется, будто в моем желудке образовалась бомба. И все же он смотрит на меня ясными наблюдательными голубыми глазами.

Думаю, что должна привыкнуть к тому факту, что мой парень зарабатывает на жизнь получением ударов, но я не могу. Я не могу сидеть здесь и видеть его лицо, кровоточащее и опухшее, не желая побить того, кто это сделал. Мне очень сильно хочется что-то ударить, и меня трясет от необходимости протянуть руки, обнять и привлечь его к себе, пока я мысленно считаю минуты до нашего прибытия в отель.

Слышу, как Райли говорит мне:

— Брук, давай поменяемся, чтобы ты смогла позаботиться о нем.

Вскакивая со своего места, сажусь справа от Ремингтона и начинаю быстро копаться в его сумке с вещами, извлекая оттуда свои пакеты спиртовых тампонов, мазь и бинты.

— Давай я попробую излечить тебя, — шепчу я ему, и мой голос, о Боже, он звучит так интимно, даже не смотря на то, что все в машине наблюдают. Просто кажется, что я не использовала никакого другого тона, кроме этого, низкого и жесткого от эмоций.

Он полностью поворачивается в мою сторону, позволяя мне дезинфицировать раны, а его взгляд. . я могу его чувствовать, блуждающий, любопытный, осязаемый, направлен на мое лицо, когда я смазываю мазью ту часть его губ, на которой всегда образуются порезы — мясистую часть нижней губы. Я инстинктивно прикусываю собственную губу, втирая мазь в его. Боже, я ненавижу, когда ему причиняют боль.

— И бровь обработай тоже; выглядит немного глубоко, — указывает Пит.

— Да, я вижу, — отвечаю я все еще тем голосом, которым не хочу говорить прямо сейчас, но вроде как не могу изменить его. Я пытаюсь умело действовать руками, но они очень дрожат, и тепло, исходящее от тела Ремингтона, такое горячее после боя, полностью окружает меня, как иногда его руки. Его быстрое дыхание достигает моего виска, и у меня все силы идут на то, чтобы подавить в себе желание наклониться ближе и вдохнуть это в себя, просто чтобы успокоиться, зная, что с ним все в порядке. И он, по крайней мере, дышит. Все еще полна адреналина, я направляюсь к ране над его глазом и закрываю порез двумя пальцами. Боже. Я не могу находиться так близко к нему. Сотни маленьких мурашек бегут по моим пальцам и рукам, прямо в мое пульсирующее маленькое сердце.

Втянув воздух, я нежно прижимаю порез, осматривая остальную часть лица. . и натываюсь на голубые глаза, полностью сосредоточенные на мне. У меня внутри все сжалось.

Он, развалившийся на сидении под углом в мою сторону, и его неподвижность обрушивают на меня полное осознание того, что я чувствую свернутую энергию в его теле, как будто он готов наброситься. На меня.

Мое сердце набирает немного бóльшую скорость, и я затаиваю дыхание, склоняюсь ближе, хватаю еще салфетку и произношу самым ровным голосом, на который сейчас способна:

— Закрой этот глаз.

Удерживая порез над его бровью, я начинаю очищать кровь с века. Подчиняясь мне, он зажмуривает один глаз, продолжая наблюдать за мной другим, как будто в моем выражении есть что-то такое, чего он очень жаждет увидеть.

Внезапно его голос нарушает тишину.

— Я весь изранен, — неожиданный гортанный шепот посылает мурашки по моей коже и, я чуть не подпрыгиваю. — Ранен мой правый бицепс и плечо, косая мышца и рот.

— Чувак, это безумие. Как ты можешь так испортить все в одну ночь? — в недоумении спрашивает Райли.

— Брук, ты знаешь, что делать, — говорит тренер.

Быстро кивая, я смотрю в голубые глаза Ремингтона, и от того, как они сияют в мужской удовлетворенности, меня наконец осеняет, что здесь происходит, и я сжимаю челюсть.

♥ ♥ ♥

КОГДА МЫ ПРИБЫВАЕМ в наш люкс, я раздражена.

— Ты нарочно позволил ему побить себя.

Он плюхается на скамейку у подножья кровати и смотрит на меня, отбрасывая пустую бутылку “Геторейд” в сторону.

— Я весь изранен, вылечи меня.

— Ты изранен, все верно, но это не бицепс, требующий нежной любовной заботы!

— Ты права, — его глаза мерцают в мягком свете лампы, когда он смотрит на меня. — Ты собираешься вылечить меня?

— Только потому, что ты мне платишь за это, — сердито пыхтя, я хватаю свои массажные масла, а конкретнее, масло арники и горчичное масло против воспаления, и иду включать душ. — Тебе нужен холодный душ.

Его губы вздрагивают и вставая, он машет, чтобы я подошла. И когда я в замешательстве подхожу, он обнимает рукой мои плечи.

— Что? Ты не можешь сам ходить? Пару минут назад ты был живчиком, — говорю ему.

— Эндорфины убили боль, — бормочет он мне на ухо, когда я обвиваю рукой его талию и веду в ванную. — Я говорил тебе, что весь побитый.

Я подпираю его к стене и открываю дверь душа. Проверяю, ледяная ли вода, и тут он поднимает меня на руки, переставляет регулятор на середину и заходит со мной внутрь, в одежде.

На нас течет поток воды и я, задыхаясь от удивления, пинаюсь в воздухе, когда вся моя одежда прилипает к телу.

— Что ты делаешь?

Он снимает мою обувь и отбрасывает ее за стеклянную перегородку, затем босую ставит меня на ноги и стягивает вниз мою юбку. Внезапно, все эти феромоны, вырабатываемые им после боя, начинают вести войну с моими чувствами, и мне становится так жарко, что единственное, благодаря чему я не превращаюсь в пепел — это вода, стучащая по моей коже.

— Что ты делаешь? — задыхаясь, спрашиваю у него.

Он рывком снимает мой топ, и он падает на мраморный пол с хлюпающим звуком. Он раздевается, и я так переполнена гневом за то, что он позволил побить себя и так возбуждена от вида его напрягающихся мышц, когда он раздевается, показывая свою золотую влажную кожу, что мне бешено хочется одновременно ударить его и поцеловать. Когда его боксеры падают — хлюп! — и он пинает их в сторону, обожемой, моим глазам становится больно.

Мне приходится прикусить нижнюю губу в попытке подавить инстинкт броситься на него и дать ему все, в чем он нуждается. Не отрывая глаз от меня, он встает назад под напор,

его широкие плечи защищают меня от воды. Затем я чувствую медленное скольжение его пальца вверх к моему подбородку и нежное поглаживание нижней губы, освобождая ее от зубов. И слышу его хриплый голос:

— Это должен кусать я.

Я не дышу. Он владеет непреодолимым влиянием на меня. Я могла бы сразиться со своей реакцией, но проиграла бы. Мои глаза удерживают его взгляд, и собственнический проблеск в нем пулей проносится сквозь меня. Вода ручьями стекает по его челюсти, когда он хватает меня за задницу и прижимает к себе. Его эрекция упирается в мой живот, когда он смотрит на меня сверху вниз с упорной интенсивностью.

— Ты, — отрывисто говорит он командующим голосом, проводя своим пальцем по моей нижней губе, — Будешь любить меня, пока я не умру. Я буду делать так, чтобы ты любила меня, даже если это приносит боль. И, когда это больно, я буду делать это лучше, Брук, — он легонько запускает палец в мой рот и специально трется им о кончик языка, спокойно требуя, чтобы я облизала его. Когда я это делаю, у меня ноет грудь и я наблюдаю, как он вытаскивает палец, прodelывая влажную дорожку на моей нижней губе. — Ты будешь, черт возьми, любить меня, даже если это нас убивает.

Мои легкие болят от нехватки воздуха, а вся остальная часть меня болит от нехватки его рук на мне. Когда я поднимаю взгляд, то натываюсь на эти голубые глаза, сосредоточенные на мне, его лицо повреждено и в поту, весь тестостерон мира проходит сквозь него, притягивая и обволакивая меня так, что именно сейчас я могу принять только то, что очень сильно его хочу. Он заставляет меня чувствовать эту всепоглощающую, душераздирающую, мучительную, болезненную потребность в нем выше физического и эмоционального уровня.

Мое влагалище сжимается так туго, что требуются все усилия, чтобы не захныкать. Мои чувства усиливаются от его близости. Я не могу не заметить, что кровь на его губе такого же цвета, как его мантия "РАЗРЫВНОЙ", яркая и вполне насыщенная. Как мое лицо окутывает его равномерное горячее дыхание. Как медленно его пальцы еще больше охватывают мою задницу, а один из них касается кожи на моей челюсти. Он разрушает меня.

— Перестань причинять себе боль, — несчастным голосом говорю я, пытаюсь высвободиться от его рук, только, чтобы удариться о холодный мрамор позади себя.

— Это не приносит боль, — шепчет он, затем за задницу притягивает меня к себе ближе и вдыхает меня. — Ты. Плачущая в моих гребаных руках. Потому что я чертовски обижаю тебя. Это приносит боль. Когда ты. . не прикасаешься ко мне. Не смотришь на меня, как всегда, этими милыми маленькими счастливыми глазами. Становится больно. Мне охренеть, как больно и ни одна часть меня снаружи не болит так, как болит там, где ты делаешь мне больно.

Борясь со своими эмоциями, пытаюсь держать их под контролем, я бросаю взгляд и яростно смахиваю ресницами влагу в глазах.

— И еще мне больно здесь, — он направляет мою руку на свою огромную эрекцию. — Мне больно всю ночь наблюдать за тем, как ты расклеилась из-за меня. Этим утром. И в тренажерном зале, — он прижимает меня ближе, и я тихо стону, опускаясь лбом на его грудные мышцы, изо всех сил пытаюсь не расклеиться снова.

Сжалившись надо мной, он отпускает мою руку, но пальцы мои горят, и я не знаю, что поделаться со своими руками. От его близости у меня кружится голова. Мне хочется прощупать пальцами каждый сантиметр его мышц и стереть прикосновения любой другой руки, что побывала здесь. Мне хочется. .

Я даже не знаю. Сейчас я не могу думать не о чем, кроме возрастающего болезненного трепета внутри меня. В моем сердце. В моем влагалище. Он хватается мыло и начинает намыливать мою обнаженную кожу. Как будто делая это впервые, он наблюдает за своими руками между моих ног, его пальцы мнут и намыливают мою грудь, большие пальцы намыливают мои соски.

— Тебе понравился бой? — спрашивает он своим тихим низким голосом, плавно скользя своими сильными руками вниз по внешней стороне ног и вверх по внутренней стороне бедер, потирая мою промежность. Затем он намыливает кожу моих ягодиц и между ними.

Удовольствие от его уверенного знакомого касания настолько сильное, что я сдерживаю стон, наблюдая, как он моет меня.

Один его глаз немного опухший, а рана над бровью все еще выглядит ярко-красной. Посередине его нижней губы все еще есть трещина. Он ранен, но ему на это плевать. Он хотел привлечь мое внимание и сделал бы что угодно для этого, и даже, если мне хочется ударить его за безрассудность, желание поцеловать каждую царапину и рану на его теле намного сильнее.

Ремингтона бросали на протяжении всей его жизни. Родители. Учителя. Друзья. Даже я. Никто не задерживался с ним достаточно долго, чтобы показать ему, что он того стоит. То, что он сделал, просто для того, чтобы я прикоснулась к нему, поделила с ним любовь, разжигает во мне желание погрузить его в свою любовь так, чтобы никогда в жизни ему не пришлось просить меня об этом.

— Я отказываюсь, — шепчу я страстным голосом, — сидеть и наблюдать, как ты нарочно позволяешь делать себе больно.

— Я отказываюсь позволять тебе отталкивать меня, — говорит он так же страстно, наполняя одну свою большую ладонь тяжестью моей груди.

Хмурясь и качая головой, я зажмуриваю глаза, когда он направляет душ на мое лицо. Поток воды смывает мой шампунь и, когда он проводит руками по моим волосам, позволяя пене стекать по моему телу, я с трудом могу удерживать их закрытыми.

Предпринимая действия, пока есть такая возможность, я хватаю мыло, образуя много пены, дотягиваюсь к гладким мышцам его груди и растираю мыльными пальцами твердую гладкую кожу. Его грудь вздрагивает от моего неожиданного прикосновения, и, когда я встречаюсь с ним глазами, у меня подкашиваются колени. Все мое тело сжимается, когда я удерживаю взгляд этих жаждущих голубых глаз, пальцы скользят вверх по его влажной массивной руке, вниз по его груди, по его восьми кубикам. Мой голос хриплый от эмоций, едва слышен из-за воды.

— Это то, чего ты хотел? Когда был там, опрометчиво позволяя наносить удары по себе?

Он нежно охватывает мое лицо одной рукой, и произносит каждое слово яростным и страстным голосом.

— Я хочу тебя. Хочу, чтобы ты прикасалась ко мне, накрывала мои губы своими, как прежде. Я хочу, чтобы ты любила меня. Хватит уже наказывать меня, Брук. Я люблю тебя.

Он прижимается своими губами к моим, пробуя меня быстрым, грубым поцелуем, отстраняясь, чтобы посмотреть на меня, тяжело дыша.

Он сильнее обхватывает мое лицо.

— Разве моя девушка позволит этому сломать ее? Разве? Она сильнее этого. . я точно

знаю, и мне нужно, чтобы она жила. Мне нужно, чтобы она боролась ради меня и вместе со мной. Насколько я могу судить, подобного этому раньше никогда не случалось. Только ты приключилась со мной, Брук. И это все еще происходит со мной, не так ли, петарда?

Наши взгляды встретились, и я не знаю, кто из нас более жаждущий, более нуждающийся или более отчаянный. Его взгляд вонзается в меня, он выглядит таким изголодавшимся, а я чувствую себя обезумевшей. Моя грудь начинает вздыматься, сердце колотится, и прежде, чем осознать это, я запускаю пальцы в его волосы и притягиваю его к своим губам, в то время, как он прижимает меня спиной к стене душа и накрывает мой рот своим.

Я задыхаюсь, когда его вкус проносится сквозь меня, как только он раскрывает мои губы, скользя одной своей рукой вверх к моему лицу, неподвижно фиксируя его, и силой своего рта открывает мой, заставляя меня стонать и сжимать его волосы, с нетерпением ища его язык своим.

Но он первый находит меня. Нет. Не находит. Он завладевает мной, его язык трется и трахает мой. Низкое довольное рычание доносится из его груди, когда он поднимает меня, чтобы наши рты были на одном уровне. Его близость, касания наших тел оживляют меня. По моей коже проходят мурашки в местах прикосновения, и потребность между нами возрастает. Я чувствую такую привязанность к нему, от которой становлюсь уверенной, что ничто никогда не оттянет меня назад.

Я жадно посасываю его язык, когда он выключает душ и выносит меня. Набрасывает на меня полотенце, пока я продолжаю цепляться, сосать его язык, покусывать его губы. Кровь мчится по моим венам, как пробужденные реки, когда мы приближаемся к кровати.

Он опускает меня на одеяло, накрывает мое тело полотенцем, слегка вытирая кожу и наклоняет голову, шепча:

— Позволь мне вытереться.

Я протестующе стону, когда он оставляет меня. Мне так жарко, но я такая влажная и холодная, у меня стучат зубы, когда я наблюдаю, как напрягаются его мускулистые ягодички самым сексуальным образом, в каком только могут напрягаться человеческие ягодички, когда он исчезает в ванной. Даже сейчас, когда каждый сантиметр моего тела пульсирует, я, дрожа, плотнее поправляю на себе полотенце и рассеянно вытираюсь, не отводя глаз от двери ванной.

Обожемой, мне тоже охренеть, как больно.

Когда он, наконец, появляется на пороге с этими великолепно широкими плечами и прекрасным восьмикубиковым прессом, ручейки воды все еще стекают с его волос, вниз по горлу, к груди, и к полотенцу, обернутом вокруг его узких бедер. Мое дыхание ослабело. Я замечаю, что он прошелся полотенцем по своим темным волосам, так как они торчат в разные стороны. Эти голубые глаза с жадностью сияют, когда он убеждается, что я на кровати, как он и оставил меня. Вдруг все, что я чувствую, любовь и болезненная ревность, молнией пронесется в моей крови.

Он ступает, не отрывая от меня глаз, и я раскрываю свое полотенце, чтобы увидеть, как застывает его лицо, и сверкают глаза, когда он осматривает меня, полностью обнаженную.

Он берется за свое полотенце и срывает его. Мои дыхательные пути сужаются, когда я вижу, как его огромная эрекция значительно подпрыгивает, когда он подходит к кровати и другим полотенцем нежно высушивает мои влажные волосы.

— Сначала я натру тебя маслами, — задыхающимся шепотом предупреждаю я, когда он

заканчивает.

С дьявольской улыбкой он отбрасывает полотенце, хватается за масло арники, к которому я тянулась, и тоже бросает его на ковер. Затем заводит мои мокрые волосы назад, и с оценивающим взглядом обхватывает мой затылок, направляя свою голову к моей.

— Натри мой язык своим.

Он прикасается своим ртом к моему, наше дыхание смешивается и восхитительная дрожь пронесется сквозь меня, когда его губы раскрывают мои и наши языки встречаются.

— Твоя губа, — выдыхаю я, поэтому он действует осторожно.

Игриво кусает меня и снова прикасается своим языком к моему, немного сильнее потирая им, сводя меня этим с ума.

— Твоя губа, — стону я, извиваясь под ним от потребности.

Он отодвигается. Затем, мучительно медленно ласкает заднюю часть моих ног, пробуждая тысячу и одно покалывание.

— Ремингтон, твоя губа. . — протестую я, когда замечаю, что порез снова кровоточит, и дотягиваюсь, чтобы поймать каплю крови своим пальцем.

— Шшш. . — он лижет и посасывает мой палец, затем отпускает его и смотрит на меня этими яростно-нежными, голубыми глазами, проводя пальцами по задней части моих ног, поглаживая мои ягодицы.

Моя грудь поднимается и опускается, когда его пальцы движутся по моим ногам, а потом властно охватывают мою попу.

— Тебя это возбуждает? — спрашивает он.

— Да.

Его руки скользят мне под колени, вниз по икрам, затем медленно назад вверх, пока я не растворяюсь до костей, умирая.

— Насколько ты возбуждена? — мягко спрашивает он, оставляя поцелуй на моем животе.

— Мне нужно снова приложить что-то к твоей губе, — выдыхаю. Тысяча языков пламени облизывают мое тело, когда я сажусь и дрожащими руками достаю свою мазь, намереваясь приложить ее к его порезу.

Он целует кончики моих пальцев и я закрываю глаза, когда удовольствие молнией пронесется через меня.

— Реми. . — произношу я, тая.

— Ложись обратно, — говорит он мне. Одурманенная от предвкушения, я повинуюсь.

— Не целуй меня, Ремингтон, — предостерегаю я его.

Он небрежно шепчет:

— Вылечишь меня позже.

Меня охватывает дрожь, когда он ласкает мое влагалище, слегка раскрывая его пальцем, в то время, как языком скользит по кончику одного соска.

Я слегка дергаюсь, мяукая, и он тихо смеется, облизывая другой сосок, прикасаясь языком, играя с ним, прежде, чем накрыть его своим горячим влажным ртом, посасывая.

Он проводит руками вверх по моему телу, рыча:

— Боже, Брук. Ты связала меня и освободила. Сейчас ты получишь меня в себе.

— Хорошо, — нетерпеливо выдыхаю, когда он широко раскрывает меня. Я чувствую его пульсирующую твердую эрекцию, когда он укладывает меня на спину, накрывая жаром своего тела. Его рот разжигает мой, и я распадаюсь на части. Мы оба заведены. Я нуждаюсь

в нем, как в воздухе. В касаниях нашей кожи. В его мозолистых руках на моем теле. В ощущении его гладкой груди под моими руками. Я впиваюсь ногтями в его спину, когда он прячет лицо в моей шее, а его рот двигается с такой жадностью, как будто он не знает, поцеловать, укусить или лизнуть. Поэтому он делает это все.

— Кому ты принадлежишь? — действительно отрывисто произносит он.

— Тебе, — отвечаю я, тяжело дыша.

Он хватается за мои ноги и закидывает их вокруг своих бедер, заводит мои руки над головой, смотря на меня сверху вниз. Его глаза пожирают мое лицо, рот. Он изучает меня темным, томительным, изголодавшимся взглядом.

Переплетает наши пальцы, обрушивая свой рот на мой. Эта близость к нему, переплетение наших конечностей, языков и дыхания, активизирует все центры в моем мозге, отвечающие за удовольствие и все инстинкты спаривания во мне. Огонь проходит по моим венам, когда наши языки встречаются. Мы стонем, мое тело покалывает в каждой клеточке контакта с ним, когда он покачивает бедрами в меня. Своей грудью о мои соски. Своим членом в мое влагалище. Его массивные мощные мышцы ног практически вжимаются в мои бедра. Наши ладони соединены.

Каждая моя клетка знает, что он мой самец и готовит меня к нему. Он отпускает меня и сжимает мою попу, когда наш поцелуй усиливается. Его твердые собственнические пальцы притягивают меня ближе, пока мы не оказываемся в положении идеальной линии. Я поднимаю голову так, чтобы его язык достиг каждого уголка у меня во рту.

— Да. . — выдыхаю я.

Он отстраняется и в тени наши глаза встречаются. У меня перехватывает дыхание от необходимости, которую я вижу в его глазах. Он самый мужественный и завораживающий из всех, кого я когда-либо видела. Он снова наклоняется, прикасаясь своими горячими губами к моим. Влажными. Такими настолько горячими. Я тяжело дышу, когда он направляет свою руку мне между ног. Он посасывает мочку моего уха, а я провожу языком по его коже и по щетине на его челюсти, повсюду, где могу попробовать, когда он проводит пальцем по моему влагалищу.

— О, так хорошо. . — пылающее ощущение удовольствия проносится через мое тело, когда его пальцы скользят между моих ног, лаская меня. Моя кровь закипает, и я становлюсь еще более влажной.

Он бормочет мое имя этим огрубевшим голосом, сводящим меня с ума, и опускается губами к моей груди, облизывая соски. Сегодня они очень чувствительны к пульсирующему удовольствию в моем лоне. Я задыхаюсь и кусаю его за мочку уха, произнося его имя. Сколько бы раз я его не произносила, мне все время недостаточно.

— Реми. .

— Кончи для меня, — умоляет он, погружая свой длинный палец в меня. Я хватаюсь за его плечи, когда его пальцы входят внутрь. Я намокшая, мои стоны удовольствия эхом отдаются в комнате.

— Шшш, детка, расслабься для меня, — он скользит вниз по моему телу и наклоняется, чтобы лизнуть мой пупок. Проводит языком по пупку, затем я чувствую, как он опускается ниже. Я вскрикиваю, когда он достигает моего клитора. Он раскрывает меня пальцами и облизывает. Удовольствие проносится сквозь меня, когда мое тело напрягается для кульминации. Затем я кончаю.

С трудом дышу, когда он полностью вылизывает меня. И все еще бьюсь в конвульсиях,

когда он встает на колени между моих ног, берет в руку член и направляет в меня. Я вижу, как сжимаются его мышцы, работает его тело, когда он проникает глубоко внутрь. Нажимает пальцем на клитор и трахает меня еще глубже своим большим толстым членом, и от этого я стону.

Я издаю звук удовольствия и приподнимаю бедра вверх для большего. Он бормочет мое имя, склоняясь, чтобы оставить поцелуй на моем лице, произнося нежным голосом:

— Детка, ты такая чертовски тесная. . Ты сводишь меня с ума.

Когда он погрузился в меня, мы останавливаемся.

В этой неподвижности я слышу наше дыхание и собственное учащенное сердцебиение.

Крайняя необходимость пульсирует в наших телах. Но он во мне. Я чертовски сильно сжала его и не хочу отпускать.

И он не хочет выходить из меня, он во мне. Твердый и пульсирующий. Полностью обладающий мной.

Мы начинаем целоваться, когда он погружается чуть глубже. Его рот первобытный, любящий и восхитительно грубый. Я чувствую эту его знакомую длину в себе и кусаю его за шею, со всхлипом приспособабливаясь. Он остается на месте, ожидая моих движений.

И все же я жду, тяжело дыша, и закрываю глаза, наслаждаясь им, массивным, длинным и живым во мне. Я люблю его соски, его кожу, его всего. Я ласкаю кончиками пальцев темные точки. Слышу, как он вздыхает от удовольствия, когда поднимаю голову и нежно посасываю одну. Люблю его вибрации. Он берет мое лицо в ладони, поднимает его и с любовью целует меня. Я вырываюсь и провожу языком по его другому соску.

— Реми. . я не могу ждать. .

Он рычит и начинает двигаться, утыкаясь лицом мне в макушку, запуская пальцы в мои волосы.

— Тесная. . прекрасная. . моя Брук Дюма. .

Его слова ласкают меня.

Никто никогда не учил его, как любить.

Он делает это инстинктивно.

Прижимая меня ближе, он посасывает, сжимает, кусает и облизывает меня, растягивая удовольствие до ломоты в глазах. Мое тело сжимает его. Я не могу дышать, и все, что слышу — это сочетания издаваемых нами сексуальных звуков. И те, что исходят от него, почти сводят меня с ума.

Он делает сильный толчок. К этому времени я заведена и вскрикиваю. Он сжимает мои волосы в кулаке, целуя меня, когда наши бедра быстро и яростно покачиваются, едва ли удерживая сейчас ритм.

Я еще раз кончила, а он полностью погружается и крепко держит меня, застывая неподвижно. Чувствую его тепло и горячее рычание, сопровождающее поцелуй в мое ухо, когда он кончает в меня. Тогда мы расслабляемся, и наше дыхание приходит в норму.

Он хватает меня и притягивает к своей груди, переворачивая. Наши тела скользкие от пота. Он хочет, чтобы я была обнаженная, а я хочу, чтобы он меня такую обнимал. Ослабляет хватку, когда я начинаю расслабляться, затем осматривает и внезапно заталкивает сперму внутрь.

Наши инстинкты берут верх. Мои бедра движутся навстречу его пальцам. Тепло его дыхания окутывает мое горло, когда он прижимается ртом к моей коже. Я слышу нас, звуки, которые мы издаем — мои стоны и его рычание мужского удовольствия от удовлетворения

его самца. Из меня исходит булькающий звук, когда я начинаю содрогаться.

Он не прикасается к моему клитору. Нет никакого возбуждающего действия, но то, как он ласкает мое тело своей рукой, засовывает свою сперму обратно в мое тело, будто никогда не желая оставлять меня, и лижет мою кожу медленными движениями своего языка, заставляет мое влагалище сжимать его, а мои соски становятся бусинками, даже воздух сжимается от того, что он хочет дать мне. Когда он кусает сзади мою шею, я дергаюсь, вскрикивая.

— О, Боже!

Он опускает меня на матрас на живот, продолжая нежно покусывать мою шею, ставя на мне метку, трахая меня по-собачьи.

К тому времени, как мы падаем на кровать, заставить себя двигаться является для меня задачей. Я — бескостная масса под ним, все еще пытающаяся привести в норму свои легкие.

Скользкий от пота, он ложится на спину, одной рукой притягивая меня к себе. Наши потные тела блестят от наших упражнений. Моя грудь полна любви, а тело так хорошо выжато, что я одновременно чувствую себя мертвой от истощения и живой, как солнышко. Я растягиваюсь на нем и охватываю ладонями его твердую челюсть.

— Здесь болит? — я слегка касаюсь порезов и небольшого фиолетового пятна на виске. Прежде, чем он ответит, оставляю поцелуй на каждой ссадине и задаюсь вопросом, целовали ли его когда-нибудь раненого. Так что я целую каждую царапину, а потом одну из его губ, немного задерживаясь на ней.

Отстраняюсь, и с улыбкой поглаживаю его твердую челюсть.

— Ты думал обо мне, когда я не была твоей? Интересовался, существую ли я? Какой я должна была быть?

Он заправляет прядь волос мне за ухо, изучая мое лицо.

— Нет.

— Никогда не думала, что полюблю кого-то. А ты?

— Никогда, — отвечает он, показывая свои ямочки во всей красе.

Перемещаю пальцы к виску, играя с его волосами.

— О чем ты думал, когда рос?

— Я просто принял то, что должен и был доволен. — Он убирает мои волосы назад и гладит мочку моего уха. — Но если бы знал о твоём существовании, я бы охотился на тебя, поймал и забрал себе.

— А разве ты этого не сделал? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Именно, — он касается своим носом моего, а в его голубых глазах отражается смех. — Это я и сделал.

Вздыхнув, я кладу голову ему на плечо и вожу пальцами по его соскам.

Он — самая лучшая кровать. Лежит на спине, одна его рука под подушкой, другая обнимает мою спину, и я, распростертая на нем. Мой живот на его прессе, моя грудь на его нижних грудных мышцах, моя голова на его плече, идеально расположена, чтобы утыкаться ему в шею. Каждый раз он пахнет другим мылом из-за множества отелей, где мы побывали, но в то же время, он всегда пахнет собой.

Я плавно провожу пальцами вверх к его бицепсу и легонько массирую его.

— Так лучше? — спрашиваю его, глубоко работая с мышцей, осознавая, что она повреждена. Черт бы его побрал.

Но он говорит "Да", как будто ничего страшного, и перекачивается на мою сторону.

Внутри я мгновенно становлюсь гиперготовой, когда он начинает перемещать меня. Он притягивает меня ближе, и глубоко в горле я издаю тихий стон, а мое влагалище набухает, потому что я понимаю, что он собирается делать. Поворачивает меня на бок и подвигает, чтобы ласкать, его массивное теплое и сильное тело за моей спиной. Убирает мои волосы назад и облизывает меня, а я содрогаюсь, когда он своей тяжелой рукой медленно начинает ласкать мои изгибы.

Он лижет меня, ласкает, проводит своей рукой по моему телу, а его язык блуждает по моему уху, затылку, изгибу плеча, упиваясь и пробуя меня.

Реми преуспевал без любви, даже родительской. Он преуспевал даже, борясь с расстройством настроения каждый день своей жизни. Он преуспевал и поднимался каждый раз, когда падал. Единственные случаи, когда я по-настоящему пала — на Олимпийских отборочных соревнованиях и когда он проиграл бой в прошлом сезоне. И я спотыкалась, чтобы вновь вернуться к ходьбе. Он же мгновенно встает и готов бежать.

Он настолько сложный и непредсказуемый. Боюсь, что даже, когда я отдала всю себя этому мужчине, я всегда буду принадлежать ему, но он никогда не будет по-настоящему моим.

— Я проголодался, — говорит он мне на ухо, слезает с кровати и надевает свои пижамные штаны.

— О нет, я хочу спать. . — стону я и хватаюсь за подушку, когда он за лодыжки тянет меня с кровати.

— Поешь со мной, маленький фейерверк.

— Нееееет. . — я беру с собой подушку, когда он стягивает меня с кровати и в последней попытке остаться в постели, пинаюсь в воздухе. — Из-за тебя я становлюсь жирной! — смеюсь, пишу.

Издав низкий сексуальный смешок, он поднимает меня, будто я весила, как подушка, отбрасывает подушку в сторону и целует меня.

— Ты прекрасна.

— Каждая прекрасная женщина в мире — прекрасна, потому что она спит, — слабо протестую я, уткнувшись ему в шею.

Он хватается одну из своих футболок из чемодана и вручает мне. Я надеваю ее, когда он приводит нас в жилую площадь пентхауса, затем он усаживает меня на стул и вытаскивает еду. Приносит две тарелки: одну наполненную доверху и другую, с более нормальной порцией. Затем плюхается напротив меня и похлопывает по колену с выразительным взглядом.

Я откидываюсь на спинку кресла, и начинаю есть стебель спаржи.

— У нас очень плохие привычки в еде. Если ты возьмешь меня в ресторан, я не смогу есть, сидя у тебя на коленях, как какая-то канарейка. Люди подумают, что у нас проблемы.

Он берет жареную цветную капусту в рот и жует.

— Ну и что?

— Превосходно подметил, — съедая стебель спаржи, я наблюдаю за ним напротив меня, с этими татуировками на руках, с восхитительным беспорядком в волосах и этими мерцающими голубыми глазами. Боже. Он. Это все, что мне нужно. В этом мире. Прямо в этом кресле. — И признаю, что ты удобней этого, — подчеркивая это, ерзаю на кресле.

У него понимается бровь, и по-дьявольски сверкают глаза.

— Хватит играть в труднодоступную, Брук. Ты уже моя, — бросает в меня бумажной

салфеткой. Я хватаю другую, комкаю её и бросаю. Он опускает вилку и протягивает длинную руку, достигая края моего кресла. Тянет его по полу и я взвизгиваю в момент, когда он обвивает рукой мою талию и перемещает меня.

— А теперь успокойся. Мы оба хотим, чтобы ты была здесь, — он берет в ладони мое лицо, поворачивая меня, на губах его ласковая улыбка, когда он проницательно изучает моё лицо. — Теперь у нас все хорошо?

Переплетая пальцы у него на затылке, я встречаюсь с ним взглядом.

— В основном, я просто зла на себя. Мне больно и я ревную. . В моей голове это не имеет никакого смысла, но вся остальная часть меня не слушается. Я просто не ожидала, что будет так трудно выяснить, как с этим справляться.

— Ты справишься, зная, что я люблю тебя, вот как. Я чертовски в тебя влюблен, — шепчет он. — Больше всего мне бы хотелось сказать тебе, что этого не было, — продолжает он, выглядя измученным. — Для меня существует только одна женщина, и я убил бы самого себя за тебя, — говоря это, он прижимается лицом ко мне, затем смотрит на меня своими умоляющими голубыми глазами. Клянусь, мне кажется, что я никогда не любила его так сильно, как в этот момент.

— Прости меня. Я простил тебя, маленькая петарда. Я простил тебя еще до того, как ты смогла просить у меня прощения за то, что ушла от меня. Я не был собой, когда ты оставила меня, детка, какие бы кусочки меня не остались. . это был не я.

У меня сжимается сердце, когда я смотрю на него. Беру жареную цветную капусту двумя пальцами, как в знак мира, и подношу к его губам, кормя его.

Сверкая глазами, он берет ее в рот, включая часть моих пальцев, облизывая их. Все еще лакомясь моими пальцами, следует моему примеру и тоже хватает кусок цветной капусты и кормит меня. И когда ароматное растение и оливковое масло тают в моем рту, я тоже присасываюсь к его пальцам. Люблю вспышку в его глазах, когда я так делаю.

— Я люблю тебя, но никогда нарочно не позволяй избивать себя, как сегодня, — говорю я хриплым эмоциональным голосом, проводя влажными кончиками пальцев по его губам, чувствуя их движение под моим прикосновением, когда он шепчет:

— Не буду, пока ты не вынудишь меня.

Глава 5

Подарок

Через окно крадется солнечный свет. Ремингтона в постели нет. Поворачиваюсь, чтобы осмотреть наш милый маленький коттедж, но нигде его не вижу. Заставляю себя выскользнуть из кровати, затем запрыгиваю в тренировочные штаны, спортивный лифчик и топ.

Привожу себя в порядок, хватаю кроссовки и босиком иду на кухню в поисках Дианы.

— Доброе утро, Брук, — оживленно говорит она. Мне нравится, как она путешествует со своими фартуками, придавая каждому из наших отельных номеров такую уютную атмосферу.

Она возит с собой даже зеленые керамические кастрюли, те, у которых нет алюминиевого покрытия, так что еда Ремингтона абсолютно безупречна.

— Ммм, пахнет божественно, — говорю я, блуждая в поисках завтрака.

— Налетай. Здорояк попросил меня отложить тонну для тебя.

Я беру миску сладкого картофеля с рубленным мясом и начинаю жевать.

— Во сколько он ушел?

— Пришел Пит и забрал его пару минут назад.

— Пит? Не Райли? В какой спортзал он ушел? — постучали в дверь, и я, облизывая с пальцев кокосовое масло, используемое Дианой в приготовлении рубленого мяса, иду открывать.

— Брук Дюма?

Стоит женщина, а в руках у нее коробка среднего размера, завернутая в красную бумагу, но без банта.

— Да?

Ее улыбка становится шире.

— Мистер Тэйт заказал это для вас, — пялюсь я в недоумении, когда она вручает мне огромную коробку.

— Ремингтон прислал мне это? — тупо спрашиваю я.

— Да, мисс. Наслаждайтесь, — когда она уходит, пинком закрываю дверь, мои руки заняты большой коробкой — сюрпризом, который прислал мне Ремингтон.

Обожемой. Он совершенно непредсказуем. Он не только соблазняет меня музыкой, своими голубыми дьявольскими глазами, колючими волосами, ямочками и восхитительным чертовым запахом, но и покупает мне подарки?

Я сразу же раскрываю коробку, откидываю верх и вижу множество белых гранул пенополистирола. Погружаю руку в шарики и чувствую, как щекощущее ощущение поднимается по пальцу. Нахмурившись, я вынимаю руку вместе с тремя огромными скорпионами на ней.

На мгновение, все происходит в замедленном темпе.

Все.

Я вижу, как насекомые превосходно двигаются вверх по моей руке, вижу длинные сегментированные хвосты. Жало на кончике хвоста, две клешни спереди и восемь лап двигаются на моем предплечье. Я также оцепенело отмечаю три черные точки на каждой голове, будто у них по три глаза. У скорпионов есть три глаза?

Все это я отмечаю.

В полсекунды.

А затем, в следующую же секунду, я фиксирую кое-что еще. Что это один из наиболее "КАКОГО-ХРЕНА" МОМЕНТОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ.

Я падаю на спину, пиная коробку. Выползает десяток или больше скорпионов, когда я пытаюсь стряхнуть тех, что уже на мне. Мое сердце подпрыгивает к горлу, сжимая дыхательные пути. Оно трепещет и бьется, во мне возрастает настоящая истерика.

— ЧЕРТ ПОБЕРИ! СВЯТОЕ ДЕРЬМО! ДИАНА!

У меня скорпионы. Скорпионы. Ползущие. По моей чертовой руке! Они огромные, размером, как половина моей ладони, каждый с восемью лапами. Серьезно? Только восемью лапами? Я чувствую тысячу лап на себе. Чувствую лапы на каждой части и на каждом сантиметре моей кожи. Начинаю дергаться и встряхиваться, как сумасшедшая, на полу, и кричу, когда чувствую первый укус на предплечье.

— БОЖЕ МОЙ, ДИАНА!!

Вдруг я чувствую, что четвертый ползет по моей лодыжке и замечаю, что все это время Диана не перестает истерически кричать.

— Брук! Боже мой! Кто-нибудь, сделайте что-нибудь!

— СНИМИ ИХ С МЕНЯ, ДИАНА!! СНИМИ ИХ!

Не знаю, зачем я продолжаю отчаянно кричать, будто это их отпугнет. Боясь дотронуться до них рукой, я сворачиваюсь и корчусь на полу, когда на меня обрушивается большое количество воды. Ловлю ртом воздух, наблюдая, как Диана мчится на кухню, набирает полную кастрюлю воды и выливает на меня. Но скорпионы держатся.

Тянусь к одному, пытаюсь сбросить, и его хвост вонзается в меня. Жало поражает большой палец на руке. Мгновенно меня пронизывает боль, в то время, как другие продолжают ползать. Ползать. По мне. Не знаю, были ли эти животные под воздействием наркотика, или голодными, или их модифицировали. Они ползают по мне, почти, как пауки, быстрые и безумные. Один замахивается своим хвостом и вонзает его в кожу моего предплечья. И меня поражает второе жало. Меня охватывает боль. Чувствую еще одно жало на руке, тогда перестаю корчиться и замираю. Во мне полно силы на борьбу или бегство. Но я не могу бежать, не могу бороться, и сейчас я замерла, мое тело парализовано от страха, а все мои органы неистовствуют от угрозы, которую представляют для меня эти существа. Все мои опасения переходят на первый план, и я начинаю беспомощно плакать.

Я на полу, рыдаю, и единственное, что на мне двигается — это ужасные лапы, принадлежащие этим ужасным тварям. И тут я слышу, как Диана дрожащим голосом кричит в телефон:

— Вернись сюда! Пожалуйста, вернись сюда! — она продолжает повторять одно и то же, снова и снова, когда вдруг открывает дверь и кричит в коридор, — РЕМИНГТОН!

Все в тумане, когда почти сразу или может, через пару минут, не знаю, дверь с грохотом широко распахивается. Сквозь слезы я вижу его. Могу себе представить, что видит он. Вся покрытая скорпионами, ничего не делающая, плачущая, как ребенок, и так напугана, как никогда в жизни. Мое зрение полностью размывается, но не от слез, а от чего-то другого, и я задаюсь вопросом, может, от яда. Чувствую укусы по всему телу. Чувствую, как скорпионов отцепляют от меня голыми руками, одного за другим, а я все рыдаю.

Затем он хватает меня, и я оказываюсь в его огромных, крепких руках, держащих мое тело (а оно мое? Это тело, которое распадается на части, принадлежит мне?) и я дрожу в

агонии боли.

Пытаюсь взобраться на него выше, как на дерево, цепляюсь за его шею, рыдая и пытаюсь дышать, втягивая его запах, будто это единственный способ заставить мое тело вновь дышать. Он тяжело дышит. Его руки на моей спине сжались в кулаки и дрожат. Затем они начинают двигаться вверх-вниз. Его руки касаются моего лица и он яростно вытирает мои слезы.

— Я держу тебя, — неистово шепчет он мне на ухо, сжимая меня не слишком нежно. — Держу тебя. Держу.

— Только что приходила женщина! — лихорадочный голос Дианы дрожит от слез. — Она сказала, что Реми велел доставить для нее коробку!

— Иисус, — с отвращением говорит Пит. — Не будем их выбрасывать, Диана; нам нужно узнать, что это за разновидность. Вызови скорую и давайте просто раздавим ублюдков, подай мне кастрюлю.

В моем ухе звучит тяжелый, как гранит, голос Ремингтона:

— Я убью его, — обещает он мне. — Клянусь богом, буду убивать его очень медленно.

— Оставь это для ринга, Рем. Именно этого он и хочет, сорвать твою борьбу за титул чемпиона, — говорит Пит между звуками ударов.

Чувствую, как руки Реми потирают меня и шипит его голос:

— Куда они укусили тебя? Скажи мне, куда именно, и я высосу весь яд.

Тяжело дышу, будто мои дыхательные пути внезапно опухли.

— Я. . в-езде. .

— Тебе не следует высасывать это, дай мне ее осмотреть, — говорит Пит.

Держусь за Ремингтона, а он плотнее обхватывает меня, медленно покачивая. Его тело трясет почти так же, как и мое, когда он говорит мне на ухо:

— Я держу тебя, маленький фейерверк, держу прямо в своих руках, — шепчет он, и я слышу едва скрываемую ярость в его голосе.

— Рем, позволь мне осмотреть ее, — просит его Пит.

— Нет, — стону и сильнее хватаюсь за Реми, потому что знаю, что если я умираю, то хочу погибнуть именно так. Боже мой, я умру? Кто будет заботиться о нем? — Не отпускай, не отпускай, — стону я.

— Никогда, — обещает он мне на ухо.

— Согласно "Гуглу", это арizonские древесные скорпионы. Ядовитые, но не смертельно.

— Держись за меня, — шепчет Реми, и затем мы двигаемся. Мое зрение еще больше размывается. Язык опух. Во рту слюна. Не могу дышать. Меня трясет, когда он поднимает меня и ощущение электрического тока изнутри возрастает до тревожного уровня.

— Куда, черт возьми, ты с ней идешь, Тэйт?

Рычание Ремингтона отдается в моей груди и каким-то образом утешает меня в этом шатком измененном состоянии.

— В чертову больницу, говнюк.

Слышу грохот, когда он со всей силы открывает дверь, а потом скрип, будто он снял ее с петель. Затем мы куда-то движемся. . его дыхание быстрое и тяжелое. .

Сзади нас зовет Пит:

— Чувак, Диана только что вызвала скорую. Просто прими чертовое успокоительное и дай ей "Бенадрил"[\[8\]](#).

— Сам. Прими успокоительное. Пит.

Мы быстро куда-то идем, и я слышу в его голосе, что он висит на волоске. Я начинаю паниковать от мысли, что это могло сильно повлиять на него, делая его быстрым.

— Я в повядке, — говорю ему и слышу свой собственный голос. Это прозвучало глупо. Может, некоторые клетки мозга умирают от яда. Я не могу вымолвить букву "р". Говорю это снова, — Я в повядке, Веми. . — Обожемой.

Ремингтон замирает, и я чувствую, как он смотрит на меня, но в моих глазах все размыто, затем он говорит:

— Черт бы меня побрааал!

Приезжает лифт. Когда двери открываются, до меня доносится голос Райли.

— Так, что происходит? Тренер ждет в спортзале, Рем. . — он замолкает.

— Живые скорпионы, — Пит объясняет Райли. — Ядовитые, но к счастью, не смертельно.

— Я не могу дышать, — говорю я вслух. Волнуюсь. Ужасно. Впервые в жизни я не понимаю, какого черта творится в моем теле.

— Яд проникает в нервную систему, но не попадает в кровь. Постарайся сохранять спокойствие, Брук. Эти древесные скорпионы гадкие паразиты. Ты чувствуешь свои ноги?

Я качаю головой. У меня тяжелый язык, каждое ужаленное место так сильно болит, что мое лицо застыло в гримасе, и я судорожно дышу.

Пит протягивает руку.

— Дай я посмотрю. .

Чувствую, как Реми протягивает мою руку и, когда Пит изучает меня, шепчет:

— Я убью его.

— Все будет хорошо, Би, — говорит Пит. — Однажды я испытал такое. Это ужасно, но ты точно не умрешь от североамериканского скорпиона.

Киваю, цепляясь за это успокоение, когда Диана зовет от двери:

— Здесь записка! Я перевернула коробку и там оказалась записка!

— Что там написано? — спрашивает Пит. Затем слышу шелест бумаги, когда он читает, — “Ты поцеловала меня. Теперь тебя поцеловал в ответ Скорпион. Каково чувствовать мой яд в себе?”

Тело Ремингтона переходит в режим боя. Внезапно я это чувствую, полностью меняется то, как он меня держит. Он был защищающий и властный, и вдруг. . он хочет драться.

В моей голове образуется картинка: Я, стоящая перед этим олицетворением мерзости, целую его отвратительную татуировку скорпиона, чтобы увидеться с сестрой. Стону, когда новая волна тошноты поднимается к горлу.

— Пит, я видел его громил внизу в лобби. Думаю, он здесь, в отеле, — говорит Райли.

— Вероятно, ублюдок ждет внизу Ремингтона.

— О, он допрыгался! — громогласно говорит Ремингтон. — Он уже мертв! — он раздражается гневом.

Зажмуриваю глаза от его бурной энергии, окружающей меня, и понимаю, что как бы он не пытался удерживать глаза синими. .

Они стали черными.

Реми стал темным.

Внезапно его губы оказываются прямо возле моего уха, и, удерживая меня за затылок, он шепчет:

— Мне нужно кое-что сделать прямо сейчас. Я люблю тебя. Я чертовски сильно тебя люблю. И я вернусь и склею тебя обратно, хорошо?

Я киваю, хоть и чувствую себя дерьмово. Меня немного трясет. Сильно кусаю губу, чтобы вместо этого сосредоточиться на боли, но это ничто по сравнению с укусами на моем теле. Я пытаюсь быть храброй, но помню скорпионов на себе. . на моем теле. . уродливые туловища, клешни. . три черные точки на голове. . дрожу в его руках и кажется, что меня сейчас вырвет.

— Почему ее так трясет, черт возьми? — спрашивает Ремингтон, когда мы снова начинаем двигаться.

— Ее нервная система находится под воздействием яда. Она получила несколько укусов, поэтому это будет болезненно. Пока скорая в пути, дадим ей "Тайленол"^[9].

Насколько я могу судить, мы идем назад в номер, и Реми опускает меня на что-то мягкое. Вижу размытый синий цвет, так что думаю, это диван. Он отодвигает мои волосы назад, и я чувствую его глаза на своем лице.

— Я собираюсь сейчас его раздавить.

Потом он ушел, как какой-то ураган, который уничтожит все на своем пути, а мой мозг так ошеломлен тем, насколько быстро он принял это решение, как спокойно и тяжело звучало его последнее утверждение, что на мгновение я убеждаю себя, что он действительно ушел за "Тайленолом" для меня.

— Черт побери, он ушел на полной скорости, Рай, иди за ним, прежде, чем он увидит Скорпиона или кого-нибудь из его громил. Диана! Сделай холодные компрессы и жди скорую помощь. Нам нужно забрать того человека!

Последний раз, когда я видела Ремингтона в таком сильном маниакальном состоянии, Пит вкалывал ему в вену успокоительное, и как только слышу мужские шаги по ковру сразу вскрикиваю:

— Пит, ни черта не вводи ему в шею! — затем я стону, опускаю голову и меня начинает рвать.

♥ ♥ ♥

Скорая приехала и уехала, а мы все еще ждем, больше получаса, с остатками скорпионов, смотрящими на меня в ужасном пластиковом контейнере из кухни.

Мне сказали принять "Тайленол" и "Бенадрил", прикладывать холодные компрессы, а если станет хуже, сообщить им и они обеспечат мне антидот.

Теперь, когда я приняла лекарства, мне немного лучше. В гостиной возле дивана стоит мусорное ведро на случай, если меня снова вырвет.

Кажется, будто я сбросила половину своего веса. Сейчас Диана прикладывает лед, так что места укусов не опухают, но я все еще потрясена. Из-за "Бенадрила" я сонная, но по крайней мере, отек на языке немного спал.

— Я говорила тебе, что у этого человека самая красная кнопка самоуничтожения, которую я когда-либо видела, — нежно говорит Диана, прикладывая холодный компресс на мою руку. Она напоминает мне о моей матери, и на долю секунды я так тоскую по дому, что мне хочется плакать. Но дом, по которому мне действительно хочется плакать — это мужчина внизу, готовый избить до смерти придурка, который сделал это со мной.

— Пожалуйста, пусть Скорпион даже на глаза ему не попадет, — несчастно говорю я. — Если я снова ему все испорчу. .

— Ты ему ничего не портишь, Брук, — уверяет меня Диана. — Ты его любишь. Ты

единственная женщина, которую он когда-либо любил, единственная, которая полюбила его и приняла таким, какой он есть. Ему не дарили любви, когда он рос. Он был отвергнут и брошен. Как сильно, думаешь, он будет оберегать тебя?

У меня размывается в глазах и срывается голос.

— Я тоже хочу оберегать его, и даже не могу правильно действовать, — говорю я, внезапно почувствовав себя жалкой и слабой.

К тому времени, как вернулись ребята, прошло около часа и все мои нервные окончания были изъедены тревогой.

Я лежу на боку на диване с закрытыми глазами, опьяненная от “Бенадрила”, и тут слышу приглушенные голоса за дверью.

— . придержи дверь. .

Мое сердце умирает. Клянусь, умирает. Потому что нет другой причины придержать дверь, если руки что-то держат.

Что-то большое, безрассудное и красивое.

Я задерживаю дыхание, когда Диана направляется, чтобы помочь с дверью, и затем вижу их. Не их, его. Реми.

Пит с Райли, ворча и пытаясь, затаскивают его внутрь, волоча по полу его ноги. Его голова опущена. Я могу видеть только его черные волосы. Я вдруг почувствовала такую злость и порыв защищать, что единственная причина, почему я не бросаюсь ударить этих двоих — я все еще не чувствую одной ноги.

— Вы козлы! — кричу я.

Они смотрят друг на друга и ничего не говорят, когда вдруг, неожиданно я слышу его голос, невнятный и все еще какой-то решительный.

— Нужно увидеть Брук.

— Держись, дружище, — задыхаясь, говорит Пит, когда они направляются в спальню.

— Нужна она, — повторяет Реми низким искаженным голосом.

Диана спешит помочь мне встать и следовать за ними. Клянусь, кажется, будто мое сердце скомкано, как носовой платок. Ненавижу, когда они вводят то долбаное успокоительное ему в шею!

Приобняв меня рукой, Диана помогает мне, прихрамывая, пройти в спальню. Мы видим, как ребята снимают с Ремингтона одежду, пока он не остается в одних серых боксерах. Затем они изо всех сил пытаются положить его в кровать.

— Возьми его с другой стороны, — говорит Пит и Райли поднимает его с края кровати.

— Рем, какого черта мы с тобой делаем? А, чувак? — ворчливо говорит Пит, помещая его в постель.

— Брук, — сердито рычит Ремингтон.

— Она идет, чувак! — смеется Пит.

Они с усилием поворачивают его на кровати так, чтобы он был лицом ко мне. Кладут ему под голову подушку, и я вижу, что его глаза полуоткрыты. Они останавливаются на мне, когда Диана помогает мне забраться в постель. Они полностью черные и почти безумные, когда он на меня смотрит. До сих пор удивляюсь, как быстро эти красивые глаза могут меняться. Как в течение нескольких минут его тело может так преобразиться. Его большие загорелые руки лежат по бокам, но палец дергается, будто он хочет прикоснуться ко мне, и вдруг все пальцы моих рук болят от такой же необходимости прикоснуться к нему и утешить его.

— Хорошо? — шепчет он мне, а его взгляд бурный, темный и пылкий от отчаяния.

Я также могу чувствовать его недовольство. Он хотел защитить меня, а они его остановили. Я чувствую, его гневное потрясение кружится вокруг нас, когда я придвигаюсь в кровати поближе к нему и накрываю нас до талии.

— Больше, чем хорошо, — нежно говорю я, обнимая его крепкие плечи и глядя его по голове.

Чувствую, как напряжение в его теле уменьшается, когда он закрывает глаза и внезапно расслабляется. Погружаясь лицом в его волосы, я отчаянно наполняю свои легкие его запахом и крепко обнимаю, когда его тело прижимается к моему, перемещаясь таким образом, что его голова покоится на моей груди.

— Я так сильно тебя люблю, — шепчу ему на ухо. — Просыпайся скорее, хорошо? Теперь я держу тебя.

— Это будет трудный сезон, — слышу голос Пита.

Я понимающе киваю, неспособная оторвать от него глаз, от его красивых ресниц, от его слегка приоткрытых губ. Глажу пальцем его мальчишеское лицо с этой сексуальной щетиной на челюсти.

— Давайте, я привезу Люпа из тренажерного зала и скажу ему, что наш парень не придет, — говорит Райли.

Пит смотрит, как я медленно начинаю тереть волосы Реми на затылке, затем приносит мне воду, другой пакет со льдом и ставит это на тумбочку возле кровати. В то же время, Диана сообщает мне, что уберется снаружи.

— Ты как? — спрашивает меня Пит.

Я киваю.

— Благодаря таблеткам лучше, — шепчу. Потом добавляю, — Прости за то, что назвала вас козлами.

— Мне очень жаль, мы должны были. . но он был там. Ублюдок, — он сердито сжимает губы в линию, затем продолжает странно на меня смотреть.

— Ты единственная, кто успокаивает его, Брук, но ты также являешься для него окончательным пусковым механизмом. — Пит вздыхает и смотрит в окно на маленький пустынеподобный сад снаружи нашего номера. — И Скорпион знает, что в тебе есть что-то, что заставляет Ремингтона проигрывать. Он будет продолжать провоцировать его. Он будет пытаться трахать его мозг и выманивать каждую частичку зверя Ремингтона.

— Мы не можем, Пит, мы никому не можем позволить трахать его мозг, — целую лоб Реми, отдавая всю свою любовь его прекрасному мозгу и тихонько обещая, что я не позволю никому делать этого с ним.

— Прямо сейчас Ремингтон такой сильный, каким он был всегда, — говорит Пит. — Но ты его большая слабость. Он проиграл для тебя, ушел для тебя. Убил для тебя. Лечил свою задницу для тебя.

Я вытираю слезы, сильнее прижимая голову Реми к своей груди.

— Пит, пожалуйста, не вводи ему больше успокоительное. Мы должны найти другой способ.

— Подруга, он силен, как полдюжины мужчин вместе взятых. Как ты себе представляешь, чтобы кто-то остановил его? Позволь сказать тебе, что если организаторы “Андеграунда” решат сделать из финального матча настоящее представление. . — он качает головой и встает.

— Что ты имеешь в виду? Что значит "представление"?

Он мрачно смотрит на меня, затем вздыхает.

— Ничего. Но Ремингтон очень жаждет Скорпиона. Он благородный человек, но он не помилует того мудака и, если ему предоставится шанс убить его на ринге, позволю сообщить тебе прямо сейчас, он так и сделает, — он направляется к двери. — А теперь я пойду и найду нам другой отель.

Кивнув ему, произношу шепотом:

— Спасибо, — и поворачиваюсь к своему большому льву.

— Давай устроимся поудобнее, — говорю я Реми. Дрожащими неуклюжими руками снимаю свою одежду, затем снимаю его нижнее белье, потому что знаю, что он всегда спит голый. Тогда я снова прижимаю его голову к своей груди, лаская его волосы. Целую его в висок. — Теперь я держу тебя. — Его дыхание медленное и ровное. Его палец дергается и я хватаю его руку, обвивая ею свою талию. — Тебе нравится так меня обнимать? — мягко спрашиваю я, не совсем ожидая ответа. Я прижимаюсь к нему, обнимая руками его плечи, представляя себе его в день, когда я ушла от него в больнице.

Темный, растерянный и маниакальный отчаянно пытается что-то мне сказать.

А я слишком боялась оставаться. .

На глаза снова наворачиваются слезы, и внезапно болят не только места укусов, но и все тело изнутри.

Проглотив комок в горле, я усиливаю захват и прячу лицо в его волосах, несколько раз отчаянно целую его там, где только могу. Его дыхание медленное и ровное, но мое все еще прерывистое из-за произошедшего. Знаю только то, что боль прекращается, когда я смотрю на него, когда вдыхаю его запах, и когда прикасаюсь к нему.

Так что я провожу руками по твердым мышцам его голых плеч, затем наклоняюсь и целую его ухо, потом гладкую теплую кожу на виске. Он пахнет собой, соблазняя меня. Я утыкаюсь в его шею, чтобы вдохнуть аромат, и в то же время провожу руками вниз по спине, по твердым кубикам пресса, затем целую в челюсть.

Он бормочет что-то невнятное и дергает пальцем. Глажу руками его челюсть и оставляю нежный поцелуй на губах.

— Спасибо тебе за то, что защищаешь меня, но я больше не позволю тебе разрушить свои мечты из-за меня, — говорю я ему.

Пробегаюсь пальцами по его мускулистой груди, жилистым рукам, вверх к его массивной шее, где наклоняюсь, чтобы поцеловать точку его низкого уравновешенного пульса. Он издает другой звук и мне становится интересно, о чем он думает. Слышит ли он меня? Думаю, да.

Хватаю его айпод и свои наушники, чтобы мы могли поделиться, и ищу песню, которую хотела включить ему. Помещаю один наушник в его ухо, один в свое и включаю ему песню "Stay with You" ("Остаться с тобой") в исполнении Goo Goo Dolls. Беру его руку в свою и целую костяшки его пальцев, поглаживая его волосы, когда мы слушаем. Песня заставляет меня забыть о том, что каждое место укуса болит так, будто жала все еще находятся во мне. Я обнимаю его. Мой боец. Он борется со всем, даже с самим собой, но я люблю то, что он никогда не борется с любовью ко мне.

♥ ♥ ♥

ОН СОВЕРШЕННО БЫСТРЫЙ.

Через два дня после подарка (как мы теперь это называем) во всех новостях говорилось

о том, что боец “Андеграунда”, известный как Скорпион, и его команда были задержаны и обвинены за нанесенный ущерб в номере мотеля из-за взрыва внутри фейерверков.

Да. Фейерверков.

Когда я спрашивала Пита и Райли о том, что случилось, они просто говорили, что Ремингтон никогда не оставляет сообщения без ответа.

— Он мог бы попытаться сделать что-то, чтобы Скорпиона исключили из тура, но он явно хочет покончить с этим на ринге.

Сейчас Пит достает какое-то устройство, чтобы защитить меня во время следующего боя, и я очень сильно надеюсь, что буду носить одно из тех устройств на случай, если потребуется выбить дерьмо из всего, что касается Скорпиона.

Ритмичный звук того, как Реми набивает грушу в огромном спортзале, позволяет нам сегодня почувствовать магию.

Я всегда могу сказать, когда у него хороший тренировочный день, потому что его энергия поглощает помещение. Он вдохновляет меня, он вдохновляет всех, кто рядом. Его огонь зажигает наши огни. Это ощутимо, как свист веревки в воздухе. Энергия Ремингтона настолько мощная, что я могу почувствовать ее запах, ощутить вкус.

Тренер расхаживал вокруг тренирующегося Ремингтона, явно под воздействием всей той энергии. Райли наблюдал поблизости, размахиваясь в воздухе в стиле боя с тенью, а я провела два часа на беговой дорожке лицом в направлении Реми, получая все свое вдохновение от того, как он проделывает каждый атлетический прием.

Теперь я растянулась в стороне. Мое тело, все еще усеянное знаками от скорпионов, расположилось на матах, пока я занимаюсь йогой.

Я до сих пор помню взволнованное пробуждение в ночь укусов, к тому времени маленький сад снаружи нашего номера был полностью во тьме. Маленькие уколы боли пробежались по всему моему телу, когда вдруг я ощутила, как Ремингтон притягивает меня к своему твердому телу, смазывая все укусы моей собственной мазью. Боже. А его голос, такой ленивый, немного пьян от успокоительного, но ох, настолько нежный и обеспокоенный, когда он сказал:

— Посмотри на себя.

Я сказала в полном неверии:

— Посмотреть на меня? Посмотри на себя!

И мы жалко засмеялись. Мой смех на самом деле был просто блефом, потому что, честно говоря, он выглядел ленивым и расслабленным, его стремительность не была явной из-за успокаивающего качества препарата. Он ни в коем случае не выглядел жалким или таким, чтобы чувствовать то, что чувствовала я. Ремингтон источает силу. Даже, когда спит. Или когда слабый. Спящий лев — все тот же чертов лев.

Сейчас он расходует это в спортзале, а я, находясь в позе "собаки мордой вниз" внезапно слышу, как прекращаются удары. Отвыкнув от тишины, я поднимаю голову (которая находилась между моими руками ближе к полу), и заглядываю на него. Он смотрит на мою попу, поднятую вверх в воздухе. С моими внутренностями делается что-то странное, и я выпрямляюсь, одаривая его небольшой улыбкой. В ответ на меня выглядывают его ямочки. Затем он поднимает свои мощные руки и снова начинает размахиваться, ударяя свою пневматическую грушу снова и снова.

Мне нравится то, как он тренируется. Каждый мощный удар сильно и намертво

попадает в самый центр, а его красивое лицо имеет тот спокойный сконцентрированный вид, который я нахожу очень сексуальным. Его бицепсы выпирают, когда он неоднократно ударяет по груше, и он так сосредоточен на том, что делает, что я слышу, как он иногда рычит на мешок, низко и глубоко в горле.

Удар! Удар! Удар!

У тренера один из его громких дней, и до меня доносится, как он заводится по новой:

— Мы не будем довольствоваться дерьмом в этом году! И не будем ничего отдавать! Мы возьмем то, что принадлежит нам!

Ремингтону нечего ответить, кроме, как начать бить еще сильнее.

— Нам нужна груша потяжелее, если мы собираемся взять чемпионство, Райли, — говорит тренер, стоя по обратную сторону мешков, на которых сидит Райли, делая пометки.

Мне нравится, как тренер Люп произносит "мы". Так, словно он сам собирается взобраться на ринг, чтобы воевать вместе с Реми. Пфф, будто этому человеку вообще нужно хоть какое-то тренерство.

— Что ты имеешь в виду? — выкрикивает Райли в ответ, показывая на большой тяжелый мешок, который Ремингтон сейчас обрабатывает кулаками. — Это 270-футовый мешок. Тяжелее просто не существует!

— Он слишком сильно раскачивается! — кричит тренер, покачивая лысой головой.

Райли смеется и тычет пальцем в сторону Ремингтона.

— Может, ему стоит сбросить скорость?

Тренер свистит в свисток и показывает на скоростную пневмогрушу. Ремингтон снимает перчатку, чтобы восполнить водный баланс.

Его серая футболка прилипла к груди, а пот стекает по шее, торсу и мускулистым рукам. Кельтские татуировки выглядывают из-под рукава, когда он поднимает бутылку, поднося горлышко ко рту, и выглядит при этом настолько аппетитно-трахательно, что мои соски превращаются в горошины. Он тренируется уже несколько часов, и я могу ощущать тепло его тела даже через весь спортзал. Мои пальцы просто зудят от желания поработать над ним, и это не говоря уже об остальной части меня. Давайте просто скажем о том, что когда он темный, я отлично осведомлена о его особых "потребностях". И я не могу дождаться, когда доберусь до них в хорошем смысле, как его девушка.

Я уже вся дрожу в ожидании, когда слышу неподалеку мягкую вибрацию моего сотового, который оставила рядом с бутылкой воды. Беру трубку и читаю.

МЕЛАНИ: У меня до сих пор кошмары с тобой и теми чудовищами. Ты оправилась после тех мерзких насекомых?

БРУК: Нет. Я до сих пор иногда чувствую, как они ползали по моим ногам. УФ! Я не хочу, чтобы Ремингтон знал, что Скорпион поймел меня таким образом, — я просто не желаю, чтобы он трахал наши мозги еще больше, чем это есть на самом деле. Но чувствую себя хреново. У меня недомогание. Мне приходится уходить в другую ванную каждую ночь, где меня постоянно рвет.

МЕЛАНИ: Но почему ты не хочешь сказать Реми, что ЖИВОТНОЕ ДОЛЖНО СДОХНУТЬ!

БРУК: Мел! Потому что он УБЬЕТ его!

МЕЛАНИ: ДАВАЙ РАЗРЫВНОЙ! ПРИКОНЧИ ЖИВОТНОЕ!

БРУК: Нет, Мел, я должна говорить ему, что я В ПОРЯДКЕ! Я пытаюсь успокоить в нем пещерного человека!

МЕЛАНИ: Я не знаю иных способов успокоить пещерного человека, кроме еды и секса, и я ощущаю просто летучих мышей в своем животе, когда представляю, как ты "успокаиваешь" возбужденного Разрывного!

БРУК: Я-то знаю, какая это МОЩНАЯ задача! ♥?

МЕЛАНИ: О, МОЙ БОГ! Где мой мускулистый парень, ты шлюшка? Скучаю, прилетаю ко мне поскорее!

МЕЛАНИ: Позволь ему снова показать, как сильно он тебя любит, привезя ЛПН (Лучшую подругу навеки), Я имею в виду, что это с ним? Он заполучил тебя и забыл о том, что тебя все еще необходимо впечатлять внезапным прилетом твоей лучшей подруги?

— Прекрати вертеться по сторонам и сфокусируйся! Она никуда не денется, Тэйт! — тренер ругается в то время, как я пишу Мелани последнее смс; затем снова слышатся звуки от скоростных ударов о грушу.

Ударударударударудар....

Сегодня в спортзале мы не одни.

Две гимнастки тренируются в другом конце зала, и мой живот не особо счастлив от того, как они глазают на него. Они наблюдали за ним, пока он прыгал со скакалкой. Затем их глаза чуть не выкатились из орбит, когда он делал пулловеры [\[10\]](#), бег в упоре лежа и упражнения для пресса вниз головой. Мой зверь выглядит безумно сексуальным, когда тренируется, и эти двое заглядываются на него весь день. Одна из них даже упала на задницу, выполняя один из своих элементов.

И я полагаю, что проблема сейчас в том, что каждый раз, когда я замечаю симпатичных девушек, любующихся им, сразу вспоминаю его поклонниц и шлюх, отчего мой живот скручивает снова.

Выдыхая через рот, я становлюсь в позу йоги "собака мордой вниз", ненадолго задерживаю дыхание, после чего перехожу к растяжке в позе "кобра", где располагаюсь лицом вниз над ковриком. Выгибаю спину и шею в обратном направлении и получаю отличное представление, с какой скоростью он лупит грушу. И вот он весь, толкает и толкает, являясь одной сплошной ходячей рекламой секса и спорта, каждый его мускул напряженный и горячий, пока он наносит сокрушительные удары. Он замахивается кулаками настолько быстро, что мяч никогда не прекращает хлопать.

Он скидывает свою футболку, предоставляя моему обзору все свои мышцы, которые поочередно сокращаются и расслабляются. Его тренировочные штаны сидят низко на бедрах, предлагая на всеобщее обозрение сексуальную татуировку в форме звезды, господи, она сводит меня с ума. Я начинаю вспоминать, как его эрекция поднимается, доставая до этого места, а его член, такой толстый и длинный, до конца закрывает чернила, когда полностью стоит, и эти воспоминания пронизывают меня, заставляя гореть от вариаций тех возможностей, которыми я могу быть поджарена. Осознание того, как болезненно сжались мои соски, принуждает меня закрыть глаза на мгновение.

Выдыхая, я заставляю себя скользить и тянуться на коврике, разминая то одну, то другую ногу по очереди.

Тренер рычит:

— Ты тренируешься или глазеешь сегодня, Тэйт?

Выворачивая свою голову назад, я вижу, как Реми снова возвращается к своему мешку, занимая позицию, подтягивает перчатки, и начинает лупить с такой злостью, что через мгновение звук шлепков — это единственное, что я могу слышать во всем зале. Его удары.

— Вот об этом я и говорю! Кто тот ублюдок, которого ты мочишь? — требует тренер.

Мою кожу начинает покалывать, когда голос Ремингтона взрывается криком через весь зал:

— Ты, твою мать, знаешь, кто это!

— Кто тот ублюдок, которого ты собираешься отправить в кому? — продолжает тренер.

— Он, нахрен, ПОКОЙНИК!

— Вот так! Он взял то, что принадлежит тебе! Издевался над тобой! Издевался над твоей девушкой...

Ремингтон взревел, ударяя мешок с такой силой, что через мгновение он обрывается и громко падает на землю. Он продолжает пинать его, поднимая в воздух, до тех пор, пока мешок не врежется в стену с громким хлопком!

Райли хихикает, подходя ко мне.

— Ты говоришь, он немного огорчился, Би? — дразнит он меня.

Мой желудок завязывается узлом, когда Ремингтон поднимает глаза и смотрит прямо на меня. Его грудь поднимается рывками при каждом вдохе, в то время, как глаза неумолимо впилась в меня, и под этим взглядом я ощущаю себя голой. Я могу поставить мою жизнь на то, что в своей голове Ремингтон сейчас трахает меня.

— Через две недели Скорпион будет драться в тот же вечер, что и мы. Мы могли бы врезать ему. Волнуешься? — спрашивает Райли, коротко оглядываясь на гимнасток, пока обращается ко мне.

Одно только упоминание имени Скорпиона заставляет уровень моего адреналина зашкаливать, отчего хочется устроить марш-бросок в горы. Я опускаю лицо, выполняя движения в позе "голубь", открывая свои бедра, после чего меняю ноги и повторяю упражнение.

— Да, я нервничаю. По правде, я сверхнервничаю, потому что просто нервничаю я каждый бой, но, учитывая этого мудака рядом, можно сказать, что мои обычные нервы можно умножить на десять. — я закатываю глаза, а Райли посмеивается.

Мы кажемся "помирившимися", стратегически избегая разговоров об "этом", даже не смотря на то, что я умираю от желания спросить его и Пита, что на самом деле произошло. Хотя, хочу ли я знать больше?

Нет.

Мы разошлись. Я не имею права. Он даже не помнит, будучи биполярным в тот момент, когда он ушел. Все закончилось. Я его, а он мой.

— Черт, даже я нервничаю, Би. Послание Скорпиона было предельно ясным, — говорит мне Райли с ухмылкой. — Оно в действии, на ринге, и вне его. А сообщение Реми лишь подтвердило, что дни ублюдка сочтены. Никто не может издеваться над его петардой.

Я выпрямляюсь; перевожу взгляд на эти глазки серфера, и клянусь, вижу в них отражение удовольствия. Я смеюсь. Просто хохочу. Потому что, честно говоря, меня окружают матерые мужчины. Мужчины. Но при этом они по-прежнему... мальчишки. И когда я перевожу взгляд через весь зал на Реми, он самый большой, сексуальный и сильный мальчишка из всех.

— Райли, мне нужно, чтобы ты помог мне убедиться, что Скорпион ничего не сделает с головой Реми. Вы оба, ты и Пит, обязаны за этим присмотреть. Слышал меня?

— Да, мэм, — говорит он, отдавая мне честь, как армейский кадет. — Прямо сейчас отправляюсь выполнять твой приказ.

— Ха-ха. Я работаю так же тяжело, как и ты, — говорю я.

— Да, но я не получаю королевских почестей, в отличие от тебя.

— Потому что ты говнюк, а я крутая.

— Я не собираюсь отвечать на это. Я слишком дорожу своим лицом, — он широко улыбается кому-то за моей спиной.

Гора мускулов прямо позади меня снимает эластичные бинты с рук.

— Я был бы счастлив расквасить его тебе, — бормочет он.

— Обязательно воспользуюсь твоим предложением в следующий раз, если не возражаешь.

После того, как Райли уходит, помогать тренеру прибираться, Ремингтон смотрит на меня своими темными глазами, а я замечаю, как раздуваются его ноздри, словно он вдыхает меня, даже не наклоняясь, просто наблюдая.

— Готова? — спрашивает он своим я-тренировался-много-часов-и-я-сексуален-как-ад-охрипшим голосом, проводя пальцами вверх-вниз по моему затылку, и я понимаю, что у меня к нему просто не существует иммунитета.

— Всегда готова, — произношу я, слегка затаив дыхание. Я не знаю, что он имеет в виду, когда у него помутнение, но абсолютно уверена, что энергия буквально трещит вокруг него, когда он темный. Он как электростанция, но когда темный, складывается впечатление, что его два. Мы оба направляемся в небольшую реабилитационную комнату в конце спортзала. И когда он кладет руку на мою задницу, я ничего не говорю, но чувствую все. Затем он сжимает ее, и у меня уходят все силы на борьбу с желанием развернуться и сжать его зад в своей руке, представляющий собой сплошную твердо-каменную плоть.

— На стол, Разрывной, — командую я. Мне нравится немного им руководить, поэтому он позволяет мне, превращая это в развлечение. И что он делает сейчас, так это развлекает меня в высшей степени. Он ложится на стол, очень похожий на массажный, стоящий в центре маленькой комнаты. По соседству стоит холодильник с набором лекарств и холодных предметов, которые я позже буду использовать для его ледяного массажа.

Он ложится лицом вниз, а его тело настолько разгорячено, что я чувствую температуру его кожи, даже не касаясь ее.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, лаская взглядом линию его позвоночника. — Где-нибудь есть узлы? Тебя что-то беспокоит?

— Я бы хотел, чтобы мои руки оказались на тебе так скоро, как это возможно, — прорычал он шепотом, вынуждая меня прикусить внутреннюю сторону щеки.

— Хорошо, но как говорится, дамы вперед.

Он стонет.

— Не мучай меня, детка, я уже хочу трахнуть тебя.

Я наклоняюсь и целую его ухо.

— Это не пытка, просто постарайся расслабиться, — шепчу я, и действительно хочу, чтобы он расслабился, хочу сфокусироваться на его теле, поэтому обхватываю пальцами его плечи. Он шипит сквозь зубы, а я задерживаю дыхание, наш с ним контакт просто вынуждает меня. Мягко выдыхая, я приспособливаюсь и начинаю массировать его пальцами. Он так же приспособливается ко мне, и я замечаю, что он расслабляется, когда начинает тихо стонать.

Мы с ним настолько связаны, что касаясь его кожи, я не могу не чувствовать мелкие волны электричества, проходящие сквозь меня. Иногда мне кажется, что я подключаюсь к

какому-то мощному источнику, который делает Ремингтона Тейта самим собой. Каждый сантиметр моего тела ощущает его мускулы и кожу под моими пальцами, как и все остальное в нем. То, как он пахнет прямо в эту секунду, океаном, мылом и самим собой. То, как его грудная клетка расширяется от физической нагрузки. То, насколько колючие, взъерошенные и влажные его волосы.

Мне нравится работать над ним своими руками.

Это моя работа, но наряду с этим, это то, что я люблю.

Не могу себе представить хоть что-нибудь лучше этого.

Чувствую каждую мышцу, каждую по отдельности, стремлюсь к их теплу, докапываюсь до брюшка мышцы так, чтобы безупречная кровь попала в каждую часть его тела. Массирую и выделяю фасцию, разминаю мышечную ткань пальцами, пытаюсь обеспечить питательными веществами эту область. И когда мышца расслаблена, его кровь, насыщенная всевозможными нутриентами благодаря его здоровому образу жизни, поступает внутрь, помогая восстановиться этой мышце.

Как только я размяла его до самого низа с обеих сторон, направляюсь к холодильнику, чтобы устроить для него массаж льдом. Такой массаж идеально помогает при лечении узлов и различных травм, но Ремингтон любит его и просто так, поэтому я иногда балую его для ускорения восстановления.

Внутри, в морозильной камере стоит пенополистирольная чашка. В ней замораживают воду так, чтобы на поверхности торчала небольшая глыба льда, которую я поглаживаю несколько раз ладонью со всех сторон, чтобы убедиться, что она нигде не станет царапать кожу. После этого пробегаюсь чашкой по всем его мышцам, создавая эффект скольжения шарикового дезодоранта.

Он лежит, позволяя мне гладить его, сексуальные мужские феромоны поднимаются к поверхности его кожи в виде пота, и его тело настолько горячо, что лед моментально начинает таять. Я наблюдаю, как мелкие зигзаги воды скатываются по его широкой спине, а когда он переворачивается, точно так же стекают по его мощной груди.

Мои глаза исследуют его в то время, как в своем воображении я уже слизываю каждый из этих ручейков языком, особенно те, которые скользят в районе пупка или выются вокруг сосков. В то время, как мысленно я облизываю каждый сантиметр его совершенного тела, он наблюдает за моей работой, взгляд его обжигающий и полный желания, но в то же время, благодарный.

— Мне нравится, как ты работаешь со мной, — шепчет он.

— Я люблю работать с тобой.

♥ ♥ ♥

К тому времени, как мы вдвоем поднимаемся в лифте отеля, мы оба уставшие, а я особенно. Я точно еще не оправилась от того гребаного подарка, поэтому планирую пропустить ужин и отправиться прямо в постель.

После восьми часов тренировки, Реми избавился от огромной массы своей энергии. Он прислоняется спиной к стенке лифта и свободно оборачивает руки вокруг моих бедер, в то время, как я наполовину стою, наполовину лежу на нем, отдыхая, упершись головой ему в шею.

— Холодный душ, съесть корову, и увидимся завтра, — говорит тренер, выходя на своем этаже.

— Сделаю, — отвечает Ремингтон своим громким мощным голосом.

— Спокойной ночи, тренер, — произношу я.

И как только мы остаемся одни в лифте, Ремингтон наклоняет голову, чтобы вдохнуть меня.

Его пресс напротив моей спины превращается в сплошные горячие крепкие мускулы. Он тепло вздыхает рядом с моей кожей, затем лижет за ухом, заставляя сотни электрических разрядов пройти сквозь меня. После этого он прижимается лицом к моему затылку, перемещаясь ко второму моему уху, где снова делает глубокий вдох. Мои соски болезненно сжимаются, когда он начинает уверенно облизывать кожу за моим ухом, и необходимость в нем просто разрывает меня. Мне очень уютно находиться в его больших объятиях, когда он шепчет мне в ухо глубоким благодарным тоном:

— Я видел, как ты делала растяжку. Ты делала это для улучшения тонуса своих мышц или для меня?

Его слова проходят сквозь меня, как сексуальная ласка, он медленно скользит одной рукой по моему телу, и я вздрагиваю, когда его ладонь накрывает меня между ног поверх тренировочных штанов.

— Брук? Это было для тебя или для меня?

Он облизывает и посасывает открытый участок кожи на моем затылке, вызывая внутри меня крупную дрожь.

— Для тебя, — стону я.

Он тихо посмеивается, а его рука скользит по моему телу вверх.

— Ты наслаждалась, наблюдая за моей тренировкой? — его хриплый голос нажимает на все сексуальные кнопки внутри меня, в то время, как он обхватывает мою грудь ладонью поверх топа.

— И я, и остальные посетители спортзала, — на выдохе произнесла я.

Он снова смеется. Сексуально. Глубоко.

Его пальцы быстро пробежались вверх по моей голой руке, сея внутри меня полный хаос. Лава просачивается в каждую клеточку тела, когда он легонько прикусывает мочку моего уха и нежно тянет. Внезапно я больше не могу выносить этого и поворачиваюсь в его руках, господи, он так хорошо пахнет, что я чувствую легкое головокружение.

Он надел чистую футболку, его тело выделяет тепло, как извергающийся вулкан, а я сгребая в кулаки мягкий материал и целую его шею, облизывая ее жадно и отчаянно. Его вкус посылает тупую боль желаний в такие места, о которых я даже не подозревала.

Он тихо и удовлетворенно рычит и опускает голову, сливаясь со мной в яростном поцелуе. После этого накрывает мой зад своими большими руками и прижимает меня, пока лифт преодолевает оставшийся отрезок пути. Мои ладони скользят по его груди поверх футболки, и я опрометчиво пробую его всего.

— Реми, — стону я, вжимаюсь сосками в его грудь, мягко потираясь, а он посмеивается мне на ухо, в то время, как сильнее сжимает мою задницу руками.

— Ты хочешь меня? — подталкивает он, а его горячее дыхание оседает на моих губах, когда он напористо прижимается своим ртом к моему.

— Да...

Он скользит рукой по моей заднице между ног, и вдруг начинает поглаживать мой клитор прямо сквозь легинсы. Мои коленки подгибаются.

— Ты уже влажная? — соблазняет он.

— Реми... — это все, что я могу произнести, мое сексуальное желание мучительно

болит между ног.

— Твоя киска уже влажная? — спрашивает он у самого моего уха, змейкой погружая язык внутрь.

— Да, господи, да!

— Давай посмотрим, — он поворачивает меня лицом к двери, пробираясь двумя пальцами под мои штаны и трусики, лаская меня в течение нескольких секунд, проверяя, насколько я влажная... Скользя пальцами по моей опухшей сердцевине, заставляя меня задыхаться и стонать до тех пор, пока не произносит хриплым удовлетворенным шепотом: "Мммм".

Он вибрирует.

Мммм...

Этот звук между нами, и когда он произносит его, это означает, что он хочет меня съесть.

Всю меня.

Около миллиона клеток в моем теле дрожат от потребности в нем, пульс зашкаливает, когда двери, наконец, открываются. По пути в наш номер он забрасывает меня на плечо и хватает за задницу, а я смеюсь от такого неожиданного проявления его натуры пещерного человека, и сотрясаю воздух.

— Диана, скорее всего, уже у нас в номере! — пишу я, но он продолжает сжимать мою задницу так, словно это не имеет значения, и несет дальше, снова прижимая палец к заветному месту у меня между ног, не переставая растирать мой клитор.

Моя киска набухла от необходимости, и я обвисаю абсолютно безвольно, позволяя ему растирать меня.

Я закатываю глаза, а он все трет и трет, его плечи под моим животом жесткие и сильные, пока он продолжает нести меня.

— Эй, ребята, — произносит Диана в тот момент, когда он заносит меня в наш люкс. И, прежде, чем я успеваю ответить, он несет меня напрямик в спальню, к огромной королевской кровати, кидая через плечо:

— Мы сейчас не голодны. Может быть, через час.

И захлопывает дверь позади нас.

Глава 6

Полёт в Бостон

В течение нашего полета в Бостон, у меня была возможность поближе познакомиться с туалетом реактивного самолета. Половину полета меня выворачивало над унитазом.

Когда я вышла после моего первого раунда, Ремингтон встретил меня хмурым взглядом, в то время как Диана проводила меня к своему месту в носовой части самолета, где стояла приготовленная ею заранее тарелка с нарезанной дыней, папайей, орехами и творогом. Я люблю папайю. В ней содержатся клетчатка и много витамина А, которые улучшают пищеварение. Рядом лежала долька лимона, сок которого я люблю выдавливать сверху на папайю. Однако, у моего тела было иное мнение, особенно после того, как аромат папайи достиг моего носа...

Рвотные позывы достигли горла, отчего пришлось отставить тарелку в сторону, бежать в туалет и быстро поднимать крышку унитаза, снова мучаясь рвотой. Диана сразу появляется около двери и я слышу, как она с кем-то разговаривает. Конечно же, у меня есть одно предположение, кто это может быть.

— Не дай ему войти сюда, — умоляю я ее между позывами.

На протяжении последних двух недель, Реми был более, чем стремительным.

Он называл себя "королем мира" всего пару дней назад, за ним последовало звание "короля джунглей", потом "короля боксерских груш", а после, в тот же вечер, он попросил меня быть его королевой, заставив меня смеяться. Но в то же время, он выглядел столь очаровательным и чудесным, с этими его ямочками, что я почти ощутила то, что он мне предлагал.

Он безумно активен. Буквально утомил нас всех, но, по крайней мере, Пит, учитывая круги под глазами, был счастлив, что его не одолела депрессия. Маниакальный Ремингтон дерется, как гладиатор, после чего пребывает в отличном настроении так долго, насколько получает возможность надирать задницы разным людям и довольствуется большим количеством секса, который я более, чем счастлива ему предоставить, так как он по-прежнему такой же горячий и похотливый, как и всегда, или, что странно, возможно, даже больше.

Спустив воду в унитазе, я снова пытаюсь ровно дышать, Диана одаривает меня улыбкой, которая ясно дает понять, насколько очаровательно выглядит волнующийся Реми, однако ее улыбка быстро исчезает, когда она присматривается к моему виду.

Я действительно чувствую себя, как дерьмо, поэтому закономерно, если выгляжу так же. Забавно то, что независимо от того, сколько мне сейчас лет, в моменты болезни, я снова мысленно переносюсь в свои "суповые дни" и очень скучаю по маме. Она никогда не позволяла нам есть в постели, за исключением случаев, когда мы болели, после чего приносила нам в кровать теплый суп.

— Может, это отравление? — Диана трогает мой лоб. — Температуры нет. Принести тебе минеральной воды? Или "Алька-Зельтцер"? — спрашивает она.

— Скорее, немного газировки, — признаюсь я, смущенно умываясь с мыслями о том, что вся команда теперь будет в курсе, что меня только что выворачивало. — У тебя есть жевательная резинка?

Она кивает и смотрит, как я быстро пытаюсь привести в порядок свой конский хвост.

— Тебе нужно отлежаться сегодня, — предлагает она.

— И пропустить его тренировку? Ни за что, — вздыхаю я.

— Ты очень бледная, Брук.

Я быстро ущипнула себя за обе щеки и нацепила широкую улыбку.

— Вот.

С упреком покачав головой, она протягивает мне жевательную резинку и небольшую дорожную косметичку с пластиковой зубной щеткой и тюбиком "Колгейта".

— Я всегда вожу это с собой, куда бы мы ни отправились. Как и шампунь, — с гордостью сообщает она.

— Ох, ты просто спасительница, Диана.

После того, как почистила зубы над крохотной раковиной, я начинаю серьезно беспокоиться, что же со мной произошло. А когда выхожу, то нахожу его, сидящего на самом краешке сидения, с широко расставленными коленями, в которые он упирается локтями, а черные глаза прикованы к двери в уборную.

Так же, как и его, три остальные взволнованные пары глаз провожают меня, пока я направляюсь к своему месту. Чувствую себя слабой и обезвоженной, быстро падаю на подушки и оказываюсь сидящей на своей дорожной сумке. Ремингтон вытягивает ее из-под меня, убирает в сторону, оставляя в конце дивана, настойчиво обхватывает другой рукой мой затылок и мягко притягивает мою голову к себе.

— Что с тобой произошло?

— Не знаю. Мне не по себе после укусов.

Я скорее чувствую, чем вижу, что Диана где-то поблизости, и, кажется, изучает нас, будучи ни здесь, ни там. Всего лишь хочу, чтобы меня взяли на руки. Хочу взобраться к Ремингтону на колени и свернуться там, обхватив его руками за шею. Уткнуться носом в подбородок, вдыхать его запах, но я слишком устала, чтобы даже сдвинуться с места, поэтому всего лишь поворачиваюсь лицом к одной из его рук, и закрываю глаза, наслаждаясь запахом его мыла.

— Брук, ты уверена, что это началось с укусов?

Мы оба обернулись к Диане в одно мгновение, а на ее лице сияет странная коварная улыбка, которую я никогда не видела ранее. Ее веселые карие глаза остановились на Ремингтоне, потом на мне, после чего она снова заговорила немного дрожащим от волнения голосом:

— Ты спрашивал Брук, не станешь ли ты отцом?

Прошу прощения? Мне кажется, я поперхнулась, а затем проглотила шар для боулинга. И в это мгновение я чувствую, как пара черных глаз смотрят на меня, в то время, как легкие расширяются до предела.

Он ждет до тех пор, пока я не поднимаю на него глаза, голос едва слышен из-за гула самолетных двигателей.

— Что?

Святое дерьмо... Что?

Беременна?

Одно это слово удваивает вес шара для боулинга в моем желудке. Он волнуется, что я беременна? Всмотриваюсь в его лицо и... ничего. Сплошная привлекательность и все. Ничего не могу прочесть в его темных глазах.

— Нет, — напрягаюсь я. Все мои внутренние оборонные комплексы приведены в

полную боевую готовность из-за страха от того, что что-то вроде этого может с нами сделать. — Во мне противозачаточная капсула. Уже несколько лет. Она останавливает менструальный цикл, и я не знаю, когда она снова... — делаю паузу, смотря, как Диана играет бровями прямо напротив меня.

— Нет. Я... нет, — и снова смотрю на ее теперь уже улыбающееся лицо, которое заставляет меня сердиться.

Она подносит мне бутылку газированной воды, которую из ее протянутой руки берет Ремингтон.

— Я не могу быть беременной. Этого не может быть, — говорю я, обращаясь только к нему сейчас.

— Я хочу, чтобы тебя кто-нибудь осмотрел, — он открывает для меня бутылку с водой, и пока протягивает ее, поворачивается к носовой части самолета. — Пит, я хочу, чтобы кто-нибудь осмотрел Брук прямо сейчас!

— Понял, сэр, — отвечает Пит. — Я сделаю пару звонков, как только мы приземлимся.

— Убедись, что это будет женщина с блестящими рекомендациями и хорошим опытом, а не какой-то новичок! — добавляет он.

— Я не хочу, чтобы меня кто-то осматривал! — протестую я.

Он выглядит экстремально взволнованным, поэтому я погружаю пальцы в его темные волосы, пытаюсь немного успокоить. Он шумно выдыхает через нос, и только после того, как замечаю, что он начинает немного расслабляться, утыкаюсь носом в его подбородок. Не знаю, почему, но это единственное место, где я не чувствую болезненность и тошноту, вдыхая чистый приятный аромат Реми.

— Ты пойдешь на осмотр, — хрипло произносит он в мои волосы, после чего обхватывает меня руками и тянет к себе на колени. Я издаю тихий благодарный стон, чувствуя себя до нелепого в безопасности в его руках.

Он опускает голову, прислоняясь к моей шее носом, втягивая воздух, словно и сам пытается успокоиться, после чего его губы мягко движутся к моему уху, где мягко и нежно, при этом выделяя интонацией каждое слово, произносит:

— Если эти скорпионы причинили тебе хоть какой-то вред, клянусь, я убью этого ублюдка и прибью его голову к чертовой перекладине.

— Почему бы тебе хотя бы не сделать тест на беременность? — спрашивает Диана.

Ремингтон соглашается с ней, не открывая своих черных глаз. И я не могу не заметить, испытывая долю паники, что они совершенно не сверкают, и уж точно не смеются.

— Я не беременна. Просто не могу быть, — настаиваю я. Моя штукавина, контролирующая мой менструальный цикл, просто не может меня подвести. Правда?

Очень медленно, он скользит своим цепким взглядом по моему телу, начиная от макушки с конским хвостиком, по груди под моей любимой небесно-голубой майкой, до мягких розовых джинс, и медленно возвращается обратно с абсолютно нечитаемым выражением лица.

— Что? Думаешь, могу? — недоверчиво спрашиваю я, и прежде, чем он успевает ответить, добавляю: — Реми, возможность появления ребенка может быть очень пугающей сейчас.

Он усмехается.

— Кто пугается ребенка?

— Я. Очаровательный ты мой. Я.

Он поднимает мое лицо к себе, притягивая за подбородок.

— Тогда, возможно, я возьму его себе, если он будет похож на тебя.

— Нет, не возьмешь, потому что нечего брать! — он всматривается в меня на протяжении нескольких ударов сердца, и я клянусь, выглядит...

— Ты выглядишь самодовольным, не так ли? — обвинительным тоном шиплю на него, не веря своим глазам.

Он вздернул одну черную бровь.

— Так и есть! Ты выглядишь таким самодовольным, думая, что поспособствовал моей беременности, когда моя противозачаточная капсула говорит мне, что это практически невозможно.

Он издает глубокий гортанный смех, отчего моя кожа покрывается мурашками, а волоски на ней встают дыбом. После этого целует меня именно, как мой парень, однако этот поцелуй не предназначен для нашего возбуждения, просто как способ выразить нашу связь, после чего осматривает меня своими темными глазами, которые сверкают весельем.

— Я предпочитаю думать, что ты носишь моего ребенка, чем отравлена ядом, — наполовину шепчет, наполовину рычит он.

— Ни за что, — уверяю я. И все же, почему меня не отпускает этот двухнедельный блевательный марафон?

Дерьмо.

Черт.

Дерьмочерт!

Он слегка поправляет меня на своей твердой груди, трет мою спину вверх-вниз, после чего говорит мне быстро, тихо, но предупреждающе:

— Я собираюсь уложить тебя в постель, как только мы доберемся до отеля, и будешь лежать смирно. Меня не волнует, что послужило причиной. Ты не поднимешься с кровати до тех пор, пока кто-то не осмотрит тебя и не скажет мне, что с тобой все будет в порядке.

— Ха! Ни за что не буду лежать в постели весь день, даже если мне будет плохо. Я никогда не пропускала ни одного рабочего дня за всю свою жизнь.

Он снова целует мое ухо, ведя себя, как истинный бойфренд, и мне начинает это слишком сильно нравиться.

— Раньше ты жила неправильно.

♥ ♥ ♥

ПОЭТОМУ Я НЕ ТОЛЬКО пропускаю сегодня работу и живу сейчас на грани, я только что помочилась на специальную палочку.

Пит назначил встречу с хорошим опытным гинекологом-мужчиной на завтра, и Ремингтона подкидывает от нетерпения; он даже простил Питу то, что врачом будет мужчина. Но ему не придется долго ждать, чтобы узнать результат. Естественно, мистер Скорость не будет ждать. Я ему тысячу раз сказала, что не беременна, но чем больше я ему об этом говорю, тем более самоуверенным он становится. А сейчас мне кажется, что он испытывает больше восторга от того, что я помочилась на палочку, чем я сама.

Когда я выхожу из ванной в его черной футболке, то вижу лишь боксирующую тень в центре комнаты.

Я наблюдаю за ним с порога, любясь его выпадами. Он точно знает, куда направляется его кулак, несмотря на то, что производит впечатление расслабленного человека. Я знаю, что сила каждого его удара равна силе бульдозера.

Опираясь на дверной проем, спортсмен внутри меня не может не восхищаться спортсменом внутри него. Я знакома с тысячами спортсменов. Но никогда не встречала человека, подобного ему. Его скорости. Ловкости. То, как он уклоняется. Балансирует. То, как он дерется, создает впечатление инстинкта, но в то же время, я наблюдаю за обоими его тренировочными режимами, и не могу не отметить, что в его игре голова задействована на все сто каждый раз.

На один миг я вспомнила о своих родителях. Они ведь знают, что я в турне по работе, и даже представить себе не могут, в насколько глубоких отношениях я состою со своим работодателем. В тот день, когда я покидала Сиэтл, моим единственным переживанием было, примет ли меня Ремингтон обратно. Я даже не рассказала родителям, что влюблена. Что познакомилась с парнем, тем единственным, которого, как думала, никогда не встречу. Того, кто заставил меня упасть сильнее, чем я когда-либо падала. Я знаю, что они мне доверяют, считая меня рассудительной. На протяжении многих лет я доказывала, что оправдываю их доверие, но что, если этот тест окажется положительным... Обожемой, если он будет положительным, они будут кричать о "безрассудности" на каждом шагу!

Боже мой, что мне делать, если я все-таки окажусь беременной? Что будет, если маленький Тэйт ворвется в мою жизнь так же, как и Ремингтон, присваивая меня, говоря: "Знаешь что? Ты должна знать, что нуждаешься во мне, хочешь меня, будешь отчаянно любить меня, и вот он я!"

— Ты уже проверяла?

Его голос возвращает меня в реальность. Желудок скручивает от нервов, в то время, как я оторопело пялюсь на него. Он быстро проводит пальцами по волосам, что все больше взъерошивает их каждый раз. Его глаза темные, но отблеск заката, проступающий сквозь стекла, освещает небольшие голубые пятна. Он выглядит теплым и спортивным в его мягких тренировочных штанах и толстовке, по-мальчишески, и мысль о возможности иметь под сердцем его ребенка согревает меня, беспокоит и делает очень, очень не готовой к этому.

— Брук? — мягко настаивает он.

Мой желудок переворачивается снова. Часть меня сгорает от любопытства, а другая часть не хочет знать. Все, чего она хочет — сохранить статус-кво. Только мы. Реми и Брук.

— Детка, ты пописала на палочку или нет? — подгоняет он, хотя я по-прежнему колеблюсь.

— Пописала. Я же сказала тебе, что сделала это, — стону и возвращаюсь за тестом, после чего иду и в третий раз изучаю инструкцию. После этого собираю все свое мужество, надеваю образ плохой девчонки, поворачиваю тест окошком вверх и смотрю результат.

Бабочки вылетают из меня.

Образ родителей мигает в моем сознании. Мама и папа. Другое поколение. Возможно, Нора сказала им, что я встречаюсь с мужчиной, на которого работаю, но даже, если они и не знают о том, что я с ним, известие о ребенке заставит их проходить месячную реабилитацию. Я избавляюсь от этих мыслей, потому что, по правде говоря, единственное, что сейчас важно, так это что думает он. Он. Ремингтон Тэйт. Ваш единственный и неповторимый Разрывной. Который, возможно, вскоре станет отцом моего ребенка?

Дерьмо.

Этого не может быть.

Но это так.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и огромный грузовик любви врывается в мое

сердце.

Он прыгает по комнате, размахивая руками вверх вниз. Он исполняет хуки, джебы, хмурится, врезается в своего воображаемого партнера по боксу, который также производит впечатление удальца, но Ремингтон продолжает свой джебинг, нанося ответные удары.

Он завораживает.

Мускулистый, первобытный и такой настоящий. И он весь мой, или, по крайней мере, он — единственное в мире, чего я хочу. Чтобы он был моим.

Успокаиваясь, будто чувствуя меня, он прекращает балансировать и поднимает одну из своих гладких бровей.

— Ну что там?

— Здесь... — я уставилась на маленькое окошко, и нет, у меня не двоится в глазах. В смысле, двоится, но это не галлюцинация.

У меня чувство, что вместо легких у меня камни, потому как я не могу вздохнуть, в то время, как опускаю тест на кровать и иду к нему. Шаг за шагом, я смотрю в эти темно-серые глаза с голубыми пятнами, которые следят за моим приближением с нескрываемым любопытством. Поднимаю руки, кладу их на его щетинистый подбородок и смотрю вверх, на него, в то время, как он смотрит на меня, опустив голову. Я совершенно спокойна, а он абсолютно заинтересован.

— Ремингтон, не забудь этого, — я выдавливаю из себя тревожный шепот, в то время, как грудь горит от необходимости в его поддержке. — Ты сейчас “темный” и не хочу, чтобы ты забыл то, что я собираюсь тебе сказать. Все, что мне нужно, это, чтобы ты был сейчас со мной.

— Эй, — его ямочки исчезают, и он берет мое лицо в свои огромные, мозолистые ладони. — Я понял.

— Господи, пусть так и будет.

— Так и есть. Я понял, я с тобой. А теперь скажи, что там? Ммм? Если ты не..., тогда мы выясним, что с тобой произошло. А если да...

Я рванула в сторону до того, как он успел закончить, схватила тест, неся его ему, ощущая бешеный ритм своего сердца. Я нуждаюсь в его силе. Мне необходима его уверенность. Потому как, даже в моменты, когда он нестабилен, он всегда такой. Черт. Сильный! Мне нужно это сейчас.

Не отрывая от меня глаз, он берет палочку, которую я ему протягиваю.

Господи, он должен хоть ненадолго перестать улыбаться.

Мой голос спокойный, и на удивление, уверенный.

— Две полоски означают, что, предположительно, я беременна.

Его взгляд останавливается на мне еще на мгновение, после чего ресницы опускаются, в то время, как он поворачивает окошко теста к солнечному свету.

Мое собственное беспокойство съедает меня изнутри, пока жду его реакции. Мы шутили об этом в самолете, но сейчас он серьезен. Так же серьезен, как и я. Выражение его лица абсолютно нечитаемое, в то время как я рассматриваю его идеальную форму носа. Его губы настолько полные и расслабленные, чертовски красивые. Брови немного сведены вместе, что определяет его замешательство, пока он рассматривает полоски. Для меня абсолютно нереально определить хоть какую-то из его эмоций.

Когда он убирает палочку в сторону, мое дыхание застревает в легких, а когда поднимает ко мне свою темную голову, ничего больше не существует для нас, кроме этого

момента. Он поднимает глаза и всматривается в мои, в то время, пока мой живот скручивает, а сердце выдает кульбиты в груди.

Что, если он не хочет этого?

Что, если это уже слишком для нас?

Что, если мы достаточно сильны, чтобы любить друг друга, но этого недостаточно, чтобы любить кого-то еще, вместе?

Что, если мы не готовы?

Наши глаза встретились. Он изучает мою реакцию, пока я изучаю его с еще большим отчаянием. И среди тысячи разных вещей, которые я готова была увидеть на его лице, никогда не могла бы представить, что увижу то, что вижу. Он... рад. Он более, чем доволен. Его глаза светятся так же, как если бы он испытывал сексуальный голод, но это касается какого-то иного голода. Потом появляются его знаменитые ямочки, и он смеется. И то, как он невообразимо счастлив, взрывается во мне радугой.

— Иди сюда, — он поднимает меня на вытянутых руках так, что мой живот оказывается прямо напротив его лица, и он одаряет меня звонким поцелуем. Я визжу, когда он мягко швыряет меня на кровать, нависая надо мной.

Вид этих двух ямочек на его щетинистых щеках восхищает меня настолько, что я начинаю смеяться. — Ты сумасшедший! Ты единственный знакомый мне мужчина, который бросает свою беременную девушку на кровать!

— Я вообще единственный мужчина, — говорит он. — Насколько я знаю. Только один мужчина есть в твоём мире, и это я.

— Хорошо, только моему отцу не говори, что я так легко согласилась... — Я глажу его плечи, а он обхватывает мое лицо, продолжая нависать надо мной. И если мне казалось, что раньше он выглядел самодовольным, то сейчас он вкладывает в это слово новый смысл.

— Брук Дюма беременна моим ребенком, — лукаво шепчет он. Его волосы взъерошены, и я смело погружаю ладонь в них, наблюдая, как пряди скользят между моими пальцами. Счастливая дрожь пробегает сквозь меня.

— У меня голова кружится. Поцелуй меня.

Он опускает голову и нежно переплетает свой язык с моим, касаясь моих губ словно впервые, смакуя наш поцелуй, заставляя работать все мои вкусовые рецепторы. Он облегчает давление на меня, попутно лаская мою спину и медленно скользя своим пальцем к моему лицу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Сделай так, чтобы он был похож на тебя.

— Ты единственный, от кого это зависит.

— Нет, это зависит от тебя.

— Ладно, мы оба такие благородные души.

Его смех настолько чудесный, в то время, как он быстро перекачивается на спину, укладывая меня в своих объятиях и начиная осыпать сотней маленьких поцелуев.

— Теперь ты моя, от твоей темной макушки до кончиков маленьких ножек, — он нежно ласкает мое лицо своими мозолистыми ладонями, целуя мои закрытые веки. — Даже не думай еще когда-либо бросить меня снова, иначе я приду за тобой, и да поможет мне Бог, свяжу и утащу туда, где буду только я, где мы будем лишь есть и спать. Ты слышишь меня, Брук Дюма?

Я чувствую, как в бюстгальтер упираются горошины моей груди, и киваю, затаив

дыхание. Черт, я обожаю, когда он такой собственник, и вдвойне, когда в это время он “темный”. Я чувствую, как становлюсь влажной между ног.

— Во мне нет ни единой частички, которая бы не знала, что я вся принадлежу тебе, — заверяю, взяв его за руку и опуская ее на свое сердце.

Он сжимает челюсть, и искра первобытного осознания мелькает в его глазах, пока он обхватывает мою грудь своей большой ладонью. Мы начинаем целоваться. Сперва жестко, постепенно смягчая напор. Притягиваем друг друга еще ближе. Так, словно нуждаемся друг в друге, как в кислороде. Он шепчет мне на ухо:

— Я так сильно схожу по тебе с ума.

И после того, как он прижимается лицом к моей макушке, я притягиваю его еще ближе, выдыхая:

— Я так сильно тебя люблю.

Он выглядит удовлетворенным, почти так же, как когда одаряет меня несколькими умопомрачительными оргазмами подряд. Он поворачивает меня и подстраивает так, чтобы обхватить ладонью мой живот и уткнуться носом в затылок, в то время, как мой мозг продолжает работать, представляя маленького Реми, бегущего также, как бегают маленькие дети, таким же неуклюжим, падающим, и это заставляет меня коснуться своего живота в том месте, где я позволяю своему льву поглаживать меня.

Глава 7

Город грехов

Сейчас мы в городе грехов, и его глаза черные, с их обычным напряжением и проблеском голубых пятен.

Он проснулся с голубыми глазами после того, как узнал, что мы ждем ребенка. Мы. Ждем. Ребенка. Этой ночью мы не спали. Реми был настойчивым, и у него определенно были свои планы на меня, на всю ночь. От трахал меня, сосал меня, заставлял сосать его, ласкал меня пальцами, хотел, чтобы я обхватила его рукой и ласкала, пока он трахал меня своими пальцами.

На следующий день, мы двое, оба насытившиеся и невыспавшиеся, встретились с врачом, который вынул мою противозачаточную капсулу. Этот добрый человек напомнил мне, что спустя пять лет любая "штуковина в руке" должна быть заменена. Моя прослужила пять с половиной лет, которые я забыла подсчитать, особенно когда убеждала Реми, что контрацепция у меня под контролем.

Но затем я мельком заметила, как он снова дразнит меня, подмигивая, весь такой самодовольный со своими голубыми глазами, утверждая, что я сделала это нарочно.

— Ну, ты мог бы пользоваться презервативами! — угрюмо прошептала я.

— С тобой? — с издевкой изумился он. Затем легко ткнул меня в ребра. — Ты моя.

— Ваше противозачаточное некоторое время не работало, однако для организма все равно необходимо время, чтобы адаптироваться и увеличить производство необходимых гормонов. Хотя, глядя на вас, я бы сказал, что вы в порядке, — сказал доктор, озвучивая нам примерный срок. Окончание которого было примерно через два месяца после завершения сезона, слава богу.

Клянусь, Реми смотрелся просто очаровательно в кабинете врача, такой сильный и атлетичный в своем спортивном костюме, сидя в кресле возле меня и внимательно слушая все предписания врача. Большинство терминов для нас обоих звучали, как на китайском. Но он выглядел любопытным и сконцентрированным на фоне меня, готовой сбежать отсюда. Его интересовало, сколько я должна есть. Сколько граммов белка, сколько углеводов. Врач, казалось, даже смутился от его требования подробно подсчитывать граммы в порциях, а мне хотелось поцеловать моего парня за то, как он заботится обо мне.

Ложь. Я хотела не просто его поцеловать. Я хотела прижаться грудью к его груди, пока соски не перестали бы ныть, и хотела слиться губами с его ртом, чтобы его член глубоко пронзил меня, и прокатиться на нем верхом до Австралии и обратно.

Если Реми сходит с ума из-за моей беременности, то я даже не хочу озвучивать то, как его голубые глаза и мои бушующие гормоны действуют на меня. Теперь он выяснил, что мне лучше нюхать еду перед употреблением, чтобы определить, вызывает ли она у меня рвотные позывы или нет, и начинать есть за двоих. Я беспокоилась, что он откормит меня до размера слона, так что, если он хочет, чтобы я ела, пусть лучше это будут свежие органические продукты, чем всякий мусор.

И вот они мы, Диана и я, бродим по магазину "Вся еда" на бульваре в Лас-Вегасе.

Снаружи супермаркета все усеяно вывесками с рекламой игр, женщин и выпивки. Это Лас-Вегас, детка! Но никто из нас не делает вообще ничего, чтобы "остаться здесь". Напротив, Ремингтон надрывается в спортзале, а тренер фактически увеличил часы его

тренировок.

Он набирал мышечную массу и становился все более рельефным, но вся команда согласна, что Скорпион не заслуживает ничего, кроме лучшего Разрывного в конце сезона. Так что мой зверь тренируется по девять часов, пока я позволяю себе немного дополнительного сна по утрам, после чего присоединяюсь к нему в спортзале, прежде, чем он заканчивает. Он употребляет белок, как сумасшедший, и тренер добавил ему коктейли с L-глутамином, чтобы сохранить мышечную массу, поэтому сейчас я также помогаю Диане выбрать лучшие продукты для его тела и мозга.

Пит говорит, что Скорпион хочет снова трахнуть Реми мозг, поэтому мы должны убедиться, что он правильно спит, тренируется и питается так, чтобы оставаться максимально стабильным. Сейчас он особенно нуждается в омега-3.

Так что сегодня мы выбираем много полезных продуктов для моего тиранозавра, поэтому нам с Дианой понадобилось целых две тележки. Мы делаем небольшие остановки по всему магазину, покупая фрукты, овощи, лучшие сыры, черный шоколад, проросшие зерна и орехи. Когда мы переходим к протеиновой части, то заказываем свежего королевского лосося с Аляски, лучшую рыбу среди всех, которая не содержит токсинов.

Пока мы ждем, чтобы нам завернули несколько фунтов рыбы, я присмотрела несколько идеальных пучков брокколи, которые положила в одну из наших тележек. Я всегда называю их "маленькими деревцами", а Мелани зовет их "зелеными штучками", как и все, что было зеленым. Единственной причиной, по которой она ела овощи, был их цвет. Мел любит цвета.

— Моя бабушка научила меня всему, что я знаю о еде. Она вылечила дедушкину депрессию специальной диетой, — рассказывает мне Диана.

Мы заказываем немного свежих креветок, которых только недавно выловили, и продавец кладет их в пакет.

— У меня однажды была депрессия, — внезапно говорю я ей, останавливая свой взгляд на глазах мертвой рыбины. — Это не весело.

— У тебя? Брук, глядя на тебя, я бы никогда не подумала. Что-то случилось, из-за чего она началась?

— Думаю, моя жизнь изменилась до того, как я была к этому готова.

Я пожала плечами и печально ей улыбнулась.

— Я не могла поверить в вещи, которые происходили в моей голове в те дни, — признаюсь я. — Все казалось таким бессмысленным. Тоскливым. Думаю, очень сложно выйти из такого состояния в одиночку.

— И как получилось у тебя? — подталкивает она.

— Не знаю, думаю, часть меня осознавала, что я была не в себе. Мозг — это просто еще один орган, вроде почек или печени.

Она была прекрасным слушателем, кивающим и понимающим, поэтому я продолжила, даже если это и прозвучало, как безумие:

— Мой мозг хотел, чтобы я умерла, но в каком-то нереальном смысле; я чувствовала, как моя душа борется с этим.

Иногда я не могу перестать думать и сравнивать: в то время как я страдала от депрессии однажды, она длилась около двух месяцев, Ремингтон проходит через это постоянно, проходя весь цикл снова и снова, поднимаясь и падая. Любой, кто проходит через это — борец. Точно так же и их близкие, которые борются вместе с ними. Клянусь, душа Ремингтона настолько сильная... Я знаю, что когда его засасывает темный вихрь, его душа

именно то, что побеждает его. Вся энергия, которая кипит у него внутри, слишком мощная, способная подавить его. Но он словно... разрывает ее.

— Как ты это ощущала? — шепчет Диана, когда парень наконец упаковал для нас продукты в несколько термосумок.

— Это вроде как ты обретаешь визуальный или звуковой раздражитель, или, если ты касаешься чего-то, твой мозг диктует тебе ответ, что это раздражитель, — отвечаю я ей. — Я вижу тебя, и мозг сразу же посылает мне импульс, который при виде тебя вырабатывает ощущение комфорта и счастья. Но когда у меня была депрессия, я видела обычные вещи, но мозг сопротивлялся и выдавал искаженную информацию. Это было безумием.

— Это звучит, как безумие! — соглашается она.

Я улыбнулась, и мы забрали у парня пакеты, поблагодарив его, и стали толкать наши тележки к отделу с мясом и сырами. Я добавляю:

— То, как это вижу я, если представить мозг в виде доктора, а надпочечники в виде аптеки, которые выписывают рецепты. Ты можешь смотреть рекламу со смеющимися детьми, и несбалансированный разум быстро определяет тревогу, после чего ты начинаешь лить слезы, смотря на детей. Даже, если это не логично, без разницы. Именно такой рецепт был дан твоему телу.

— Мне очень жаль, Брук. Я и правда никогда не задумывалась, на что это может быть похоже.

Мы добавили к покупкам органический козий сыр, кокосовое, миндальное и цельное молоко.

— Они пичкали меня таблетками, но это лишь быстро ухудшило ситуацию. Единственное, что помогло вырвать меня из этого состояния, это моя семья, Мелани, физические упражнения и солнце.

— Я знаю, что с нашим парнем это происходит несколько раз в год, — шепчет Диана, изучая этикетку на баночке с органическим греческим йогуртом. — Знала, что что-то с ним происходит; просто не догадывалась о поставленном ему диагнозе до тех пор, пока в последний раз он не был госпитализирован. Парни рассказали мне.

Внезапно я мысленно переносусь обратно в больницу, когда Ремингтон пытался мне что-то сказать, а я сбежала... а потом его, пытающегося справиться с этим, с тысячами женщин в его постели.

Клянусь, внутри меня такая дикая боль, так глубоко, что, скорее всего, задевает и душу.

И прежде, чем подумала об этом, я неосознанно обхватила рукой свой живот, так, словно могла почувствовать его внутри. Во мне. В нашем ребенке.

— Он удивительный боец, — восхищенно говорит Диана и ее глаза светятся одобрением. — Он прилагает все усилия, чтобы быть хорошим. Ты должна была заметить, что Ремингтон никогда не ест того, что не подходит его телу. Никогда.

Желудок урчит, когда я вспоминаю о здоровом завтраке альпиниста и сравниваю его со своим, состоящим из крекеров и минеральной воды. Но все равно не могу запихнуть в себя что-нибудь другое по утрам, даже аппетитные органические финики без косточек. Но естественно, я заметила, как хорошо ест Реми. Он употребляет самые чистые продукты, и сохраняет свое тело в наиболее естественном из возможных состояний. Мне это нравится. Я обожаю то, как трепетно он относится к своему телу, серьезно выбирая еду после ежедневных многочасовых тренировок.

И потом я смотрю на Диану, и в самом деле понимаю ее, вижу, как хорошо она его

знает. Эта женщина, которой немного за сорок, с ее широкой улыбкой и добрыми глазами, окруженная аурой комфорта, который излучает, то, какой уют она придает каждому гостиничному номеру. Я знаю, насколько хорошо она заботится о нем, знаю, что она вполне может быть ему ближе его собственной матери. В порыве, отпускаю тележку и крепко ее обнимаю, шепча:

— Спасибо. За то, что заботишься о нем, Диана.

— Ну, вот еще! А как иначе, если он так заботится обо мне? Если ты думаешь, что я хорошо забочусь о нем, то ты даже представить себе не можешь, сколько всего он делает для нас, в любое время, как только слышит, что мы в чем-то нуждаемся. Он даже приехал на похороны моей матери.

Она останавливается, видя мое удивление, и, когда мы добираемся до кассы, выкладывая продукты на ленту, продолжает:

— У него ведь даже нет матери, настоящей, я имею в виду. Но он знал, что я заботилась о своей, и пересек три штата, чтобы пойти на похороны. Он не произнес ни слова, просто обнял меня в конце, но он был там...

Ее голос неожиданно дрогнул, и я понимаю, как молчаливая демонстрация любви Реми заставила нас обоих почувствовать ком в горле.

— Мы так рады новости о ребенке! — выпаливает она, меняя тему разговора. — Все мы. Пит. Райли. Тренер. Мы так рады этому малышу. Мы думаем, что этим вселенная отдает Реми что-то чистое и прекрасное, правда.

Она обходит мою тележку словно хочет почувствовать ребенка, но останавливается, раздумывая коснуться ли меня. Я тянусь к ее руке и медленно кладу ее на свой плоский живот. После чего шепчу:

— Я никогда не знала, что так хочу ребенка, пока он не появился.

Ее брови заинтригованно взлетели.

— Он?

Я просто нутром это чувствую. Не знаю, возможно, это женское шестое чувство, но я уверена. И когда я думаю об этом ребенке, то представляю себе маленького Реми. Я не знаю, почему, или откуда я знаю, но в этом абсолютно уверена. Точно так же, как уверена в том, что его отец будет безумно любить его, поэтому взволновано киваю:

— Он.

♥ ♥ ♥

Вегас полностью поглощен Разрывным.

Арена переполнена молодыми студентами колледжа, не говоря уже о девушках. Девушки здесь — самая шумная и подпрыгивающая группа женщин, которых я когда-либо видела. Они сохнут по нему так сильно, что вся моя ревность, в отношении которой я пришла к выводу, что она увеличилась в десятикратном размере из-за гормонального всплеска в результате беременности, просто разрывала меня изнутри. Девушки кричат, я даже слышу как они говорят о нем позади меня, обсуждают его большие руки и что это значит.

Пит, кажется, тоже услышал их и теперь посмеивается надо мной, качая своей кудрявой шевелюрой.

Слева, сразу за рингом, группа друзей одеты в красные рубашки, на каждой из которых вышит одна буква таким образом, что когда они встают рядом, то все видят одно кричащее слово "РАЗРЫВНОЙ!"

Там даже был восклицательный знак на одном бедном друге, не получившем букву.

К тому времени, как бой приближался, я успела рассмотреть всех и каждую из этих дамочек, от которых у меня сжималась челюсть, как вдруг я почувствовала к ним любовь, потому что они обожают его, а он именно тот, кто заслуживает только обожания.

Чего я хочу? Чтобы они болели за мудака Скорпиона? Черт, нет! Так что. Я думаю мило придержать свою ревность этим вечером.

На самом же деле, я сдерживаю свою ревность настолько хорошо, что готова прыгать вместе с фанатами, когда его представляют. "Раааазрыбыывнооой!!!" прокричал комментатор, используя весь энтузиазм, который, клянусь, каждый комментатор оставлял в резерве для него. "Единственный и неповторимый, люди! ЕДИНСТВЕННЫЙ НЕПОВТОРИМЫЙ!!!"

Он появляется как красивая красная молния, когда запрыгивает на ринг. Этот мужчина силен, как бык, и аэродинамичен, как ад, и когда он сдергивает свой халат, крутит его в воздухе и передает Райли, я почти чувствую это кожей. Этот атлас на мне, обожаю как он скользит по мне, как пахнет им.

— А теперь Джоуи Спайдер-МЭЭН! Который приведет в ужас своих оппонентов сегодня вечером!

Прежде, чем Спайдер-Мэн поднимается на ринг, Ремингтон смотрит на меня, и его голубые глаза горят. Желание нарастает у меня между ног, прошлая ночь вспыхивает в голове. Я знаю, о чем он думает, могу чувствовать это внутри себя. Я не знаю, что связывает меня с ним, но что-то точно, и в то время, как тестостерон циркулирует в моем теле, я могу сказать, что он собирается драться, зная, что я смотрю на него. И это его заводит. Он собирается драться, как всегда, а потом трахнет меня сразу после этого. Как он любит. О, Господи, не могу дождаться! Могу попытаться обвинить мою беременность в том, что это все, чего я хочу, но единственный, кто действительно виноват в том, что разжигает во мне огонь одним простым взглядом, так это он.

— У этого ублюдка сносит голову от тебя, — говорит Пит.

— Так и есть, — отвечаю я. Реми рассказывал мне, что бой — это полголовы и полтела, и, возможно, он прав, но когда вы видите, как дерется Ремингтон, я поставлю всю себя на то, что он дерется всем сердцем. Удары моего сердца все тяжелее, из-за него, из-за того, что я смотрю, как он надевает перчатки, как и его оппонент делает то же самое, и вот, они оба готовы.

Звучит знакомый удар гонга и публика замирает. Не имеет значения, сколько раз я видела, как он дерется, я всегда загипнотизирована тем, как он движется. Они оба направляются к центру, разогреваясь. Я знаю, что стратегия Ремингтона всегда разная для каждого противника. С некоторыми он играет. С некоторыми мгновенно бьет прямо в цель. Иногда он теряет к ним интерес, приберегая свои особые удары для тяжеловесных противников. Но сегодня он невероятно быстр, настолько быстр, что я слышу только звуки "пуф, пуф, пууф!", посылаемые Спайдер-Мэну, мужчине, который должен был навевать ужас на своих соперников сегодня ночью, который стал спотыкаться и заваливаться спустя минуту.

— Мы любим тебя, Разрывной! — кричали фанатки Р-А-З-Р-Ы-В-Н-О-Г-О. — Выруб его для нас!

— Каждый раз, когда ты здесь, он дерется, как псих! — добавляет Пит.

"Псих" даже близко не то слово. Он, как машина.

Бой в самом разгаре, а ощущения скручивания в животе не дают мне сделать глубокий вдох. Его мышцы вздрагивают, когда он бьет левой, потом уходит в защиту. Спайдер-Мэн промахивается и Реми проводит контратаку. Он ударяет джебами несколько раз и с правой, и с левой, затем делает прямой удар, который врежется в Спайдер-Мэна, как локомотив.

Спайдер-Мэн падает.

Ремингтон отскакивает и дает ему возможность вдохнуть.

Спайдер-Мэн восстанавливается и бросается в атаку.

Ремингтон делает ложный выпад, балансируя вокруг противника, который промазывает каждый раз, как Реми отскакивает, после чего возвращается, чтобы нанести ему удар в живот, под ребра и в челюсть. К тому времени, как он наносит свой самый мощный хук справа, потный, окровавленный Спайдер-Мэн уже смертельно устал. Он спотыкается.

Я смотрю, как Реми ждет, что он поднимется, и в это же время уверена, что все женщины в этом зале кричат и глазят только туда, куда и я. На то, как по мускулистому торсу Ремингтона скатываются капельки пота. Как его покрытые венами и татуировками руки блестят от влаги и смотрятся такими же чернильно-черными, как и волосы. Как появляются его сексуальные ямочки, когда он улыбается сам себе каждый раз, побеждая свою жертву.

Девушки "P-A-Z-P-Y-B-N-O-Y!!!" болтают между собой в перерывах между криками точно так же, как и мы с Мел когда-то, во время просмотра боя. Две из них, "З" и "Р", прыгают вместе, обнимая друг друга, потому что, могу поспорить, похоть их просто захлестывает.

О, боже, это уже слишком для меня. Предполагалось, что он мой. И я просто не могу в это поверить. Я вижу его, касаюсь его, целую его, люблю его и девяносто девять и девять десятых процентов меня просто не может поверить, что кто-либо, столь же неуловимый, сложный, столь же мужчина, как он, может принадлежать любой, даже не смотря на то, что любит меня.

Один хук справа и звук шлепка об пол ринга после, и вот уже рефери поднимает руку Ремингтона в воздух. Его грудь вздымается, голодные голубые глаза смотрят на меня, глаза, которые прожигают меня до костей. Он не улыбается. Его ноздри трепещут. Мое тело тяжелеет и готовится к тому, что я явно читаю в его глазах.

— Вы хотите еще? — я слышу крик из динамиков. — Вы готовы к БОЛЬШЕМУ?

Публика взвыла, девушки "P-A-Z-P-Y-B-N-O-Y!!!" кричат, а Ремингтон продолжает смотреть на меня, восстанавливая дыхание. Его взгляд ярко-голубой, и он раздевает меня прямо на месте, могу поставить на что угодно, что он трахает меня в своем воображении. Моя сверхчувствительная грудь тяжелеет, и, когда он принимается за своего следующего соперника, я намокаю между ног и дрожу от того, насколько гибкие его мышцы, от того, как в его голове выстраивается новая стратегия.

Я умираю от желания получить его всего для себя сегодня ночью, его язык у меня во рту, делающий со мной все те вещи, которые он обычно делает, его внутри меня, толкающегося мощными и быстрыми рывками, или медленными, но глубокими... Я просто хочу обнимать своего большого льва и дарить ему всю свою любовь, которой никто в мире больше не способен его одаривать так, как я.

Толпа кричит: "Вперед, Разрывной!!!!"

Они хотят пощекотать нервы, что всегда происходит, когда на ринге он, и Ремингтон с радостью им это предоставляет. Он смотрит на меня, и я не знаю, что он ожидал увидеть в

этом взгляде, но, что бы это ни было, он это получает. Он смотрит на своего следующего соперника, молодого боксера, которого я раньше никогда не видела, но прежде, чем я это понимаю, Реми со скоростью света наносит три быстрых удара по бокам и в центр, и заканчивает хуком в челюсть, — тот падает камнем.

— ДА! — шипит Пит, поднимая руки вверх. — ДАДАДА!!! ДАААААА!

Весь зал скандирует "Разрывной!", пока я неподвижно сижу в своем кресле.

Боль одним ударом пронзает все мое тело, переходя в судороги. Я хватаюсь за живот и неловко дергаюсь.

"Разрывнооооооой, народ! Еще раз, я говорю вам, Разрывной!!!!!!!"

Его рука победно вздернута вверх, и я замечаю небольшую кровавую рану в центре его нижней пухлой губы. Он одаривает меня своими ямочками, его глаза мерцают, а я умираю от желания слизать эту капельку крови и смазать его губу мазью. Новая судорога ощущается где-то глубже, и мне приходится немного сгорбиться, поэтому, когда приводят следующего соперника, я даже не смотрю. Я чувствую себя намного хуже, чем слегка нездоровой.

Мои легкие сжимаются, когда я поднимаю глаза и вижу, как в бое он задействует каждую возможную мышцу, его удары отрывистые и гибкие. Я вижу его, но в мыслях продолжаю отдаляться. Меня волнует боль. Интересно, что со мной.

— Пит, мне нужно в туалет прямо сейчас, — произношу я голосом, которого никогда раньше не слышала. Он звучит напугано, по-настоящему напугано, и дрожит. Но Пит встает, сосредоточенный на том, что происходит на ринге, и рассеянно плетется за мной к грязным, временно приспособленным туалетам.

Там, снаружи, я стою в очереди пару минут, и когда подходит мой черед, захожу в маленькую пластмассовую кабинку. Я снимаю брюки, которые ощущаются липкими и вижу, что они пропитаны красным, как если бы у меня пошли месячные.

— О, мой бог, — произношу я.

Делаю тысячу успокоительных вдохов, но они на самом деле меня не успокаивают, а вместо тошноты, тонущее чувство отчаяния заполняет меня всю. Несколько минут я пытаюсь успокоиться, чтобы выйти и хотя бы попытаться собраться до окончания боя. Пит улыбается мне.

— Подруга, я никогда не видел, чтобы кто-то столько блевал. Сколько фунтов ты уже потеряла?

— Просто давай сядем, — говорю я.

Иду медленно, слегка сгорбившись, потому как, если выпрямляюсь, болит сильнее, и мое тело, кажется, инстинктивно хочет свернуться в клубок. Я опускаюсь на свое место максимально осторожно, в то время, как Ремингтон по-прежнему там, а его имя выкрикивают со всех сторон. "Реми" — зовут они.

Он ожидает следующего соперника, когда его голова поворачивается в нашу с Питом сторону так, словно он ждал, когда мы вернемся на свои места. Он подмигивает, когда видит меня. После этого его гладкие брови сходятся к переносице, когда он присматривается ко мне повнимательнее.

Вдруг он хватается за канаты ринга и спрыгивает вниз, публика оживает, когда они осознают, что это элемент его привычного дурачества, как и всегда, когда он заходит на ринг. "Ре-минг-тон! Ре-минг-тон! Ре-минг-тон!" — скандирует толпа, когда они понимают, что он направляется ко мне, и что вся эта гора мускулов и силы, наполненная тестостероном, приближается ко мне, они меняют кричалку на "Поцелуй! Поцелуй!"

Поцелуй!"

Он подхватывает меня на руки.

Публика сходит с ума, как и мое сердце.

Но он смотрит на меня сверху вниз, как всегда бдительный и начеку.

— Что случилось?

— У меня кровотечение, — испуганно говорю я.

♥ ♥ ♥

Следующие полчаса проходят, как в тумане.

— Подготовь машину! — инструктирует Пита Ремингтон, пока выносит меня из арены.

Слово "Разрывной!" до сих пор звенит фоном, когда мы выходим наружу, на свежий воздух Вегаса, направляясь на парковку склада, где сегодня ночью обосновался "Андерграунд". Он забирается со мной на заднее сидение "Эскалейда", а Пит садится за руль, нажимая на кнопки GPS в поисках ближайшей больницы. Я, словно со стороны, слышу свой отчаянный голос:

— Я не потеряю его. Я не потеряю твоего ребенка.

Ремингтон не слышит меня, он разговаривает с Питом приглушенным голосом, прижимая меня к своей груди, указывая, что надо повернуть направо к отделению скорой помощи, а я продолжаю говорить более настойчивым тоном.

— Я не потеряю его. Ты хочешь этого ребенка, я хочу этого ребенка, я правильно питаюсь и тренируюсь, ты правильно питаешься и тренируешься.

Он заносит меня в больницу и шагает к стойке регистрации, требуя внимания, и когда для меня привозят инвалидное кресло, говорит медсестре, предлагающей его:

— Просто скажите, куда ее отнести!

Я слышу биение его сердца у меня под ухом, и никогда не слышала, чтобы оно билось так быстро. Пум, пум, пум.

Он заносит меня в палату, опускает на кровать, и держит за руку слишком крепко, в то время как медсестры и доктор осматривают меня, а Пит ждет снаружи. Слава богу, потому что мои ноги окровавлены, и мне ужасно неловко, что Реми видит меня в таком состоянии. Но он смотрит только на наши сплетенные руки, и даже если ему тоже некомфортно от этого, он терпит до тех пор, пока доктор не отходит и снимает перчатки, после чего говорит:

— У вашей жены угроза выкидыша на ранней стадии беременности.

В то время пока мой мозг пытается обработать услышанное, я поворачиваюсь на бок, сворачиваюсь в позе эмбриона, обхватывая свой живот руками, и качаю головой, ничего не говоря. Просто качаю головой, потому что... нет.

Просто... нет.

Я здоровая молодая женщина. Здоровые молодые женщины не теряют детей.

Врач отводит Ремингтона в сторону и говорит с ним вполголоса. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на его лицо. Это лицо моей мечты, и клянусь, никогда не смогу забыть ожесточенное выражение, которое возникло на нем, когда он говорит врачу приглушенным тоном:

— Это невозможно!

Врач продолжает говорить, но Ремингтон качает головой, плотно сжав челюсти. Он внезапно выглядит моложе и более уязвимым, чем я когда-либо его видела. Господи, он выглядит таким же обескураженным, как, мне представляется, он выглядел в тот день, когда ему сказали, что он изгнан из профессионального бокса и больше никогда не сможет

вернуться в лигу снова.

Он трет лицо ладонью, после чего роняет ее вдоль тела, а поезд паники набирает невыносимую скорость у меня в голове, я протягиваю руку от кровати и слышу свой дрожащий от страха голос:

— Что он говорит? Что он говорит?

Ремингтон обрывает врача на полуслове и направляется в мою сторону, тотчас накрывая мои руки своими большими мозолистыми ладонями. Я даже не могу выразить словами, что чувствую от такого нашего с ним контакта, но напиться какими-то успокаивающими химическими элементами, которые дрейфуют сквозь меня, когда я отчаянно наслаждаюсь ощущением моей маленькой ладошки в его больших руках. Больше нет спазмов. Ничего.

Даже страха. Только сухие руки Ремингтона на моих, и его устойчивая сила, просачивающаяся в меня. Он наклоняется и начинает целовать мои пальцы, и я мягко вздыхаю, прислоняясь своей головой к его с опьяненной улыбкой.

Я не выясняю, почему он не улыбается мне в ответ. Или почему выглядит полностью подавленным. Пока он не забирает меня обратно в отель и не вызывает еще двух врачей.

Глава 8

Дом там, где сердце

Для этого просто не существует песни. Или, возможно, есть, но мы не чувствуем все это как музыку.

Все, что сейчас слышно между нами, это гул моторов самолета за окнами. Реми отказался от того, чтобы Пит или Райли сопровождали его в этом полете, и парни очень переживали, что он может стать "темным", когда их не будет рядом. Однако ничто не могло изменить его решение этим утром. Он хотел, чтобы мы побыли наедине. Он отнес меня вниз к машине. Затем в самолет. Боже, я хочу, чтобы он носил меня, как аксессуар, так долго, пока не передумает везти домой. Но он везет меня домой. В Сиэтл. Где я останусь, а он уедет.

Все три доктора сказали, что мне нельзя путешествовать. Все трое сказали, что у меня наверняка случится выкидыш, если я не буду отдыхать.

Постельный режим.

И крем с прогестероном.

Вот, что, по их словам, мне нужно.

Они не знают, что все, что мне нужно — это мой голубоглазый дьявол и от мысли о том, что мы будем порознь два месяца, пока не закончится мой первый триместр и я выйду из зоны риска, мне хочется плакать.

Сейчас Реми развалился на своем привычном месте, его голова запрокинута назад, пока он изучает потолок самолета и рассеяно гладит мои волосы.

Он выглядит примерно таким же несчастным, как я себя чувствую. Я до сих пор слышу его голос, сердито говорящий обоим докторам, которых он вызвал к нам в отель, когда они запрещают мне "путешествовать" и прописывают "постельный режим",

— Это невозможно. Она нужна мне. Она едет туда же, куда и я.

И когда третий врач сказал, что ему жаль и ушел, я помню, как умоляла его:

— Ты ведь не думаешь о том, чтобы отправить меня домой? Правда? Ремингтон, я буду лежать. Я не сделаю ни одного гребаного движения. Это твой сын! Он будет там держаться! Он сделает это! Я не понимаю, как мое возвращение домой уменьшит стресс. Я не хочу домой! Я буду лежать в кровати весь день, только не отправляй меня назад!

Он выглядел настолько расстроенным, готовым разорвать любого пополам голыми руками, когда сказал Питу:

— Подготовьте самолет!

Затем обернулся и посмотрел на меня своими голубыми, утратившими блеск глазами. У него даже не было времени что-то объяснить, потому что я начала рыдать.

И вот мы здесь.

И от этого тошно.

В четырех тысячах футах над землей, летим в Сиэтл.

Я лежу поперек диванчика, положив голову ему на колени, он проводит пальцами по всей длине моего конского хвостика и потом зарывается в волосы, моя голова запрокидывается. Он смотрит в потолок уже около часа, его грудь вздымается, медленно, словно это должно его успокаивать, но ничего не получается.

Мое сердце болезненно сжимается от мыслей о том, сколько усилий придется

приложить, чтобы не дать этому всему свести его с ума. Я хочу прошептать ему обещания, но не могу произнести ни слова. Я так зла на жизнь из-за того, что она снова посылает мне крученный мяч.

Вдруг он начинает меня нежно целовать, от кончика уха до мочки, останавливаясь на пульсирующей точке, его горячее дыхание посылает дрожь по моему телу, когда он практически рычит, и у него вырываются несколько слов, а мои глаза жжет и такое ощущение, будто в грудь всадили кинжал:

— Я буду по тебе скучать... Мне нужно, чтобы ты хорошо себя вела... береги себя... ты нужна мне...

В моем горле застрял ком, из-за чего я могу только кивать, и тут я вижу как он достает платиновую кредитную карту из кармана своих джинсов.

— Пользуйся ей, — шепчет он.

Могу предположить, что Мелани умерла бы, дай ей мужчина кредитку, но я не хочу заниматься шопингом или чем-то еще. Я не хочу... ничего, кроме своей жизни. Я хочу, чтобы с нашим ребенком все было в порядке. Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу свою новую жизнь, в туре, рядом с ним.

— Брук, — предупреждает он, и я чувствую, как вкладывает карту в мою ладонь. — Я хочу видеть траты. Ежедневно, — предупреждает он.

Реми смотрит на меня сверху вниз, улыбаясь одним уголком губ, его черные волосы взъерошены больше обычного, а подбородок темнее этим утром, потому что он не брился, и как вообще можно любить кого-то так сильно, что это испепеляет изнутри? Мне нравится, как его густые ресницы контрастируют с голубыми глазами и идеально прямыми бровями. Люблю его лоб, скулы и волевой подбородок, и рот, которому удастся выглядеть полным и мягким, и в тоже время твердым и сильным.

Подняв руку, я пробегаюсь кончиками пальцев вдоль квадратной линии его подбородка.

— Когда я вернулась, то пообещала, что больше никогда тебя не покину.

— Я себе поклялся, что больше никогда не позволю тебе уйти. Чего ты еще ждешь, чтобы я сделал? — его глаза темные и измученные, и я знаю, что он не спал.

Он бодрствовал всю ночь, сжимая и разжимая свои кулаки, когда спрашивал, не чувствую ли я какую-нибудь боль. Да, я чувствовала. Я чувствовала, как колет в сердце, и говорила, что судорог нет. Он вернулся в постель, чтобы прижать меня ближе, целуя меня так, словно хотел поглотить. Я помню каждое движение его языка на моем. Тепло его дыхания на моем лице. Помню сколько раз он разрывал поцелуй, касался губами моего лба и исчезал в ванной.

И все потому что нам не разрешили заниматься любовью.

Поэтому нашу последнюю совместную ночь мы провели просто целуясь. А те несколько раз, когда он принимал холодный душ, я плакала в подушку.

Теперь он заправляет выбившиеся пряди волос мне за уши и смотрит мне в глаза.

— С нами все будет в порядке, маленькая петарда, — шепчет он мне. Затем пробегаются взглядом по моему телу и накрывает живот ладонью. И этот жест заставляет мое сердце сгорать от любви. — Мы справимся, — он нежно гладит меня сквозь хлопковую футболку, смотрит на меня сверху вниз своими голубыми глазами, полными нежности. — Правда?

— Конечно, — произношу я, чувствуя внезапный всплеск решимости. — Это всего лишь два месяца, так?

Он щелкает меня по носу.

— Так.

— Мы ведь можем общаться и другими способами.

— Абсолютно верно.

Поднявшись, я упираюсь лбом в его плечо, а он обнимает меня за талию, пока я массирую его мышцы.

— Давай своему телу отдохнуть. Натирайся льдом после тренировок. И хорошо разминайся.

Он зарывается лицом мне в шею и притягивает ближе. Мы оба глубоко вздыхаем, пытаясь впитать запах друг друга. Рукой он сжимает мое бедро и тотчас лижет шею, его голос звучит гортанно, когда он рычит мне в ухо:

— Я не могу допустить, чтобы с тобой что-то случилось, Брук. Не могу. Мне надо отвезти тебя домой.

— Я знаю, Реми, знаю, — пробегаюсь пальцами по его затылку, потому что он очень подавлен. — С нами все будет в порядке, с нами тремя.

— В этом и весь смысл.

— И, как ты сказал, мы справимся. Мы действительно справимся.

— Черт, конечно, справимся.

— Ты вернешься еще до того, как мы успеем загрустить или соскучиться друг по другу.

— Верно. Я буду тренироваться, а ты отдыхать.

— Ага.

Когда мы замолкаем, то просто сидим рядом, обнявшись, и я буквально слышу, как тикают, убегая, минуты, словно маленькие негодяйки, намеревающиеся разрушить мою жизнь. Ремингтон снова вдыхает мой запах, будто хочет насытиться им настолько, чтобы продержаться два месяца. Почти отчаянно, я делаю то же самое, вдыхаю его аромат и закрываю глаза, чувствуя под своими пальцами мышцы его плеча, которые становятся тугими и напряженными и я снова их массирую.

— Я оставила немного масла арники в твоем чемодане. На случай, если у тебя возникнет боль в мышцах.

— У тебя до сих пор кровотечение? — тихо спрашивает он, и когда я киваю, притягивает меня ближе, усаживая на свои колени, что позволяет мне прижаться теснее, упершись носом в его подбородок.

— Каждый раз, когда начинается судорога, мне кажется, я теряю его.

Он гладит рукой мою спину и прижимается губами ко лбу.

— Я знаю, что тебя будет убивать отсутствие возможности бегать. Но постарайся ради меня не вставать.

— Это не настолько сильно убьет меня, как потеря нашего ребенка, — шепчу я.

Я бегала всю свою жизнь. Но сейчас я боюсь даже ходить из-за страха, что снова начнутся судороги и мое белье станет красным. Клянусь, если я не смогу удержать ребенка мужчины, которого люблю, не знаю, что буду делать, но я не могу, просто отказываюсь терять этого ребенка.

— Твои родители знают, что ты приедешь? Или сестра?

— Я сказала им, что приезжаю, но о нас они пока не знают. Я приберегла новость, чтобы сообщить им при встрече. Только Мел и еще две мои лучшие подруги знают об этом.

Он откидывает голову назад, чтобы посмотреть на меня:

— Хорошо. Но кому ты позвонишь, если тебе станет хуже? Мне. Кому ты позвонишь,

если тебе что-то понадобится? Мне. Я буду твоим всем. Я буду твоим гребаным мальчиком по вызову. В любое время, где бы я ни находился. Я ясно выражаюсь, Брук?

— Извини, мой мозг заклинило на "мальчике по вызову".

— Правда? Что из этого я должен тебе объяснить?

От одного поднятия брови моего дьявола мое тело накаляется как маленький вулкан. От мысли о сексе по телефону с Ремингтоном я смеюсь и внезапно чувствую невероятное возбуждение, в итоге я игриво толкаю его в грудь.

— Я не собираюсь названивать тебе по этому поводу. Я знаю, что ты будешь занят.

Его глаза блестят.

— Не настолько занят, если дело касается этого.

— Что это за блеск в твоих глазах? Ты делал это раньше? Бьюсь об заклад, Мелани и Райли этим занимались.

Усмехнувшись, он пробегается рукой по моему затылку и спине, затем нежно целует мочку уха, нос, и говорит хриплым голосом:

— Я хочу заняться этим с тобой.

Меня сжимает от желания, соски напрягаются, и горячая волна пробегает по телу. Мне нравится каждый наш первый раз. Первый раз, когда он поставил мне Iris. Первый раз, когда он предложил мне побегать с ним. Первый раз, когда он меня поцеловал, когда занялся со мной любовью. Но у нас никогда раньше не было первого раза такого рода.

— Я тоже этого хочу, но не знаю, смогу ли. Если буду касаться там... где кровь...

Его губы прижимаются к моему лбу, когда он расстегивает две верхние пуговицы моего топа, голос в десять раз тише, чем всего мгновение назад.

— Это всего лишь кровь.

Его запах, феромоны, которые источает его тело, доводят меня до безумия. Низ моего живота сжимается, а пульсация становится такой неистовой, что моя и так сверхчувствительная грудь чувствует себя слишком сдавленной в лифчике.

— Реми, господи, только ты можешь меня возбудить сейчас, когда я так волнуюсь.

Его руки обхватывают мою задницу, и вдруг я чувствую скольжение его губ по моему уху; затем он нежно меня облизывает, и я снова чувствую жар между ног.

— Я так чертовски сильно тебя хочу, — его голос просто хриплый выдох, когда рука скользит за пояс моих джинсов, а ладонь накрывает одну из ягодиц под трусиками.

Он берет обе мои груди, сжимая их вместе, и зарывается туда лицом, раскачиваясь из стороны в сторону и рыча возле моей кожи.

— Всякий раз, когда хочешь ты, хочу и я, — говорит он мне, поднимая голову и прижимаясь к моему рту, и его слова вибрируют на моем языке, когда я жадно переплетаю свой с его. — Просто позвони мне и скажи. Скажи, что хочешь меня. Что ты готова для меня и я позабочусь о тебе. Я позабочусь о своей женщине всякий раз, когда она захочет. Чего бы она не захотела.

— Я тоже. Ты позвонишь мне, и я позабочусь о тебе, — я провожу пальцем вдоль его мощной квадратной челюсти, после чего мы сокращаем расстояние между нашими ртами и всю оставшуюся часть полета он держит мою голову в своих ладонях и целует, целует, целует до тех пор, пока у меня не опухают губы.

Водитель на навороченном "Линкольне Таун Кар" ждет нас в аэропорту, а Ремингтон говорит пилоту, что вернется через два часа. Мы молча едем на заднем сиденье автомобиля,

находясь максимально близко друг к другу, в то время как я изучаю пролетающий мимо знакомый пейзаж и проверяю уровень зарядки на моем iPhone. Я понимаю, что пытаюсь отвлечь себя любым способом, пока мы приближаемся к моей квартире. Точно так же, как он нес меня по трапу из самолета в машину, Реми заносит меня по ступенькам в мою квартиру.

Я обхватываю его шею руками.

— Останься. Ремингтон, останься. Будь моим заложником. Обещаю заботиться о тебе целыми днями, каждый день.

Он смеется низким мужским смехом, глядя на меня своими разбивающими сердце голубыми глазами, после чего с любопытством осматривается, и я чувствую бабочек в животе, когда замечаю его неподдельный интерес. Он хочет посмотреть, где я живу. О, господи, я люблю его так сильно, что это причиняет боль.

— Я организую для тебя маленькую экскурсию, после чего ты уберешь свою прекрасную задницу отсюда, — предупреждаю его я.

Он усмехается.

— Покажи мне логово моей женщины.

Пока он носит меня повсюду, я лишь вытягиваю руку, показывая ему свою красочную гостиную.

— Моя гостиная. Ее оформляла Мелани. Она в этом очень хороша. Эклектичная. Ее даже упоминали в нескольких местных журналах, но она мечтает о том, чтобы о ней рассказали в "Архитектурном обзоре". Пандора, другая моя подруга, говорит ей, что у нее больше шансов попасть на снимки "Плейбоя". Они мнимые соперницы и обожают подначивать друг друга.

Он подмигивает мне и это подмигивание проходит сквозь меня так, что создает небольшое покалывание у меня в животе, когда я показываю ему соседнюю комнату.

— А это моя кухня. Маленькая, но я ведь живу одна. А эта дверь ведет нас... в мою спальню.

Мы входим, и он усаживает меня в изножье кровати, затем с удивленным видом осматривается. Я оглядываюсь, пытаюсь посмотреть на все его глазами. Все очень простое, стены бледных тонов. Несколько черно-белых фотографий спортсменов располагаются на стене, крупным планом взяты мышцы. Рядом стена памяти, где на фотографиях мы с Мелани, Пандорой и Кайлом... некоторыми другими друзьями... Там же висят два списка с программами питания, с указанием углеводов, белков и полезных жиров. В рамочке, которую мне подарила Мелани, цитата: "ЧЕМПИОН — ЭТО ТОТ, КТО ПОДНИМАЕТСЯ ТОГДА, КОГДА УЖЕ НЕ МОЖЕТ. — Джек Демпси." Она принесла мне ее, когда получила свою травму и была в депрессии, и я пыталась стать таким чемпионом.

И я смотрю на одного сейчас. Я каждый день смотрю на такого чемпиона.

Он подходит к стене памяти, рассматривая фотографию, на которой я пересекаю финишную линию, на моей груди написан номер шесть, и показывает большой палец этому снимку.

— Посмотри на себя, — произносит он с плохо скрываемой мужской гордостью, я и не осознавала, что приближалась к нему до тех пор, пока он не повернулся и заметил меня.

Он снова поднимает меня и усаживает прямо в центр кровати, перебирая пальцами пряди моих волос.

— Постарайся не вставать, ради меня, — упрекает он.

— Я буду. Я забыла. Это привычка, — откидываюсь назад, прислоняясь к спинке кровати и тяну его на себя.

— Тебе надо идти или я не позволю тебе покинуть меня, — шепчу ему на ухо.

Он обнимает меня на какое-то мгновение, его сильные, твердые руки обвились вокруг моей талии, когда он наклоняется и целует меня, лижет, нюхает мою шею, стремительно сменяя одно на другое. Он никогда не нюхал меня больше, чем за последние два часа. Сейчас он втягивает воздух медленно и глубоко, затем также медленно меня облизывает, и я чувствую всю его заботу, и в заключение его поцелуй прямо в мою промежность.

— Когда ты говоришь мне, что ты в постели, это именно то, что я буду представлять. И это будет именно то, что будешь видеть ты, — урчит он, поднимая свою голову.

Мои глаза наполняются слезами, но я не хочу усугублять ситуацию, поэтому просто киваю, но я точно знаю, что ни за что на свете он не упустит моего потерянного выражения лица.

Его глаза не отпускают мои по мере того, как он отходит от меня.

— Я скоро вернусь, — говорит он мне, касаясь моей щеки своей большой мозолистой рукой, и я ненавижу то, что слеза все-таки скатывается по моему лицу. Он улыбается мне, но эта улыбка не касается его глаз. — Я скоро вернусь, — повторяет он.

— Я знаю, — я вытираю щеку, беру его за руку и оставляю поцелуй на его ладони, после чего сгибаю его пальцы, закрывая ладонь, таким образом, хочет он моего поцелуя или нет, он его получает. — Я буду ждать тебя.

— Черт, иди сюда, — он берет меня на руки, и все мои усилия держать себя в руках летят к чертям, прорываются реки слез, и я начинаю реветь.

— Все хорошо, — говорит он, поглаживая меня по спине, когда всхлипы от рыданий охватывают мое тело. Все хорошо, слышу я, все хорошо, маленькая петарда, но я не чувствую этого «все хорошо». Да и как может быть хорошо? Я могу понадобится ему. Он нужен мне. Он может вернуться и Пит может вколоть еще того дерьма ему в шею. Что-то может случиться в полете, и они не скажут мне из-за того, что мне нельзя нервничать, чтобы я не потеряла ребенка. Я чувствую себя слабой и беспомощной в то время как все, чего я хотела в жизни — это быть сильной и независимой. Но я по уши и безвозвратно влюбилась. И теперь мной управляет любовь к этому мужчине, который звучит, как гром, когда говорит что-то мне на ухо, который пахнет мылом, самим собой и океаном, который держит меня в самых сильных руках во всем мире — и когда эти руки исчезнут, весь мой мир исчезнет вместе с ними.

— Ты должен идти, — говорю я, пытаюсь бороться с прерывистым дыханием, отталкивая его. Вместо этого он упирается лбом и носом в мое лицо и мы вместе дышим одним и тем же воздухом.

Нет необходимости это озвучивать. "Я люблю тебя" полыхает между нами, и я слышу слова, как если бы он кричал их мне.

Он берет меня за руку, страстно целует костяшки моих пальцев, затем смотрит на мое лицо и стирает капли слез своими большими пальцами.

— Ты в порядке, маленькая петарда?

— Я буду. Больше, чем в порядке, — обещаю я.

Телефон вибрирует в кармане, и дрожащей рукой я проверяю сообщение.

— Мелани в пяти минутах отсюда, — мой голос охрип. Мел знает, где я держу свой запасной ключ, и может появиться здесь в любую минуту, и Ремингтон уйдет.

Он уйдет.

Мои глаза снова наполняются слезами.

— Пожалуйста, уйди до того, как я разрыдаюсь, — молю я. Что смешно, потому что я уже реву, как ребенок, а еще чувствую себя, а скорее всего и выгляжу, как дерьмо.

Он наматывает на палец несколько прядей у меня на затылке, закрывает глаза и когда наклоняется ко мне, шепчет:

— Не забывай обо мне ни на секунду.

— Ты же знаешь, что не забуду.

Бушующие голубые глаза удерживают мой взгляд, голос грубеет, когда он наклоняется.

— Теперь поцелуй меня.

Я так и делаю, а он тихо стонет, когда его губы касаются моих. Маленькие фейерверки взрываются во мне и я чувствую его поцелуй, успокаивающий мой разум, сердце и мозг. Он опускает руку мне на поясницу, нежно лаская ее, пока мы целуемся, медленно, глубоко, смакуя, запоминая; затем его рот перемещается вверх, чтобы поймать одинокую слезу, катящуюся по моей щеке.

— Брукиии! Где тут у нас горячий папочка и будущая мамочка?

Он бормочет проклятия, и мы снова быстро целуемся. Он прикусывает и посасывает мой язык, сейчас немного грубее, удерживая мой затылок своей ладонью, его вкусный влажный поцелуй заставляет мое тело чувствовать, будто его облизал и искусал лев. Моя грудь болит. Соски пульсируют под лифчиком.

Я поёживаюсь и свожу бедра вместе, когда он, наконец, отстраняется. Наши глаза встречаются на короткий миг. Цепляясь. Его взгляд жаркий и отчаянно голодный, словно он в секунду от того, чтобы сорвать с меня одежду.

— Ты все, чего я когда-либо хотел, — он заправляет мне за ухо прядь волос, его глаза слишком блестят, когда он отстраняется. — Ты вся моя, помни это, мой лакомый кусочек.

Я слышу стук каблучков Мел снаружи, и Ремингтон встает, каким-то образом выглядя еще больше, чем обычно. Огромный, сильный, голубоглазый и прекрасный.

— Полностью моя, — говорит он. — Брук Дюма.

Дрожь пробегает сквозь меня, когда он отступает, пригвоздив меня взглядом к кровати.

Чувствую себя оттраханной здесь, в моей кровати, одними его глазами, когда пытаюсь восстановить дыхание.

— Я беременна твоим ребенком, если у тебя вдруг возникают какие-то сомнения по поводу того, чья я была, — говорю я ему.

— Вы оба мои, — произносит он, указывая прямо на меня. — Особенно ты.

Я унимаю свое возбуждение, и он разворачивается, чтобы уйти.

— Эй! — зову я. — Ты тоже мой.

Он кивает, затем бросает свой iPod в мою сторону.

— Не скучай по мне слишком сильно.

Я ловлю его, прижимая к груди.

— Не буду! — легкомысленно возражаю я, демонстрируя лживую бравладу, после чего его низкий голос звучит в гостиной, и я слышу, как Мелани тихо успокаивает его. А потом происходит самый ужасный звук, хлопок закрывающейся входной двери.

Тишина преследует меня, и подобную тишину я ощущаю только, когда его нет рядом.

И вот тогда я утыкаюсь лицом в подушку и плачу навзрыд.

Глава 9

Радуга в Сиэтле

Мелани — это лучшее, что есть в Сиэтле, и каждый, кто думает иначе, может просто поцеловать ее в зад. Мел подобна постоянной радуге в вечно сером городе. С яркими сережками и линией браслетов по самый локоть она звенит и гремит по пути в мою комнату вспышкой цвета, пытаясь утешить меня, когда весь мой мир только что вышел за дверь квартиры, а я сжала в кулак всю свою силу воли, чтобы не выбежать и не ринуться за ним.

Мел требуется пара ничтожных секунд, чтобы оценить ситуацию и начать действовать. Она увидела зареванную массу, лежащую на кровати, которой была я, и быстро заменила мою бесплатную подушку на свою большую грудь, и теперь ее дизайнерский топ увлажнился от моих слез, а она молча ждет, когда я выплачусь.

Это заняло как минимум, полчаса, и я все еще настроена быть сильной. Просто каждые несколько минут мне нужно перевести дух.

И вот, в момент одного из моих глубоких вздохов, скривив губы в дерзкой усмешке, она отталкивает меня, чтобы заглянуть в мои глаза.

— Ты не врала, когда сказала, что Разрывной Тейт хочет, чтобы ты стала матерью его сексуальных детишек? Вы двое уже приступили к работе? А? — она наклоняется и присматривается к моему животу. — Ну, и когда уже будет заметно? Мне не терпится где-нибудь увидеть маленький пинок.

— Я знаю! Мне тоже! — мои губы растягиваются в улыбке, когда я думаю об этом ребенке. О, малыш, вещи, которые ты просишь нас сделать, чтобы показать, что мы любим тебя. — Мне так сильно хочется, чтобы было видно, Мел.

Она усмехается и внимательно изучает меня своими зелеными глазами.

— Хммм. Беременность заставляет светиться. По тебе это очень заметно, даже не смотря на твои заплаканные глаза. Не могу дождаться, когда забеременею. Мне кажется, это так сексуально! — кричит она. — И сексуальной беременностью делает для меня тот факт, что папаша ребенка весьма сексуален. Сексуально уже то, что внутри тебя часть него. Каково это? Цыпленок, ты должно быть чувствуешь себя настоящей женщиной сейчас; ты заполучила самого сексуального отца для ребенка!

Господи, я даже поговорить о Ремингтоне с подругой не могу. Мои кости превращаются в жидкость внутри меня. Даже мой голос приобретает иной тон, — такой же, каким я говорю, когда мы с ним одни в постели, занимаемся любовью.

— Это невероятно, Мел. Как будто он рядом. Словно мы связаны. Словно я была в высшей степени, роскошно оттрахана, — я стону и откидываюсь на кровать, потирая губы, и мне нравится то, что я до сих пор могу ощутить вкус Разрывного на них.

— Брук, позволь мне сказать... — Мел падает рядом, уставившись в потолок. — Когда я только что его увидела, то ощутила, словно умираю изнутри. Он такой большой и горячий, что даже каблук плавают и я становлюсь на дюйм короче.

Я не могу контролировать свой внезапный порыв смеха, Мел скидывает обувь и поворачивается ко мне, улыбаясь своей "озорная Мелани" манере.

— Его губы были алого цвета, как если бы он только что чуть не зацеловал тебя до смерти. Разрывной немного неандерталец, не так ли? Он такой чертовски первобытный,

омойбог! Бьюсь об заклад, вы занимаетесь анальным сексом, ребята.

— Нет! Он, конечно, животное, но очень заботливое! — выдаю я, немного ерзя от этой мысли.

— Наверняка догги-стайл?

— Да, но прекрати напоминать мне! — добродушно восклицаю я. Затем закрываю глаза, раскидываю руки и наслаждаюсь ощущением его ребенка внутри меня. — В том, что я беременна от него, действительно, есть что-то очень чувственное, — признаю я. — Мое тело гиперчувствительно, то, как я все ощущаю, как меняется моя грудь, все во мне... — я вздыхаю, потом поворачиваю голову и смотрю на свою лучшую подругу. Она единственная, кто когда-либо действительно "понимала" меня до Реми. Единственная, кто любит меня в любом виде. — Мел, я не могу потерять этого ребенка.

Ее улыбка угасает, и она сжимает мою руку над моим все еще плоским животом.

— Этого не случится. Это же ребенок Разрывного.

— Мы не знали, что тут намечается плаксивая вечеринка, но рады, что не пропустили ее! — доносится мужской голос от открытой двери.

Всхлипывая я поднимаю голову и вижу своего лучшего друга Кайла, в докерах и рубашке поло, стоящего рядом с Пандорой. Ее темные волосы завязаны в несуразный узел, из которого рассыпаются пряди, обрамляя ее лицо.

— Ты беременна? — спрашивает она.

Согласно результатам лабораторных исследований и тестам на беременность, да. Но мое тело до сих пор не воспринимает этого, за исключением рвоты.

Кайл идет к моему столу и разворачивает стул, а Пандора прыгает на кровать. В обуви и своей кожаной куртке, чей запах становится единственным, что я чувствую.

— Пан-Пан, я реально не думаю, что твоя ребяческая энергия именно то, что сейчас нужно Бруки, поэтому посиди где-нибудь там, — Мелани похлопывает ее по боку, чтобы она отодвинулась от меня, но Пандора подвигается ко мне ближе и игриво отталкивает ее.

— Заткнись и дай мне ее обнять.

Пандора смотрит на меня своими глазами, накрашенными темным, на ее губах темная помада. Люди даже не догадываются, что готы на самом деле очень чувствительный народ, ну, по крайней мере, Пандора. Вы "включаете" гота по какой-то причине. Я думаю, что она на самом деле напряженная и неуверенная, и все это произошло с ней после того, как какой-то мудака разбил ей сердце. Мел говорит, что это чудо, что Пандора не стала лесбиянкой.

— Ты в порядке? — спрашивает Пан, и прежде, чем я смогла кивнуть или ответить, она притягивает меня к себе под кожаную куртку, а Мелани обнимает меня со спины. Мелани никогда не может отказаться от объятий. Она даже говорит "хम्म".

— Все будет хорошо, Бруки, — говорит Мел. А потом добавляет мне на ухо: — Я обещала твоему мужчине позаботиться о тебе. Он попросил меня не оставлять тебя одну, следить, чтобы ты была сытой, и заботиться о тебе. Райли сказал, что он и Пит должны ежедневно получать от меня отчет о твоём самочувствии, чтобы Ремингтон мог быть спокоен, рассказал о твоей рвоте и добавил, что папаша твоего ребенка хочет, чтобы ты, черт возьми, ела!

Я застонала в знак протеста и освободилась от их объятий.

— Со мной все в порядке. Если проголодаюсь, съем что-нибудь. Если мое тело захочет еды, оно мне об этом сообщит. Угадайте, для чего был придуман голод?

— Нам все равно, хочешь ты есть или нет. Мы миньоны твоего мужчины при

исполнении, и принесли тебе кое-что в память о старых временах, — сообщает мне Кайл, встает со стула и возвращается, неся пакет с "Джеком" в коробке. В это мгновение я отчетливо вспоминаю, как эти три идиота дразнили Пита и Райли прежде, чем проехать. Века назад, в ту ночь, когда Ремингтон нанял меня. И я задумалась о том роковом вечере, когда он, сам того не осознавая, изменил всю мою жизнь в одно мгновение. Все мои чувства сосредотачиваются в моей груди, и как только Кайл подносит пакет, я чувствую, как всплеск тошноты настигает меня.

— Уберите это отсюда! — умоляю я, зажимая нос, что изменяет мой голос до смешного. — Я не очень хорошо переношу некоторые запахи сейчас. Плюс ко всему, для ребенка нужны овощи. Мне нужна фолиевая кислота и кальций, минералы, которых нет в этом дерьме, гарантирую! Вот, что вы за друзья?

Он торжествующе смеется.

— Мы знали, что именно так ты и скажешь, иначе это была бы не ты. Так что "Джек" для нас. Мы принесли тебе кое-что еще, — он выходит из комнаты, а когда возвращается, то показывает мне коричневый пакет из Whole Foods. — Нравится? Ты все еще хочешь поговорить о хороших друзьях?

Я кидаю в него подушкой.

— Тащи это сюда! Я заглядываю в сумку и замечаю рол с индейкой, который я так люблю, как вдруг эти дружеские жесты и поддержка обволакивают меня как объятия, которые они мне только что подарили, уютные и крепкие.

— Вы, ребята, так добры ко мне, — произношу я и ставлю пакет на прикроватную тумбочку.

Мелани дергает меня за хвостик.

— Ты заметила, каким хлюпиком стала? — она сжимает мое плечо, и когда мой бицепс реагирует, она поправляется. — Хм, только внутри.

Я заливаюсь смехом, прикрываю глаза и вижу перед собой голубые глаза и торчащие волосы. Мне так хочется провести по ним рукой, но он так далеко. И я обнимаю его ребенка, обхватывая живот руками. Затем я смотрю на свой телефон. У Реми нет зависимости от телефона и интернета, как у всех остальных. У меня тоже нет зависимости, но сейчас я цепляюсь за свой телефон, как за единственную ниточку, связывающую меня с ним. Он даже не тот, кто пишет смски, но меня это сейчас не волнует. "Позвони мне сегодня, если захочешь?"

Его ответ пришел спустя чуть больше часа, и я радовалась, как идиотка, когда он написал: "Только что приземлились. Я позвоню."

Мы смотрим фильм, как вдруг Мелани подрывается с кровати.

— Эй, ребятки! Я вам говорила? Следующий парень, с которым я буду спать, получит тонну удовольствия. Я начала заниматься танцами на шесте! — она хватает мой торшер и начинает показывать нам, чему успела научиться, ее тело извивается, одна нога в шпагате "жан-клода" обхватывает ось стержня лампы. — Кайл, это заводит твой моторчик?

— Хей, это было бы почти инцестом, если бы заводило, — отвечает Кайл, сидя верхом на моем стуле рядом со столом.

— Почему? Ты мне не брат! — протестует она. — Давай же. Разве это не пробуждает твой моторчик? — она крутит своей попкой, чтобы он увидел.

Кайл сидит там и выглядит точь-в-точь, как Джастин Тимберлейк, он отвечает нерешительно. — Ну это... как мой мотор барахлит.

— Пан, иди сюда. Питер Пен, потанцуй со мной, чтобы ржавый моторчик Кайла завелся и заработал. Я научу тебя всему, что знаю, совершенно бесплатно, — Пандора идет к док-станции и устанавливает iPod. Рок тут же заполняет всю мою комнату.

— Хорошо, давайте сделаем Кайла твердым, — отбрасывая свою кожаную куртку, как будто она танцует стриптиз для какого-то несчастного мужичка, она направляется к Мел. И тут они с Мел начинают ударяться задницами и веселиться, а я ловлю себя на мысли, что пытаюсь распознать слова песни сквозь этот шум, гадая, включала ли я когда-нибудь эту песню ему.

Но это совершенно бесполезно, поэтому я беру iPod Реми, вставляю наушники в уши и слушаю Avril Lavigne "Когда ты ушел". Это так классно, слушать песню, которую ты действительно можешь прочувствовать. Или ту, которая может заставить вас понять, что то, что вы чувствуете — это по-человечески и нормально, даже если вы никогда не хотели этих чувств.

Отправляю ему ссылку в YouTube. Но он не отвечает и я предполагаю, что он в спортзале, набивает свои боксерские груши.

Как он будет справляться эти два месяца порознь?

Не могу избавиться от мысли, что хоть я и более нервная сейчас, для него это окажется большим испытанием, чем для меня.

Я все еще думаю об этом, когда начинаются спазмы. Передвигаюсь по кровати, тогда как мои друзья продолжают разговаривать, но все мое внимание сосредоточено на ужасных спазмах, которые заставляют меня перейти в состояние "бей или беги"^[11] волнуясь за жизнь. Такое чувство, будто кто-то причиняет боль моему ребенку. Мое собственное тело делает больно моему ребенку. Ищу на айподе (iPod) успокаивающие песни, и единственная, которая в этом преуспевает — это "Iris".

Но боль усиливается. Я молча снимаю наушники и медленно встаю с кровати. Мои друзья замолкают, когда видят, что я направляюсь в ванную. Закрываю дверь, проверяю трусики и снова обнаруживаю кровотечение. Сильное.

На мгновение я просто дышу через нос, упираюсь головой о плитку, пытаюсь успокоиться.

С любовью дотрагиваюсь к животу и в уме пробую говорить со своим ребенком, сообщая ему, что никто не собирается причинять ему боль. Что он очень желанный и уже очень любим.

Представляю себе, как смотрю в любимые голубые глаза, когда должна сказать Реми, что я потеряла его ребенка. Меня снова охватывают эмоции и слезы, которых, как я думала, у меня больше не осталось, опять грозят выйти наружу.

— Мел, — кричу через дверь, — Мел, я не знаю, что если я теряю ребенка.

Она открывает дверь с несчастным выражением на лице.

— Брук, он звонит. Он звонил несколько раз. Мне ответить?

— Нет! Нет!

— Ты плохо выглядишь, но он сказал мне сообщать ему, когда ты в нем нуждаешься. Бруки, думаю, я должна дать ему знать...

— Нет! Мелани, НЕТ. Послушай, он ничего не может сделать. Ему нужно драться! Это то, что он должен делать. Мы с ребенком будем поддерживать его, а не препятствовать. Ты меня слышишь?

— Тогда, по крайней мере, позволь мне отвезти тебя в больницу. Ты выглядишь так,

будто тебя разорвало надвое! — говорит она.

— Да — нет! Мне не стоит передвигаться. Мне нужно... отдохнуть. Я не... теряю... этого ребенка... — втягиваю воздух и качаю головой, затем всхлипываю. — Пожалуйста, принеси мне мой телефон.

Она приносит его и я набираю ему сообщение:

"Мои друзья все еще здесь. Может поговорим завтра?"

"В то же время?"

"Да, в любое время."

"Ок".

"Спокойной ночи, Реми".

"Тебе тоже".

Отставляю телефон и закрываю глаза, когда скатывается еще одна слеза. Он хороший тихий парень, и хоть он и не пишет этого, но я уже чувствую, как мы отделены друг от друга. Глубокий вдох.

— Помоги мне достать крем с прогестероном из чемодана, — говорю я в сторону комнаты.

Мел выходит из ванной и начинает хлопать в ладоши, как какая-нибудь учительница пятого класса, с которой уже достаточно.

— Ребята, время игр закончилось, я укладываю Брук в постель.

Кайл с Пандорой убирают закуски, и мне стыдно посмотреть на них опухшими от слез глазами, но я чувствую их беспокойство, когда выхожу и ложусь в кровать. В то время, как они уходят, я мажу свой живот и бедра кремом. Затем из ванной выходит Мелани в старой футболке.

— Прошла вечность с того времени, когда мы последний раз устраивали пижамную вечеринку. И я имею в виду только нас, — усмехается она, ныряя под одеяло со мной; затем исчезает и я слышу ее голос возле моего живота. — А ты? Тебе не досталось воспоминание? Ты боец! Сын Разрывного и Брук! Покажи своим маме и папе, на что ты способен!

Я улыбаюсь, когда она возвращается и закрываю глаза, надеясь, что наш маленький ребенок слушает.

Глава 10

Семейный визит

Я просыпаюсь и чувствую что-то, что на этот раз не вызывает у меня тошноты. Оно сладкое и ароматное, и так и манит меня сделать хороший длинный вдох. Осматриваюсь и вижу, как Мелани заходит и выходит из комнаты. Разрывной красный повсюду. Разрывные-красные розы раскрываются в моей комнате.

— Доброе утро, Джульетта. Твой Ромео прислал это. Остальные еще разгружают из грузовика. А я звоню в спортзал, чтобы сказать, что тренировкой я уже занялась.

Я улыбаюсь и пытаюсь встать, но Мелани говорит:

— Ей-ей! Не вставать. Что тебе нужно?

— Пописать! И понюхать цветы, черт возьми, успокойся! Это записка? — вынимаю записку, расположенную среди роз на прикроватной тумбочке и у меня наворачиваются слезы на глазах, когда вижу название песни. Мелани собирает еще несколько, я открываю еще одну и вижу другое название песни. Я не слышала этих песен, но уже возбуждена.

Я позволяю себе немного поплакать, потому что я беременна и так чертовски напряжена. Все знают, что если держать это в себе, то можно заболеть, а я не хочу болеть. Я хочу быть здоровой, хочу подарить Реми ребенка и семью. То, чего у него никогда не было. Так что я плачу. Затем пишу ему сообщение: "Скучаю по твоим глазам. Твоим рукам. Твоему лицу. Твоим ямочкам!"

Потом фотографирую свою комнату, настолько заполненную розами, что мне едва видно окно. И отправляю ему.

"Вот, что я сейчас вижу с кровати."

Затем целую телефон.

— Ты дурочка! — говорит Мел, принося остальное.

— Ну и что, кому какое дело? — я резко поворачиваюсь, отставляя телефон, потому что знаю, что он не будет проверять его, пока тренируется, а он наверняка тренируется очень усердно, так что направляюсь снова намазывать себя прогестероном. Я читала, что у меня может быть головная боль, если я переусердствую с ним, но мы с Мелани прошлой ночью прочитали на нескольких форумах, что этот крем спас многих женщин от выкидыша, и я хочу, чтобы мое имя пополнило этот список.

Хватаю несколько книг, кладу ноутбук на кровать, и по сути, создаю мини-офис, чтобы не было необходимости вставать. Чувствую боль в яичниках, но это не спазмы, и я начинаю задумываться, что этот крем начинает работать.

Слышу, как Мел заканчивает с флористом, и решаю пропустить душ, только потому, что не хочу все это время стоять, так что просто нахожу чистую одежду и осторожно переодеваюсь.

В течение дня должна появиться Нора, чтобы Мелани смогла пойти на работу, но после того, как Мел приносит на завтрак фрукты и творог, я слышу как она говорит:

— Бруки! Твои родители здесь!

Мелани направляется к двери, чтобы впустить их, так что я выбираюсь из кровати, очень внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. Я не чувствую никаких спазмов, поэтому направляюсь в гостиную и сразу занимаю диван. А вот и они, с широко раскрытыми глазами, шокированные, стоят и смотрят на меня.

— Брук.

То, как моя мама произносит мое имя, вселяет в меня ужас.

И в тот момент, когда я вижу обоих своих родителей в сочетании с тем, как они выговаривают мое имя, я понимаю, что они знают. Меня огорчает отсутствие на их лицах прежнего света и жизнерадостности, и осознаю, что они кажутся постаревшими на целое десятилетие. Как новости о прекрасном ребенке могут сделать их такими?

— Мы могли ожидать это от Норы, но от тебя? — говорит моя мама и, о боже, они знают. Откуда?

Она садится напротив, через журнальный столик от меня, а папа садится рядом с ней, скрестив руки на груди и глядя на меня. Этот взгляд он обычно использует, чтобы запугать своих учеников на физкультуре.

Они молчат около трех минут. Которые кажутся, при данных обстоятельствах, длинными, как вся жизнь. И мне так неловко, что я даже не знаю, как высидеть.

Я люблю своих родителей. Мне не нравится причинять им боль. Мне бы хотелось сообщить им хорошие новости лицом к лицу: что я влюблена и что у меня будет ребенок от Ремингтона. Последнее, чего мне хочется, чтобы они чувствовали, что я подвела их, рассматривать это, как трагедию, в качестве которой, они, кажется, это воспринимают.

— Привет, мама и папа, — первое, что говорю я.

Я сдвигаюсь до тех пор, пока не опираюсь локтем на подлокотник дивана, кладу голову на руку и подгибаю ноги под себя. Но даже тогда, когда мне наконец становится удобно, напряжение в воздухе можно рубить топором.

— Мистер и миссис Дюма, здравствуйте, — говорит Мелани. — Я оставлю воссоединение вашей семьи и пойду отмечусь на работе, — она смотрит на меня и крестит, чтобы отогнать вампиров, потом говорит мне: — Я вернусь в семь. Нора написала, что она уже в пути.

Я киваю, затем комнату поглощает неловкая тишина.

— Брук! Мы даже не знаем, что сказать.

На мгновение я тоже не знаю, что сказать, кроме:

— Я очень хочу этого ребенка.

Они оба окидывают меня таким разочарованным взглядом, который родители практикуют со своими детьми миллиарды лет.

Но я не позволю им меня стыдить.

Мне было стыдно, когда у меня разорвалась ПКС (передняя крестообразная связка). Мой папа сказал, что спринтеры не показывают слез, но я заплакала. После этого я потеряла их расположение, а сейчас чувствую, что теряю его еще больше.

— Мне жаль, что не сказала вам. Я хотела сообщить вам лично, но кажется, кто-то меня опередил.

— Нора, — говорит мама. — И мы беспокоимся о тебе, все трое. Она говорит, что узнала это от кого-то другого? Как ты могла скрыть что-то вроде этого от нас? Позволь сказать тебе, что несмотря на то, что ты в некоторой степени повзрослела, ты всегда была слишком отстраненной от парней. Парни... они только используют и бросают... особенно, если возникают какие-то затруднения. Нора говорит, что этот парень известен нарушениями и связан с проблемами всех видов?

Я потрясена тем, как Нора представила им Реми.

Если бы я сейчас не сидела, клянусь, я бы упала на задницу.

Свою преданную, тупую, глупую задницу.

Что ж, похоже, Нора дома ведет себя, как идеальная принцесса, такая правильная после того, как мой парень спас ее от худших отношений в мире, ставя под угрозу свою жизнь, пока спасал ее задницу.

Ее предательство проносится сквозь меня с такой силой, что на миг я теряю дар речи. Черт, если кто-то и должен знать, каким человеком является Ремингтон, то это Нора!

— Отец моего ребенка не парень. Он мужчина, — обнимаю свой живот, когда становится больно от их обвиняющих взглядов. — И мы, этот ребенок и я, не являемся затруднениями.

Мой отец не сказал ни единого слова. Он просто сидит и смотрит на меня, как будто я греmlin, который намок, превратился в урота и должен быть изолирован.

Такое чувство, что между нами находится целый континент. Будто я собираюсь на север, а они уверены, что для меня лучшим путем является юг, и я никогда не буду счастлива, потому что пошла в противоположную сторону.

— Но Брук, это так безрассудно и так на тебя не похоже. Посмотри на себя! — говорит моя мама в полной агонии и отчаянии.

— Что? — спрашиваю в замешательстве. — Что со мной не так?

Затем до меня доходит, что наверное, выгляжу я дерьмово. Я не спала. Беспокоилась до смерти, что потеряю ребенка. Я не хочу находиться здесь. Я не принимала душ и мое лицо опухло от слез.

— Ты выглядишь... будто снова в депрессии, Брук. Тебе стоит перестать надевать спортивную одежду, теперь, когда ты больше не спринтер, носи платья... расчесывай волосы...

— Пожалуйста. Пожалуйста, не приходите сюда и не обижайте меня. Вы говорите то, что не имеете в виду, потому что вы сбиты с толку. Пожалуйста, будьте счастливы за меня. Если я выгляжу грустной, то это потому, что я чрезвычайно близка к потере этого ребенка, а я хочу его, я так сильно его хочу, что вы даже представить себе не можете.

Они смотрят на меня, как будто я слетела с катушек, потому что я никогда в жизни не открывалась так, как сейчас. И я чувствую себя такой непонятой, нелюбимой и настолько жаждущей утешений, потому что мне больно внутри. Мои гормоны не в порядке, и я зла, потому что нахожусь здесь, не там, где хочу. Я здесь, неверно понимаемая, осужденная, вместо того, чтобы быть с ним, любимой и признанной.

Я даже не знаю, как им сказать, что они ко мне несправедливы, но дрожу, когда встаю на ноги и иду за его айподом, затем подключаю его к динамикам в гостиной. Затем просто нажимаю "ВОСПРОИЗВЕСТИ" и увеличиваю громкость, позволяя песни говорить за меня. Начинается "According to You" ("По твоим словам") в исполнении Orianthi, песня немного сердитая и мятежная, описывающая некоторое смятение, и я чувствую, как они видят меня далекой от совершенства, но он видит меня по-другому, красивой и сильной.

— Вот, как мы решаем проблему, как подросток, громкой музыкой? — кричит мама.

— Сейчас же убавь громкость! — кричит мой отец.

Я делаю звук тише, и на какой-то момент, просто фокусируюсь на серебристом айпode, который у нас с Реми мог быть дневником или микрофоном, или чем-то другим, выражающим все, что угодно.

— Вы не понимаете.

— Поговори с нами, Брук! — говорит моя мама.

Когда я поворачиваюсь, они выглядят такими же отчаявшимися, как я.

— Я пыталась, но вы не слушали.

Они притихли, и я вздохнула, пытаюсь успокоиться, даже со всеми этими бушующими во мне гормонами. Я хотела, чтобы они поняли, что я больше не маленькая девочка. Что я превращаюсь в женщину, так что я говорю им:

— Я на седьмой неделе беременности. Прямо сейчас формируются его крохотные конечности. И я говорю "его", потому что думаю, что это мальчик, но это не имеет значения, потому что девочка тоже будет чудесной. Пока мы разговариваем, его сердце становится сильнее, и каждую минуту у него образовывается около ста новых мозговых клеток. У него будут нос, глаза, уши, рот, все уже сформировалось внутри меня. Это его ребенок. Его и мой. И от этого я настолько счастлива, что вы даже представить себе не можете.

Мой мать выглядит убитой горем.

— Мы беспокоились. Нора сказала мне, что они используют наркотики в тех местах, где он дерется.

— Мама, к нему это не имеет никакого отношения. Он спортсмен сердцем, телом и душой, — подходя к ним, я глажу ее по волосам, а другой рукой хватаю за руку отца. — У него нет такой семьи, как у меня, и я хочу, чтобы у него была моя. Я хочу, чтобы вы приняли его в нашу семью, потому что вы любите меня и потому, что я вас прошу.

Моя мать явно смягчается, но первым заговаривает отец:

— Я приму его в семью, когда он докажет мне, что достоин быть отцом моему внуку! — раздраженный, он встает и идет к двери, захлопывая ее за собой. Я опустила голову.

— Мне даже не следовало подниматься. Я пойду в кровать, мама, — шепчу я.

— Брук, — звук ее медлительных, робких шагов следует за мной в спальню. Она останавливается в двери и молчит, пока я забираюсь в кровать, вместе с тем, на мгновение, я ощущаю спиной ее обеспокоенный взгляд.

— Ты не использовала защиту, милая? — тихо спрашивает она.

— Боже, я даже не собираюсь тебе на это отвечать, — произношу я.

Она останавливается у двери, и в это время между нами оседает тяжелая тишина. Я сворачиваюсь в клубок и смотрю на приколотую к стене фотографию, к которой прикасался Ремингтон. Я не буду плакать. Клянусь, я устала от слез и пытаюсь не испытывать ненависть к ним только из-за того, что мне одиноко, меня не понимают и я нахожусь под воздействием гормонов. Я знаю, что они любят меня. Они знают только то, что я забеременела от какого-то парня, и он бросил меня здесь, и что этот ребенок будет проблемой для меня. Они не знают ничего, кроме того, что моя жизнь изменится, и они боятся, что я не смогу с этим справиться. Они настолько склонны осуждать, несмотря на то, что они любят меня, что я чувствую, как начинаю возводить стены, отказываясь разделить с ними Реми. Отказываясь делить самое дорогое, ценное и несовершенное совершенство в моей жизни.

— Мам, иди домой, — говорю я, и она тихо оставляет меня лежать на кровати, и смотреть на все те розы, что он мне прислал.

И я вижу эти голубые глаза...

Ты мой.

Вы оба.

У меня жжет горло, также как и глаза.

— Брук, я здесь, — произносит Нора из холла.

Я не отвечаю ей. Я так зла. Кажется, она чувствует опасность в воздухе, потому что

задерживается у двери и не входит.

— Ты в порядке? Ты потеряла ребенка? — спрашивает она. Во мне возрастает гнев.

— Спасибо за то, что предала меня, Нора, — бормочу я. — И спасибо за то, что показала свою полную и абсолютную признательность Ремингтону за то, что он сделал для тебя!

— Они должны были знать, что ты беременна, Брук! — кричит она.

— Это должна была сообщить я, а не ты! — выпаливаю я, садясь на кровати. — Почему ты нападаешь на него? Он ничего тебе не сделал, только спас тебя! Что, захотелось хорошо выглядеть в их глазах, поэтому вредишь мне? Кто тебе сказал? Я знаю, что это не Мелани, она бы мне никогда такого не сделала.

Глаза Норы, также как и мои, имеют оттенок янтаря, только немного темнее, но на этом все наше сходство заканчивается. Как мы можем быть такими разными? Она всегда была мечтателем, а я реалистом, но даже так мы никогда не чувствовали такого расстояния между нами, как сейчас.

— Пит сказал мне, — говорит она.

Я издаю стон, забывая, что между ними что-то есть.

— Это вырвалось! Он предположил, что я знала, и мне было неловко от того, что это было не так! Ты бы не скрывала этого, если бы это было нормальным, Брук. Это же Разрывной! Тебя бросят, как и меня, если не хуже. Эти мужчины опасны, Брук. Ты никогда не вырвешься на свободу, никогда.

— Ремингтон не такой, как твой больной придурок, экс-бойфренд! Я безумно в него влюблена, а он любит меня. И у меня будет ребенок от него, даже если это УБЬЕТ МЕНЯ Нора! — кричу я.

Она моргает и я не могу больше продолжать. Вполне возможно, я обижена, что из-за нее я практически разрушила свою жизнь. Из-за нее и меня, желающую "спасти" ее, пострадал Ремингтон.

— Мне очень жаль, Нора, я просто... — потираю лицо и мрачно качаю головой.

— Знаешь, я тоже думала, что он меня любил, — ее грусть подкрадывается ко мне, и ужасное ощущение выкручивает меня изнутри. — Я имею в виду Бенни. Я думала, что он отдал бы все за меня, а в момент, когда удержать меня было сложно, он отбросил меня, — она смотрит на меня, ее лицо усталое и грустное. — Он говорил, что любит меня, а потом даже в глаза не взглянул, чтобы попрощаться. Если я и сказала что-то маме с папой, то это только потому, что не хочу, чтобы это случилось с тобой.

— Реми другой, Нора, — мягко говорю я.

— Вот именно. У него на тысячу больше женщин, Брук. Нет, не на тысячу. На миллион больше, чем у Скорпиона. Он СЕКС-БОГ Андеграунда. Эти ребята не заводят жен и детей они просто этого не делают. Знаешь, я тоже там была. Он не может любить тебя так сильно, чтобы идти спасать меня, меня, кого-то, кого он даже не встречал никогда! И терять приз, который уже практически принадлежал ему. Все для тебя? Никто в здравом уме не может так любить кого-то! — кричит она и выбегает, захлопнув за собой дверь.

Дверь содрогается, и я моргаю в полном шоке.

Что. За. Хрень. Моя сестра курит травку?

Сижу здесь, обдумывая все это. Затем встаю, запираю дверь, снимаю одежду, расчесываю волосы, распуская их, потому что мне нужно чувствовать себя красивой и мне нужен мой Настоящий. Боже правый, как он нужен мне. Я просто хочу, чтобы сегодня

произошло что-то хорошее, и хочу, чтобы он знал, что я в порядке и в безопасности, как он и желал.

Пишу ему сообщение о том, что скачала Скайп на его айпод перед полетом и записала его логин и пароль на стикере. Затем открываю свой ноутбук, захожу и жду. Кажется, я задремала возле телефона, и когда позже проснулась, то увидела 11 пропущенных звонков от Ремингтона Тэйта.

— О, нет! — набираю его и звоню, но он не отвечает. Я звоню и звоню, затем издаю стон, откладывая телефон в сторону, и натягиваю одеяло к шее, вдруг почувствовав холод.

Я снова заснула, когда слышу жужжание. Вижу, что мигает его имя, и у подпрыгивает сердце. Нажимаю "ответить" и простыни падают к моей талии.

— Ты здесь? — спрашиваю я.

Настраиваю экран ноутбука, внутри меня бушуют бабочки.

— Эй. Я тебя не вижу! Перемести свой...

— Это самая глупая вещь, которую я когда-либо делал, — говорит он.

— Ты изменишь свое мнение, когда увидишь меня, — говорю я.

Затем я вижу его. Опирающийся спиной к изголовью кровати... с обнаженным торсом и, подозреваю, что он только что из душа... и у меня перехватывает дыхание от вида его невероятного мальчишеского лица. Позади него комната полностью освещена, и я в подозрении прищуриваюсь.

— Ты не спишь, не так ли? — спрашиваю его.

Он осматривает меня, а я осматриваю его в ответ, проходя взглядом по его загорелой груди, по мускулистой руке, к наполовину полной голубой бутылке "Геторейд" в его руке. От вида всех этих мышц, кельтских татуировок, его груди, шеи, боже, этих ярко выраженных сухожилий на его горле, куда я утыкаюсь носом ночью, все мое тело покалывает, вспоминая эти ощущения, запах и вид.

Во мне болезненно разворачивается лента необходимости и распространяется по всему телу до тех пор, пока я не могу думать больше ни о чем, кроме этой потребности: целовать и обнимать его, прикасаться к нему и вдыхать его запах, запах шеи и волос, чувствовать дыхание на себе и каждый его маленький мозоль.

Затем я понимаю, что он все еще на меня смотрит, а выше пояса я полностью обнажена, и я тут же становлюсь влажной, когда вижу собственнический взгляд в его глазах.

— Предполагалось, что от этого я должен был почувствовать себя лучше? — грубо спрашивает он, глядя на мою грудь. — Это чертова пытка, смотреть на тебя через экран.

— Реми... — говорю я.

Он хмурит брови.

— Я не хочу, чтобы ты была одна. С тобой кто-то есть?

— Нора была здесь, и думаю, Мел сейчас с ней, — останавливаюсь на этом, потому что прямо сейчас я не хочу говорить ему ничего о своих родителях, пока все не уладится. Он был отвергнут своими собственными родителями и я клянусь, что бы мне не пришлось сделать, он не будет отвергнут моими. — Не волнуйся, я не одна, — заверяю его.

Он кивает, отчаянно запуская пальцы в волосы. Затем опускает голову и потирает экран обеими руками. Поднимает голову и прищуривается.

— Я хочу прикасаться к тебе. Я близок к тому, чтобы укусить этот чертов экран.

У меня вырывается смешок, а затем я издаю стон и тоже прикрываю глаза. Скайп не такая уж и хорошая идея. О боже, это наводит тоску. Я вижу его и тоскую, это обидно и

больно.

— Больно видеть тебя. Я тоже хочу почувствовать твой запах, — говорю я.

Он поднимает мою кофточку.

— Я нашел это в своем чемодане, — подносит к лицу и вдыхает запах. Я с трудом дышу, почти чувствуя его нос на своей шее, вдыхающий мой запах. Облизывающим меня.

— Черт, Брук, я хочу быть там, держать тебя в своих руках, уложить тебя на кровать и трахать до утра.

В моем животе взрывается желание, когда до меня доходят эти грубые слова.

— О боже, я тоже.

Его глаза вспыхивают, когда он наклоняется вперед. Мышцы верхней части его тела подергиваются от движения.

— Мне бы хотелось быть там, чтобы я смог сжать твою грудь, укусить и сказать, как сильно я тебя хочу.

Внутри меня кости рассыпались на мелкие части. Место между ног теперь горит от жажды. Мой голос слабый, нуждающийся и полный возбуждения.

— Я хочу тебя так, как никогда ничего не хотела в своей жизни, — выдыхаю я, мои соски напряглись на воздухе и чувствительны даже к дуновению кондиционера.

— Ты хочешь почувствовать мой член в себе? — грубо спрашивает он.

Я судорожно выдыхаю, охватываю пальцами свою грудь, просто потому что она вдруг становится тяжелой и ноющей. Она так сильно ноют по нему.

— Реми, ты меня убиваешь.

— Нет. Это убивает меня, — мягко говорит он, потирая экран таким образом, что я представляю, как он делает это пальцем с моими губами, проводя им по моему подбородку, обводя мои твердые соски. — Скажи мне, что ты жаждешь почувствовать мой член в себе, а затем представь, что твои пальчики — это я. Опusti руки, Брук. Покажи мне свои соски.

— Реми, — произношу я, мое сердце сжимается от потребности, когда я обхватываю руками грудь.

Низкое громкое рычание вырывается из его горла, когда он наклоняется еще ближе.

— Брук, — резко говорит он, снова потирая пальцем экран. — Когда я тебя увижу, я собираюсь везде прикасаться к тебе руками, собираюсь провести языком по всему твоему красивому телу. Затем я буду тереть им часами по твоему клитору.

— О Боже, Реми... — между бедер у меня пульсирует клитор, когда я двигаю бедрами, представляя, как облизываю его шею, грудь, татуировку в форме звезды возле его пупка.

— Почему ты держишь грудь руками? Ты представляешь себе, что это я? — хрипло спрашивает он. Когда я киваю, он говорит мне: — Хорошо. Тогда сжимай их медленно, как тебе нравится. А потом опустишь ниже и потри себя для меня.

— Но я хочу прикоснуться к тебе, — говорю я, его команда посылает возбужденное покалывание по моей коже. — Я хочу провести языком по твоей груди и облизать твои соски, проводя руками по твоим бицепсам и помассировать твои квадрицепсы и пресс...

Его глаза загораются озорством и он качает головой.

— Нет, Брук, — упрекает меня. — Не говори со мной сексуально, если не собираешься сначала делать то, что я говорю.

— Я опущусь ниже, если ты опустишься тоже, — смело говорю я, мое горло отчаянно пульсирует, в то время как внутри меня разгорается жар и начинает медленно уверенно меня сжигать.

И он, не колеблясь, движется. Мое тело напрягается и меня охватывает катаклизм возбуждения, когда я наблюдаю, как его рука исчезает ниже талии. Я прекрасно могу себе представить его большую руку, поглаживающую себя, и внезапно становлюсь влажной.

— Реми, я хочу поцеловать тебя там, — я задыхаюсь от необходимости обхватить его губами, — а затем я хочу съесть тебя всего, и потом стать полностью липкой и почувствовать себя любимой и красивой благодаря тебе.

Его голос смягчается, в то время как я смотрю, как его рука слегка двигается.

— Брук, неважно рядом я или нет, ты любима и красива.

— Реми, — говорю я, тоже опускаясь пальчиками вниз, потому что пообещала ему. Резко вдыхаю, когда обнаруживаю себя гладкой, нежной и набухшей. — Ты нужен мне. Позвони мне по телефону.

— Что ты имеешь в виду, маленькая петарда?

— Позвони мне по телефону.

Мы отключились в Скайпе, и я ответила на первый же звонок телефона. Его голос зазвучал ближе. Настолько близко, что вливается в меня, сексуальнее, чем сам секс, глубокий и темный, с похотью. И я слышу его дыхание, и во мне появляется страстный трепет.

— Ты мне нужен, Реми, — взрываюсь я. — Мне просто нужен весь ты — твоё тепло, твой рот, твой голос, ты, — закрываю глаза и провожу пальцем по складкам, поглаживая себя, как это делает он со мной.

— Боже, скажи мне, как сильно ты нуждаешься во мне, — говорит он, и его дыхание звучит быстрее и немного грубее.

И вдруг его голос становится так близко, что в моей голове он находится рядом со мной, его губы возле моего уха, его хрипловатый тембр посылает слабую дрожь к моим бедрам и я шепчу ему:

— Это такая пытка — видеть тебя, слышать твой голос.

Его голос хриплый:

— Детка, мне нужно, чтобы ты была на мне, выжимая из меня все, что можно.

— Я умираю, как хочу увидиться с тобой.

— Через три недели у нас бой в Сиэтле, и я приду к тебе. Я собираюсь раздеть тебя и заново познакомить все мое тело с твоим. С каждой частью.

— Ненавижу то, что ты не можешь быть во мне, — признаюсь заплетающимся языком. Закрываю глаза трепещущими веками, когда мое тело теряется в звуке его голоса и внезапный прилив тепла распространяется по моей коже.

Он бурно дышит.

— Это неважно. Когда я буду там, повсюду на тебе.

Он захватывает мой мозг. Я перемещаюсь к нашему номеру в отеле. К нему. Я там, в уме, с ним. Представляю себе все это, помню все это. То, как его палец пощипывает мои соски. Как он втирает маленькие круги удовольствия в мой клитор. Как его язык омывает маленький участок. Трется о мой язык. Проводит по контуру моих губ. Как он лижет мой затылок. Возле моего уха. Раковину уха. Погружаясь в щель.

— Пожалуйста, — вздыхаю я, начиная метаться, прижимая телефон к уху одним плечом в то время, как одной рукой сжимаю грудь, а второй натираю себя.

Его голос заставляет меня представить, как его лицо ужесточается от необходимости и удовольствия, и от этого меня еще сильнее затягивает в вихрь наслаждения, когда я слышу

его рычание:

— Брук, я держу член своей рукой и я вхожу в тебя. Клянусь, я могу почувствовать твой запах. Скажи мне, что ты делаешь...

— Я принимаю тебя. В себя. Кусаю тебя за шею и... Реми, Реми...

Никогда не думала, что могу кончить таким образом, но, как только я слышу этот низкий длительный сексуальный стон, который он издает иногда, когда подходит к кульминации, я теряюсь. Потому что никогда не видела, чтобы кто-то кончал так, как он. Мое тело сотрясается от дрожи и я мечусь на месте, когда пытаюсь продолжать сжимать свой телефон, потому что не хочу пропустить ни одного его вздоха, ни одного звука, что он издает.

После этого мы оба, удовлетворенные, тяжело дышим. Но, когда я лежу здесь, пытаюсь прийти в себя, ко мне подкрадывается одиночество, внезапно подавляющее меня. Я не могу прижаться к своему льву или поцеловать его губы на ночь, или почувствовать его горячую упругую кожу на своей. Опускаю взгляд на свою руку, влажную от собственных выделений, и вместо того, чтобы почувствовать связь с ним, впервые за это время еще больше осознаю, что мы не вместе.

— Скучаю по тебе, — грустно шепчу я.

Мгновение он молчит, затем говорит мягко и нежно:

— Я хочу ломать вещи весь проклятый день. Хочу вырвать ту боль, что у меня в груди, но она так черт возьми глубоко, что я мог бы вырвать сердце, а она все равно останется там.

— Реми...

— Это в последний раз, когда я живу без тебя. Я уже наполовину обезумевший и на полпути к гребаной могиле. Мне это не нравится. Каждый монстр в моей голове говорит мне, что ты будешь убегать, а я не буду находится достаточно близко, чтобы поймать тебя. Каждый мой инстинкт кричит, чтобы я поехал к тебе. Каждая кость в моем теле говорит мне, что ты МОЯ — не часть меня, но мой мозг понимает, какого черта я увез тебя от себя. Остальная часть меня не может этого принять. И невозможно убедить ее, что быть далеко от тебя, это правильно.

— Ремингтон Тэйт, я клянусь тебе, клянусь, что когда я буду в состоянии встать с этой дурацкой кровати и снова бегать, то ты всегда, всегда будешь единственным, к кому будет вести мой путь.

Глава 11

Сёстры и друзья

Те первые несколько ночей, когда я впервые спала с Реми, я лежала, прижавшись нему, не зная, что он делал на своем Айпаде. Пока в один прекрасный день я не стряхнула с себя сонливость, решив узнать это.

— Что ты делаешь? — спросила я, выпрямляясь, чтобы заглянуть.

Он отставляет "Apple" в сторону и притягивает меня к себе на колени, усаживая между бедер и снова хватая свой Айпад, нашептывая мне на ухо, когда показывает экран:

— Надираю задницу компьютеру.

— Что это?

— Шахматы.

Откидываюсь назад, удерживаемая в его крепких руках.

— Ты выигрываешь? Ну, конечно же, да, — отвечаю сама себе.

Я смотрю на экран, на белые и черные фигуры, а он объясняет, что значит каждая и как они перемещаются, из них самые простые — это пешки. Мы продолжаем игру, я наслаждаюсь работой его мозга, когда он передвигает фигуры, и его дыханием в своем ухе. И тем, как время от времени, он кусает меня за мочку и оставляет поцелуй.

Он говорит мне выбрать, какой фигурой сделать следующий ход. Я решаю пустить в ход тяжелую артиллерию.

Он мягко смеется:

— Ты же не хочешь двигать нашу королеву?

— Почему нет? Она кажется наиболее универсальной и мощной фигурой.

Он нажимает на королеву и перемещает ее назад на свое место.

— Королева остается с королем, — целует меня в висок.

— Почему? — спрашиваю.

— Чтобы защищать его.

— От чего? — я поворачиваюсь и смотрю в его смеющиеся голубые глаза. Он отставляет Айпад в сторону и берет в руки мое лицо, улыбаясь, будто я должна знать, почему королева защищает короля.

Затем он целует меня, и, играя с ним в шахматы, кажется, будто я узнала о нем что-то новое. Что я также люблю. Как и все остальное.

Боже. Он живой дышащий клад, и он позволяет мне открывать его. И все, чего я хочу — потеряться в этой совокупности тьмы и света в нем.

Сейчас он за тридевять земель в сторону Чикаго, но я обнаружила, что если зайти в интернет в ночное время, то можно играть с ним в шахматы, позволяя одержать полную и безоговорочную победу надо мной. А я могу писать ему какие-то комментарии, вроде:

"а сейчас я собираюсь тебя побить!"

Он отвечает только ходом, поедая одну с моих пешек.

И я делаю глупый ход, продолжая: "Ты труп! И твой король с королевой тоже! И я заставлю твоего мужчину наблюдать как я убью его женщину!"

Он печатает: "Никто не прикасается к моей женщине".

Я отвечаю: "Кроме тебя?"

"А это идея."

И я смеюсь, а затем он звонит мне, и мы забываем об игре. Я теряюсь в его голосе и в том, что он мне говорит.

На второй неделе я посетила гинеколога и смогла услышать сердцебиение ребенка. Мелани записывает это событие на телефон и отправляет мне. И я отправляю это Реми. На что он отвечает?"

Набираю номер и слышу его грубый голос. Он всегда звучит немного нетерпеливо, будто он готов заняться чем угодно, но только не разговором по гребаному телефону, отвечая грубо:

— Да.

Я говорю ему:

— Это сердцебиение ребенка.

На мгновение мы оба замолкаем. Затем он говорит:

— Давай я отключусь, чтобы послушать. Позвоню через пять минут.

Я смеюсь и с нетерпением жду...

Спустя две с половиной недели Нора заходит все реже и реже. Она из-за чего-то злится на меня или может это я злюсь на нее? Я не уверена. Но даже Мелани интересно, что с ней случилось. Иногда я задаюсь вопросом стала ли она такой раздражительной из-за Пита, потому что она продолжает спрашивать меня о боях, о нашем расписании и об Андеграунде.

К этому времени я прослушала большинство песен Реми. Мои любимые — "Far Away" ("Далеко") в исполнении Nickelback и "Here Without You" ("Здесь без тебя") в исполнении 3 Doors Down, которые я слушаю ночью снова и снова...

Мелани теперь с флористом на "ты". Я получаю красные розы каждый день. Каждый день. Ей звонит Райли утром и вечером с запросом полного отчета для Ремингтона. Понравились ли мне цветы? Все ли со мной в порядке? Я пишу ему сообщение каждый день (ладно, не одно, больше одного), а Реми всегда отвечает мне после тренировки.

Я пересмотрела сотни фильмов, делала покупки в интернете, пока мне не надоело. А еще я встречалась со своими родителями. С ними может быть туго, но становится все лучше с каждым их визитом. По крайней мере сейчас они, кажется, приняли и почти в восторге от ребенка.

К концу третьей недели я прочитала всю библию для беременных "Чего ожидать в ожидании ребенка" и узнала, что изжога, которую я чувствую — это нормально. Хныканье? Злость? Перепады настроения? Нормально. На интернет-форумах we90r64mama и 4uwtforever называют это "драма беременной мамы". Я умирала со смеху от их анекдотов о собственнических чувствах к отцам детей и о тысячу и одном сумасшедшем поступке, вроде проверки их чеков и кредитных карточек, шпионаже.

Я серьезно думаю, что у меня все в порядке с драмой беременной мамы, ДБМ, пока не началась четвертая неделя, когда постельный режим начал выводить меня из себя. Я постоянно пытаюсь занять чем-то свои мысли, если не делаю что-то сама. Я скучаю по бегу, солнцу, поединкам, и я скучаю по нему.

В полночь у меня была бессонница — нормально! — и я написала ему длинное подробное сообщение, что в Сиэтле шел дождь и что я нашла песню, которую хочу включить ему. Слышал ли он когда-нибудь "Between the Raindrops" ("Между каплями дождя") в исполнении Lifehouse? О, и выбегал ли он на пробежку? Я так скучаю по бегу, это так печально пялиться на эти четыре стены...

Потом я сказала ему, что планирую получить у своего гинеколога разрешение пойти

посмотреть его бой, когда он будет в Сиэтле на следующей неделе. Единственным ответом на все мои вопросы было одно сообщение:

"Для тебя пока никакого Андеграунда, МП. (прим. пер. — Маленькая Петарда) Оставайся дома."

Из всех его ответов, что я себе представляла, я никогда бы не подумала, что Ремингтон скажет это. И таким образом началось ДБМ, когда меня начали преследовать слова сестры, о нем, таком секс-боге Андеграунда... и внезапно ДБМ ухудшилось, когда я себе представила, как шлюхи доставляли ему удовольствие в то время, как он был один, без меня. Кто удовлетворяет сексуальные потребности, в которых нуждается этот мужчина? Кажется, будто все мои гормоны беременности усердно работают, не только помогая мне вынашивать ребенка, но и сводя меня с ума.

Я заставила себя написать ему:

"Почему? Почему ты не хочешь, чтобы я была в Андеграунде?"

Он не ответил и все мои страхи разбушевались еще яростней, и я была по-настоящему удивлена:

"Почему? Разве ты не хочешь меня видеть?"

Он ответил:

"Просто оставайся нахрен дома и жди меня."

Значит он совсем не стремился меня увидеть?

"Ты хочешь, чтобы я была дома? Таким образом все твои фанатки смогут кричать тебе и видеть тебя, но не Я? Пошел ты!"

После этого я добавила красный дымящийся смайлик, чтобы он знал, что разозлил меня, затем бросила телефон в сторону и начала накручивать себя, пока мне не захотелось взорваться. Остаться дома? Дом там, где он. Сукин сын.

Этим утром количество роз удвоилось.

Когда Райли утром говорил с Мелани, то попросил передать, что Ремингтон надеется, что мне понравились цветы и что он хочет, чтобы я отправила ему ссылку на песню, о которой писала ему вчера.

Ха.

Простите, но у меня нихрена нет желания отправлять ему что-либо.

Наш ребенок чувствует себя хорошо и я в восторге, потому что крем, кажется, работает. Кровянистые выделения полностью прекратились, но гормоны во мне? Они бушуют. Я умираю. Так хочу увидеть его. Я ежедневно защищала его и нашего ребенка перед своими родителями, рассказывая им, что меня не бросили и не использовали, что он привез меня сюда, чтобы защитить и заботиться. Но слышать, как он говорит, что не желает, чтобы я была в Андеграунде, это отстой.

Все страдания, которые я пыталась держать подальше от себя, подкрадываются ко мне со всех сторон сейчас, когда я зла на него, но, боже, я ничего не могу с этим поделать. Находясь на постельном режиме, и когда нечего делать, голова придумывает тысячу и одну историю о том, что происходит там, в мире, без меня, и ни одна из этих историй не доставляет удовольствия.

— Перестань отчитываться, Мелани, — угрюмо говорю я тем днем.

— Почему? Райли спрашивает, и Ремингтон попросил меня в тот день перед отъездом, отправлять ему ежедневные отчеты. Он хочет знать, как ты себя чувствуешь.

— Прекрати давать детальные отчеты и точка.

Кажется, она едва сдерживает смех в голосе.

— Эй, ты же тоже этого хочешь! Ты тарацишься каждый раз когда я разговариваю по телефону! Будто ты хочешь иметь сверхзвуковые уши, чтобы слышать. Я знаю, что ты звонила Питу и спрашивала о нем.

Я вздыхаю, массируя виски.

— Я просто беспокоюсь за него.

Я звонила Питу, чтобы спросить все ли в порядке, и он ответил, что да. Как обычный парень, он не был особо разговорчив по телефону, и сказал лишь, что они здесь, и спросил, нужно ли мне что-нибудь, и что Ремингтон тренируется нон стоп. Я спросила стал ли он безбашенным, и он сказал, что они все сосредоточены на том, чтобы держать это под контролем, и посоветовал успокоиться, Ремингтон очень сильно пытается оставаться с голубыми глазами.

Что бы это могло значить?

Однажды Пит назвал меня пусковым механизмом, и мысль о том, что Реми должно быть хочет избегать меня, чтобы оставаться с голубыми глазами, разъедает меня, как кислота.

Мел смотрит на мое несчастное лицо и с улыбкой качает головой, будто поверить не может, что я докатилась до этого.

— У тебя появляются морщинки, когда ты говоришь, перестань уже хмуриться, — весело говорит она, когда приносит миску домашнего органического попкорна для просмотра еще одного фильма. — Милая, Андеграунд будет здесь через неделю, ты должна сиять!

— Я даже не смогу прийти туда. Ремингтон, черт возьми, не хочет, чтобы я там была.

Глубоко вдохнув, я пытаюсь успокоиться, задаваясь вопросом, что бы БДБ (Брук До Беременности) делала?

— Потому что он придет увидеться с тобой после боя. Райли сказал мне, что твой мужчина планирует ночевать здесь с тобой на протяжении их трехдневного пребывания.

Я закрываю лицо.

— От этого я чувствую себя еще хуже. Почему он приезжает именно на бой, а не перед ним, чтобы увидеться со мной?

Мелани пожимает плечами.

— Что, если Нора права и он больше не хочет меня? — продолжаю я.

Теперь она визжит со смехом.

— Хорошо, во-первых, у Норы не голова, а головка сыра с дырками в ней, и она пропадала все те дни, когда обещала мне прийти и позаботиться о тебе, а вместо этого находится бог знает где. Она где-то на седьмом небе от счастья, а ты в другом месте, потому что, безусловно, здесь говорят гормоны.

— Не могу поверить, что он не желает меня там видеть. Думаю, кто-то украл его телефон и написал мне. Может тупая шлюха.

— Брук, он явно защищает тебя и ребенка, — Мелани косит на меня взглядом, пока выбирает что бы посмотреть на Apple TV.

Монстры в моей голове одерживают верх над ее словами. Ребенок чувствует себя лучше. Если мой врач даст мне зеленый свет, почему он не хочет, чтобы я была там? Разве он по мне не соскучился?

— Я просто не понимаю, — ворчу я, хватая один из тех дурацких журналов, что я уже читала тысячу раз, и швыряю его в стену.

Мелани бросает пульт и приближается, чтобы пригладить мои волосы.

— Как говорят, мужчины пришли с Марса. Некоторые, кого я встречала пришли из задницы, засранцы. А ты, моя дорогая, прямо сейчас по-настоящему беременна. Ты пережила стресс из-за угрозы потери ребенка, потери своего парня, отсутствия поддержки со стороны твоих родителей, и Нора совсем не помогает. Ты застряла со мной, чокнутой, в этих четырех стенах на три недели, не выходя на улицу. Трусиска, вот почему каждый, кто когда-либо появлялся в “Большом Брате” (прим. "Большой Брат" — реалити-шоу) сходили с ума, но, по крайней мере, у них был бассейн.

Я игриво пихаю ее и смеюсь.

Но спустя несколько часов я пялюсь на стену, проигрывая все сценарии, если Реми меня не хочет. Ремингтон замечает кого-то другого на трибунах, кто ему нравится. Ремингтон понимает, что ребенок — подтвержденный факт, а это немного большая проблема, чем хотелось бы мужчине вроде него. Я мучаю саму себя и мой разум набрал такие обороты, что я уже не могу его остановить.

— Ты далеко. Где ты? С Реми?

— У него, должно быть, бой прямо сейчас.

Прямо сейчас у сотен людей есть возможность видеть его. Сотни вождедеющих его женщин выкрикивают его имя. Прямо сейчас те голубые глаза будут смотреть на что-то или кого-то другого, когда они буду сканировать аудиторию, а меня там нет. И даже, когда он будет здесь, в моем городе, он не хочет, чтобы я была там, и я не знаю, что делать.

— Разве нет прямого эфира на каком-то подпольном сайте? Иди сюда, держу пари, что есть! — она тянет меня в мою комнату, открывает ноутбук и начинает гуглить. У меня внутри все подпрыгивает, когда я задаюсь вопросом, если он все-таки есть. Она взвизгивает, когда находит ссылку и кликает на звук. — Он там. Иди сюда! Ну, это не совсем он. Думаешь, он уже ушел?

Просматриваю комментарии. Они его упоминают, но комментаторы, кажется, спрашивают, когда он выйдет. Мое сердце сжимается от желания быть там, а затем Мел хватает меня за руку, когда диктор использует свой самый захватывающий голос:

— Я слышу в толпе имя. Его произносят громче. Вы все тоже это слышите? — он прикладывает к уху руку и толпа кричит в унисон:

"РАЗРЫВНОЙ!"

У меня в животе оживают бабочки, когда он продолжает:

— Вы правы! Совершенно ВЕРНО, дамы и господа! Сейчас приветствуем, ни разу не потерпевшего поражения в этом сезоне, с идеальным количеством баллов, удивительного плохого парня. Единственный и неповторимый, Ремингтон Тэйт, Рааааазрывной!!!

У меня в животе все сжимается, когда он выходит, а на заднем плане ревет публика, в то время как камера фокусируется на ринге. И затем он забирается на ринг, гибкий и аэродинамический, как всегда. Он скидывает атласную накидку “РАЗРЫВНОЙ”, и женские крики почти разрывают динамики моего ноута. Вдалеке я вижу в воздухе растяжку с надписью “РАЗРЫВНОЙ НАВСЕГДА”.

Восхищенные, мы с Мел наблюдаем, как он поворачивается. Он улыбается, опьяненный вниманием. Потом я вижу, что он, как обычно, останавливается и автоматически смотрит на мое пустое сиденье, и тогда его улыбка вздрагивает. На мгновение он останавливается, разминает шею и возвращается к Райли, отворачиваясь от толпы.

— Ой. Думаю, он тоже по тебе сучает. Он никогда не шел в свой угол так, как

сейчас, — вздыхает Мелани. — Брук? Брук?

Я плачу в подушку.

— Бруки, что случилось?

— Я не знаю.

— Брук, что случилось? Что-то не так?

Я сжимаю подушку сильнее, затем вытираю глаза.

— Ох! В моей квартире больше дождя, чем в целом Сиэтле, — стону я. Затем встаю и ухожу. Направляюсь на кухню, достаю салфетку и вытираю слезы, когда слышу крики публики, после того как раздается резкий глухой стук. Я спешу назад и всматриваюсь в экран: здоровяк лежит на полу лицом вниз, Ремингтон стоит перед ним, тяжело дышит, ноги врозь, руки по бокам. Как торжествующий бог войны. Которого я желаю каждой ноющей клеточкой моего тела. Который может иметь любую женщину в мире и вероятно, больше меня не хочет. И я не могу даже осознать того, как разобьется мое сердце, если я проведу всю оставшуюся жизнь без него.

— Разрывной! Дамы и господа! Ваш победитель, непобедимый в этом сезоне, возглавляющий чемпионат! RRRPРАЗ-РЫЬЫЫЫВНОЙ!

Мое сердце увеличивается в груди, оно пульсирует, я хватаю компьютер и поворачиваю его к себе, вижу его поднятую руку, когда он восстанавливает дыхание. Сегодня он не улыбается. Он мрачный, тяжело дыша уставился в одну точку, как будто погружен в свои мысли.

— Я так тебя люблю... Не знаю, что собираюсь делать, но я сделаю так, чтобы ты любил меня так же сильно, — шепчу я, лаская его лицо на экране.

— Ты собираешься стать папой, Рем! — визжит Мелани. — Мама твоего ребенка так сильно любит тебя!

Ремингтон поворачивает голову к рефери, и с кивком диктор вызывает кого-то еще. Мой желудок стягивается в узел, когда до меня доходит, что он собирается продолжить драться.

Мелани отвечает на звонок и я забываю сказать ей не делать этого.

— Райли! Что... ох, с ней все хорошо. В самом деле? Ну нет, вообще-то она также не в порядке, — я закрываю глаза и смотрю на свой телефон, когда они начинают говорить о том, как нам плохо. — Да, да, я сказала ей, что он направляется сюда. Сразу после боя? Хорошо, она будет счастлива.

Она вешает трубку.

— Ремингтон только что закончил бой и он хотел знать, все ли с тобой нормально. И Райли хотел узнать как ты, потому что Реми не так уж хорошо... Он хочет, чтобы ты знала, они скоро будут в городе.

Недовольство быть прикованной к кровати огромное, но оно увеличилось от желания увидеть его, что закипает во мне. Я не могу выдержать мысли, что он будет драться здесь в Сиэтле, и что я не буду наблюдать за его боем.

Внезапно я хватаю радиотелефон и начинаю набирать номер.

— Что ты делаешь? Кому ты звонишь? — спрашивает Мел.

— Доктора Труды, пожалуйста. Брук Дюма, — говорю я, затем прикрываю трубку. — Мелани, мне плевать на то, что он не хочет меня видеть. Я хочу видеть его и я СОБИРАЮСЬ увидеть его, точка.

— Что, черт возьми, ты говоришь?

— Ты должна доставить меня в Андеграунд.

— Я ВСЕГДА ХОТЕЛА одеваться, как старушка, с тех пор, как увидела “Мисси Даутфайр” [\[12\]](#), — говорит Мелани, вытаскивая парики, которые мы заказали в интернете.

— Мел, я не буду вставать с этой инвалидной коляски, повтори мне еще раз, что ничего не случится.

— Подруга, ты выпросила у своего врача разрешение. Все будет хорошо. Реми даже не узнает, что ты пошла. Мы молоды, Брук! Алло? Живем один раз, — она уверенно фыркает и пытается примерить свое цветастое "старушечье" платье.

— Но я сказала, что еду к своему парню домой, — напоминаю я ей.

— Это и БУДЕТ у него. Ринг — это логово Разрывного. Плюс, не стоит недооценивать силу счастья. Люди быстрее выздоравливают, когда они рядом со своим любимым. Ребенку это понравится, не так ли, прелестный малыш? — Она глупо воркует нагнувшись у моего живота.

Сдержав смех, я отталкиваю ее. Она права, и я абсолютно уверена, что ребенку это понравится. Я уже чувствую воодушевление, и в самом деле не думаю, что ребенку весело со мной в моем нынешнем плачевном состоянии. Я влюблена в сложного человека и он заставляет меня испытывать непростые чувства. Я прокрутила это в своей голове тысячу раз, и мне наплевать, если он не хочет, чтобы я там была. Я увижу своего мужчину. Точка.

— Что скажешь? — спрашиваю Мелани, надевая белокурый парик длиной до плеч.

— Потрясающе. Ты выглядишь дешево. Теперь позволь мне тебя накрасить, — она вываливает на меня тонны макияжа, в то время как от перспективы встречи с ним мое сердце взволнованно колотится.

— Мел, мои поры захлебываются.

— Тс-тс! Тихо! Теперь я.

Я смотрю на себя в зеркало, пока она работает над своим лицом.

— Ладно, я выгляжу, как проститутка. Нас спросят, сколько мы берем.

— Ты чокнутая, мы должны сделать так, чтобы ты не была на себя похожа.

— Но ты по прежнему выглядишь привлекательней! Ты сексуальная бабушка, почему я не могу быть такой?

— Потому, что я все еще могу ходить, а ты будешь в кресле, — она подталкивает меня ближе к зеркалу, и мы обе смотрим на себя в платьях с цветочным принтом. Мел подобрала к платью небольшой кашемировый свитер и добавила цветы к своему седому парик, а мой белокурый парик был украшен черной повязкой в стиле "Алисы в Стране Чудес", удерживающей волосы на месте.

Я совсем не похожа на себя, и если добавлю большие очки, имеющиеся у нас, то буду выглядеть вдвойне непохожей на себя, но они такие большие и их неудобно носить, поэтому я запикиваю их в карман платья, когда мы выходим из лифта.

— Не хочу отвлекать его. Реми не должен видеть, что я здесь. Он может рассердиться. Я даже не знаю, как он поступит, он слишком непредсказуем. До того нашего расставания мы никогда по-настоящему не ссорились.

— Ты моя трусишка, судя по розам, которые он тебе отправлял, он хочет это компенсировать. И не волнуйся! Я мгновенно верну тебя назад, а пока что мы вытаскиваем тебя из этой ЧЕРТОВОЙ КОМНАТЫ! Юхууу!

ТРИДЦАТЬ МИНУТ СПУСТЯ мы обнаруживаем, что Андеграунд не ориентирован и

людей с физическими недостатками. Мы узнали об этом, когда Мел пыталась выгнать меня из такси, затем пересадить в кресло, потом попасть внутрь ночного клуба, спуститься вниз на лифте и оказаться в Андеграунде. Она пыхтит, отдувается и говорит мне, что больше не выглядит круто:

— Благодаря тебе, беременная цыпочка.

Я бы посмеялась над тем, как нелепо она выглядит, пытаюсь заставить людей расступиться, чтобы мы могли пройти, но как только мы попадаем на переполненную арену — такое чувство, будто я вернулась домой. И смешавшиеся чувства счастья и разочарования, из-за того, что я не была приглашена, вступили во мне в противоречие в непростом сочетании.

Это то место, где я его встретила. Где потеряла свое сердце с единственным вздохом. Где он трахал мое имя. Где он поцеловал мои губы. Где он штурмом взял ринг перед тем, как взять меня.

После примерно тысячи "извините, простите, пропустите", Мелани наконец останавливается у наших мест. Чтобы купить билеты, мне пришлось воспользоваться своей собственной карточкой, и я разорилась, так что у нас места в первом ряду, хоть и не в самом центре. Здесь неплохо, и я смогу вблизи жадно поглотить каждый сантиметр своего Разрывного. Он не стремится поговорить со мной? Не хочет увидеть меня? Я умираю от одного намека.

— Не забывай, что ты должна выглядеть как пожилая женщина, Мел, — шепчу я, когда первые бойцы вечера начинают набивать друг другу морды.

— Та женщина следит за нами, — беспокоится говорит Мелани и указывает позади нас, но я даже не могу повернуться. — Она, как трансвестит. Немного пугающе.

Нахожу взглядом Пита и вижу его, и прямо рядом с ним на сидении, которое обычно занимаю я, замечаю свою сестру Нору, улыбающуюся и флиртующую с ним.

— Ничего себе, Нора добралась до Пита, чтобы он достал ей билет? — говорит Мелани.

Не знаю почему, но от вида кого-то другого, кто занимает мое место, даже если это моя сестра, во мне пробуждаются тысячи змей ревности, и я становлюсь все злее и злее. Нет, не злой. Взбешенной все больше и больше из-за того, что Ремингтон запретил мне сюда приходить. Подонок.

Вдруг ринг освобождается и я вижу, как Райли идет занять свое место возле угла ринга и мой пульс ускоряется.

— В последний раз, когда он выходил на эту арену, он подарил нам рекордно быстрый нокаут и погнался за одной из своих... — взрывается голос в динамиках, женщины визжат, а мое сердце начинает биться быстрее, когда я вспоминаю, как он побежал за мной.

— Вы знаете, о ком я говорю. МУЖЧИНА, на которого ВЫ ПРИШЛИ ПОСМОТРЕТЬ Скажите "привет" единственному и неповторимому Ремингтону Тейту, вашему РААААЗРЫВНОМУУУУ!!!!"

Мелани задерживает дыхание, а потом бормочет:

— Омойгребаныйбог, я вижу его!

Мой пульс подскакивает до потолка, когда я напрягаюсь, чтобы увидеть вспышку красного, передвигающуюся рысью к рингу, но мне не удается ничего рассмотреть из этого тупого кресла.

— Я не вижу его!

И, господи, я ненавижу всех за то, что они могут видеть его, а я нет.

— Подруга, он идет на ринг! Его окружает несколько цыпочек, но он проталкивается между ними. Он Бог, Брук. О, боже...

И затем я наконец вижу его, мое сердце замирает, а живот сводит от эмоций. Люблю его, ненавижу и люблю.

Он появляется в моем поле зрения, как вспышка красного, и поднимается наверх на ринг, такой гибкий и мускулистый, блестящий и подвижный. Софиты светят на него сверху вниз, пока он избавляется от своей красной накидки, и вот он здесь. Такой мужественный и неукротимый. Фантазия каждой женщины и моя реальность.

Я никогда не смогу забыть, как он смотрится в своей боксерской форме, каждый мускул его точеного торса жесткий и неизменный, загорелый и блестящий. Я никогда не смогу забыть то, как он улыбается толпе. Я. Умираю. Он выглядит потрясающе.

Идеально. Излучает мужскую и жизненную силу. Такое ощущение, будто свет софитов опускается на него, чтобы поцеловать его загорелую кожу. Он начинает медленно поворачиваться, раскинув в стороны свои мощные руки с тугими мышцами. Арена практически дрожит под колесами моей коляски, стоит оглушительный крик.

— Трахни их всех, Разрывной! — кричат люди позади меня.

"А потом трахни меня!"

Его ямочки подмигивают им, глаза блестят для них. Он выглядит настолько счастливым, что мне хочется ударить его. На самом деле, мне хочется подняться туда и обрушиться своим ртом на его, в то время как я буду бить его.

— Брук, я чувствую себя плохой подругой от того, что хочу твоего мужчину, поэтому, пожалуйста, скажи, что ты понимаешь, — встревоженно произнесла Мелани.

Я стону от отвращения к себе. Я ушла без разрешения и вот я здесь, преследую его, как какая-то фанатка. Страстно желаю его, потому что он мой.

МОЙ.

— А теперь, дааамы и господа, приветствуем "Прародитель всех монстров", Гектор Хекс, Геркулееееееес!!! — взвыл диктор, а Мелани пробубнила "Святоооооо дерьмо!"

В этот момент "Прародитель всех монстров" поднимается на ринг и, готова поклясться, что вижу, как под его весом прогибается пол. Я никогда его раньше не видела, но выглядит он даже больше Мясника, отчего узел в моем животе завязывается в десять раз туже. Новый боец похож на Пола Баньяна, невероятного гиганта.

— Из какой галактики прилетел этот кусок мяса? — спрашивает Мелани, возмущенная, как и я.

Реми стукнулся с ним боксерскими перчатками, затем отошел и согнул руки, предоставляя на обозрение свои татуировки между плечом и бицепсом, перекатывающиеся под его мышцами. И от воспоминаний, как они ощущаются под моими руками, мое тело начинает пульсировать.

Гонг.

Они идут в центр. Мое сердце бешено колотится, когда "Прародитель всех монстров" лупит Ремингтона по ребрам, а Реми возвращает ему три удара, так быстро и мощно, что это заставляет соперника отступить на три шага назад.

— Брук, омойбог! — произносит Мелани. — О! МОЙ! БОГ!

Гигант, покачиваясь, возвращается, направляя удар прямо в живот Реми. Я слышу звук удара и морщусь, но вскоре раздаются звуки контратаки Ремингтона. Быстро и мощно. ПАМ-ПАМ-ПУУМ!!! И гигант падает на задницу. Ожидая, пока он поднимется, Реми кружит п

рингу — гибкий, грациозный, мой сильный голубоглазый лев.

Все мое тело вспоминает, как лев двигается на мне. Во мне. Как его бедра толкаются с идеальным нажимом и точностью. Как его руки касаются меня. Сжимают меня. Дразнят меня. Как его язык трется об меня, пробует меня на вкус, облизывает меня.

Монстр медленно поднимается, трясет головой, словно сбит с толку и, прежде чем он может нанести еще один удар, Ремингтон ударяет его своей правой и сбивает обратно на спину.

Мелани вскакивает и орет.

— ДА! ДА, РЕМИ! ТЫ КОРОЛЬ ЧЕРТОВЫХ ДЖУНГЛЕЙ! — выкрикивает она. оборачивается с этой своей улыбкой, и я застываю, когда он замечает нас. Он снисходительно улыбается нам, своим фанатам, стоя к нам лицом, как вдруг его поза меняется, тело кажется напряженнее. Его ямочки все еще на месте, но глаза чуть прищурены, когда он изучает нас, словно хищник во время охоты.

Внутри меня все обрывается.

— Думаю, он узнал твой голос, идиотка! — шикаю я на Мел, дергая ее за юбку, чтобы она села обратно.

Но он не смотрит на Мел. О, нет. Реми уставился на меня. Его ноги расставлены, грудь тяжело вздымается, он пронзает меня взглядом, словно лазером. Он смотрит на меня, и только на меня.

Его голубые глаза впились в меня, любопытные и вопрошающие, и вдруг я с мучением осознаю во что одета. На мне тонны макияжа: тени для век, нелепая красная помада... Я молюсь, тихо и горячо, чтобы этого было достаточно для маскировки от него.

Я выдыхаю, когда его глаза скользят направо от меня, к Мелани, а она поправляет свой парик и вздыхает: "Дерьмо на гребаной палочке".

И если я думала, что я ничем не ограничена, то совершенно его недооценивала.

Он снова смотрит на меня, а потом медленно качает головой.

Мое сердце сжимается так сильно, что кажется, что в моей груди образуется внутреннее повреждение.

На какое-то мгновение он медленно проводит рукой по своим волосам и беспокойно вышагивает туда-сюда; затем снова поднимает голову и, когда его глаза всматриваются в меня, он снова качает головой, но на этот раз на лице внезапно вспыхивают его ямочки и я, думаю, что попалась.

Электрический заряд пробегает сквозь меня, в то время как его глаза полыхают темным огнем, а губы чувственно изгибаются, он переполнен тем мужским знанием, что я, вопреки словам его фанатов, его фанат номер один.

Он точно знает, кто я. Я вижу отчитывающее веселье в его глазах и практически слышу, как он говорит...

“Ты, маленькая засранка, я знаю, кто ты”.

“Я вижу тебя”.

“Я, черт побери, вижу тебя!”

Я хочу сорвать с себя этот глупый наряд, подбежать и взобраться на него, как на дерево.

Схватить его мощную челюсть в свои ладони и целовать его, утопить в своих поцелуях, отдать ему всю свою любовь, в которой я тонула на протяжении недель.

Он сжимает пальцы, держа руки по бокам, в то время как объявили следующего противника, и пока он взбирается на ринг, Реми продолжает смотреть на меня, сжимая и

разжимая кулаки, с сильным возбуждением во взгляде, которое, я чувствую, вспыхивает в каждой части моего существа, вплоть до пальцев ног.

Звонит колокол, и Ремингтон подмигивает мне, что заставляет толпу взреветь.

Мелани визжит и сжимает мою руку.

— Скажи мне снова, как сильно он не хочет тебя, больная! — она указывает на себя. — Эта девушка прямо сейчас одета, как шляха, чтобы тебя поддержать. Омойбог! Он точно сделал это с тобой в своей голове!

Я практически стону, когда начинается бой.

Ремингтон выглядит заведенным. Он многократно наносит удары своему новому сопернику, исполняет джебы, бьет, уклоняется, и оборачивается ко мне между ударами, только чтобы убедиться, что я смотрю.

И я смотрю.

Я вижу его.

Чувствую его.

Хочу его.

Я, черт побери, люблю его больше чего-либо или кого-либо в этом мире.

У противника нет никаких шансов против него, и я наблюдаю за ним в абсолютном и безоговорочном восхищении.

Все эти недели, под влиянием всех этих гормонов, скучая по нему, как сумасшедшая, желаящая его, как сумасшедшая, любящая его, как сумасшедшая... Впервые за эти недели он так близко, и я умираю по нему настолько сильно, что схватилась за свое кресло так, что побелели костяшки пальцев. Мне нужен он внутри меня так же, как нужен следующий вдох. Сейчас это все, о чем я могу думать — все мои мысли о том, что он мой, а я его, что не позволю ему уйти и заставлю захотеть меня снова, если у него когда-то пропадет желание ко мне, и что тот момент, когда я отпущу его, никогда не наступит.

С каждой победой, когда было выкрикнуто его имя и поднята его рука, толпа ревет, а меня в моем нелепом наряде находят его голубые глаза, его челюсть сжимается, а тело напряжено так, словно ему сложно стоять и смотреть, не дотрагиваясь до меня. Все мое тело откликается и я трепещу от того, каким взглядом он смотрит на меня. Наверняка выгляжу я ужасно, но он все еще хочет меня. Его глаза горят желанием, а в их радужке танцует обещание, что он возьмет меня... Мое сердце трепещет. Я помню его.

Я помню его кожу, его мозоли, как они касаются меня. Его дыхание. Я вижу на экране его блестящее от пота тело, каждая часть и каждый дюйм которого идеальны, и я практически могу попробовать его на вкус, почувствовать, как оно скользит напротив моего.

В течение всего вечера я — скопление счастья, волнения, решимости и непреодолимой потребности.

— Мел, я не хочу, чтобы он видел меня в этом платье, — говорю я ей, впервые жалея о своем выборе одежды. Я выгляжу уродливо, распутно, грязно и нелепо, и я не хотела, чтобы Реми видел сегодня меня такой.

— Ладно, давай доставим тебя домой и пусть он сам к тебе придет, — бормочет она. Мелани начинает толкать меня и вдруг я слышу голос, грохочущий из динамиков: "НОКААААУТ!!!! Да, дамы и господа!!!! Наш победитель сегодняшнего вечера, в очередной раз, Разрывнооой!!! РААААЗРЫЬЫВНОООЙ!!!!"

Его имя окружает меня, когда публика начинает скандировать: "Разрывной! Разрывной!"

— Естественно, вы сделали все в точности до наоборот, несмотря на то, что я просил, — гортанный, глубокий и сексуальный голос шепчет позади меня, затем я вижу мускулистый торс прямо перед собой, и меня аккуратно поднимают потные руки.

Ремингтон обращается к Мелани вместо меня, и я слышу, как он говорит:

— Я позабочусь об этой петарде. Райли может отвезти тебя домой.

Его запах окутывает меня и я полностью обезоружена. Я хочу ударить его по груди, чтобы отпустил меня, потому что до сих пор немного зла, но мои пальцы соединяются на затылке его мощной шеи в страхе упасть, и я неподвижна в его хватке, поглощая ощущения от его объятий. Хорошо. Пугающе хорошо. Его накачанные бицепсы сжимают меня, а толстые предплечья блестят от пота, как и остальная часть его тела. Остальная часть прекрасного, разъяренного, многогранного его.

— Повеселись, Бруки, — произносит Мелани с огоньком в глазах, когда подходит, чтобы погладить меня по плечу, и шепчет мне на ухо: — Подруга, за всю свою жизнь я не видела такого огня в глазах мужчины, он собирается затрахать тебя до потери пульса...

В раздевалке Райли встречает меня восторженной улыбкой на лице:

— Хей, Бруки! Поскольку Реми так крепко держит тебя, я предполагаю, что ты Бруки! — говорит он, протягивая Ремингтону небольшую спортивную сумку.

Реми кивает и что-то шепчет ему, затем несет меня на улицу и вызывает такси и, вместо того, чтобы отвезти меня домой, резко и хрипло называет водителю название отеля в двух кварталах отсюда. Он обезвожен, поэтому расстегивает сумку, достает из нее бутылку и начинает пить, в то время как свободной рукой тащит меня к себе на колени.

Его хватка на моей талии усиливается, когда я пытаюсь сдвинуться с места, и мое сердце безумно стучит в груди, когда он бросает воду обратно в сумку. Он наклоняет голову и делает самый глубокий и длинный вдох, насыщаясь моим запахом. Желание вихрем проносится сквозь меня. Я все еще немного зла, но клитор у меня между ног пульсирует на грани боли. Он обхватывает мое лицо, поворачивает меня и прикусывает мочку уха, тяжело дыша, полностью возбужденный под моей попой, как будто он хочет меня. Как будто он отчаянно меня хочет.

— Господи, — шепчет он мне на ухо, обхватывая меня руками и трахая языком мое ухо.

Дрожь желания пробегает по моему телу, выдавливая из меня стон. Я разрываюсь между желанием ударить его и поцеловать, потому что он убивает меня. Мои трусики промокли, грудь болит, сердце болит, каждая часть моего тела болит все сильнее с каждым новым глубоким погружением его языка в мое ухо, вокруг ушной раковины, за ухом, с тем же самым отчаянием, которое я чувствую.

Когда мы подъезжаем к отелю, я варюсь в своем собственном гневе, и в то же время киплю от вожделения после того, как Ремингтон довел себя до сумасшедшего возбуждения на заднем сидении такси. Поглаживая меня руками, облизывая и покусывая. Нюхая меня, будто он страдает от недостатка воздуха.

Он берет ключ на ресепшене, и вот мы едем в лифте, когда я говорю: "Отпусти меня", глубоким, чужим голосом.

— Скоро, — бормочет он мне в ответ, его глаза пылают жаром, когда он смотрит на меня сверху вниз.

Даже, когда эти голубые глаза впиваются в меня в этом самом несексуальном платье в мире, с ужаснейшим макияжем, с этой блядской красной помадой, чистая жажда в его взгляде будто проходит сквозь меня маленькими молниями удовольствия.

Я ощущаю себя кипящим вулканом, кровь кипит в моих жилах от непередаваемого сочетания гнева и возбуждения. Но это возбуждение, я ненавижу то, как он быстро одерживает победу надо мной, стоит его запаху только достичь моих легких. Мой язык болит во рту. Я хочу облизать его горло и захватить этот сексуальный рот своим, заставляя его показать мне, что он все еще хочет и любит меня.

Мое сердце яростно бьется о ребра, пока он вставляет ключ-карту в слот и заносит меня в номер, направляясь в конец комнаты, где обычно располагается спальня.

Затем ставит на ноги возле кровати.

— Я не знаю, поцеловать тебя или ударить, — мой голос дрожит от переизбытка эмоций.

Вдруг меня накрывает, и я бью его кулаком по груди, толкая так, что он отступает. Затем хватаю его прекрасное лицо и обрушиваюсь на его сексуальный рот своим. Его вкус проходит сквозь меня, как выстрел экстаза, пока я рассерженно не дергаюсь, и не ударяю снова по его твердой, как стена груди.

— Твои песни заставляли меня плакать! Я скучала по твоему голосу, по твоим рукам! Я тупая беременная дурочка, тоскующая по тебе, а ты хочешь, чтобы я стала подобием маленькой хорошей женушки пятого века, ждущей тебя, пока из-за тебя намокают трусики каждой гребаной женщины. Я не буду этого делать! Я отказываюсь быть такой девушкой — ты меня слышишь?

— Да, я слышу тебя, — он наклоняется и проводит пальцами по моему затылку, затем его хриплый, полный желания голос скользит по моей коже: — Теперь иди сюда и поцелуй меня снова...

Он притягивает меня ближе и я снова ударяю его в грудь, но на этот раз слабее, издавая стон протеста.

— Ты прикасался к кому-то? — кричу, пытаюсь высвободиться.

Он усиливает хватку на моем затылке и впивается голодным взглядом в мои губы:

— Нет.

— Тогда почему ты не хотел меня видеть? Я не понимаю!

Он разочаровано моргает:

— Тебе не нужно меня понимать. Просто, черт побери, люби меня. Ты можешь это делать? Можешь? — его большой палец чувственно очерчивает мою нижнюю губу. — Ммм?

Я не могу ответить. Пока он смотрит на мой рот своим плотоядным взглядом, а я упиваюсь его потемневшей квадратной челюстью, его голубыми глазами, взъерошенными волосами, высокими скулами, темными изгибами бровей, каждым дюймом его прекрасного лица, которое находится настолько близко ко мне, что каждая частичка моего тела начинает болезненно пульсировать. Я слышу свой собственный шепот:

— Ты все еще любишь меня?

— Ты, должно быть, шутишь, — произносит он.

Из меня вырывается стон, когда его пальцы ласкают мой затылок, и это прикосновение сводит меня с ума. Он опьяняет меня своей близостью, сочетанием запаха своего пота, мыла, его самого. Каждый раз, когда он рядом, мои чувства усиливаются, и я настолько пропиталась эмоциями за все то время, пока скучала по нему, плюс эти странные гормоны, что мой голос дрожит, когда я спрашиваю:

— Ты все еще любишь меня, как раньше?

— Да я, черт возьми, схожу по тебе с ума! — кричит он в недоумении.

Я закрываю глаза и издаю тихий стон, отчаянно цепляясь за его слова.

— Я говорил, что люблю тебя каждым лепестком каждой розы, — произносит он тихим хриплым шепотом. Затем снова проводит подушечкой большого пальца по моим губам, на этот раз грубее, с большим желанием, тогда как его бархатистый сильный голос посылает волну жара по моему телу:

— В институте одна из моих врачей получила розу. Она сказала мне, что та была от ее мужа, потому что он любил ее и был в отъезде. Разве это не то, что посылают кому-то, когда ты не с ними и чертовски любишь их? Брук, я никогда не делал этого раньше, но это чертовски больно, смотреть на тебя через гребаный экран. Больно переписываться. Это больнее любого гребаного удара.

Он растопыривает пальцы на моем затылке, как если бы ему было необходимо касаться моего тела настолько много, насколько это вообще возможно, его глаза горят яростным огнем, и это только заставляет мое сердце биться сильнее.

— Ты слушала песни? Они все были для тебя, Брук. Разве ты не знала, что я думал с тебе? Чертовски скучал по тебе? Если это не доказывает то, как сильно я тебя люблю, тогда скажи мне, как тебе это показать!

— Я хотела, чтобы ты был рад меня видеть на всех боях! Как и всегда. Ты раньше всегда хотел, чтобы я была там. Почему не в этот раз? Почему ты не приехал увидеть меня перед боем?

— Господи, я хочу, чтобы ты была там, как не хочу ничего другого! Ты думаешь, я наслаждаюсь каждой секундой этого ада? Если бы я приехал к тебе до боя, как думаешь, я бы смог потом уехать? Как ты можешь думать, что это для меня просто, Брук? Как?

Яркое разочарование в его глазах режет меня настолько глубоко, что я опускаю голову, потому что нет, я не думаю, что это для него легко.

— Ты думаешь, что ты нуждаешься во мне, маленькая петарда? — грубоватый голос полностью проходит сквозь меня, и мне приходится сжать бедра, чтобы остановить дрожь внутри. — Детка, то, как ты нуждаешься во мне, едва покрывает половину той силы, с которой я нуждаюсь в тебе.

От неожиданной грусти в его голосе мой взгляд вновь обращается к нему.

— Количество моих боев сократилось наполовину. Я не могу сконцентрироваться. Я не могу спать. Я не могу включиться в игру. Там я, как робот. Я чувствую дыру прямо здесь, прямо, черт подери, здесь, — он кладет ладонь на свою грудь. — Я пытаюсь защитить свою девочку. Три врача, три, в один голос сказали, что она должна быть в постели первые три месяца, без переездов. Я не могу увидеть ее, не могу заняться с ней любовью, я пытаюсь поступить правильно, когда все мои внутренности вопят, что ОНА принадлежит МНЕ, — он жмурится и выдыхает через нос. — Каждую секунду, когда ты и я делаем вдох, ты принадлежишь мне.

— Реми, прости. Это сводит меня с ума, — я закрываю лицо ладонями и пытаюсь дышать через сжавшееся горло, когда он хватает меня за запястья и разводит мои руки в стороны, заставляя встретиться взглядом с его ярко-голубыми глазами:

— Я так сильно тебя люблю.

Он обхватывает мое лицо своими большими мозолистыми ладонями:

— Так, мать твою, сильно, Брук, что до сих пор не знаю, что делать с самим собой, — произносит он и целует меня в переносицу с медленным судорожным вздохом. — Я скучаю по всему, что касается тебя. Начиная с твоей улыбки, когда ты смотришь на меня, до того,

как пахнет постель, когда ты со мной. Я люблю тебя так, как не любил ничего в своей жизни, ничего. Желание прийти за тобой и забрать обратно к себе съедает меня изнутри, как болезнь.

Я начинаю дрожать в изножье кровати — все мои эмоции, все мои бушующие гормоны, все мои клетки, все мое естество гудят от его слов. Все мое тело пульсирует от любви, похоти и агонии от разлуки с моим Реми на долгие недели. Дрожа, я протягиваю руку и веду тремя пальцами по линии его жесткой челюсти.

— Это, — говорю я, слова срываются с моих губ, — то, что я вижу в своей спальне. Это лицо. Это лицо — это все, что я вижу, все что вижу, Реми.

— Черт бы тебя побрал, снимай это дерьмо и дай мне посмотреть на мою Брук.

Он хватает мой парик и швыряет его в сторону, затем удерживает мой взгляд, и наши улыбки исчезают. Воздух между нами пульсирует и подпрыгивает, как будто наша потребность является живым дышащим существом между нами.

— Почему кому-то захотелось скрыть эти волосы?

Аккуратно он снимает сетку с моей головы, и тихий шелестящий звук — единственное, что слышно в комнате.

Медленные, деликатные опытные пальцы разбирают узел из волос, и от контакта его пальцев с моей головой по моей спине бегут мурашки.

К тому времени, как он освобождает пряди цвета красного дерева, спадающие по моим плечам, мои бедра превратились в лужицу вместе с остальной частью меня. Тонкий слой пота покрывает его шею и грудь. Его торс настолько потный и твердый, что кажется непробиваемым, как стена, словно ничего не в состоянии причинить ему боль. Мышцы его рук выпирают, когда он гладит меня по волосам, распутывая мой пучок.

Когда я заговариваю, мой голос такой хриплый, каким никогда еще не был:

— Я должна была быть твоей старой поклонницей.

— Моя, — произносит он еще более хриплым и тихим шепотом, нежели мой.

— Что?

— Моя сладкая... непослушная... любимая маленькая фанатка.

Снова слышать, как он называет меня своей...

Звук просачивается сквозь меня, и он это слышит. Разряды жара стремятся к моему средоточию, когда он просовывает одну руку мне под платье. Живые, нежные, голубые глаза следят за мной, в то время, как его палец ползет выше по моему бедру, а мое сердце пускается вскачь.

Он смотрит на мой рот и, о боже, я просто истекаю от нужды. Он наклоняется, чтобы сперва попробовать на вкус мои губы, раскрывая их, и в тот же момент его палец движется по ткани моих трусиков. Его язык скользит по мне, пока он укладывает меня на кровать, я дрожу, открываю рот и тихо постанываю.

Это ощущается так правильно, хорошо, так хорошо...

Он подразнивает край моей промежности через трусики, затем отодвигает их в сторону, и его палец начинает мягко меня ласкать. Ураган желания бушует во мне, когда я мягко его целую. На вкус это он, а еще моя дурацкая помада, и я умираю, когда он заставляет меня открыться своим пальцем, а затем появляется его язык. Горячий и влажный, он кружит вокруг моего, уговаривая меня следовать за ним и испивать его рот, когда он медленно просовывает в меня средний палец.

Мое тело выгибается к его.

А он шепчет мне в рот:

— Если ты можешь прийти ко мне на бой, то можешь попасть в мои объятия.

Мое дыхание сбивается, а его палец продолжает двигаться внутри меня. Я чувствую, как сжимаюсь вокруг него, мое тело благодарно иметь хоть что-то от него внутри себя. Он добавляет свой большой палец, подразнивая мой клитор, и когда он отклоняется, чтобы снова взглянуть мне в лицо, играя с самой влажной и горячей частью моего тела, рот испачкан моей помадой, челюсть сжата от похоти, глаза блестяще-голубые, его прекрасное лицо смотрит на меня сверху вниз и, господи, я клянусь, он выглядит настолько сексуальным, словно какая-то другая женщина поцеловала его. Я завидую сама себе и своей помаде, извиваюсь и качаю головой.

— Ремингтон...

Он стонет и дарит мне еще один поцелуй, быстрый и жесткий, с задействованием зубов, во время которого отодвигается и вынимает из меня палец.

Без всякой спешки он расстегивает по очереди каждую пуговицу моего платья. Каждая клеточка в моем теле в бешенстве, и я сажусь, помогая ему расправиться с нижними, пока он расстегивает верхние.

— Быстрее, о боже, прикоснись ко мне, — задыхаюсь я.

— Ш-ш-шш, — шепчет он, стягивая с меня платье ровно до середины, опуская его по бокам, чтобы оставить меня в моем белом хлопковом белье. Мои соски торчат сквозь ткань лифчика, трусики давно влажные, и я не думаю, что это могло скрыться от его глаз, которые стали темнее и еще более голодными, чем были раньше:

— Господи, я мог бы съесть тебя.

Прежде, чем я успеваю осознать, он находит застёжку лифчика своими большими пальцами, стягивает его по бокам и потирает пальцами мои соски, покусывает дорожку вдоль моего рта, нижнюю губу, верхнюю губу, пока не опускает голову и не кусает мой сосок.

“Охх”, слышу я. И это я. Произвожу весь этот шум. Выгибаюсь под ним.

Он дразнит кончиком языка мой сосок, и рябь удовольствия проходит сквозь меня. Его рука снова скользит к моим трусикам, а мои пальцы погружаются в его волосы. Он кажется таким голодным, а я такой жаждущей, его средний палец легко проникает в меня, и я настолько опухшая, влажная, настолько отчаявшаяся, что ощущая, как его рот сосет мою грудь, словно он изголодался по мне, начинаю кончать.

Пальцы в его волосах сжимаются в кулак, и я издаю "ууууухающий" звук, когда моя голова откидывается назад, а мышцы внизу начинают сокращаться и расслабляться, сокращаться и расслабляться, а он медленно двигает пальцем, продлевая мое удовольствие, сосет мою грудь жестче, пуская в меня потоки удовольствия один за другим.

— О, Боже! — кричу я, вскакивая, цепляясь за него и зарываясь лицом в его шею, где пробегаюсь языком по его вкусной, упругой коже, отчаянно упиваясь им. — О, господи, я умираю от того, как хочу, чтобы ты сделал меня своей. Чувствовать тебя. Тебя. Внутри себя.

Он смотрит на меня, переводящую дыхание, меня возбуждает собственнический блеск в его глазах.

— Я с тобой еще не закончил, — нежно говорит мне, заставляя меня облизать его влажный палец. — Я собираюсь трахать твой рот своим, твою киску своими пальцами, языком, любой возможной частью своего тела. А ты поцелуешь мой член так, будто завтра не наступит никогда.

— Я хочу поцеловать твой член сейчас.

— Не сейчас, — он делает шаг назад и снимает свою боксерскую одежду, демонстрируя свою загорелую кожу, мышцы, татуировки и.... У меня расширяются глаза, когда вижу, как он, полностью возбужденный, направляется в душ и включает воду. Он возвращается за мной, и мои глаза горят при виде его красивого эрегированного члена, так близко к татуировке звезды над ним.

Я хочу поцеловать эту его часть, как хочу поцеловать все остальное его тело. Нет. Я хочу не поцеловать. Я хочу облизать. Сосать. Кусать. И заявить на него свои права, на веки вечные.

Прежде, чем я могу схватить его и поиграть с ним, как он играл со мной, он берет меня за руку, ставит на ноги и ведет к огромному джакузи. Круглое, цвета слоновой кости, оно расположено посередине комнаты, и когда он закрывает пробкой сток, я обхватываю его руку и погружаю ноги в воду, затем жду, чтобы он последовал за мной. Он залазит позади меня и опускает нас в горячую воду, включая двигатели джакузи, когда мы устраиваемся.

Мои веки смыкаются, когда он окутывает меня своими руками и немедленно начинает облизывать мою шею.

— Реми. . — выдыхаю я.

Он задевает зубами мой затылок, а затем шепчет мне на ухо:

— Ничто в этом мире не имеет такой приятный вкус, как ты, твоя кожа, твой язык, нет ничего столь же вкусного и сочного, как твоя киска.

Внезапно он поднимает меня из воды и поворачивает вокруг, оставаясь сидеть на месте, а его лицо на одном уровне с моим влагилицем. Он разводит руками мои бедра шире и зарывается головой у меня между ног, целуя мою киску целую минуту, поглаживая клитор языком, затем проталкивается языком внутрь. Я могу чувствовать, как его рычание вибрирует сквозь меня, закончив пробовать на вкус, он поворачивает меня обратно и опускает вниз к себе.

— Ты становишься еще более влажной, когда кончаешь, — говорит мне на ухо хриплым голосом, затем спокойно начинает намывать мне волосы. — А они... стали больше и тяжелее.

Он проводит мыльными руками по моей груди, и кажется, что вся моя кровь прилила к клитору и к кончикам моих сосков.

— Да, — едва выговариваю. — Они такие чувствительные, всегда сморщенные.

— Они нуждаются в том, чтобы их пососали, — выдыхает он за моим ухом и ласкает мочку языком, будто он уже пробует на вкус мои сморщенные соски, заставляя мой клитор пульсировать.

Я чувствую, как его чертовски твердая эрекция упирается мне в спину, пульсирует, касаясь моей кожи, мне так сильно хочется облизать головку его члена, что язык не находит себе места во рту. Я выдавливаю немного мыла и тщательно умываюсь, пытаюсь избавиться от всей этой косметики.

— Вот так, — говорю я, поворачиваясь и быстро намывая его волосы.

Он с ухмылкой смотрит на меня, будто знает причину моей спешки. Я становлюсь на колени и намываю шампунем его волосы, пытаюсь смыть его в раковине на краю джакузи. Я оседлала его так, что огромная выпуклость его эрекции — огромная восхитительная выпуклость — находится прямо там, между моих бедер, когда я смываю шампунь. Он наклоняется и начинает слизывать капли воды с моих сосков. Я вскрикиваю, а он хватается

меня за задницу и сильнее тянет меня на свою выпуклость, в то время, как от его сосательных движений у меня загибаются пальцы на ногах.

— Так не больно? — хрипит он, дергая кончик соска зубами.

— Нет, о, Реми, это так хорошо.

Он стонет и толкает свои бедра на меня, в то время как переключается на вторую грудь.

— Черт, Брук, я мог бы кончить, только посасывая тебя, слыша тебя...

— Я могла бы кончить от того, что ты посасываешь меня... слыша твои стоны...

Он хватается одну грудь и так сильно посасывает вторую, я стону и начинаю двигаться на его бедрах, и прежде, чем осознаю это, представляю себе, как поднимаю свои бедра, принимая в себя его член, катаясь на нем, прося его заполнить меня, снова и снова. Он останавливает меня.

— Я не кончу в джакузи. Единственное место, где я кончаю, это ты, — громко говорит он.

— Отнеси меня в постель и продолжай ласкать, — беспокойно дышу, обнимая его за шею.

К тому времени, как он выносит меня из джакузи и оборачивает в полотенце, поднося к постели, я становлюсь дрожащей массой раскаленного желания. От того, что он говорит дальше, я дрожу еще сильнее.

— Я хочу растерзать тебя, так сильно тебя хочу. Я хочу щипать, кусать и сосать твои соски одновременно, — он кладет меня на кровать и раскрывает мое полотенце, затем немедленно начинает вылизывать меня насухо. О боже, я не могу дышать, думаю, что даже не могу жить, когда он начинает щипать мои соски, в то же время облизывая меня в другом месте.

— Ремингтон...

Он просто завораживает. Атмосфера вокруг меня сменилась с тех пор, как все, что у нас есть — это кровать, я и он. Клянусь, что могу чувствовать молнии между нашими телами.

Он проводит языком вверх к моей шее, и я чуть не срываюсь от ощущения его знакомых восхитительных царапающих мозолей на моей коже, когда он проводит ими по моим изгибах.

— Я видел тебя... в своей голове... каждый чертовый час каждого дня... — бормочет он.

Он вдыхает запах моей шеи и снова охватывает одну грудь, и я вздрагиваю, когда он сжимает кожу и облизывает мою ключицу. Я провожу пальцами вниз по его скользкой спине, каждая его мышца очерчена и, о боже, он держит меня. В своих руках. Он влажный, воздух холодный, но все, чего он хочет — высушить и облизывать меня.

Я хватаю его колючий, покрытый щетиной, подбородок обеими руками.

— Ремингтон Тэйт, — стону я, обрушиваясь своим ртом на его.

Он берет мои губы с еще большей силой, посасывая мой язык.

— Брук чертовская Дюма, — смотря на меня горящими глазами, он терзает мои соски пальцами, а я скольжу рукой вниз по его телу и начинаю ласкать его твердую длину.

— Заставь меня поцеловать тебя, — кружа пальцами вокруг головки его эрекции, я жадно посасываю его влажный язык. — Скажи мне поцеловать тебя прямо там. Если я не могу ощутить тебя между ног, я хочу тебя в своем рту.

Он стонет и скользит руками вверх к моим щекам.

— Вот, где я хочу находиться. То, как ты используешь свои зубки. Проводишь языком по

мне, будто хочешь быть во мне. Я так сильно хочу видеть эти губы вокруг основания своего члена, что долго не продержусь, когда до этого дойдет.

— Боже, заткнись, — я опускаюсь и беру его член в рот. Полностью. Каждый горячий пульсирующий сантиметр, который могу взять, я беру.

Низкий страдальческий звук разрывает его грудь, и он, такой твердый и готовый, я сразу могу почувствовать несколько капель спермы. Мои ресницы взлетают вверх, когда я встречаюсь с ним взглядом, и он смотрит на меня в первобытном экстазе, видя, как мои губы ласкают его член. Не основание. . он слишком большой, длинный и толстый. Но мои губы плотно сомкнуты вокруг него, в то время, как мой язык потирает его головку.

Я провожу руками по его прессу, готовясь, и его живот сжимается, когда я своими пальцами поглаживаю его татуировку звезды возле пупка. Мое влагалище сгорает от необходимости и настоящей ревности ко рту, который имеет удовольствие быть наполненным прямо сейчас.

Реми держит меня за затылок, будто восхищен тем, как мой язык скользит по его толстой длине. Я содрогаюсь от грубого примитивного взгляда в его глазах. Охватываю основу ладонью и начинаю сосать, постанывая в одобрение, когда он меняет позицию. Он становится у подножья кровати, а я остаюсь на четвереньках на матрасе, когда он дает мне больше своей длины. Он стонет и толкает, его веки сомкнуты. Я могу почувствовать его вкус, соленый и уже готовый кончить. Он пульсирует, настолько твердый, что мое влагалище болит от ревности.

Моя грудь покачивается, в то время, как я на четвереньках лижу его, в то время, как он проводит одной рукой вдоль моего позвоночника, лаская каждую впадинку и подъем, продолжая двигаться своим средним пальцем вниз между моими ягодицами, затем проводит им все ниже и ниже к моей киске, и проникает этим длинным пальцем внутрь в меня.

Удовольствие стучит сквозь меня. Я стону и толкаюсь бедрами, чтобы его палец вошел глубже, поднимаю глаза, чтобы видеть его лицо, красивое, дикое, искаженное от похоти, когда он следит за мной, дающей ему лучший чертов минет в его жизни.

Его грудь вздымается. Я могу чувствовать напряжение, охватившее его, и то, как он борется за контроль. Но я хочу, чтобы он потерялся и стал первобытным. Он осторожничает. Сдерживается. Мягко качает бедрами.

— Ты изголодалась по мне? — спрашивает он, а я понимаю, что он задает этот вопрос, чтобы узнать о реакции, если он кончит мне в рот. Господи, я клянусь, я даже не хочу останавливаться, чтобы произнести "да".

Я начинаю гладить его у основания двумя руками и отклоняюсь, чтобы сказать:

— Умираю с голода по тебе. Не могу тобой насытиться. Пожалуйста, дай мне это.

Гортанный звук, который он издает, придает мне только большей дикости. Он начинает мягко трахать двумя пальцами мою киску, в то время, как второй рукой обхватывает мой затылок, чтобы удержать меня на месте, толкая свой член мне в рот, с каждым разом все сильнее, пока не касается задней стенки моего горла и не подается назад. Но я хочу, чтобы он обезумел, потерялся во мне так, как теряюсь я, и начинаю двигать головой вверх вниз по нему, быстро.

— Брук! — кричит он, подстраиваясь под мой ритм, а его голова запрокидывается назад с животным рычанием. Затем он стонет и кончает внутри меня, три теплые соленые струи, бьют мне в рот, и я опьяненная им настолько, что снова кончаю в то время, как все еще пробую его и, одновременно, ощущаю, как он трет пальцами мою киску и кружит вокруг

клитора. Цвета взрываются под моими веками, тело содрогается, я хныкаю и цепляюсь за его член руками, лихорадочно облизывая кончик, выжимая все до последней капли. Даже кончив, я задыхаюсь, и облизывая уголки губ, смотрю наверх.

— Брук, — произносит он, глядя на меня с властной яростью, немного пораженно, затем быстро поднимает меня и сливается своим ртом с моим, укладывает меня рядом с собой, удерживая меня в своих руках, его горячий рот смакует меня, а он укладывает нас на кровать. Возможно, мои губы на вкус, как он сам, но его это не заботит, он целует меня так, словно от нас, кроме ртов, больше ничего не осталось. И я чувствую, что это единственная часть меня, которой я могу пошевелить.

Он ложится и обнимает меня со спины, властно накрывает пальцами мою киску, мягко поддразнивая меня.

— Мне нравится, когда ты такая изголодавшаяся за мной, — шепчет он мне в ухо, в то время, как ласкает мой живот.

— Я беременна твоим ребенком. Мы были в разлуке и это было пыткой. Мне снились сны, и я просыпалась в поту, нуждалась в тебе и не могла снова уснуть, отчего все мое тело болело, — стону я шепотом, когда он накрывает мою киску.

Он покусывает меня за ухом, пока рукой нежно проникает внутрь меня.

— Я был не в состоянии нормально отдохнуть ночью с того момента, как ты уехала. Кровать была настолько пуста, что мне приходилось прибегать к холодному душу, или идти в спортзал, — бормочет он, потягивая мочку моего уха. — Но я становился твердым каждый раз, как думал о тебе, Брук. Думая о том, что это мой ребенок внутри тебя, — он продолжает покусывать мою кожу за ухом, в то время, как мягко вводит в меня палец.

Дрожа от необходимости, я чувствую всю длину его члена, касающегося моих ягодиц, и он слегка покачивается ко мне, наши бедра двигаются. Более сладкое удовольствие простреливает сквозь меня, когда я понимаю, что он не закончил. Он поворачивает меня к себе лицом, заставляя ногами обхватить его бедра.

— Двигайся со мной, — грубо командует он, начиная двигаться напротив меня, трахая меня без проникновения, а наши тела трутся друг об друга.

Моя грудь наполняется любовью, когда мы целуемся, а потом смотрим друг на друга. Его голубые глаза, торчащие волосы, выпуклые мышцы. Мои половые органы безрассудно сжимаются с каждым толчком его бедер, по всей длине его члена, трущегося о половые губы моей киски, и поглаживающего мой чрезмерно чувствительный клитор. Я хочу сказать: “я люблю тебя”, но единственные звуки, которые я способна издавать — это хриплые вздохи.

— Кого ты любишь? — нежно рычит он.

— Тебя.

— Кто твой мужчина? — он, поддразнивая, толкает свой язык в мой рот, затем со стоном проводит своей восхитительно колючей челюстью вдоль моей. — Кто твой мужчина?

Я безумно люблю ощущать его щетину на своих щеках, хватаю его лицо и снова трусь своей щекой о его.

— Ремингтон Тейт, мой Разрывной.

— Ты хочешь меня повсюду на тебе?

— Хмм, я хочу тебя повсюду на себе.

Когда я произношу "Хмм", я подразумеваю, что не стану принимать душ, чтобы иметь возможность чувствовать его запах, а его стон говорит мне, что то, что я сказала, сводит его

с ума. А он сводит меня с ума тем, что называет свою сперму "им". Я безумно люблю то, что он обожает мое наслаждение им на моей коже, внутри меня, вокруг меня, в моем рте. Хмм...

— Ты звала меня, Брук Дюма, — он поднимает мои руки над головой, сжимая запястья своей ладонью, в то время как ведет членом вдоль моих половых губ, поглаживая клитор головкой именно там, где нужно. Он смотрит на меня все тем же загипнотизированным, влюбленным, похотливым взглядом, каким и я смотрю на него, запоминая его, пока он запоминает меня. Моя шея выгибается, когда он замедляет свои раскачивающиеся движения, держит меня на грани экстаза несколько сладких минут, пока наши тела дрожат. И вот мы здесь. Шорох тел, шлепки кожи об кожу, мои стоны, его стоны, это все, что я знаю.

Я шепчу его имя, когда кончаю, и мои глаза открываются именно в тот момент, когда все напрягается, прежде, чем взорваться, и вижу его над собой, плотно закрывающего глаза, сжимающего челюсть, двигающегося рывками напротив моего живота, бьющегося в конвульсиях, и с силой сжимающего мои запястья. Я хочу, чтобы там, где он держит меня, остались следы от того, с какой силой он кончал, и снова содрогаюсь, мы оба стонем длинным, протяжным стоном удовлетворения.

Когда мы расслабляемся, он тянет меня к себе, грубо шепча:

— Я ждал этого тридцать девять дней.

— И пять часов.

— И чуть больше тридцати минут, — удовлетворенно ухмыльнувшись на мое пораженное молчание, он любит моим лицом. Слегка проводит большим пальцем по моему подбородку. — Я думал о тебе. Постоянно. День и ночь.

Большим пальцем он отводит мою голову назад и смотрит на меня так, как если бы хотел съесть; затем наклоняется и делает это. Он целует меня, как драгоценность, как деликатес, которым он дорожит и проглатывает за раз. Его рука скользит вверх-вниз по моей спине.

Ощущения от соприкосновения его мозолей с моей кожей заставляют меня дрожать.

Он смотрит на меня, его волосы влажные и в очаровательном беспорядке.

— Ты так чертовски прекрасна.

— Я выгляжу нелепо.

Он тихо смеется, затем щелкает меня по носу:

— Нелепо прекрасна.

Его взгляд цепляется за мое лицо, в то время, как он спускается ниже, наклоняется, целует мой живот и кладет голову туда же.

— Ты злишься, что я пришла посмотреть на тебя? — спрашиваю я, кладя свою руку на его волосы.

— Нет, — он облизывает мой пупок. — Я знал, на что шел, знал, что ты — сущее наказание, вот ты кто.

— Я? Да именно в твою честь придумали само понятие "неприятности". Когда ты родился, врач, вместо того, чтобы сказать: "Это мальчик", сказал: "О, вот неприятности!"

Он смеется низким и хриплым смехом, затем затихает и смотрит на меня; его взгляд хладнокровный, почти мучительный:

— Господи, как ты мне нужна.

Он упирается лбом в мою щеку и глубоко дышит:

— Я схожу с ума, думая о тебе. Весь полет сюда я слушал песню, которую ты включила, чтобы сказать, что любишь меня.

Его горячий рот накрывает меня снова, мы лихорадочно целуемся, и он опускается обратно, наклоняется, чтобы поцеловать мой живот. Он тяжело дышит. Он не может перестать вдыхать меня. Трогать все мое тело. Напоминать мне, что он владеет мной.

Мы часами не можем остановиться, целуясь и бормоча друг другу о том, как нам хорошо, пока не успокаиваемся, ложимся, и он не обнимает меня сзади. Он, на мгновение, прижимается лицом к моей шее и целует ямочку за моим ухом. Затем ласкает меня еще некоторое время, и когда обнаруживает немного спермы на моей коже, он подбирает ее двумя пальцами и втирает в мою киску.

Я задыхаюсь.

— Чшш, — мягко произносит он, — мне нужно быть здесь. Прямо здесь.

Он погружает пальцы в меня, мягко облизывая мой затылок, я содрогаюсь и начинаю кончать. Он мягко смеется и начинает сильнее тереть меня, его тепло внутри меня, и это похоже на то, как если бы он вошел в меня. Мои глаза горят, пока я дрожу, а он трет основанием ладони о мои половые губы, чтобы вознести меня еще выше.

Даже когда я кончила, по-прежнему, как наркоман, думаю лишь о том, чтобы заполучить его внутрь меня.

— Когда ты снова займешься со мной любовью, я хочу, чтобы ты остался во мне. Всю ночь, поклянись мне, часть тебя будет во мне, как ты обещал.

Он поворачивает мое лицо к себе под углом так, как он того хочет, укладывая мою голову таким образом, чтобы сосать мой язык, будто он умирает от голода.

— Я собираюсь трахать тебя каждую ночь за те ночи, когда не мог этого делать и собираюсь оставаться в тебе.

Он медленно выдыхает, словно одна эта мысль заставляет его прийти в полную готовность, его теплое дыхание на моем лице, когда он ждет моего согласия.

Когда я киваю, он улыбается своей ленивой улыбкой, тяжело опустив веки, а я улыбаюсь в ответ.

Я чувствую себя счастливой. Полностью. Будто бы мир сегодня ночью вращается в правильном направлении.

Он еще какое-то время ласкает меня, проделывая массу прикольных вещей, от чего бабочки в моем животе не дают мне утихомириться. Я настолько ослабла, что могу только стонать и шептать о том, как хорошо себя чувствую, а он шепчет, как я хороша на вкус, и как хорошо я ощущаюсь.

Когда он облизал каждый дюйм моего плеча, горла и уха, и закончил ласкать меня рукой, он прижимается ко мне сзади еще сильнее, обнимает крепче, сплетаясь ногами, и я вздыхаю, когда мы засыпаем. Среди ночи, он иногда трет носом, пока не упирается в мою кожу. Я прижимаюсь к нему, тихонько ласкаю его волосы, разворачиваюсь в его руках, чтобы иметь возможность чувствовать его запах, поглощая ощущение того, что нахожусь в постели с единственным мужчиной, которого люблю.

И такое чувство, что ко мне наконец-то вернулся дом.

Глава 12

Вот и мы

Два дня спустя мы все в том же номере отеля, и я просыпаюсь с самым сладким ощущением из всех возможных, когда замечаю, что он наблюдает за мной. Он опирается на одну руку, его мышцы вздулись. Его сексуальные черные волосы стоят торчком, а на лице ленивая чувственная улыбка мужчины, который удовлетворен до состояния близкого к коме, и он выглядит настолько сексуально в этой постели, что я хочу съесть его ложкой. Я издаю мурлыкающий звук, перекатываясь на свою сторону, к нему лицом.

— Не хочу выбираться из этой кровати, — шепчу я, скользя пальцем под одной из его кельтских татуировок.

Он гладит меня по руке, и нежность, заключенная в его невесомой ласке почти невыносима. Он целует меня в ухо.

— Кому ты принадлежишь? — мягко спрашивает он. Хотя его глаза говорят, что ему.

— Тебе.

Потянувшись, он прижимает меня к себе так сильно, что я задыхаюсь.

— Верно.

Странный смешок вырывается из меня, и это больше похоже на хихиканье.

— Ты никогда не перестанешь меня об это спрашивать? Ох, я ненавижу тебя! Слышал? Ты заставил меня хихикать!

Смеясь, он перекатывает меня под свое большое тело, и я ударяю его в грудь кулачком.

— Ты, черт побери, заставил меня хихикать, но при этом даже не сказал ничего смешного!

— Мне чертовски понравилось! Похихикай еще.

— Ни за что! — смеюсь я, и это звучит как чертово хихиканье.

Ненавижу хихикать, но неподдельный восторг в его горящих голубых глазах наполняет меня исключительным счастьем, такое ощущение, будто в моей груди взорвали гранату, когда он начинает смеяться, а я продолжаю это долбаное хихиканье.

Успокоившись, он исследует мое лицо, черту за чертой, и когда воздух между нами сгущается, наши улыбки исчезают. Его тело обрушивается на меня. Мышцы его торса сплющивают мою грудь. Его вес держит меня в ловушке. И я это обожаю, не смотря на то, что мне сложно даже сделать вдох.

Его глаза наполняются любовью, он наклоняется и прижимает свои губы к моим на протяжении трех восхитительных ударов сердца. Мы не используем языки, лишь прижимаемся мягкими сухими губами, но это действие настолько наполнено любовью, что я практически парю.

Я провожу руками вверх по мышцам на его спине.

— Когда ты уезжаешь? — выдыхаю я.

— Как можно позже, но чтобы успеть в срок до следующего боя.

Видимо, боль и разочарование отражаются на моем лице, потому как он сильнее прижимает меня, притягивая к себе.

— Ты счастлива здесь? О тебе хорошо заботятся? — он прижимается носом к моему виску.

— Никто не заботится обо мне и не понимает меня так, как ты. Разве что Мел.

— А твои родители?

— Они любят меня, — все, что я отвечаю. Я собираюсь сказать, что они, возможно, не особо рады текущему положению дел, но затем я смотрю в глаза этого мужчины и понимаю, что у него нет родителей, которые бы поддерживали его и заботились бы о нем, и я осознаю, насколько мне повезло. — Ты чувствовал себя нелюбимым, когда твои родители не вернулись? — спрашиваю я его.

— Не нелюбимым, а непонятым.

Он так спокойно говорит об этом, словно это ничего для него не значит, простая констатация факта. Факт, который разбивает мое сердце каждый раз, когда я об этом думаю.

— Ох, Реми. Мне так жаль. Я ненавижу их за то, что они так поступили с тобой.

Он встает и хватает свои домашние штаны, и я понимаю, что он хочет пойти поесть, — конечно же.

— Почему? Мне не больно. Почему тебе жаль? Я все еще собираюсь стать хорошим отцом, — он подмигивает мне. — Именно потому, что они были такими хреновыми родителями, я буду хорошим отцом.

Его глаза блестят, а мне хочется плакать, пока мы оба смотрим на мой живот. Мы действительно очень рады этому ребенку, даже не смотря на то, что не планировали его. Возможно, мы молоды и глупы, молоды и влюблены, но мы всего лишь надеемся создать семью. Просто хотим быть вместе.

От стука в дверь я хмурюсь. Он тоже хмурится и указывает на меня пальцем.

— Останься.

Он идет открывать дверь, а я прячу лицо в подушку, меня бесит, что сегодня он снова уедет от меня. Я разговаривала со своим врачом и она настаивает на том, чтобы я не путешествовала до окончания первого триместра, так что осталось еще по меньшей мере две-две с половиной недели.

Когда я слышу голоса, то хватаю его халат, оборачиваю пояс вокруг талии и выхожу наружу. Ремингтон видит меня в своем боксерском халате и реагирует так, как делает всегда: я почти чувствую, как он берет меня в своей голове и трахает так, как не удавалось с тех пор, как я забеременела.

Пит выглядит так, словно не спал несколько дней.

Ремингтон по-прежнему трахает меня глазами, ухмыляясь в чисто мужском удовлетворении, которое он получает, когда я надеваю его вещи.

Он поднимает палец и медленно манит меня к себе. Мое сердце тает, и я подхожу, осознавая, что он наблюдает за мной, в то время как тянется ко мне ко мне своей рукой.

Я протягиваю свою, и он переплетает наши пальцы, притягивая к себе в объятия, где я импульсивно начинаю разминать его обнаженные мышцы, пока он разговаривает с Питом.

Я так увлеклась его крепкими мышцами, что у меня уходит несколько секунд на то, чтобы заметить повисшую тишину. Полную тишину. Таковую, что можно было бы услышать, как летит муха.

— Что происходит? — я делаю паузу, переводя взгляд с одного на другого.

Пит беспокойно ослабляет узел на галстуке.

— У меня плохие новости.

От страха мои внутренности завязываются в узел.

— Какие плохие новости?

Он смотрит в пол и перебирает пальцами волосы, а я понимаю, что Реми уставился на

меня, его голубые глаза пронизывают меня с такой интенсивностью, что небольшой узелок прекращается в реальный узел.

— Это Скорпион, — говорит Пит.

Одно слово и мое сердце начинает стучать как отбойный молоток.

— Что со Скорпионом? — такое ощущение, что по поверхности моей кожи в большом количестве ползают какие-то твари. Я ненавижу думать о нем. Говорить о нем. Ненавижу даже его имя.

Но Ремингтон здесь. Цел. В безопасности. Разве нет? Его глаза впились в меня. Они смотрят... взволнованно.

Дерьмо.

Я застыла. Парализована. Оцепенела.

— Нора провела с ним ночь, — добавляет Пит, его голос нереально холоден, почти как у робота.

Его слова пугают меня настолько сильно, до ужаса, это чудо, что у меня до сих пор достаточно клеток головного мозга, чтобы понять, что он говорит мне.

Моя сестра.

— Они провели все это время в соседнем отеле. Она вышла вместе с ним, еще одной женщиной и тремя его головорезами. Они на пути в аэропорт и, по-видимому, у них есть билет на ее имя.

— Она уезжает с ним? — я делаю шаг назад, спотыкаясь от того, как сильно меня это ранит. — Она не может уехать с ним, эта... эта... эта неблагодарная маленькая сучка!

— Петарда... — говорит Ремингтон, но я слишком взволнована, чтобы слушать.

— Омойбог. Она тупоголовая, бездумная, эгоистичная дура! Я поверить не могу...

Я с ума схожу, в то время как Ремингтон спокоен и задумчив. Скрестив руки на груди так, что татуировки на его мышцах натянулись до предела, он стал в боевую позицию с мерцающей в глазах сосредоточенностью. Как он, боец, может думать, когда у меня одно желание — врезать кому-нибудь. Он от моего имени сделал для Норы все. Все.

А Пит! Он же влюблен в нее.

Мои глаза жжет от горячих слез разочарования, а голова кружится, проигрывая каждый момент этих последних недель, когда мы открыто разговаривали с ней о Скорпионе, а я была слишком обеспокоена мыслями о Ремингтоне и нашем ребенке, чтобы обратить внимание. Я была так погружена в свои мысли, что пропустила знаки. Но какие знаки? Это не может быть реальным!

Я иду взять свой телефон, чтобы включить его и найти все свои приложения для отправки сообщений. У меня смски только от Мел, Кайла и Пандоры, и ни одного от Норы. Я набираю ее сотовый, пока Пит ходит вокруг нас, а Ремингтон спокойно смотрит на меня, скрестив руки на груди, хмурясь, будто пытается понять все произошедшее.

— Не нравится мне все это, Рем, — Пит произносит это, беспокойно кружа вокруг нас, качая головой. Он выглядит растрепанным, как если бы только что дрался с крокодилом. — Если Нора расскажет ему о том, что Брук беременна и находится тут, на постельном режиме, то здесь она будет так же уязвима, как и в туре, только здесь ее некому защищать. Он может навредить тебе, чувак.

— Сбрасывает на голосовую почту, — перебиваю я, практически про себя. Потом сбрасываю и набираю номер снова.

Ничего.

Господи, что с ней не так? Этот мужик прислал мне коробку полную скорпионов! У него не бывает угрызений совести; он больше ничего не хочет, кроме как снова поиметь Ремингтона. И снова собирается использовать для этого мою сестру — неужели она не понимает этого?

Когда я засовываю телефон в карман халата, я замечаю, что Реми смотрит на меня, яростно нахмурившись. Я знаю, что ему это нравится даже меньше, чем мне, и я точно знаю, что он тоже улавливает связь.

Возвращение Норы к Скорпиону в этот самый момент не может быть совпадением. Скорпион как-то заманил ее. И он снова хочет ее использовать. А я ни за что в мире не позволю сделать своему парню больно. Ни за что.

— Я хочу поехать в тур с тобой, — говорю я, не подумав. Внезапно я не чувствую себя в безопасности. Я беременна, мы порознь... У Ремингтона яростно загораются глаза. Я не знаю, что он будет делать, но мои защитные инстинкты, касающиеся нашего ребенка, меня самой и его, бушуют на полную катушку. — Я хочу поехать в тур с тобой, — повторяю я.

— Иди сюда, — мягко говорит он, протягивая руку.

Всего три шага, и я в его объятиях. Даже медведи так не обнимают. Я чувствую себя окутанной всем тем, кем он является, когда он шепчет:

— Когда ты сможешь поехать со мной? — его руки теплые и настойчивые, когда он поворачивает мое лицо к себе. — Брук, когда? — мягко настаивает он.

— Восемнадцать дней. — Вечность. Вся жизнь.

В его глазах мелькает властная вспышка, и он решительно кивает.

— Я буду здесь. В десять утра восемнадцатого дня. Хорошо?

Что я могу ответить? Он уезжает сегодня, и все в гребаном беспорядке. Мои глаза снова жжет, и я опускаю лицо, чтобы он не заметил.

Сердитое рычание вырывается из него по мере того, как он отходит.

— ДА ПОШЛО ОНО ВСЕ НА ХРЕН! — Он хватается за голову, кружа вокруг Пита. Мы отказываемся от участия в сезоне. Он отпустит ее, как только узнает, что я больше не дерусь. А я остаюсь там, где я нужен. Отменяем все до тех пор, пока моя дочь не родится.

Когда я осознаю, что он делает, то хватаю его за руки, пока он не обращает внимания на меня.

— Ремингтон Тейт! — он застыл, приняв решение, а я поражена паникой. — Я обещаю тебе всем, что у меня есть, и всем, что я к тебе чувствую, что не позволю ничему, ничему случиться со мной или нашим ребенком. Ничему, — я обхватываю руками его лицо, проводя большим пальцем по темной щетине. — Мы не собираемся тебя удерживать. Я не смогу с этим жить. Ты. Уходи. И дерись. И выиграй. Доверься мне. Я выбираю тебя. Я люблю свою сестру, но тебя я люблю больше. Мы поможем ей, когда сможем, но не за твой счет! Больше нет. Я не собираюсь выбирать ее в этот раз. Я выбираю тебя.

Он сжимает руки в кулаки в моих волосах и смотрит прямо на меня:

— Я не собираюсь заставлять тебя выбирать.

Мои глаза снова горят.

Он сминая мои губы в жестком поцелуе, а затем смотрит в мои глаза взглядом, прожигающим меня насквозь.

— Я спасу ее столько раз, сколько будет нужно. Для тебя.

Стальной блеск в его глазах заставляет меня чувствовать беспокойство.

— Нет, — говорю я со стоном. — Нет, мы больше даже не знаем, что происходит.

Он крепко хватает меня.

— Мне нужно, чтобы ты успокоилась, маленькая петарда. Мне нужно знать, что ты в безопасности каждую секунду. Никуда не ходи одна. Не отвечай ни на какие телефоны, кроме наших и Мел. Не принимай никаких посылок. Не верь ничему, что ты читаешь или слышишь обо мне. Не контактируй с сестрой без моего ведома.

Его глаза мигают перед моим лицом, как будто он пытается убедиться в том, что я в порядке и невредима. Затем он идет в нашу спальню, я следую за ним, когда он хватает кое-какую одежду и кидает мне одну из своих футболок.

— Я хочу поговорить с ними.

— Что? С кем?

— С твоими родителями, — он подходит и задирает мою голову, решительно сжав свою челюсть. — Я привез тебя сюда, чтобы ты была в безопасности, под присмотром, и чтобы о тебе заботились. Я хочу поговорить с твоими родителями. Я хочу, чтобы они посмотрели мне в глаза и дали слово, что будут заботиться о тебе. Я оставлю одного охранника у твоей двери, одного возле грузовых лифтов и еще одного в номере, не спорь со мной, — останавливает он меня еще до того, как я начинаю.

Я закрываю лицо с сердитым звуком разочарования.

— Почему мы говорим обо мне? Я беспокоюсь о тебе! — кричу я, опустив руки. — Он хочет тебя достать, Ремингтон. Я клянусь, если кто-то причинит тебе боль, я верну им все в десятикратном размере!

Он шлепает меня по попе.

— Я большой мальчик. А теперь поехали встретимся с твоими родителями.

— Я не смогла справиться с тем, что ты сделал в прошлый раз. Теперь решение за ней.

— В этот раз все будет иначе.

Мы ждем моих родителей в гостиной.

Я перебрала все варианты в своей голове, желая защитить их, желая защитить Нору, но в конце концов, я больше не собираюсь врать ради кого-то или кому-то. Мои родители заслуживают знать правду, даже если она ранит. Я не буду сидеть в стороне и смотреть, как они осуждают и пытаются уберечь меня от отношений с Ремингтоном только потому, что считают будто он причинит мне боль, когда это я была именно тем, кто причинил ему боль своим ложным чувством героизма, желая спасти свою сестру.

Господи, а что если ее нельзя спасти?

Что если она увязла во всем этом настолько глубоко, что никогда не сможет выбраться, а если и выберется, что если она как настоящий наркоман, который попадает обратно снова и снова?

Когда мои родители появляются, они едва ли смотрят на меня — их глаза устремляются прямо за мою спину на лицо Ремингтона.

Мой отец рассвирепел:

— Ты ее бойфренд? Ты именно тот, кто вышвырнул ее, бросив на нашем пороге?

Ремингтон обходит меня, возвышаясь над моим отцом.

— Да, это я, — он кладет руку на мой живот, добавляя: — Уж надеюсь, что это я.

Я выдыхаю:

— Да ты это, ты. Теперь давайте все немного расслабимся.

— Я не хочу расслабляться, — Реми возражает вполголоса, глядя то на моего отца, то на мать. — Она была одна. Если бы я хотел, чтобы она была одна, я бы не привез ее домой.

— Я в порядке, Ремингтон. Пап, успокойся и присядь, — я хватаю Реми за запястье, и он позволяет мне отвести его обратно в гостиную, чтобы присесть. Родители следуют за нами. Он усаживается и тихо накрывает мой живот ладонью.

Я перевела дыхание и посмотрела на своих родителей:

— Мам, пап, Нора обманула вас. Она не путешествовала по миру прошедшие месяцы. Она сопровождала человека, которого зовут Скорпионом. Она не была ни на Гавайях, ни на Тимбукту; она ездила с ним в то же самое время, что я ездила с Ремингтоном. Скорпион тоже боец.

Рука моей матери взметнулась ко рту, но это не помогло ей заглушить тревожный вздох.

— Скорпион накачивал Нору наркотиками и удерживал ее рядом с собой. Для того, чтобы ее освободить, Реми сдал ему чемпионат. И я думаю, что ей потребуется помощь и в этом году.

Глаза моей матери резко дернулись вправо от меня и поднялись, а отец даже не моргнул, так как все это время неотрывно смотрел на Реми. По напряжению всех мышц, сидящих рядом со мной, я уверена, Ремингтон тоже не сводит с него глаз.

— Ох, Нора, — мрачно вздыхает моя мать, сжимая голову.

— Ты проиграл из-за маленькой Норы? — внезапно спрашивает мой отец. Он тренер — уважает спортсменов. — Проиграл матч ради нее?

Реми мягко смеется и подается вперед, опираясь локтями на колени:

— Нет. Я проиграл его ради Брук.

Мой отец мгновенно вскакивает, а Реми в это время медленно, с львиной грацией, встает на ноги.

— Ремингтон, я думаю, мы неудачно начали наше знакомство, — мой отец обходит кофейный столик и протягивает руку. Вся его враждебность исчезла. Теперь он выглядит расслабленнее, а лицо даже украшает легкая улыбка. — Я Лукас Дюма.

Реми даже не смотрит на руку — мгновенно берет и пожимает ее, крепко и твердо, каким и сам является, его голос грубый от эмоций:

— Я Ремингтон.

Глава 13

Ожидание окончено

Она оставила мне сообщение.

В своей комнате, в ту ночь, когда ушел Ремингтон, я обнаружила записку, спрятанную под подушкой:

“Это не то, что ты думаешь. Я вернусь, когда закончится сезон. У меня все под контролем. Пожалуйста, не иди за мной!”

Что. Какого?

Мою реакцию на эту записку с трудом можно описать как “недоумение”.

Я не могу перестать читать ее. Пытаюсь найти скрытое послание между строк, но ничего нет.

Мои родители приходят ежедневно, постоянно говорят о Норе. Они привыкли к тому, что она ветрена и безответственна, но в этом случае, они действительно серьезно обеспокоены тем, что мы им рассказали. Я думаю, единственная причина, по которой они окончательно не теряют самообладание в том, что прежде, чем уйти, Ремингтон попросил их проследить, чтобы за мной был хороший уход, пообещав вернуть Нору домой.

Мои родители просияли. А я?

Я извинилась и вышла в туалет. Где просидела какое-то время, пытаюсь отдышаться. Я до сих пор не могу нормально дышать, стоит только подумать о чем-то, хоть чем-то, касающемся Скорпиона... и Реми. Я размышляла, показывать ли родителям записку, но как я могу добавлять беспокойства, когда по сути они не могут ничего сделать? Я просто не могу.

В любом случае, я показала записку Мелани.

— Какого черта это вообще означает? — завопила Мелани, когда я показала ей ее на следующий день.

Она смотрит на меня с полным недоумением.

— Я не знаю.

— Я скажу тебе, что это значит. Это значит: “Я маленькая сучка, о чем ты всегда знала, но отказывалась верить. Я вернусь, как только снова испорчу жизнь тебе и твоему парню. Не пытайся остановить меня.” Вот, — сердито сказала Мелани, — что это значит.

Только вот я в очередной раз пытаюсь вспомнить, что она рассказывала мне о Скорпионе, и думаю, что мне стоило быть немного более внимательной.

— Если она вернулась к Скорпиону, тогда Скорпион — это то, чего она заслуживает, — фыркает Мел.

Будучи все так же сбитой с толку этой запиской, я вздыхаю и обращаюсь к еще одной женщине в комнате.

— Жозефина, ты хочешь что-нибудь? — предлагаю я своей домашней мужеподобной телохранительнице. Именно ее Мелани заметила наблюдающей за нами на бое. Я даже не знала, что Ремингтон (этот очаровательный, помешанный на собственничестве нахал) уже нанял кого-то для моей защиты. И Жозефина на самом деле очень милая, но явно большая и опасная женщина.

— Нет, спасибо, мисс Тейт, — произнесит она грубым голосом из угла, где одним глазом смотрит в окно, а вторым — в журнал.

Мелани прикрывает рот рукой, чтобы подавить смешок.

— Ты зовешь Разрывного "Мистер Тейт"? — спрашивает она.

Жозефина вежливо кивает:

— Конечно, мисс Мелани.

— Бруки, я поверить не могу, что кто-то может звать твоего парня "мистер". "Мистер" для чуваков в костюмах. А те две другие женщины-телохранители тоже зовут его "мистер"?

Жозефина кивает, а Мелани продолжает радостно хихикать.

Кендра и Шантель — два других моих телохранителя, конечно же, тоже женщины, так как Реми не позволит мужикам крутиться вокруг меня. Мужчины постоянно обходят вокруг здания или рядом с лифтами. Ремингтон остался в крайне беспокойном состоянии из-за Скорпиона и Норы, черт бы их побрал.

Пит заверил его: "У них ее сестра. Им больше не нужна Брук, чтобы сломать тебя, — они снова будут делать это через Нору".

— Нет. Нет, я не допущу этого, — пообещала я. Но у меня не было ничего, абсолютно ничего от Норы, кроме этой дурацкой записки.

— Мелани, гнев, который я чувствую, не поддается описанию, — говорю я ей, снова запуская записку в карман.

— Детка, да меня бы просто разорвало от ярости. Она. Не. Заслуживает. Героя. Такого как Реми, спасающего ее. И ТОЧКА! Она хочет Скорпиона? Скорпион — то, чего она заслуживает!

— Мел, от одной мысли о том, что он сделал ради нас в прошлом году, меня тошнит. Я не позволю ему навредить себе из-за меня или из-за чего-то, касающегося меня. Ни за что. Даже ради этого ребенка!

Мелани обнимает меня.

— Я знаю, только не расстраивайся, хотя бы ради ребенка.

— Мистер Тейт очень счастливый человек, — выпаливает Жозефина из своего кресла, кивая.

— О, Жозефина, для этих двоих должно быть изобретено новое слово, описывающее любовь, — говорит Мелани, откидывая за спину свои светлые волосы и постукивая наманекюрным ноготком по губе, задумчиво сощуриив глаза. — Жозефина, мы должны придумать им прозвище вроде "Беннифер", как у всех этих известных парочек. Помогите мне придумать что-то вроде этого, раз уж ты увлеклась желтой прессой. Как насчет "Бреми"?

— Почему бы и мне не придумать "Майли"? Для тебя и Райли, — язвлю я в ответ.

Мелани усмехается и плюхается ближе ко мне:

— Мне нравятся его маленькие дружеские визиты. Он приходил каждую ночь, и это было потрясающе. У него все хорошо складывается, Бруки. Он невероятно верен Реми. Он никогда не бросит то, что имеет, ради меня, а я никогда не оставлю свою жизнь ради него, — она вздыхает и откидывает голову назад, чтобы посмотреть в потолок. — Так что, думаю, мы друзья.

— Друзья с привилегиями.

Она нахально ухмыляется:

— Ага, — затем хватая меня за руку, — но я хочу того, что есть у тебя. Я влюблялась сотни раз за свою жизнь! Но никогда так, как ты. Так что мне интересно, я действительно полюбила, или лишь влюбилась, понимаешь?

Улыбаясь, я накрываю ладонью небольшую выпуклость на животе, а второй беру ее за

руку:

— Здесь. Почувствуй. Это маленький пузырек, о котором я тебе говорила...

Даже Жозефина подошла.

— Это ребенок шевелится? — спрашивает Жозефина.

Я киваю и кладу ее руку рядом с рукой Мелани.

— Я думаю, он как раз начал изучать, как ударить хуком. Но не говори пока мистеру Тейту, — дразню я ее этим "мистером", — я хочу, чтобы он почувствовал это сам, когда буду уверена, что это точно ребенок.

♥ ♥ ♥

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ истекает завтра.

Восемнадцатый день истекает *завтра*.

Я не умерла. Не попала в беду. Нора не пыталась контактировать со мной и этим поставить меня в ужасное положение. Реми не стал темным. Мое разочарование испарилось и Я. ЕДУ. ДОМОЙ. К РЕМИ. ЗАВТРА!

Вместе с моим прекрасным ребенком, в целости и сохранности в моей утробе, которому именно сегодня исполняется 12 недель.

Я чувствую тысячу и одно покалывание внутри, пока собираю вещи. И вещей этих довольно много. Так что, да, в конечном счете, мне дали платиновую кредитную карту и я немного грустила, скучая по моему мужчине. И с дьяволом по имени Мелани, сидящем у меня на плече, пока мы шерстили Интернет, я уступила и купила много детских вещей и несколько нарядов для беременных для себя. Казалось, что чем больше я покупала, тем больше я убеждала силы вокруг — этот ребенок обязательно родится.

Итак, у меня есть маленькие, крошечные красные кеды "Converse", несколько крошечных костюмчиков на всякий случай, и ползунки, на которых было написано "МОЙ ПАПОЧКА ОТЛИЧНО ПРОБИВАЕТ В ГОЛОВУ". Я также упаковала свою книжку — "Чекать, когда ждешь ребенка". Которая, как я сказала Мелани, не совсем книга, а чертова библия беременности. Так что все это пакуется в детский чемодан.

Все свои вещи для занятий я складываю в другую сумку, потому что я, наконец-то, буду способна продолжить легкие пробежки и клянусь, прямо сейчас, бег для меня почти приравнен к полетам. Не могу дождаться! Наряду с моей спортивной одеждой, я сложила несколько пар джинсов для беременных с нелепыми поясами на талии (что более нелепо, так это то, что меня беспокоит, как я буду носить их вместо своих обычных джинсов), а также несколько свободных маек для беременных.

Мой телефон звонит, пока продолжаю паковаться, и я беру трубку, в которой слышу голос Пита: "Он взволнован от того, что едет за тобой".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ох, Пит, я уже вся готова, — говорю я, осматривая комнату, счастливая, что не придется снова видеть ее какое-то время, затем складываю свои кроссовки в карман на молнии с боку сумки.

— Я имею в виду реально взволнован, — говорит Пит, намеренно покашливая.

Я слышу крик на заднем фоне, и до боли знакомый голос вопит: "Потому что я, твою мать, король!!"

Я прекращаю паковаться и выпрямляюсь, мои глаза расширяются:

— Это он?

— Ага! Он становится нетерпеливым.

— Приезжайте уже скорее! Я умираю, как хочу его видеть!

— Бой заканчивается поздно вечером. Но еще до рассвета мы будем лететь к тебе.

— Эти ублюдки хотят кусок Разрывного, да они захлебнутся к чертовой матери! — слышу я на заднем плане.

Смеясь от радости, я инстинктивно накрываю рукой свой небольшой живот:

— Он темный?

— Пока нет, но уже близко. Думаю, это эффект накапливания. Мы вообще удивлены, что он продержался так долго. Просто предупреждаю. До скорой встречи.

— Пит, присмотри за ним! И никаких женщин, Пит!

— Ты шутишь, верно? Они могут хоть сейчас разрывать на себе трусики, но его взгляд не будет направлен никуда, кроме Сиэтла.

— Могу я с ним поговорить? — спрашиваю я, ощущая в груди странное возбужденное стеснение.

Проходит мгновение, после которого его глубокий гортанный голос доносится до меня сквозь динамик, и летит прямо в мое сердце:

— Детка, я так накачан, что готов надрать задницы и прийти за тобой.

— О, я знаю! — смеясь, говорю я.

— Я собираюсь нокаутировать всех, кого они там выставят, все ради тебя.

— А я буду ждать тебя ранним утром.

— Отлично, сиди тихо — я иду за тобой. Надень для меня платье. Нет. Надень что-нибудь красивое и обтягивающее. Распусти волосы. Или подними, черт, это тоже сводит меня с ума!

— Я заколю их так, чтобы ты сам смог распустить, — предлагаю я.

Я слышу только звук его дыхания и больше ничего, как будто он представляет, как делает это.

— Ага, — наконец мурлычет он, и я слышу растущее напряжение в его голосе.

— Ага? — я звучу не лучше, вцепившись в трубку телефона.

Я слышу, как его дыхание успокаивается, и он звучит так, словно становится грубым и нежным, каким он бывает со мной:

— Ага, сделай это.

Я таю от него и возбуждение во мне растет с новой силой. Я паковалась весь день, потом приняла душ, намылилась, перемерила тысячу вещей, даже пару платьев. Я пробовала поднять волосы наверх, потом распускать и даже подкручивала, пока не остановилась на одном симпатичном свободном льняном платье, телесных балетках, а волосы собрала в свободный хвост, как делала обычно.

На следующий день я прихорашиваюсь, как никогда в жизни, и теперь с трудом могу усидеть на сидении кабриолета Мелани. Мел — одна из тех немногих, кто считает, что даже несмотря на то, что дождь в Сиэтле идет две сотни дней в году, остаются еще 165 дней, которые стоит провести в машине с опущенной крышей. И вот они мы, с опущенной крышей, в один из этих милых солнечных 165-ти дней, ждем, когда самолет приземлится.

— Кажется, я его вижу, — говорю я, указывая на голубое небо.

— Бруки, ты такая милая. Будто все стены, что ты возвела вокруг себя рухнули, и вот она ты, пятнадцатилетняя сорвиголова, — Мелани явно забавляется, моргая зелеными глазами, солнцезащитные очки на макушке.

Я даже не могу ответить, потому что два задних колеса реактивного самолета касаются

земли, и он такой белый и красивый, с полосками голубого и серебристого цвета, которые тянутся через весь центр до самого хвоста, я только и могу смотреть, как он приземляется. От волнения мой пульс так и пляшет, я впиваюсь пальцами в дверцу автомобиля.

— Такое чувство, что я год его не видела.

— Приятно знать, что, благодаря мне, время пролетело незаметно, — саркастично произносит Мел, затем тянет меня и обнимает, звеня своими браслетами. — Обними своего чертового шофера. Я привезла тебя в аэропорт, не так ли?

Пока самолет катится к стоянке ангара БОАТ^[13], где мы находимся, я поворачиваюсь и обнимаю ее так крепко, почти до боли.

— Я люблю тебя, Мел. Будешь паинькой, приедешь повидаться со мной поскорее?

— Обязательно, как только закончу мой нынешний проект! — затем она толкает меня, кивая мне за спину. — Вон он.

Я оборачиваюсь. Самолет припаркован настолько близко, что одно из его крыльев всего в десятке метров от машины Мел. Пока один из пилотов опускает трап, я с силой дергаю рычаг, распахивая дверь, пока Мел кричит: "Твои вещи, глупая девчонка! Эй, не забудь свою голову!"

Сперва я подхожу, чтобы забрать свою сумку, а когда вновь оборачиваюсь, Ремингтон стоит в проеме двери. Тысяча и один звоночек взволновано зазвонили внутри меня. Я знаю, что должна вынуть сумку из багажника Мел, но когда он спускается вниз, перепрыгивая три ступеньки за раз, и ступает на асфальт, я бегу. Похоже, теперь я могу бегать — и я бегу прямо в его распростертые объятия.

Я визжу, а он ловит меня, сжимает, кружит и смеется вместе со мной. Затем мы смотрим друг на друга, моя грудь вздымается напротив его стальных грудных мышц, он держит меня на руках на весу и мои ноги по-прежнему не касаются земли, я вижу, как маленькие голубые крупинки в его глазах отражают солнечные лучи, когда он смотрит на меня так, словно хочет обнять, ласкать, накормить, оттрахать, все и сразу.

— Отвези меня домой, — выдыхаю я, цепляясь за его шею, когда он опускает меня а землю.

— С удовольствием, — хрипит он, накрывая большой ладонью половину моего лица. Его лоб соприкасается с моим, когда он целует меня в губы, и мы слышим, как Мел кричит: "Реми, береги ее! Она строит из себя твердое маленькое печенюшко, но ее растопленный шоколадный центр для тебя, ну ты знаешь!"

Он смеется и идет поблагодарить ее. Райли выпрыгивает из самолета и направляется прямо к Мел.

— Эй, подружка! — зовет он.

Мелани отвечает ему "эй друг", когда Райли касается плеча Ремингтона:

— Я заберу ее багаж.

Я смотрю, как Ремингтон возвращается ко мне, его тело идеально в свободных джинсах и серой футболке, которая задумывалась, как свободная, но обтягивает каждый его мускул в каждом правильно месте, и я практически перестаю дышать, когда он подхватывает меня на руки, и смотрит на меня своими глазами, в которых написано всего два слова: "Ты моя".

Он несет меня в самолет, как будто мы жених и невеста, переступая порог в салон самолета так, словно это порог нашего дома. Диана визжит, а тренер и Пит начинают хлопать, когда он ставит меня на ноги внутри.

— Оу, вот и она! — произносит Пит.

— Оооох, Бруки, тебе так идет беременность!

— Ну наконец-то мой мальчик сможет с головой оставаться в игре, — ворчит тренер, почти застонав от облегчения. Тихонько смеясь, я тянусь, чтобы обнять их, тут же замечая, что Ремингтон усиливает свою хватку на моей талии, явно не желая меня отпускать.

Затем на самолет поднимается Райли:

— Черт, эта девчонка всегда отлично выглядит. И ты тоже, Би. Ты светишься, как звезда!

Я слышу низкое рычание за спиной, кажется, Ремингтон считает, что мне уже хватит зависать с другими. Перед тем, как Райли успевает сделать шаг, Реми хватает меня за бедра, удерживает, почти неся, и направляясь прямиком к нашим местам в хвосте. Я знаю, что когда он темный, он экстра-собственник, поэтому усаживаюсь, поднимая его руку и с любовью целую все его ушибленные костяшки.

— Итак, Рем. Она вернулась, поэтому больше не кидайся на обслуживающий персонал отелей! Ты нужен нам полностью сконцентрированный, — говорит Пит, переходя в рабочий режим, когда самолет начинает выруливать на взлетку.

— Как только мы регистрируемся, мне нужна твоя задница в тренажерном зале. Будь я проклят, если дам тебе столкнуться с этим ублюдком в полуфинале неподготовленным, — говорит тренер.

— Я всегда в лучшей форме, это на мой чертов ринг он придет, — отвечает Ремингтон, но слушает в пол уха, все его внимание максимально сосредоточено на мне, целующей каждую из костяшек его пальцев.

— Так-то, мальчик! Вот, что я люблю слышать! — говорит тренер.

Реми разворачивает свою руку в моей так, чтобы его большой палец мог коснуться моей нижней губы. Влажные темно-серые глаза возбуждают меня, а признательность в его мужественном взгляде только доказала, что это белое платье было правильным выбором. Я на третьем месяце беременности, но клянусь, то, как он смотрит на меня сейчас заставляет меня чувствовать себя девственницей.

Он протягивает руку, а я задерживаю дыхание в ожидании его прикосновений, его руки, теплой, сильной и мозолистой, накрывающей мою щеку. Я не могу дышать, когда чувствую на своем затылке завитки, которые он рисует пальцами, медленно ведя ими по моей челюсти.

— Ты думала обо мне?

— Нет, — дразнюсь я.

Он снисходительно улыбается и ведет тыльной стороной своего пальца по моему подбородку назад к моему затылку, затем обводит ушную раковину.

— Кто-то другой у тебя на уме?

Сходя с ума от его интимных прикосновений, я нахожу в себе силы загадочно пожать плечами. Он снова снисходительно улыбается, будто знает, что я никак не могу думать о ком-то, кроме него — центре моей вселенной и повелителе моего мира.

— Ты хорошо заботилась о моем ребенке? — строго спрашивает он, попутно приподнимая ткань юбки моего платья и ведет рукой выше и выше, минуя трусики так, что его ладонь ложится на мой голый живот. — Или ты прокрадывалась наружу по ночам в парике и старом дамском платье?

Команда, сидящая в своей зоне, кажется, о чем-то спросила его, но он только убеждается, что подол моего платья по-прежнему прикрывает мои бедра в то время, как его

рука остается на месте, а я не могу даже думать, потому как от контакта кожи с кожей мои мозги плавятся. Он улыбается мне так, словно точно знает, что творит со мной. Затем его свободная рука двигается по моим волосам, и он начинает ласкать меня. Издав мурлыкающий звук, я замираю от неловкости, а он смеется в ответ, пристально смотря на меня. Два месяца воздержания. Желания, тоски и жажды. Теперь же все мои клетки с шумом проснулись. Он даже не касается моей груди, которая болит и кажется тяжелее, чем когда-либо. Он даже не касается моей кисти, влажной и сжимающейся от необходимости, но, о Боже, я чувствую удовольствие от корней волос до кончиков пальцев на ногах.

Его рука неподвижно лежит на моем животе, кожа к коже, но пальцами он массирует мою голову, приближаясь к конскому хвосту, и я чувствую прикосновение его пальцев по всему телу.

Его грудь расширяется, когда он глубоко вздыхает, наклоняя голову, касаясь носом моей шеи, и я замечаю, как он вдыхает мой аромат. Горячая волна потребности накрывает меня, и я почти всхлипываю. Обхватив пальцами его мускулистую руку под рукавом мягкой футболки, я выдыхаю его имя, и прежде чем мне удастся закончить, он поворачивает голову ко мне, и его язык проскальзывает мне в рот. Ох, пожалуйста, ох, ох...

Влажное движение его языка возвращается вновь. Удовольствие пульсирует сквозь меня с каждым движением губ, в то время как мое голодное тело кричит ему о необходимости в большем, о том, что он должен мне дать все, чего я хочу и люблю, и нуждаюсь прямо сейчас, прямо сейчас, пожалуйста, прямо сейчас.

Он дает это мне, но медленно. Он смакует меня, его ладонь на моем затылке, большой палец ласкает место под моим хвостиком... мягко убивая меня... я стону, сжимая его плечи, когда он раздвигает мои губы шире и углубляется, чтобы ощутить вкус, глубже, более влажно. Мы движемся так медленно, словно во сне. Затем он начинает стремительно трахать мой рот, мощно, смакуя каждый сантиметр своим языком, просовывая его на всю длину, затем вынимая, но лишь для того, чтобы войти вновь попробовать меня. Тепло разливается по всему моему телу — он сводит меня с ума.

Он распускает мой хвостик и отклоняется назад, чтобы посмотреть, как волосы рассыпаются по моим плечам, а его глаза, такие черные прямо сейчас, поглощают меня. Он маниакальный и голодный, но кажется таким счастливым — почти освобожденным — видеть меня, что в его глазах цвета ирисов я вижу десятки блестящих искорок.

Его рука доходит до поясицы, и он притягивает меня ближе, придвигаясь. Его поцелуй настолько сильный, что моя голова опускается обратно на спинку сидения от его напора. Застонав, мой рот лихорадочно двигается под его, и я не осознаю, что цепляюсь за него, пока не чувствую его рубашку, зажатую в моих кулаках.

— Я скучала по тебе, — задыхаюсь я между движениями его рта, когда он мягко рычит и спускается, чтобы облизать мою шею. Каждый поцелуй — огонь, от моего затылка до уха.

— Сегодня, после боя, — говорит он мне, его дыхание глубокое и медленное, мое быстрое и тяжелое.

Он сжимает меня, смотрит на меня сверху вниз, рассматривая ошеломленную улыбку на моих губах.

— Твое желание для меня закон.

— Я повелеваю, что сегодня ночью ты снова моя — моя навсегда.

Он произносит это так серьезно, что я смеюсь, а он даже не улыбается. Он смотрит на меня так, словно ожидает, чтобы я снова сказала, что его желание для меня закон. Я глажу

его небритый подбородок.

— Что ты собираешься делать со мной сегодня ночью?

Он дышит мне в ухо, нежно меня покусывая:

— Целовать тебя. Гладить и ласкать тебя. Лизать тебя. Трахать и любить тебя. Сделать так, чтобы ты заснула со мной внутри, — он шевелит своими огромными, сильными, покрытыми рубцами пальцами на моем животе. — Ты не забыла, кто в тебя это поместил?

— О, я помню. Меня бросает в жар от воспоминаний.

— И это заставляет меня желать поместить в тебя это еще тысячу раз. Но почему ты не выглядишь беременной? Ты хорошо питаешься?

— Да! А что? — я выпрямляюсь, когда он вынимает руку из-под моего платья. — Ты хочешь, чтобы я взорвалась? Ты хочешь, чтобы все знали, что я беременна?

Он откидывается локтями на спинку сидения, это движение подчеркивает каждый мускул под его футболкой, сладко улыбается и кивает.

— Чтобы все знали, что я занята и твоя? — настаиваю я.

Он кивает с очаровательной улыбкой, которая достигает его глаз.

— Мой задница уже и так огромная, и “девочки” подросли. Смысл в том, что живот следует за ними.

— Мне нравится, как “девочки” выглядят в этом платье. И твоя задница чертовски аппетитная.

— Так почему же ты не ценишь, как тебе повезло? На некоторое время у меня будут большая грудь, здоровая задница и плоский живот.

Его веки немного опускаются, пока он оценивающе рассматривает “девочек”, затем улыбается и тянет меня к себе:

— Иди ко мне.

— У тебя дьявольский блеск в глазах.

Его улыбка сменяется смехом:

— Иди сюда. Я соскучился.

— Что вы задумали, мистер?

Он хлопает себя по коленям:

— Я дам тебе выбрать.

— Между?

— Музыка.

— Так, пока мне нравится, как это звучит.

— Поцелуями.

— Ты усложняешь выбор.

— Петтингом.

— Теперь ты ведешь себя злобно.

— Или всем вышперечисленным.

Без предупреждения, я запрыгиваю на него, и он смеется, мгновенно крепко сжимая меня:

— Теперь ты моя!

— Я стала твоей, когда ты посмотрел на меня, — тихо улыбаясь, признаюсь я, как будто его огромному эго действительно нужен еще один большущий пинок от меня. — К тому времени, как ты подмигнул, я сдалась, Мистер Ремингтон Тейт... сексуальный парень, убийственный боец и отец малыша в моем животике. Теперь я действительно твоя.

Глава 14

Филадельфия

Реми уже на грани, и ему не нравилось то, что я разговаривала с Питом и Райли по дороге к отелю. Ему не нравилось, когда я оставляла его, чтобы сходить пописать в нашем номере, и он расхаживал в спальне в ожидании, как нетерпеливый жених, прижимаясь губами к моим в ту же секунду, когда я возвращалась и целовал меня около получаса, пока за нами не приехали, чтобы забрать на бой. Он не хотел отпускать меня, направляясь в раздевалку, и чем ближе мы были к Андеграунду, тем больше усиливалась его хватка на моих бедрах.

Я сказала ему, что не могла дождаться, чтобы увидеть его бой, и что я буду смотреть. Он сжал челюсть и посмотрел чертовски собственническим и жаждущим взглядом на мои губы. Затем кивнул и шлепнул меня по попе, отдавая Питу строгие инструкции не отступать ни на шаг от меня во время боя.

Теперь Пит приклеен ко мне, как сиамский близнец.

Он — "Человек в черном", и сейчас носит с собой электрошокер и перцовый аэрозоль. Что бы из средств защиты ни пришло вам на ум — у Пита это было. Сегодня у него даже угрожающий хмурый взгляд, будто предупреждающий, что все должны держаться подальше.

— Мне кажется, ты переигрываешь, — шучу я.

— Этот человек получает то, что хочет, — с усмешкой говорит он.

Рой бабочек пробуждаются в моем животе, когда мы направляемся к нашим местам в первом ряду справа от ринга. И кажется, будто прошла вечность с тех пор, когда я смотрела бой. Возбуждение смешивается с нервозностью и, к сожалению, изжога, которая, похоже, осталась после моей тошноты в первом триместре, обещает вернуться с удвоенной силой.

— Ремингтон купил места в целом квадрате, так что тебе не придется наталкиваться на людей, — объясняет Пит, когда мы занимаем свои места и я замечаю, что два сидения по бокам и позади нас пусты.

Пит кивает кому-то через ринг напротив, и, проследив его взгляд, я вижу стоящую там старушку Жозефину, следящую за нам.

— Откуда приехала, Джо? — спрашиваю, счастливо улыбаясь ей, радуясь, когда она натянуто улыбается мне в ответ. Она стоит, как солдат и ей удастся действовать вежливо и благоразумно, выходя одновременно при этом невероятно пугающе.

— Ей надо было кое что уладить, так что она воспользовалась коммерческим рейсом чтобы застать нас. Она поселится с Дианой и будет приглядывать за тобой, всякий раз, когда Ремингтона не будет поблизости.

Я бы, наверное, возразила, если бы она мне так сильно не нравилась, и если бы не слышала, как рада она была получить работу, на которую обычно нанимают мужчин. Так что продолжаю улыбаться ей, пока мы с Питом усаживаемся и смотрим первые бои.

— Где Реми?

— Выпускайте Реми!

Толпа орет, когда ринг освобождается в четвертый раз, и, к тому времени, когда начинается скандирование, по всей арене слышно только одно имя: "Рем-инг-тон, Рем-инг-тон, Рем-инг-тон!"

— Организаторы обожают заставлять публику звать его, — посмеиваясь, говорит Пит.

И наконец, динамики вспыхивают:

— Верно, дамы и господа! Сучки и кобели! Девчонки и чертовы мальчишки! Вы хотите его? Так получайте! Поприветствуйте сегодня, ваааааш один и еееединственный, Ремингтон Тэйт, RRRRAAAAЗРЫВНОЙ!!

"Мой Разрывной!" возбужденно кричит мой мозг. Мой Разрывной. Мой, мой, мой. Мой сегодня, мой навсегда.

По всему помещению люди окружают ринг со всех сторон. Одни орут, приложив руки ко рту, в то время, как другие прыгают и размахивают плакатами с его именем.

— Реми, я бы умерла за тебя, Реми!! — орет голос позади меня.

Радость закипает в моих жилах, когда он выбегает трусцой.

Его идеальная сильная осанка и расслабленные плечи, накидка с надписью "РАЗРЫВНОЙ" покрывает самые твердые мышцы в мире, заставляя мои соски твердеть, а тело пульсировать от жажды. Когда свет от прожекторов фокусируется на нем, я с жадностью поглощаю его лицо с ямочками, но мой взгляд зацепляется за красные следы помады на его щеке. И на его губах.

Я моргаю в замешательстве.

Он хватает веревки и перелазит внутрь, приземляясь легко, как кот, который уже владеет квадратным пространством этого заветного ринга, затем накидка спадает и Ремингтон восстает во всей красе. Я вижу его, но все еще озадачена тем, что вижу на его мальчишеском лице; эти следы, красные, покрывающие весь его прекрасный загар, и понимание всплывает, всплывает внутри моего сознания, и каждый из этих поцелуев кажется мне чуть ли не ударом хлыста.

Тысяча и одна неуверенности, о существовании которых я даже не знала, мгновенно проявились внутри меня.

Я представляю наманикюренные руки, касающиеся его кожи... губы на его губах... его рычание для кого-то другого... его мозоли, царапающие чью-то чужую кожу...

У меня начинают гореть глаза, когда Пит говорит мне:

— Брук, это жизнь. Ему не нужны все эти фанатки, он просто хочет драться. В этом нет ничего страшного.

— Если бы я могла заставить остальную часть своего тела, помимо мозга, понять это, — несчастно говорю я, и такое чувство, будто черное облако боли окутывает меня, подобно плащу, закрывая весь мой свет.

Через пару мест, справа от меня, женщина тянет себя за волосы и кричит:

— Разрыыыыывной! Я хочу затащить тебя в свою комнату и трахаться с тобой до тех пор, пока я не смогу ходить!

Господи, как же сильно мне хочется ударить эту суку.

А вот и он, красивый и великолепный Ремингтон "Разрывной" Тэйт.

Он делает свои повороты, а я чувствую такое давление в груди, что охватываю руками своего ребенка и смотрю на небольшую выпуклость, которую он сейчас из себя представляет. Я никогда не жалела о том, что забеременела, но сейчас я чувствую себя такой беременной и такой глупой.

Я дышу, медленно и глубоко, в то время, как вся эта неуверенность съедает меня изнутри. Мы собираемся вместе построить семью. Я буду матерью... но он все еще будет бойцом, окруженным молодыми симпатичными поклонницами, готовыми на все, чтобы заполнить его.

Брук до Беременности, вероятно, считала бы, что никто не сможет забрать его у нее.

Но Беременная Брук чувствует себя не так уверенно. Возможно, немного обидно, что он так и не попросил моей руки. Может, он вообще этого не хочет?

Зачем ему утруждаться, если я и так уже его?

— Брук, он смотрит на тебя, — взволновано бормочет Пит.

Все еще чувствуя себя более неуверенно, чем мне бы хотелось, я делаю глубокий вдох и продолжаю смотреть на свои колени в глупом льняном платье, которое я надела, прихорашиваясь для него сегодня утром.

— Брук, он смотрит прямо на тебя, — говорит Пит, уже тревожно.

Толпа замолкает.

Тишина становится гнетущей, будто Разрывной перестал улыбаться и теперь все знают, что что-то происходит.

Я чувствую, как его глаза впились в макушку моей головы. И я знаю, что когда подниму глаза, все, что я увижу — это ее. Красную. Помаду. На его прекрасном лице. Как помада, которой однажды испачкала его я, но эта принадлежит сегодня кому-то другому. Может, одной из тех чертовых шлюх, с которыми он трахался, когда я ушла. Боже.

— Брук, Иисусе, какого черта? — Пит толкает меня локтем. — Ты хочешь, чтобы сегодня он потерпел неудачу?

Я качаю головой и нахожу в себе силы посмотреть на него.

Он смотрит на меня с выражением полной дикости и тревоги. Его ноги наизготове, челюсть сжата, у него оборонительная позиция, и я могу сказать, что он чувствует, что со мной что-то не так, потому что его руки сжаты в кулаки по бокам, и он выглядит готовым прыгнуть и прийти за мной.

Я гордо удерживаю его взгляд, потому что я даже не хочу, чтобы он узнал, насколько мне больно, но, когда он улыбается мне, я просто не могу улыбнуться в ответ.

Его улыбка исчезает.

Он обидно моргает, сжимая пальцы в руках, и дикость в выражении его лица будто когтями вбивается в меня, но я чувствую такую же дикость, и на этот раз я просто не могу успокоить его, мне так больно, я так зла, и ревнива, и беременна.

Смутно помню, что были времена, когда я сидела по эту сторону ринга, желая, чтобы этот великолепный неукротимый зверь был моим. А сейчас я сижу здесь, беременна его ребенком, обижена, потому что какая-то женщина или женщины целовали и прикасались к тому, что я считаю своим, и вдруг мне хочется того, что было прежде. Я хочу быть просто девушкой, просто ищущей работу. Обычной. Обычные цели и обычная жизнь. Но нет. Теперь у меня этого быть не может. Потому что я влюблена в Ремингтона Тэйта сильнее, чем всегда считала возможным. А он такой неуловимый, как падающая звезда, которую никто никогда по-настоящему не поймает, а если и поймает, то он просто прожжет тебя насквозь.

Как он сжигает меня прямо сейчас, в самом центре груди, моя любовь к нему разъедает меня.

Не в силах больше смотреть в его темные глаза, перевожу свой взгляд на его противника, поднимающегося на ринг, мой взгляд едва скользит в сторону, как тут же возвращается к темной татуировке элегантной закрученной буквы "Б" на правом бицепсе Ремингтона.

У меня сердце запинается в неверии. Растерянно уставившись на чернильный рисунок, я осознаю, что да, она находится прямо там, на его правом бицепсе: идеальная, красивая "Б".

Это как-то ненормально влияет на меня. Мои бедные трусики внезапно намокают, а я начинаю пульсировать.

Ремингтон поворачивается к своему оппоненту, и я вижу, как он задиристо ухмыляется, когда достаивает взглядом бойца, с которым будет сражаться, кого-то молодого и дерганного, явно слишком стремящегося начать бой.

Стукнувшись перчатками для приветствия, Ремингтон смотрит на меня. Затем, не улыбаясь, он выразительно сгибает бицепс с буквой "Б" и целует ее так, чтобы я видела. Неистовая горячая небольшая пульсация опускается к моему влагалищу, и я сжимаю ноги вместе.

На его лице мелькает улыбка так, будто он знает, что делает меня влажной, и я ничего не могу с собой поделать.

Звенит колокол.

— Когда он сделал эту татуировку? — спрашиваю себе под нос. Не могу оторвать от нее взгляда.

— Сразу после того, как мы покинули Сиэтл, — говорит мне Пит.

Ремингтон встает лицом к лицу с "нетерпеливым пацаном", как назвал его Пит, и сразу же наносит удар; затем отступает, делает обманный прием, заставляя нового бойца идти за ним. Выскочка размахивается, но у него не получается, а Ремингтон возвращается с мощными одним-двумя ударами, как пушечным выстрелом откидывая парня назад. Парень отскакивает от веревок и падает вниз.

— Оооооооооо! — шумят зрители.

— Ауч, это, должно быть, больно, — говорит Пит, но с улыбкой, в то время, как позади меня кто-то кричит:

— Вот, что получают, когда идут против Разрывного, сосунок!

Независимо от того, что происходит у меня в голове, наблюдать за боем Ремингтона — это такое захватывающее впечатление, что внутри все мои мышцы напряжены, как будто и я сражаюсь.

Тот парень поднимается и Ремингтон бьет его снова, его удары точны и мощные, его тело гибко двигается, сексуальная черная "Б" на его бицепсе пульсирует, когда эта мышца напрягается в действии. По мере развития боя я превращаюсь в месиво эмоций, и капля пота стекает в середине моей груди.

Температура моего тела, кажется, повышается из-за беременности, но наблюдать там за отцом моего ребенка — этим профессионалом по катастрофам, с татуировкой, кричащей миру, что он мой, но в то же время расцелованный какими-то сучками — делает меня ревнивой и сердитой. Я — будто вулкан.

После того, как Ремингтон надолго вырубает молодого выскочку, бойцы один за другим выходят, чтобы бросить ему вызов. Он так сильно их избивает, что они отскакивают от веревок, падают в сторону, лицом на пол, или на колени, все они в ужасе качают головами, будто их мозги внутри содрогаются.

Его не остановить.

Пит сбоку смеется:

— Меня никогда не перестает удивлять, как сильно этот парень любит ВЫПЕНДРИВАТЬСЯ, КОГДА ТЫ СМОТРИШЬ НА НЕГО!

Я в неверии качаю головой, а Пит мрачно кивает:

— Серьезно. Изменения в анализе крови, когда он находится под твоим воздействием

— то, как ты влияешь на его биохимию и усиливаешь выработку тестостерона, оживляешь его бойцовские инстинкты — это невероятно. Ты знала, что у мужчин возрастает уровень тестостерона, когда они видят новую привлекательную женщину? У него нет. У него он бьет через край, когда он видит тебя — свою женщину.

Слова Пита убивают меня. Ремингтон, кажется, всегда хочет доказать мне, что он самый сильный мужчина в мире и тот, кто защитит меня и — о, да, я ему верю.

Он бьется с четвертым противником, затем с пятым, его тело — бульдозер секса и силы, когда он нокаутирует их, одного за другим, эти темные глаза следят за мной, удостоверюсь, что я на месте, смотрю на него. С каждым взглядом, который он кидает в мою сторону, зуд во мне нарастает, я становлюсь немного более злой и до неприличия возбужденной, пока мое влагалище так набухает, а мои руки так крепко сжаты на коленях, я не знаю, что хочу сделать сильнее: трахнуть его или дать пощечину.

Выпускают шестого и седьмого бойца, а Ремингтон еще не устал. Он ставит блоки, наносит удары, атакует и защищается.

— РАЗ — РЫВ — НОЙ, РАЗ — РЫВ — НОЙ! — скандирует ему публика, и Пи присоединяется к ним, размахивая руками в воздухе, повторяя одно слово, как тысяча людей, находящихся здесь, когда рефери хватает массивное запястье Ремингтона, и поднимает его руку вверх в знак победы.

— Наш победитель! Очередной раз, дамы и господа, это Ремингтон Тэйт, вааааааш Разрыыыывной!!

Эти темные глаза ищут меня в толпе. И в ту секунду, когда они меня находят, пульс неистовствует в моем теле, сердце трепещет, как на крыльях в груди, когда он смотрит на меня и улыбается. Дрожь проходит сквозь меня от вида этих ямочек, белоснежной улыбки, темной, слегка обросшей челюсти и этой чертовой красной помады.

Когда я не могу заставить себя улыбнуться в ответ, он хмурит брови, хватается за веревки и спускается с ринга.

— Разрывной, Разрывной, Разрывной! — слышу, как взволнованные люди начинают скандировать.

Принуждая себя удерживать его стальной темный взгляд, я стою на дрожащих ногах, наблюдая, как он приближается. Он протягивает ко мне руку, а я все смотрю на эту чертову помаду на его лице, затем на его руку, и хватаю ее. Сжимаю челюсть, когда он тянет меня вниз между рядами.

— Ключи, — грубо бросает он Райли, и Райли спрыгивает вниз с угла ринга и несется к нам.

— Я вас подвезу, ребята.

В задних комнатах, куда мы направляемся, Ремингтон останавливается возле шкафчиков, чтобы захватить свою сумку, не отпуская моей руки. Я не могу перестать смотреть на помаду на его чертовом, сексуальном, приводящем в бешенство, рте и на татуировку "Б" на его сексуальном твердом бицепсе. Противоречивые чувства кружатся во мне так быстро, что я даже не знаю, что с этим поделать, кроме как скрипеть зубами. Отпуская мою руку на долю секунды, Ремингтон надевает белую футболку и натягивает черные спортивные штаны, затем хватается за мою руку, переплетает свои пальцы с моими, и выводит меня наружу. Он запикивает меня на заднее сиденье "Навигатора", и как только мы усаживаемся по местам, и Райли заводит машину, он хватается за мое лицо одной рукой, его глаза блестят тем же голодом, что и весь день. Или даже больше. Он наклоняется, чтобы

поцеловать меня, и я отворачиваю голову.

— Нет, — говорю я.

Он поворачивает мою голову назад и бормочет низким отчаянным голосом:

— Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда я дерусь. Я, кажется, целую вечность ждал, пока ты на меня посмотришь, — он обрушивается своим ртом на мой, и сквозь меня проходят молнии, когда его губы прижимаются к моим. Жажда внутри меня настолько велика, что требуется вся моя сила воли, чтобы заставить себя держать рот закрытым под его, и поворачиваясь со стоном, я освобождаюсь.

— Не целуй меня! — шиплю я.

Он захватывает мое лицо одной рукой, разворачивает меня и снова овладевает моим ртом, вынуждая мои губы раскрыться, чтобы он со вздохом смог войти внутрь языком. Я стону, когда его язык касается моего, слабо сражаюсь, извиваясь между ним и сиденьем, и толкаю его плечи, отворачивая голову в сторону.

— Отпусти! — стону я.

— Боже, я нуждаюсь в тебе, как в воздухе... — он скользит своей мозолистой ладонью под мое платье, проводя своими длинными пальцами вверх по моему бедру, делая дорожку голодных влажных поцелуев вверх по моей шее. — Почему ты играешь со мной? Ммм? Мне нужно быть в тебе прямо сейчас...

— Ты говорил это своим фанаткам? — тяжело дыша и злясь на то, что его рука перемещается вверх по бедру, я толкаю его в гранитную грудь, и издаю разочарованный звук, когда он не сдвигается с места. — Скажи это тому, кто поцеловал тебя в подбородок, висок, челюсть и твой чертов рот!

Он отстраняется, нахмурившись в замешательстве.

— У тебя помада по всему лицу, Ремингтон! — говорю я, поправляя свое платье.

С низким сердитым звуком он проводит тыльной стороной руки по своим губам, затем смотрит на нее, сузив глаза, когда видит красную полосу на коже. Сжимает челюсть и откидывается на спинку сиденья, со стоном роняя голову назад. Он запускает руку в свои волосы и сердито смотрит в потолок, дыша через нос. Я пробую отодвинуться в другой конец сиденья, но он хватает меня за запястье.

— Нет, — шепчет он так, будто ему больно.

Я проглатываю комок злости в горле, когда он скользит рукой от запястья к ладони, переплетая наши пальцы. Всю поездку я четко ощущаю его ладонь на моей, его массивные длинные пальцы с моими, крепко держащие меня в то время, как внутри моей груди все будто взрывается и разрушается одновременно.

Мы приближаемся к нашему отелю, и Райли осторожно проверяет нас, смотря в зеркало заднего вида.

— Теперь я поеду за остальной командой, — говорит он.

— Спасибо, — ровным голосом говорит Ремингтон, помогая мне выйти из машины. Затем, все еще держа мою руку, он ведет меня через лобби к лифтам.

Мы заходим внутрь, а его челюсть все еще перепачкана красным. Даже с этими отметинами его лицо остается фантазией каждой женщины. Его черные волосы взъерошены, эти спортивные штаны сидят низко на бедрах, а эта футболка льнет к его восьми-кубиковому прессу, широким плечам и накачанным бицепсам. Он все тот же секс-символ, которым был всегда, в то время, как я чувствую себя более беременной, чем когда-либо, с маленькой выпуклостью моего живота.

Он тянет меня в наш номер, дверь захлопывается под собственным весом позади нас, и как только отпускает мою руку, он хватается за бедра, поднимает и усаживает на обеденном столе.

— Не поступай так со мной, — кусает меня за шею и снова скользит рукой под платье, быстро поднимаясь вверх, и на этот раз обхватывает меня поверх трусиков. — Черт возьми, не поступай так со мной сейчас, — стонет он.

Я начинаю дрожать, когда он движется ртом к моей челюсти, покусывая мои губы, потирая меня пальцем через трусики. Я ненавижу всхлипы, что вырываются из меня, но ему, кажется, это нравится, потому что он стонет, направляясь прямо к моему рту. Я отдергиваю голову в сторону, и произношу мягким, огорченным голосом:

— Я хочу поцеловать тебя, не их! — всхлипываю, слабо толкая его в большую грудь.

— Это я, — он убирает руку из-под моего платья, охватывает мое лицо двумя руками и целует меня, размазывая по мне чужую помаду, когда он накрывает мой рот и насильно открывает его. Я толкаю его в грудь до изнеможения, в то время, как его язык пересиливает мой. Он обнимает мою спину, укладывая меня на стол, его руки защищают меня от твердой поверхности, когда он с отчаянным голодом всасывает меня.

— Это я, — шепчет он, потирая рукой мое тело и грудь.

Я всхлипываю от необходимости и ненавижу это. Я такая влажная. Он так сильно мне нужен. Он так чертовски хорошо пахнет. Я схожу с ума, но когда он накрывает мою грудь одной рукой, я все еще такая ревнивая и злая, пытаюсь оттолкнуть его руку. Низким, страдальческим голосом он произносит:

— Брук. .

С расстроенным стоном он хватается за ткань моего платья в кулаки и одним рывком разрывает его. Я задыхаюсь, когда он отодвигает ткань по бокам, чтобы обнажить меня в нижнем белье, его темная голова быстро опускается вниз так, что он может проводить языком по моей коже, от пупка вверх, пока он разрывает ткань еще больше и поглаживает мои ребра.

Дрожь проходит сквозь меня, и я хватаю его за затылок, разрываясь между тем, чтобы притянуть его к своему рту и оттолкнуть; вместо этого я тяну его за волосы.

— Нет, — стону я и он отстраняется и смотрит на меня этими глазами дикого животного, и я знаю, что мне не стоит провоцировать его, мне нужно успокоить его, но я ревнива на всю чертову голову. Он сделал это со мной. Заставил любить его и быть одержимой им, гадая, с кем он был. Возможно, он сам не знает этого, но они знают, и они — не я.

Охвачена новой решимостью, я сажусь и сердито хватаю его за подбородок, яростно скребя ладонями и пальцами эти отметины. Когда мне не удастся стереть большую часть из них, я хватаю его белую футболку, тяну вверх, чтобы вытереть его. Он стоит здесь, дышит еще тяжелее, чем во время боя, глядя на меня так, будто просит кого-то, меня, терпеливо позволяя мне вычистить его.

Мои пальцы дрожат. Его глаза блестят в полумраке люкса, пока я тру, но все еще не могу избавиться от помады и не могу этого вынести.

Я облизываю палец и слюной вытираю следы помады, затем вытираю футболкой проклятое пятно.

Его расстройство возрастает и он сует свои пальцы в рот, затем трет там, где я. Наши пальцы сталкиваются, когда мы втираем слюну по всему его подбородку. Я поднимаю

футболку и снова чищу, затаив дыхание, когда пятна начинают исчезать.

Я останавливаюсь, когда не остается ничего, только его твердая челюсть, слегка шероховатая. Мое тело горит от желания, а сердце горит от любви и каждая частичка меня сгорает от ревности. Я хватаю его за волосы, наклоняюсь и оставляю поцелуй прямо там, где находился чужой поцелуй, отчаянно пытаюсь стереть все, что было до этого. Он сжимает мои бедра, когда я провожу губами вдоль его челюсти, направляясь ко рту, и я целую его, быстро и почти так, будто не хочу, и отстраняюсь назад, ловя ртом воздух, отпуская его.

Он приподнимает бровь.

— Закончила? — спрашивает измученным голосом и мне кажется, что я не дышу, когда киваю в ответ.

У него расширяется грудь, когда он хватается за запачканную футболку и поднимает ее одним плавным движением, отбрасывая в сторону:

— Ты и я сейчас будем заниматься любовью. Мы не должны ждать и секунды... дольше... чтобы быть вместе.

Сквозь меня проходит дрожь, и мой голос хрипит от эмоций:

— Я не могу равнодушно смотреть на чужую помаду на тебе, Ремингтон, я не позволю им целовать тебя. И это говорит не какое-то беременное безумие или неуверенность! Я сказала тебе когда-то давно, что не буду делиться. Я не буду делить тебя.

— Шшш, детка, я и не ожидал от тебя другого, — он опускает мое ободранное платье с плеч, затем позволяя ему упасть на стол подо мной. Он призывает меня лечь и смотрит на меня, расprostертой для него с подогнутыми коленями. Наклоняясь надо мной, он прикасается ко мне повсюду — к ногам, рукам, между груди.

— Тренер перевязывал мне руки, я был в наушниках. Я не видел, что они приближались, пока они не оказались на мне. Этого больше не случится. Я ни одну не поцеловал. Никого не целовал. Кроме своей маленькой петарды.

Он наклоняется к моей груди и облизывает один сосок сквозь лифчик, скользя пальцем под обычный белый хлопок, опуская ткань вниз к растущей выпуклости.

— Я собираюсь облизывать это и сосать, и я собираюсь делать с этим все, что захочу.

Мое сердце качает горячую кровь по венам, когда он опускает ткань с другой стороны и облизывает чувствительную вершину, посылая молнии удовольствия повсюду во мне. Моя грудь стала больше, налитая, соски темнее и сморщенные, и он охватывает их, как будто исследуя новые территории, которые его радуют. Звук, который исходит из его груди, побуждает и меня издать слабый звук, когда я извиваюсь в желании. Его глаза находят мои, когда он это слышит и хватается за бедра, притягивает к краю стола, моя попа оказывается на самом краю, и он рывком снимает свои спортивные штаны. Внезапно я ощущаю, какой он твердый, его тяжелая эрекция задевает мое влажное влагалище, когда он наклоняется и снова облизывает мою грудь, его твердость прижимается к моим бедрам.

— Чувствительные? — он нажимает пальцем на один сосок, затем на другой, его руки шероховатые от мозолей, но нежные. Я выгибаюсь и тихо постанываю. Я хочу синяк, хочу боли, я хочу, чтобы моя кожа и мышцы болели, как болят мои внутренности от любви к нему.

— Да, — задыхаюсь я, и у меня образуется ком в горле, и слезы в глазах от жажды.

Он дарит моим губам ненасытный поцелуй, затем наклоняет голову и стонет мне в шею: "Брук". Гладит меня между ног и входит в мое тело пальцем, поднимая голову и лаская мой язык своим. У меня внутри все дрожит, когда он отодвигается, чтобы посмотреть, как

развратно я смотрю на его работу пальцем.

Я вижу на его лице чистую необходимость, когда он наблюдает; затем он поднимает руку и облизывает блестящий влажный палец. О Боже, я вижу его — главный и мужчина, все еще с тем мальчишеским шармом и этими взерошенными, сумасшедшими, черными волосами, а я извиваюсь и стону, потому что хочу его, я хочу его, Я ХОЧУ ЕГО.

— Ты возбуждена, чего ты хочешь? — резкая потребность в его голосе заставляет меня дрожать, когда произношу:

— Я хочу облизывать тебя, как ты меня.

И он кивает, наклоняется ко мне, сначала предлагая свой язык; затем хватается за затылок и прижимает к своей шее.

Влажная и обжигающе горячая, его кожа шелковистая под моим жадным языком. Я дрожу, поднимаясь и хватая его за волосы, посасываю его верхнюю губу. На вкус это он, и на вкус он как будто хочет меня. Мы интенсивно целуемся, и мое дыхание сбивается еще больше. Он рвет мой лифчик, когда я прикусываю его нижнюю губу, и дышит глубже, когда опускает мои трусики и отстраняется, чтобы посмотреть на меня, теперь полностью обнаженную. Его глаза изучают меня, поглощают меня. Он видит мою выпяченную обнаженную грудь, они сейчас больше и я знаю, что он желает их. Он берет одну, как будто узнает меня впервые. Вот, что он сделал с моим телом. Вот, что происходит с моим телом после него.

Он прикасается к другой груди, затем сразу хватается обе и ласкает, начинает играть с ними, наблюдая за этим блестящими темными глазами.

Его губа кровоточит от моего укуса в том месте, где и всегда, а его грудь гладкая от пота. Я протестую:

— Я укусила тебя, — говорю я.

— Просто прикоснись к этому месту губами.

— Реми..

— Прикоснись к этому месту языком, — он наклоняется и подталкивает мои губы к своим, и я мягко облизываю его, так, как животное инстинктивно очищает рану. Я нежно присасываюсь к его кровоточащей губе. Он проводит своим языком по моему, а затем облизывает мои открытые губы. Я обнимаю его, развожу свои ноги и обхватываю ими его бедра.

Нужда пронесется сквозь меня, когда он хватается мой зад и поднимает в воздух. Я приподнимаю попу, чтобы помочь ему, и я такая опьяневшая от желания, что перед глазами все размыто, когда он делает пару шагов к дивану.

Опуская меня, целует меня в шею, затем кружит пальцем между моих бедер, прямо там, где я влажная и тихо стону.

— Ты готова для меня? — его голос шепотом звучит над моим ухом, когда он пальцами гладит мои влажные складки. — Приготовься ко мне.

Он вводит свой длинный палец внутрь в меня, делая меня еще более влажной, но я так пропитана, что он легко проскальзывает. Я сжимаюсь и едва могу удержаться, чтобы не кончить, когда он трет внутри меня.

Он скользит губами вдоль моего тела, склоняет свою темную голову, его язык касается моего клитора, слегка упиваясь, когда он держит мои бедра разведенными. Я хватаю его за затылок, наблюдая за тем, как он делает это со мной. Затем он становится на колени в конце дивана, хватается за бедра и сдвигает меня вниз на пару дюймов, и начинает заходить

внутри. Полный. Горячий. Тверже всего, к чему я когда-либо прикасалась. Я выгибаю тело и задыхаюсь, когда он вводит каждый свой сантиметр в меня, и в то же время мои глаза удерживают его взгляд, а его — мой. Он обхватывает мое лицо и проводит пальцем по моей нижней губе, потянув ее грубо и с любовью, продолжая входить внутрь, пока полностью не входит в самую глубокую часть меня.

Я стону, когда он толкается бедрами.

Он наклоняется и целует меня в ухо:

— Ты соскучилась по мне.

Поворачиваюсь и целую его рот, задыхаясь, когда наклоняю свои бедра:

— Кажется, что я никогда еще не была такой влажной и набухшей.

— Я никогда не был таким твердым, — он выходит и входит обратно, медленно, доставляя удовольствие. Я чувствую, как он разделяет меня, открывает меня, берет меня, заполняет меня, затем оставляет меня... я стону и близка к тому, чтобы умолять его вернуться внутрь, когда он это делает... входит... движется внутрь... мышцы его рук, его кельтские татуировки и его "Б" пульсируют при его движении. В третий раз он поднимает мои руки над головой и толкается сильнее, заставляя подергиваться мою грудь.

Я вскрикиваю, а он заглушает звук своим ртом, и я глубоко дышу, вдыхая его запах.

— Я люблю тебя... — тяжело выдыхаю я.

Он останавливается во мне, тяжело дыша. Низкий гортанный звук разрывает его горло, когда он поворачивается и начинает облизывать мое ухо. Затем он обнимает меня, будто пытаюсь защититься, подбирает ритм — быстрый, решительный, грубый и первобытный.

Я чуть не кричу, когда наклоняю бедра, поворачиваю голову к его уху, тяжело дыша, когда он пробует на вкус мою шею, сжимает мою грудь, трахает меня жестко и быстро.

— О Боже... Ремингтон... Ремингтон...

Он упирается своим лбом о мой, когда бедрами продолжает умело вбиваться в меня; затем подносит палец и начинает ласкать мой клитор, в то время, как его член движется внутри меня, твердый и пульсирующий. Я освобождаюсь и раскалываюсь, безудержно содрогаясь, когда он дарит моим губам чрезвычайно горячий поцелуй. Любовь, страсть, необходимость проносятся сквозь меня, когда я кончаю и содрогаюсь под ним.

— Хорошо? — спрашивает он, замедляя движение, когда я продолжаю кончать.

— Да! — кричит ему каждая частичка меня. Я выгибаюсь к нему и слегка покачиваюсь, желая большего, желая его. Он рычит, будто не может сдержаться и выходит, затем входит обратно, двигаясь жестче, держа меня одной рукой за талию, когда я извиваюсь, а он держит меня на месте, входя в меня. Со стоном я говорю:

— Реми.

Его глаза обжигают меня, когда он проводит рукой вниз по моему горлу, между моей груди, затем наклоняется, чтобы снова меня облизать.

— Моя, — нежно шепчет он, напоминая мне.

— Твоя, твоя, — произношу я, когда во мне возрастает оргазм.

Он прижимается носом к моему уху, издавая рычание, когда кончает, горячий, во мне, его массивное тело на мне. Гортанный животный звук вырывается из его уст перед тем, как он снова шепчет:

— Моя.

После того, как он кончает и минуту держит меня, он берет меня на руки, находясь все еще во мне, и я утыкаюсь носом в его шею. Он несет меня на кухню, хватая одной рукой два

зеленых яблока, затем одно дает мне, в том же положении возвращаясь со мной в спальню.

Я с хрустом кусаю яблоко, когда мы располагаемся под одеялом, он так же кусает свое с большим хрустом. Мы немного целуемся, и на вкус он, как сочное лимонное яблоко. Он первый съедает свое, затем слизывает сок с уголков моих губ. Я предлагаю ему свое яблоко, потому что подозреваю, что он все еще голоден. Он откусывает большой кусок, улыбаясь мне, когда я кусаю в том самом месте, где и он.

Его ноги неустанно двигаются под простыней, и я знаю, что мой перевозбужденный Реми сегодня не будет спать, но если он хочет заниматься со мной любовью всю ночь, он может. Я надеюсь, что он так и сделает. Я двигаюсь, чтобы удержать его все еще в себе, в то время, как мы оба едим мое яблоко, одновременно кусая его с противоположных сторон. Мы смеемся в унисон, и я говорю ему:

— Прямо сейчас наш ребенок размером со сливу.

— Сливу? — он открывает рот, так что я даю ему яблоко, и пальцами свободной руки показываю размер сливы.

— Сливу, — повторяю я.

— Такой маленький, — нежно говорит он, скользя одной большой рукой к небольшому изгибу моего живота.

— Такой маленький, — выдыхаю я, свернувшись возле его большого тела со вздохом, слушая, как он доедает мое яблоко, и позволяя ему слизать все капли сока, что попали на мою кожу.

Глава 15

Как повалить дерево

Ремингтон по уши влюблен в мой четырехмесячный животик. Который становится видимым и он в восторге от этого. Даже больше, чем в восторге. Я тоже в восторге — просто обожаю свой беременный животик! Я чувствую себя превосходно. Больше никакой тошноты. И теперь я будто "свечусь", хотя, думаю, это из-за того, как Реми занимается со мной любовью, ну и, конечно же, из-за ребенка.

Каждое утро он измеряет мой животик руками, пока я изучаю себя в зеркале в полный рост. Чем бы он ни занимался (принимает душ, чистит зубы), он подходит осмотреть меня, он обнимает меня и измеряет, а его взгляд светится гордостью. Этим утром у него хриплый голос. Мы только что проснулись, и он лежит голый позади меня, его стройное, сильное тело прекрасно видно в зеркале, которое стоит возле меня, потому что он наклонил свою темную голову, чтоб уткнуться в меня носом.

— Думаешь, ты хорошо питаешься? — шепчет он мне на ухо прямо перед тем, как прижать к себе и коснуться губами ложбинки на моей шее.

— Я не собираюсь питаться, как ты! — упираюсь я, поворачиваясь в его руках и обхватывая пальцами его шею, ухмыляюсь, как влюбленная дурочка, какой он меня и сделал. Я шутливо тыкаю в его ямочки.

— Мы уже определились, что у тебя проблемы. Ты просто хочешь, чтобы каждый знал, что я беременна и занята.

Он поднимает меня так, что наши губы находятся на одном уровне и оставляет на них крепкий поцелуй, сдавливая меня:

— Так и есть!

Сегодня в зале он хочет показать мне, как опрокинуть его (или, точнее, любого, кто будет мне угрожать). Теперь, заручившись одобрением врача, я хожу и даже немного бегаю, и чувствую себя на все сто. Но от чего мне действительно становится хорошо, так это от того, как Ремингтон смотрит на меня. "Я — владелец этой сексуальной красотки, это моя женщина, это мой ребёнок." Я читала, что это полностью нормально, когда во время беременности женщина возбуждена и обеспокоена, но я действительно испытываю жгучее желание сорвать всю его одежду и наброситься на его сексуальное тело от одного его запаха. Собственно, это я и делаю, по крайней мере, дважды в день, к его огромному удовольствию.

Он не был темным уже два месяца с тех пор, как я здесь, но он что-то замыслил с Питом и Райли. Тот факт, что эти трое так скрытничают, беспокоит меня. Я думаю, что это связано с Норой, но когда я сказала ему: "Реми, Нора оставила мне эту записку. Она не хочет, чтобы мы что-то делали, я бы могла просто подождать до финала, и поговорить с ней," — он лишь усмехнулся и сказал: "Оставь это мне, хорошо?"

Но всё совсем не хорошо.

Я до смерти испугалась.

Этим утром у него было странное собрание с Питом и Райли в нашей гостиной. Он посмотрел на меня и тихо спросил: "Я могу остаться наедине с парнями на несколько минут?" С тех пор, я очень волнуюсь по поводу их планов.

И это единственная причина, почему мне не нравится быть беременной. Я презираю то, что ко мне относятся, как к слабоумному и хрупкому цветку.

Нет, сэр. И сегодня я докажу это в зале, когда, повалю с ног Ремингтона Тейта, несмотря на беременный животик.

Я смотрю, как он качает пресс, его дыхание быстрое и четкое, вдох-выдох, вдох-выдох. Я наблюдаю, как он делает три подхода со скакалкой и три подхода "боя с тенью" — мах, удар, мах, удар, защита, уклонение... его потная грудь идеальна, интенсивность, с которой он тренируется, возбуждает меня. Тренер кричит на него с боковой линии, а Райли замеряет его скорость и делает пометки в блокноте.

К тому времени, как взмокший Ремингтон подзывает меня кивком головы, я возбуждена до предела.

— Готова?

Кивнув, я забираюсь на ринг к нему.

На мне один из моих комбинезонов, с молнией прямо посередине. Его глаза исследуют меня, и я клянусь, все мое тело горит от его взгляда. Он поднимает взгляд обратно к моим глазам.

— Готова? — говорит он охрипшим голосом.

— Ты не представляешь, насколько я готова. Я собираюсь надрать тебе задницу, и это будет просто изумительно.

— Сначала ударь меня по ногам, а потом уже и по заднице, — он притягивает меня ближе, его дыхание обжигает, он шепчет мне на ухо. — Чтобы меня повалить, нужно вывести меня из равновесия. Если я или кто-то другой, тяжелее тебя, балансирует, то ты никогда не собьешь его с ног.

— Хорошо, — говорю я. Он отодвигает меня в сторону, так как единственный, кто может потерять равновесия, находясь возле него, так это я.

— Бьешь меня по голени, я теряю равновесие, тогда ты сгибаешь ноги, как в прошлый раз, и бьешь меня по самому слабому месту в ступне — посмотрим, как ты справишься на этот раз! Давай, толкни меня, а затем сбей с ног.

Нервы, словно бабочки, начинаю дрожать внутри меня, я тяжело вздыхаю и закатываю глаза:

— У меня такое чувство, что я опять покалечусь. Ты все такое же дерево, Ремингтон.

— С раздолбанными голенищами, — он машет мне, его губы изогнулись в довольной усмешке, а ямочки сексуальные и игривые. — Давай же. Сохраняй свое равновесие и попытайся выбить меня из моего.

Я смотрю в его игривые, сверкающие голубые глаза, и в это время мое сердце наполняется любовью, накрывающей меня полностью.

— Если я причиню тебе боль, то это будет противоречить всем моим инстинктам, — говорю я драматично, будто и правда, верю в то, что смогу навалить ему.

— Ты не причинишь мне боли, даже чуть-чуть, — смеётся он.

Затем я обхватываю его за челюсть и целую в губы, перед тем, как отойти и размять ноги.

— Ладно, моя гордость говорит, что это должно быть сделано. Что, если бы ты был Скорпионом?

Он хмурится:

— Ты отшвырнёшь его, детка, я серьезно. Давай же, потряси меня, маленькая петарда.

Я делаю это. Я бью его по голени, вкладывая весь свой вес в удар, пока не слышу его "ауч". Затем я так быстро замахваюсь ногой, что достаю до задней части его ноги и на

мгновение, чувствую его падение. Но он всё еще Ремингтон Тэйт, и он с легкостью удерживается на ногах. Он возвращается в ровную стойку, тем самым выводя меня из равновесия. Я взвизгиваю, начиная падать, а он мгновенно подхватывает меня, завалившись на спину, тем самым облегчая моё падение.

Мы хихикаем и садимся.

— Ты позволил мне выиграть, — сужая глаза, обвиняю я его.

Он качает головой.

— Нет, ты все сделала сама, — уверяет он, качая головой.

— Ты большой и невозможный лгун, — пихаю я его.

Он смеётся и, садясь ровнее, удерживая меня на своих коленях, откидывая мой хвостик назад.

— Встаем? — спрашивает он меня, поглаживая мои щеки.

— Мы — нет, — я вдыхаю, затем мягко говорю ему на ухо так, чтобы слышал только он, — а вот у тебя, похоже, уже.

Он смотрит на мой рот, и я подвигаюсь ближе к нему. Он наклоняет голову и вдыхает мой запах, я чувствую, как мурашки бегут по моей коже, когда его нос соприкасается с задней частью моей шеи.

— Тебе нравится участвовать в спаррингах со мной? — вкрадчиво спрашиваю я, вцепившись руками за его плечи, становясь всё более взволнованной и возбужденной, так как ощущаю его огромную эрекцию подо мной.

— Хммм, — произносит он, поднимает руку и хватается меня сзади за шею, — мне нравится соревноваться с тобой так, как сейчас...

Он мягко целует меня и направляет свой язык мне в рот, и я чувствую электричество, проходящее от его языка через все мое тело. Он мокрый из-за своей тренировки, а на вкус он горячий и будто томимый жаждой. Но я чувствую себя еще жарче, испытываю жажду сильнее, пока хватаюсь за его грудь, его мускулы гладкие и сильные, и я сижу на нем верхом.

Он зажимает в кулак мой хвост и, удерживая меня на месте, пока слегка наклоняет свою голову, хрипло говорит:

— Райли...

— Да, я скажу тренеру, — Райли не может сдержать смех в своем голосе, принеся полотенца и воду, прежде чем направиться к выходу.

— Ремингтон... — упрекаю я.

Он целует меня в уголок рта своими вкусными губами, пока нащупывает застёжку на моем комбинезоне. Райли кричит тренеру:

— Эй, тренер, нам пора бежать, чтобы парень мог провести персональную тренировку с Брук! — они исчезли в дверях зала, и, как только послышался щелчок замка, Ремингтон начал возбужденно водить своими губами по моей шее.

— Невозможно быть такой прекрасной, — бормочет он и чувственно скользит своими руками вдоль изгиба моего позвоночника.

— В этот раз мы остановимся на поцелуях, потому что нереально достать меня из этого костюма, — шепчу я.

— Без проблем, — говорит он и облизывает меня. Он целует меня, держа за шею. Затем свободной рукой он расстегивает молнию моего комбинезона. Я извиваюсь и стою, потому что мы никогда не занимались этим, когда я была так одета.

— Все получится, хоть и будет не просто.

— Давай-ка освободим немного места для меня, — он жарко шепчет мне в губы, дотягиваясь до моих бедер и стаскивая ткань с каждой ноги; затем он дергает и разрывает мой комбинезон прямо по шву. Открытыми участками кожи я чувствую прохладный воздух и огонь внутри меня. Он засовывает руку в разрыв и говорит:

— Держись за мою шею, — он тянется, чтобы снять мои штаны. Он разрывает их, а потом стягивает через разрыв. Его глаза мерцают, и пик возбуждения уносит меня, как шторм.

— Ох, пожалуйста.

— Притягивая его голову ближе к себе, я хватаю его прекрасные губы, мои бедра отчаянно двигаются над ним.

Он поднимает меня на секунду, потом снимает свои спортивные штаны и возвращает меня вниз. Его рука на моём бедре, и в ней одной столько силы, что он опускает меня и сажает на него. Большой. Горячий. Твёрдый. Мой. Я стону и лижу его шею, сжимаюсь вокруг него. Он притягивает меня за голову и целует жестче. Он движется, любит, поднимает и опускает меня одной рукой, другая находится на моей шее. Его рот сильный и властный, вкусный, отступающий, дразнящий.

Я кончаю сильно и жестко, его руки удерживают, как тиски, пока я бьюсь в конвульсиях, обхватив его. Он тихо рычит и позволяет мне вобрать его полностью. Затем он поднимает меня и несет через ринг, опуская меня на канаты. Он придерживает меня одной рукой, ни на секунду не выходя из меня. Он снова начинает двигаться. Я мягко стону. У меня такое чувство, будто я плыву и подвешена в воздухе на волоске. Мы обнимаем друг друга и его член во мне. Мои волосы, собранные в хвост, бьются о мою спину, шея выгибается, а он пожирает её. Я мяукаю от того, как он двигается, впиваюсь пальцами в его мощные руки, чувствую, как сгибаются его бицепсы, и сжимаю его тело, пока он пульсирует во мне.

Мы не разговариваем. Нам и не нужно слов, чтобы разговаривать; мы общаемся по-другому. Я поднимаю голову, кусаю, облизываю и задыхаюсь. Я слышу его дыхание. Чувствую его мускулы, и он движется во мне до тех пор, пока я не кончаю снова. Он никогда не делает это раньше меня, а всегда ждет, воспаляет и следит за мной. Его глаза темнеют, пока он смотрит, как я кончаю. Он начинает двигать челюстью, его тело твердеет, так как он проникает всё глубже, а потом взрывается. Он полностью во мне, я сжимаюсь вокруг него, обнимаю, пульсирую и хватаю его.

Вместо того, чтобы ослабевать, мы сильнее сжимаем друг друга.

— Оставайся во мне, — молю я. Я стараюсь успокоить дыхание, ногти впиваются ему в плечи.

Он притягивает меня поближе и кладет голову мне на грудь. Он тяжело дышит, будто моя кожа — его воздух, потом слегка прикусывает верхнюю часть моей груди.

— Я хочу жить в тебе, — говорит он своим хриплым, нежным голосом, который заставляет меня таять. Он прижимает меня еще крепче и лижет укусы, царапая мою кожу челюстью.

— Боже, я хочу умереть в тебе.

Вместо костей у меня желе, я расслаблена, но даже сейчас я чувствую прилив энергии, будто во мне торнадо.

— Ты такой собственник, я знаю, что ты возьмешь меня с собой.

— Нет, я никогда не причиню тебе боль.

Я мягко посмеиваюсь.

— Это не будет твоим выбором. Ты возьмёшь меня с собой, потому что так хочу я. Ты стал для меня всем, Ремингтон Тэйт, это путь который я выбрала.

На его лице видна боль, он водит костяшками пальцев вдоль моей челюсти.

— Нет, Брук. Я буду защищать тебя от всего, и даже от себя.

Мгновение мы смотрим друг на друга, и решимость защищать меня в его глазах только убеждает меня в том, что, чтобы ни случилось, моя жизнь всегда будет связана с ним, не важно, плохо будет или хорошо. Я буду идти с ним рядом, идти, бежать, сражаться, цепляться и воплощать его мечты, которые сейчас становятся и моими.

— Как ты и сказал, я буду любить тебя, даже если это убьёт нас, — шепчу я, и глажу его лицо. — Все мы умрем. Я лучше умру, любя тебя до последнего вздоха.

— Детка, это я буду любить тебя до конца, — хрипло говорит он, сжимает меня, заставляя смеяться от переполняющего меня счастья..

— Реми, где родится наш ребенок?

Он поднимается и несет меня на руках через ринг, но мои ноги все еще обхватывают его.

— Там, где ты захочешь. К тому времени сезон закончится. Я отвезу тебя, куда пожелаешь.

— Я подумала, что могла бы и дальше снимать квартиру. Сначала я не собиралась продлевать аренду, но решила, что будет правильно иметь свой дом. У меня есть спальня, в которой я занималась йогой, мы могли бы превратить её в детскую. Мелани все украсит.

Мы садимся на стул в углу ринга, где стоит корзина с полотенцами и напитки, ожидающие нас. Он хватает полотенце, усаживает меня к себе на колени, и начинает медленно вытирать, его профиль спокойный и расслабленный.

— Я попрошу Пита, чтобы он возобновил договор на год, пока мы не подыщем что-нибудь другое. Ты можешь взять карточку, которую я дал тебе, и всё ею оплачивать.

Я обнимаю его и тыкаю в ямочку на щеке.

— Так что, я продолжаю быть вашей подругой и сотрудницей? Официально?

Он хватает меня за шею, запрокидывая голову назад, прокладывает путь от моего подбородка до рта и грубо овладевает им.

— Официально ты Моя.

— Будем ли мы записываться на обычный прием к врачу, чтобы сделать прививки, или найдем доктора, который подстроится под наш график? К тому же так много доказательств, что вакцины могут спровоцировать аутизм, — говорю я Ремингтону как-то ночью.

Я ем тонны овощей. Я прочла, что овощи разных цветов снабжают организм различными антиоксидантами. Зеленые овощи дают одни, а фиолетовые и оранжевые — другие, поэтому я ем радугу каждые утро, обед и вечер. Все лучшее для ребеночка Ремингтона.

Сейчас ананас для меня самый главный. Это все, что я хочу есть. Как только мы приезжаем в новое место, Ремингтон заказывает Диане доставить все органические ананасы в округе. Я кидаю их в блендер с бананами и делаю смузи. Я ем их с кайенским перцем. Диана делает для меня соте с ананасами и небольшим количеством индейки. Я с ума схожу по ананасам, а Ремингтона это невероятно забавляет и умиляет.

— Мне кажется, это девочка, — вчера сказала мне Диана, — потому что ты хочешь сладостей. Но ты выглядишь слишком хорошо. Когда у тебя девочка (по крайней мере, когда

я была беременна своими девочками) то выглядишь, как дерьмо.

— Почему?

— Девочки крадут твою красоту. И любовь твоего мужчины, — она улыбнулась, с любопытством изучая мой живот, — Но я ни на что не променяла бы своих девочек. Ты уже проделывала ту штуку с ниткой и кольцом?

— Нет, — отвечаю я, и она объясняет, как обернуть нитку вокруг кольца и держать над животом, наблюдая — если будут круги, значит мальчик, а если линии, то будет девочка. Это звучит глупо, но, конечно же, сейчас я лежу голая на кровати и держу кольцо, которое позаимствовала у Дианы, над своим животиком. Ремингтон играет в шахматы на iPad, наши головы соприкасаются, пока он занят своим делом, а я своим. Через несколько недель мы собираемся в Остин, и это делает его беспокойным, потому что он не высыпается.

Я действительно поразились тому, что он играет в шахматы, чтобы сконцентрироваться. Все те ночи, когда он был беспокойным, он хватал свой iPad, оставлял меня отдыхать, и шел играть в шахматы, но я даже не догадывалась.

Сейчас я держу кольцо на ниточке, а он говорит мне:

— Мы найдем доктора, который будет нам подходить и скажем, чтобы он поработал со схемой нашей вакцинации, — я киваю, и наконец, пристроив кольцо над животом, и смотрю, как оно двигается.

— Это круг или линия? — спрашиваю я.

Он прекращает играть, и откладывает iPad в сторону, чтобы посмотреть. Я думаю, это мальчик, потому что он располагается внизу и спит в левом боку, а мои волосы густые и блестящие, но я не уверена, насколько правдивы эти бабушкины сказки.

— Оно, то крутится, то становится в линию, — говорю я про это чертово кольцо, смеясь.

— Это провал, — пишу я, когда он хватается за подмышки и притягивает к себе.

— Кого ты хочешь? — спрашивает он, растягивается подо мной и заправляет прядь волос мне за ухо.

— Мне все равно, просто очень любопытно.

— Ты можешь узнать, — говорит он, целуя кончик моего носа, — я отведу тебя к доктору, и ты узнаешь, но я не хочу, чтобы ты мне говорила.

— Почему ты не хочешь знать? — я скольжу по нему руками и заглядываю в его голубые глаза. — Ты боишься, что полюбишь его слишком сильно, прежде чем встретишься с ним?

— Чтобы они не сказали, мы не будем в этом уверены на все 100, пока не будем держать его в руках, — он лег на спину и потянул меня на свою сторону. Он обхватывает мой затылок, укладывая меня лицом к своей шее, в этот особенный для меня изгиб, я закрываю глаза и легко лижу его так, как ему нравится. Он такой большой, он любит так страстно, сражается так отчаянно. Я даю ему то, чего у него никогда не было, и он даже не догадывался, что ему это необходимо. Он боится надеяться...

На следующий день я стою в стороне и смотрю, как он бьет тяжеленную грушу. Удар. Удар. Удар. Я выполняю некоторые упражнения на растяжку из йоги, когда чувствую явный удар внутри меня. Я перестаю дышать. Я чувствую это снова. Не двигаюсь, и чувствую это опять. Это не пузырек. У меня такое чувство, что кто-то внутри меня бьет кулаком так же, как и его папочка бьет эту тяжеленную грушу.

Мое сердце выпрыгивает, и стук отдается в моих ногах.

— Ремингтон. Реми! Ремингтон чертов Тэйт!

Он раскачивается вокруг и останавливает качающуюся грушу одной рукой.

— Почувствуй это! — я снимаю его перчатку трясущимися руками, отбрасываю её в сторону и кладу его руку мне на живот. Мое сердце отстукивает бешеный ритм. Давай же, малыш...

Ремингтон хмурится, он в замешательстве. И тут ребенок бьет.

Он сужает глаза и прижимает свою руку к моему животу еще ближе, и поднимает взгляд на меня:

— Это...?

Я киваю.

Внезапно он сверкает белоснежной, захватывающей улыбкой. Его ямочки глубже, чем я когда-либо видела, а голубые глаза яснее, чем море на Таити. Он наклоняет голову, как будто хочет поговорить с малышом.

— Скажи ей, чтобы сделала это снова, — шепчет он.

— Она не обращает на меня никакого внимания.

Мои губы растягиваются в улыбке, и я игриво подталкиваю его.

— И это он. Потому что мои волосы блестящие и у меня низкий животик. И у него хороший удар. Может быть, если ты хорошо его попросишь, он покажет тебе несколько движений.

— Ударь для папы и подвигайся, давай же! — кричит тренер с другой стороны от груши.

Реми ухмыляется мне, тут подходит Райли своей ленивой походкой мальчика-серфера.

— Он двигается? Господи, я обязан почувствовать это, — он протягивает руку.

— Не трогай, — рычит Реми и отталкивает его руку в другую сторону.

— Чувак, она мне, как сестра.

— Руки прочь, Райли. — предупреждает он и отталкивает его одной рукой.

Райли заливается смехом в то время, как Ремингтон хватает меня ближе к себе одной рукой, а другой держит меня за живот. Мы смотрим друг на друга, и, как два чудака, ждем, когда малыш начнет двигаться.

Когда ребеночек делает это снова, он раздражается смехом. Я переполнена любовью и обнимаю его.

— Это для тебя достаточно реально? — я дышу, улыбка расцветает на моем лице. Я прижимаюсь к нему головой, и мой нос улавливает запах его мыла и пота.

— Черт, это как раз нереально, — шепчет он. Его глаза наполнены радостью и, как будто это конкурс на скорость, он целует мой лоб, нос, щеки и подбородок. Затем он хватается за талию и подкидывает в воздухе, я пишу, и он подхватывает меня.

— Ремингтон Тэйт, ты единственный человек, который подбрасывает свою беременную девушку в воздух!

— Она моя маленькая петарда и ей это нравится! — он снова меня подкидывает.

Этой ночью мы впервые давали послушать малышу его первую песню. Реми приложил наушники к моему животу и включил Creed's "With Arms Wide Open."

Слова песни обращены к ребеночку, что ему покажут весь мир и примут его "с распростертыми объятиями". И я клянусь, что чувствую, как комфортно ребеночку, пока его сексуальный и прекрасный папа растянулся возле меня и начал целовать.

— У нее мой удар? — хрипло спрашивает он между мягкими поцелуями. И мы слышим

играющую музыку в моем животике.

— У него определенно твой удар. Безусловно, у него все твое. — мягко дразню его я и глажу челюсть.

Он смеётся:

— Все мое?

— Все это. Все. Вся моя жизнь. — я говорю это с драматическим видом, и заметно, что я сильно преувеличиваю. Но его улыбка настолько ослепительная и широкая, а огромное львиное эго не вмещается в этой комнате. Я поглаживаю его по челюсти и смеюсь. По какой-то причине, я должна сказать это опять, смотря на эту его огромную и широкую улыбку.

— Да, Реми, это действительно, все твое.

Глава 16

Остин ждёт

— В общем, все говорят о том, что девушка Разрывного беременна, — говорит Пит во время нашего полета в Остин.

Теперь Жозефина тоже летает с нами, и сегодня она сидит с Питом, Райли и Ремингтоном в одной секции гостиной, в то время, как Тренер — на скамье, а Диана и я занимаем другую секцию гостиной. Реми с парнями, кажется, обсуждают мою безопасность на двух боях в Остине. Судя по всему, мы приближаемся к полуфиналу, так что Скорпион теперь будет драться в те же вечера, что и Ремингтон.

Часть меня с нетерпением ждет, столкнемся ли мы с Норой на боях, в то время, как другая часть меня боится исхода такой встречи.

Реми в мрачном, плохом настроении, чрезмерно озабочен безопасностью. Тот факт, что его долбанутые родители живут в Остине, и то, что он продал дом, в котором мы обычно останавливались, несомненно, раздражает его. Пит снимает еще один дом, чтобы держать нас подальше от СМИ, но Ремингтон не унимается. Знаю, что ему не нравится мысль о том, что я буду находиться в том же городе, что и Скорпион, и тем более, с тем же почтовым индексом.

Пока я показываю Диане цветовые палитры для детской комнаты, присланные Мелани, слышу голос Ремингтона, низкий (будто он не хочет, чтобы я услышала), но властный.

— Если кто-то приблизится к ней, или даже плохо на нее посмотрит, немедленно позаботьтесь об этом.

Краем глаза вижу, как Пит мрачно кивает и разглаживает рукой свой черный галстук.

— Не волнуйся, Рем, я буду защищать ее, как если бы она была моей.

— Она не твоя, придурок. Она МОЯ.

— Мистер Тэйт, — перебивает Жозефина, — я буду на чеку, постоянно проверяю, чтобы ей ничто не угрожало и ее не беспокоили.

— Мне действительно очень нравится эта сине-зеленая палитра, — говорит мне Диана, отрывая меня от разговора по другую сторону самолета.

Повернувшись назад к изображениям, я грустно говорю ей:

— Я бы хотела, чтобы та штука с кольцом на нитке сработала. Ремингтон не хочет знать, а я не хочу узнать от доктора и случайно проговориться.

— Эй! — кричит Райли с другой секции. — Как вы, ребята, его назовете?

Плечи Ремингтона сгорблены, когда он наклоняется, чтобы посмотреть, что Пит показывает ему на своем телефоне. И я не думаю даже, что он слушает меня, но все же отвечаю:

— Для мальчика я пока ничего не смогла придумать. Но я знаю идеальное имя, если это девочка.

— Да? И какое? — спрашивает Райли с любопытством, опираясь назад на руки.

— Айрис, — мягко говорю я. Ремингтон мгновенно поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Интимность его взгляда обжигает меня, как будто в меня врезается волна страсти и любви.

— Мне нравится Айрис, — хрипло говорит он, одобрительно кивая.

Питу требуется намного больше усилий, чтобы снова заставить Ремингтона

сосредоточится на том, что он показывал ему на своем телефоне, так как Ремингтон продолжает смотреть на меня с другого конца самолета. Я тоже не могу сконцентрироваться на том, что говорит мне Диана, поскольку продолжаю смотреть на него в ответ.

Это просто кажется неправильным, что между нами находятся все эти сиденья, мой Айпод находится в сумке, а мой парень так далеко.

Он еще наклоняется в своем кресле, насколько это возможно и через проход самолета вытягивает руку, раскрывая свою большую ладонь. Я сцепляю свои пальцы с его, и теперь все снова кажется правильным. Он продолжает заниматься своими наставлениями, я же продолжаю разговаривать с Дианой о ребенке, и мы держимся за руки через проход.

КОГДА МЫ С ПИТОМ заняли свои места в Андеграунде, в Остине, я имела несчастье заметить, что напротив, через ринг, за нами наблюдают двое громил Скорпиона. Я удивленно моргаю и сразу же осматриваю толпу в поисках Норы.

Я нигде не могу ее найти, и когда мое внимание возвращается к громилам, обнаруживаю, что они все еще сосредоточены на нас.

У одного из них бритая голова, а другой гордо носит тату скорпиона на щеке, точно как и его босс носил до того, как Ремингтон вырезал ее в день, когда пошел за Норой.

Нора. .

От мысли о ее дружбе со Скорпионом и его приспешниками мне становится плохо, и к сожалению, эта мысль приходит ко мне с ощущением тысячи лап, ползающих по моей коже. Я разрываюсь между несколькими позывами: к рвоте, убежать прочь или пойти к этим отморозкам и требовать от них, чтобы сказали мне, где находится моя сестра. Такое чувство, будто компас сошел с ума и я не знаю что делать, куда идти, или как реагировать, так что я вместо этого сижу здесь и наблюдаю за ними, чувствуя себя маленьким кроликом, даже когда Пит сидит рядом, вооруженный до зубов небольшими гаджетами.

Когда двое мужчин медленно поднимаются и начинают обходить ринг, осознание того, что они направляются прямо к нам, сжимает мои легкие. Мое сердце свирепо бьется о грудную клетку, в то время, как все внутри меня в полном ужасе.

Напряженный Пит, сидящий на своем пластиковом стуле, шепчет мне:

— Они, вероятно, будут смотреть бой Скорпиона позже, или же они шпионят за Ремингтоном. Проверяют, как он бьется, есть ли видимые повреждения. Пожалуйста, ради Бога, не предпринимай ничего и игнорируй их.

Я смотрю, как двое из них останавливаются перед нами и у меня засосало под ложечкой.

— Не двигайся, Брук, — вполголоса предупреждает Пит.

Отчаянно осознавая в своем маленьком круглом животе примерно шестимесячного ребенка, я опускаю глаза вниз на цементный пол, в то время, как во мне расширяются кровеносные сосуды. Мои ноги дрожат, когда я бережно обнимаю руками нашего ребенка, чье биение сердца мы уже слышали, и кого я хотела бы держать так далеко от этих парней, насколько это возможно.

Но эти двое — из тех подонков, которые пытались спровоцировать Ремингтона к драке в клубе в прошлом сезоне. И я делаю вид, что не вижу их, когда практически могу почувствовать их зловоние, что противоречит всем моим инстинктам пнуть их по яйцам.

— Привет, сучка Реми. Не хочешь нас поцеловать? — насмехается один из них.

Ярость и бессилие переполняют меня изнутри, когда ряды сидений начинают заполняться вокруг нас, и я заставляю себя не отрывать своих глаз от их ног, надеясь, что они уйдут, или, что Пит, наконец, найдет в себе мужество и что-то сделает.

— Рекомендую вам свалить, — спокойным тоном говорит Пит.

— Мы не к тебе обращаемся, доходяга, мы разговариваем со шлюхой. Она не помнит, как ее киска становилась такой влажной, как кожа тюленя, когда босс заставил ее поцеловать его? Именно в этот самый момент твою младшую сестру хорошенько и жестко трахает босс, прямо на глазах у всех других его девушек.

Я резко поднимаю голову, когда мое тело вспыхивает от унижения. Поерзав на сидении, стискиваю зубы и сжимаю руки в кулаки по бокам, желая иметь пару бутылок, чтобы разбить об их черепушки.

— Возвращайтесь к дыре, откуда выползли и скажите своему засранцу боссу, что Разрывной собирается закопать его в этом году! — прошипела я.

— Брук, — Пит предупредительно хватая меня за локоть, в то время, как те два козла смеются.

— Хочешь, чтобы мы передали ему то, что ты сказала? Последняя из шлюх Реми? — лысый плюет на землю в сантиметре от моих ног. — Хочешь, сука?

— Предупреждаю вас, парни, уходите, — повторяет Пит, поднимаясь на ноги, засовывая руку в пиджак.

Я — в режиме максимальной обороны, кровь стучит, когда я показываю им средний палец.

— Непременно. Скажите ему, пусть проваливает и, что скоро он пожалеет, что не оставил мою сестру в покое.

Внезапно Жозефина хватая парней за шиворот и обманчиво спокойным голосом спрашивает:

— Ищите настоящую женщину, джентльмены?

Пит тянет меня с места и тащит по ряду вниз, в то время, как мое сердце бьется с такой силой, что я едва могу дышать.

— Что это было? — разворачивает меня Пит, его глаза горят в негодовании. — Немного перцового аэрозоля в моем кармане заставляет тебя чувствовать себя чертовски смело?

— Пит, ты ведешь себя, как девчонка. Почему ты не воспользовался им? Они дышали нам в шею!

— Брук, один небольшой нюанс! Ты не можешь провоцировать этих чуваков! Если они вернуться во время боя Ремингтона, и он увидит, что они находятся в двух шагах от тебя, он покинет ринг и его дисквалифицируют, а это последнее, что нам нужно... — он замолкает, делает глубокий вдох и хмуро смотрит на меня. — Что он сказал тебе делать, только что в раздевалке? А?

Я ясно помню просьбу Ремингтона, и моментально мой голос понижается:

— Строго сидеть на своем месте.

— Ну что ж! Ему, может, и нравится, что ты маленькая петарда, но я не хочу, чтобы ты взрывалась на моих глазах, и конечно, не хочу обжечься.

— Пит, Реми не хотел бы, чтобы я сидела с опущенной головой, когда эти два придурка обзывают меня. Я уверена, что он бы не ожидал от меня, что я не буду ничего делать.

— Он не ожидает, что ты не будешь ничего делать, вот поэтому он назначил меня

попытаться держать ситуацию под контролем.

— Если бы он был на твоём месте, он бы что-то сделал, и я тоже, если бы не была беременной!

— Я не чертов Разрывной, Брук. Посмотри на меня! — Пит указывает на себя в черном пиджаке с галстуком. — Признаю, что не вынашиваю ребенка и мог бы использовать на них одну из тех маленьких игрушек, что на мне, но это бы вызвало панику и беспокойство, так что, когда Реми выйдет, то заметит, что что-то случилось возле тебя и отменит бой. Нападение — это не всегда лучший выбор. Вот ведь...

— Пит, извини, я поняла. Пойдем сядем, я просто рада, что они ушли, — говорю я, и мы оба выдыхаем, возвращаясь к нашим местам и присаживаемся, чтобы смотреть, но мои руки до сих пор трясутся от адреналина, стучащего в моих жилах.

Помещение переполнено людьми к тому времени, как в динамики объявляют первый бой.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, дамы и господа. . — слышу я.

Нас окружает шум и возбуждение, когда мы наблюдаем за тем, как бойцы приходят и уходят. Снова видеть всю эту кровь, слышать звуки столкновений костей — из-за всего этого я начинаю нервничать.

Реми. . о Боже. От одной мысли о том, как он мог столкнуться со Скорпионом в раздевалках, уровень моей нервозности подскакивает к потолку.

Я делаю вдох и выдох, когда Пит говорит мне:

— Знаешь что, Брук? Он сказал мне, что не хочет, чтобы кто-нибудь смотрел на тебя, так что ты права — он бы хотел, чтобы я немедленно убрал их от тебя так далеко, насколько это возможно. Но я не могу выполнять все буквально. Я пытаюсь держать ситуацию под контролем. Пожалуйста, пойми, что я должен быть здесь с трезвой головой.

— Я понимаю, Пит, но ты, — говорю я, подчеркнуто, — как заряженное ружье без пускового механизма.

— Мы ведем прямые переговоры со Скорпионом, Брук, — говорит он вполголоса. — Последнее, что я хочу, это усугубить ситуацию, это только дороже обойдется Ремингтону.

— Что? — я широко раскрываю глаза. — Тебе известно что-нибудь о Норе?

— Только то, что на этот раз об этом заботится Реми, и ты не должна быть в это замешана, — он поджимает губы и многозначительно кивает, а я даже не могу поспорить, потому что как раз объявляют Ремингтона, его имя взрывается в динамиках и по всей толпе.

— Да, сэр, дайте этим людям Разрывного! — кричит диктор и толпа ревет: "РАЗРЫВНОЙ!".

Мое сердце пропускает удар, сознание немедленно смещается, чтобы сосредоточиться на вспышке красного, приближающейся к рингу.

Этот бой сегодня такой значимый. Не только потому, что мы услышали, что Скорпиона дисквалифицировали за использование кастета в драке прошлой ночью, и потому что Ремингтон находится на первом месте по количеству очков, а и потому, что я знаю, что Остин — это место, где он родился и где, как он сам считает, был отвергнут. Но не этой толпой. О нет. Этой толпой никогда.

Звуки кровожадных криков отражаются в арене, когда Реми запрыгивает на ринг, принося с собой цвет в это пустое и скучное место.

— Если сегодня у него все пройдет без потерь, он оставит Скорпиона далеко позади. Это хорошие новости, — говорит мне Пит.

Я возбужденно киваю, сейчас мои глаза не сосредоточены ни на чем другом, кроме Реми.

Райли с тренером занимают свои места в углу, пока Ремингтон снимает и передает свою накидку "РАЗРЫВНОЙ".

В то время, как объявляют его соперника, Реми поднимает руки и улыбается своей публике, затем указывает на меня, и люди орут:

— Брук, Брук, Брук, — они начинают скандировать.

Он смеется, а у меня краснеют щеки от внезапного осознания того, что все здесь теперь знают обо мне. Все его восторженные поклонники знают, что я являюсь беременной девушкой Разрывного, так какого черта. Я глупо машу и посылаю ему воздушный поцелуй, мне нравится то, как он ловит его и прижимает к своему рту. Думаю, это то, чего просили люди, когда скандировали "Брук", потому что в момент, когда он взмахнул руками, чтобы поймать мой поцелуй, толпа сходит с ума и мы смеемся в унисон.

Новый боец поднимается на ринг, не вызывая такой шумихи, с которой вышел Реми, и бой начинается.

Ремингтон особенно игрив с более молодыми бойцами. Они, кажется, ожидают от него силы, но не такой скорости, и я вижу, как это сводит их с ума. Он делает много обманных приемов, делая из этого небольшую игру, а затем безжалостно заканчивает с ними — к радости его толпы.

Сегодня он борется с двенадцатью бойцами и заканчивает, будучи потным и с небольшим ушибом с левой стороны. Когда мы возвращаемся к арендованному дому, он начинает допрашивать Пита, как только попадает в большую гостиную, которая отделяет длинные залы, каждый из которых ведет в отдельную комнату.

— Все было в порядке?

— Э, типа того.

— Какие-то шпионы вокруг?

— Двое. Те, что и всегда.

— Они смотрели на Брук?

— Э-э...

Реми поворачивается, хмуря брови:

— Они, черт возьми, смотрели на Брук?

Пит смотрит на меня, затем на него:

— Они подошли, чтобы поговорить. Брук показала им средний палец. Я сказал им уходить. Подошла Жозефина. Я забрал Брук в сторону.

Реми смотрит на меня, высоко подняв брови:

— Ты показала им средний палец?

Я рассердилась:

— Ты бы предпочел, чтобы я ударила их по яйцам?

Его неверие переходит на Пита. Очень медленно и расстроено он проводит рукой по волосам к затылку, качает головой, затем хватает меня за плечи, таща к нашей зале.

— Мы обсудим это в нашей комнате, — ворчит он мне.

— Спокойной ночи, ребята, — говорит Пит.

Ремингтон останавливается и поворачивается:

— Никаких следов сестры Брук?

— Никаких, — говорит Пит, и эмоции на его лице почти разбивают меня. Они с

Ремингтоном общаются какой-то молчаливой формой связи “только-между-мужиками”, а затем мы расходимся в разных направлениях.

Как только Реми заводит нас в нашу спальню, прижимает меня к двери и утыкается носом мне в ложбинку между грудей, снова вдыхая мой запах.

Мое влагалище сжимается, когда он рычит:

— Почему ты показала тем придуркам средний палец? — он дергает головой назад, даря мне всю силу своего голубоглазого взгляда. — Что они тебе сказали?

— Они были прямо перед нами, и я ненавижу это говорить, но Пит, как заряженное ружье без пускового механизма.

— И сейчас?

— На самом деле, это хорошо, что он смог действовать трезво сегодня, потому что я не могла. Меня сводит с ума сама мысль о том, что Нора где-то там с этими мужчинами. Что ты собираешься делать?

Он качает головой и направляется в душ:

— Ты в это не вмешиваешься.

Я иду за ним:

— Не хочешь хотя бы сказать мне?

Он открывает дверь душевой кабинки и одаривает меня самым мрачным взглядом на сегодняшний день.

— Ради нас, Брук, — сурово шепчет, поглаживая рукой выпуклость моего живота. — Ради нас троих. Мне нужно, чтобы ты пообещала, что будешь держаться от этого подальше. И если ты нарушишь свое обещание, да поможет мне Бог...

— Нет! Да поможет мне Бог, если ты подвергнешь себя опасности из-за нее... из-за меня... я буду...

— Что? — он удивленно поднимает бровь, затем с ухмылкой шлепает меня по попе. — Мне нравится, когда ты бьешь меня, и также мне нравится, когда ты сердита.

— Но я буду чертовски безумной, какой ты меня еще никогда не видел! — я пристально смотрю на его грудь, когда он начинает снимать свою боксерскую одежду. — Нет, Реми, — я протягиваю руку, и прежде, чем он попадает в душ, хватаю его за челюсть, заставляя смотреть на меня: — Пообещай мне.

В его глазах мелькает веселье, когда он проводит тыльной стороной пальца по моему виску.

— Что мне с тобой поделать, маленькая петарда?

— Пообещай мне, — принуждаю я.

— Я обещаю тебе, — говорит он мне, — что твоя сестра очень скоро вернется к тебе, и я уничтожу это насекомое в этом году, — он ласково гладит меня по подбородку и заходит в душ, и я не могу объяснить облегчение, которое чувствую. Он мне никогда не лгал. Возможно, он не особо красноречив, но его слова имеют большое значение. Он побеждает в этом году и, о чем бы он там не договаривался, Нора скоро будет свободна. Почувствовав небольшое облегчение, иду вытаскивать свои масла для массажа. У него занимает ровно четыре минуты, чтобы намылиться, помыть голову, и выйти с полотенцем вокруг талии, используя другое, чтобы вытереть грудь.

— Иди сюда и дай мне натереть тебя, — говорю я ему, и когда он следует за мной на скамейку, которая, как обычно, находится у подножия большинства отельных кроватей, обнимает меня и целует в ухо.

— Кому ты принадлежишь? — тихо спрашивает он.

Я таю.

— Одному везунчику, — я заставляю его сесть, борясь с желанием поцеловать каждый его дюйм.

— Скажи мне его имя, — командует он, опускаясь так, чтобы я могла помассировать его мышцы. Он смотрит, как я встаю перед ним на колени, раскладывая все свои принадлежности поблизости и его убийственно сексуально изогнутые губы откровенно говоря, выглядят просто неотразимо.

— Зачем? Тебе нравится, как звучит его имя, когда я его произношу? — спрашиваю я, откручивая крышку масла арники.

— Я чертовски это люблю. Скажи сейчас мне его имя, — горячие голубые глаза смотрят на меня, когда я наливаю масло в ладони, втирая их, чтобы согреть жидкость, прежде, чем провести ими вдоль его груди и плеч.

— Но... он... сложный, — шепчу я, массируя пальцами его ключицу и горло. — Я очень хорошо его знаю, и тем не менее... — я делаю паузу и втираю масло арники по всей твердой длине его мускулистой руки. — И в то же время, он все еще остается загадкой, — скользя обратно вверх по его руке, втираю масло в его трапецевидные мышцы и шепчу ему на ухо: — Его иногда называют Разрывной, но я зову его Реми. И я без ума от него.

Его грудь двигается от усмешки, и я вижу, как маленькие звездочки восторга пляшут в его глазах, когда он смотрит мне в лицо и щиплет меня за нос:

— Ты благотворно воздействуешь на мое эго, Брук моя-беременная-прекрасная Дюма.

— Но не позволяй этому эго стать еще больше, — предупреждаю я, натирая маслом его грудные мышцы, затем понижая голос, говорю ему: — Ты мой.

Улыбаясь, я провожу пальцами вниз вдоль предплечья, достигая его ладони, затем импульсивно поднимаю его руку и целую костяшки его пальцев, смотрю в его голубые глаза, которые светятся нежностью, смотря на меня.

— Она моя? — неуверенно спрашиваю я.

Он понижает голос до игривого шепота, проводя тыльной стороной пальца по моей щеке.

— Это зависит кое от чего, маленькая петарда. Ты хочешь ее?

— Я хочу ее.

— Тогда она твоя, девочка.

Взяв другую его руку, я повторяю то же самое, что и с первой и целую его пальцы.

— И эта?

— Ты хочешь? — он поднимает брови и весело дергает головой в сторону двери. — Все дамочки там хотели этого.

— Но этого хочу я, — протестую я.

Он снисходительно улыбается и снова проводит пальцем по моему подбородку:

— Тогда она твоя.

Мой голос грубеет, когда я сдергиваю его полотенце так, чтобы я смогла втереть масло в его икры и мощные бедра. Я восхищаюсь его сексуальной улыбкой, этими ямочками и этими помятыми волосами. И спрашиваю его:

— Как на счет тебя? Весь ты? — скольжу маслянистыми руками вверх к его восьмикубиковому прессу и поднимаю голову, ища его губы. Он стонет, когда я облизываю линию его рта. Мягко. Продолжаю массировать его тело, когда начинаю двигать своими

губами по его губам. Он боевая машина и он мой, мои глаза быстро закрываются, когда я обращаюсь к нему и выдыхаю: — Как на счет тебя, Ремингтон? Ты мой?

Его грубый шепот заставляет мои соски твердеть:

— Ты хочешь меня?

Боже. Мой очаровательный большой мужчина. Парень с силой тысячи мужчин. Игривый и собственник. Я умираю от желания и любви, когда шепчу ему на ухо:

— Я хочу тебя. Всего тебя. Темного или печального, или в любом другом состоянии, каким бы ты не стал.

Со стоном он наклоняет мою голову к губам и целует меня, жестко и глубоко.

— Я отвечу тебе на это в постели, — он хватается меня за руку, как будто готов к постельной части, но я смеюсь и отступаю.

— Еще пять минут!

Он качает головой:

— Две.

— Четыре.

— Три, теперь прими это или я брошу тебя на кровать прямо сейчас, в эту секунду.

— Договорились.

— Договорились, я бросаю тебя на кровать? — подстрекает он.

— Договорились, еще три минуты! — со смехом кричу я, двигая быстрее руками, натирая его твердые грудные мышцы. Мой смех исчезает, когда мои мысли возвращаются к людям Скорпиона. — Она спала ночью в моей кровати, когда у нее были кошмары. У нее было такое богатое воображение, что она могла видеть вещи, хорошие и плохие, где их просто не было.

— О чем ты говоришь? — хриплым голосом спрашивает он.

— Нора, — говорю я, не в силах скрыть печаль в голосе. — Я просто хочу, чтобы ты знал, почему я... не знаю. Почему я всегда защищала ее. Казалось, она нуждалась во мне, и мы приняли эти роли. Она всегда нуждалась в защите. Но теперь я задаюсь вопросом, если я не позволю ей самой решить свои проблемы, извлечет ли она из этого урок? Я всегда хотела ее защитить, но теперь ничто не заставит меня рисковать ребенком и тобой, даже она.

В выражении его лица столько нежности и понимания, что от эмоций у меня в груди образуется узел.

— Чшш. Расслабься, — говорит он, проводя рукой по моим волосам. — Ему не достанется ни чемпионский титул, ни приз, ни твоя сестра. Он не выиграет. Я. Получу. Это все. Ты меня слышишь? Мне достанется золото, титул чемпиона, свобода сестры... И я буду защищать, желать и любить свою девушку.

Глава 17

Остин — это суматоха

Стадо оленей пробегает по лесополосе позади разросшихся садов дома, арендованного в Остине. Я показываю на них и говорю: "Смотри!", но Реми только ворчит; он немного занят, переворачивая огромную шину от трактора, снова и снова.

Здесь, в Техасе, настолько жарко, что пот струится по моей шее, стекая в декольте.

Щурясь на послеполуденное солнце, я спрашиваю Реми и тренера, не нужно ли им что-нибудь из дома, тренер машет головой, пока Реми ворчит, начиная толкать шину в обратную сторону.

— Мы почти закончили, — говорит мне тренер.

Я киваю и показываю два пальца — значит, мне потребуется две минуты, чтобы в пятый раз сходить в дом за лимонадом.

Внутри дома я замечаю Райли на входе в гостиную, он не двигается, так что его почти невозможно разглядеть. Сжимая руки в карманах костюма, он с нескрываемым неодобрением хмурится на входную дверь. Мое тело мгновенно переходит в режим повышенной готовности, а внутри все холодеет.

— Его родители, — говорю я с отвращением.

Его родители. Подобия людей, которые не заслуживают даже пениса и вагины, не говоря уже о разрешении произвести на свет что-то настолько прекрасное, как Ремингтон! Воспитать его? О, нет. Эти подонки просто схватили своего мальчика, запихнули в клинику для душевно больных и никогда не возвращались.

Сжав губы, Райли утвердительно кивает мне:

— Пит улаживает это.

Инстинктивно защищая живот, прикрываю его руками, переведя взгляд на входную дверь.

— Почему они продолжают доставать его? Они хотят исправить все сделанное?

— Брук! — Райли почти давится, произнося мое имя, мрачно смеясь самым печальным смехом, что я когда-либо слышала. — Они ублюдки. Мы проходили через это дюжину раз и они знают, что Ремингтон отошлет их с чертовым чеком.

Сильнейший гнев накрывает меня, когда я думаю о том, каким беспокойным становится Реми каждый раз, стоит только нам приблизиться к его родному городу. В прошлом сезоне его родители заявлялись точно так же, и закончилось все выданным чеком с его подписью.

— Они ничего не заслуживают от него. Ничего, — шепчу я.

Не успев опомниться, я уже иду через гостиную.

— Би! Просто позволь Питу от них избавиться, — предлагает мне Райли.

Вместо этого я распахиваю дверь и вот они, на крыльце, во всей своей красе. Мужчина... он огромный, словно гора, красивый для своих лет. Клянусь, до боли неприятно видеть его сходство с Реми. Такие же ярко-голубые, как у Реми, глаза мгновенно устремляются в мою сторону, но вот выражение глаз совсем другое. Жизнь и энергия, задор и сила, которые я вижу в глазах Ремингтона, напроочь отсутствуют у его отца.

А его мать? Пока она придирчиво осматривает меня, я оцениваю ее, и в этом маленьком, вручную сшитом платье, она выглядит такой хрупкой, спокойной и милой, что мое замешательство только усиливается.

Этим людям я могла улыбнуться в лифте или пройти мимо на улице. Они кажутся хорошими и заботливыми, но как такое может быть? Как они могли бросить Реми, а потом иметь наглость стучать в его дверь снова и снова, будто у них есть на то право?

Одна лишь мысль о том, чтобы бросить маленького ребенка, растущего во мне, вызывает отторжение, и я все еще не могу понять, зачем кому-либо делать такое со своим собственным сыном.

— Всю его жизнь вы бросали его. Почему теперь не можете оставить в покое? — сердито смотря на них, я требую объяснений.

Им хватает наглости выглядеть искренне шокированными то ли моим появлением, то ли из-за моего выплеска эмоций, а, вполне возможно, по обоим причинам.

— Мы хотим с ним поговорить, — говорит женщина.

Потому что вот, кто она, просто женщина. Я никогда не смогу видеть в ней чью-то мать, особенно Реми.

— Послушай... мы узнали о ребенке, — добавляет она. Ее взгляд опускается на мой живот, и я чувствую, как Пит подходит ближе ко мне, будто ожидает, что она протянет руку и коснется моего живота, и он, от лица Ремингтона, планирует остановить ее.

— Этот ребенок, — продолжает женщина, сжимая губы и указывая на меня, — может быть таким, как он. Ты это понимаешь?

— Да, — говорю я, выпятив подбородок, — я на это надеюсь.

— Наш сын не в том состоянии, чтобы быть отцом! — восклицает мужчина глубоким раскатистым голосом, от которого я вздрагиваю. — Он может навредить кому-то. Ему нужно принимать лекарства и быть под присмотром.

— Божежтымой, какие же вы лицемеры! Хотите поговорить о хороших родителях? — спрашиваю я, задыхаясь от гнева. — Ваш сын вырос честным, благородным мужчиной, несмотря на то, с чем ему пришлось столкнуться. Вы же бросили своего единственного ребенка! Вы и так отняли у него детство, а теперь хотите заявиться, чтобы указывать ему, как прожить оставшуюся жизнь?

— Наш сын болен! Мы хотим, чтобы время от времени его проверяли и лечили в клинике для душевно больных, чтобы убедиться, что он спокоен и ясно мыслит, как нормальный человек, — говорит женщина.

— Нет! Это вы больные! Он хотя бы знает о своих проблемах, а вам, как мне кажется, надо разобраться со своими.

Позади нас распахивается дверь и Райли выходит наружу с самым яростным взглядом, какой я у него видела.

— Вы упустили невероятного человека, — говорит Райли, и они выглядят такими изумленными его спокойными угрожающими словами, что, кажется, он тоже впервые вышел к ним. — Как его родители, вы должны были воодушевлять и поддерживать его. На самом деле, мы не жалеем его, потому что у него все прекрасно. А вот вас нам жаль.

— Мы его семья, — раздраженно говорит мать Реми.

— Вы были его семьей, — поправляет Пит, подходя ближе ко мне. — Теперь он наш. И это в последний раз мы просим вас уйти. В следующий раз, когда вы явитесь без приглашения, мы привлечем власти.

Мужчина так странно смотрит на меня, глазами, настолько похожими на глаза Реми, с выражением холодного презрения вместо горячей любви.

— Должно быть, ты совсем глупая, раз позволила моему сыну сотворить такое с

собой, — говорит он мне, указывая на мой живот.

Неожиданно меня тянет назад в стену мускулов. Дыхание сбивается в горле, когда огромная ручища в защитном жесте прикрывает мою талию, от голоса Ремингтона над моей головой волосы на руках становятся дыбом.

— Еще раз приблизитесь к ней или к чему-либо, принадлежащему мне, и я в мгновение ока покажу вам, насколько я опасен, — говорит он мертвецки ровным голосом, звучащим еще более грозно из-за этого спокойствия.

Взрывоопасная энергия, исходящая от его огромного тела, заставляет мой пульс ускориться в ожидании ответа его родителей. Ни один из них, похоже, не в состоянии выдержать взгляд Ремингтона достаточно долго. Плотнo сжав губы, мужчина подхватывает свою жену и тащит вниз по дорожке к небольшой машине у бордюра.

Мои ноги дрожат, большую часть веса я переношу, опершись назад, на Реми, когда он обхватывает мои бедра и тихонько шепчет: "Иди внутрь".

Мы идем внутрь.

Ремингтон хватает на кухне бутылку воды и быстро выпивает ее. Он все еще в спортивном костюме, его мускулы блестят от пота. Он трясет своими мокрыми волосами, затем падает на один из диванов в гостиной, бросая пустую бутылку крутиться на пол, сердито наблюдая за ее полетом. Локтями упирается в колени, плечи напряжены, он наклоняет голову, уставившись лишь на эту крутящуюся бутылку. А она все крутится и крутится.

— Не думаю, что твои родители одобряют твой вкус касательно женщин, Рем, — говорит Райли первым. Он пытается разрядить обстановку после того, что сейчас произошло, но никто не смеется. Напряжение в воздухе настолько сильно, хоть топор вешай.

Ремингтон поднимает голову и приковывает меня к месту жестким взглядом голубых глаз.

— Еще хоть раз они подойдут к тебе — я первый должен узнать об этом. Ты поняла меня, петарда?

Яростное желание защитить, светящееся в его взгляде, отражается в ощущении безопасности, охватывающем мой живот.

— Они искали не меня, а тебя.

— Не хочу, чтобы они к тебе приближались. Не желаю, чтобы они приближались к нашим детям, — сердито говорит он. Мое сердце трепещет в груди. Он сейчас сказал "дети", во множественном числе? Мне хочется улыбнуться и обнять его из-за этого, но его взгляд, он... полон боли.

— Ты закончил? — спрашиваю я примирительно, указывая на двор, где он тренировался.

Он медленно кивает, его лицо напряжено, пока он наблюдает, как я направляюсь к нему.

Он погружен в раздумья, его гнев явно ощущается в воздухе. На его лице странное выражение, будто он пытается взять себя в руки. Он сжимает и разжимает челюсть. Мне ненавистно, что ему пришлось столкнуться лицом к лицу с родителями, но в который раз он доказывает, что готов на все, чтобы защитить меня.

Моя голова по ощущениям одновременно сжимается и расширяется, когда я сажусь к нему и беру его руку, обхватывая его толстое запястье, начиная разминать его.

— Не могу поверить, что два гада, вроде них, смогли создать кого-то настолько

чудесного, как ты, — ласково шепчу я.

Пит тихонько уходит на кухню, а Райли направляется на лужайку, чтобы помочь тренеру прибраться.

Их шаги удаляются и все вокруг нас затихает, когда Ремингтон смотрит на меня. Его голос становится абсолютно спокойным, тихим, будто он невероятно занят внутренней борьбой с самим собой...

— Они правы, маленькая петарда.

Меня будто ударили бейсбольной битой прямо в грудь.

Медленно вдохнув, он смотрит на меня с отчаянием...

— Брук, отца вроде себя я не пожелал бы даже отпрыскам Скорпиона, не говоря уже о своем ребенке.

Нет. Не бейсбольной битой. Кажется, в меня только что врезался поезд. Боль проходит сквозь меня, я выпускаю из рук его запястье.

— Прошу, не говори так. Прошу, не смей думать ни о чем, кроме того, что ты будешь самым лучшим папой.

Он сжимает челюсть и, я уверена, что он смягчает свой тон ради меня.

— Он может быть таким же, как я.

— Каким "таким же"? — решительно отвечаю я, схватившись за живот. — Прекрасным, снаружи и внутри? С силой воли, большей, чем у кого-либо, кого я знала. Невероятно сильным, щедрым, добрым...

Он выглядит таким измученным, и я обхватываю его челюсть, заставляя посмотреть на себя.

— Ты — лучшее, что когда-либо со мной случилось. Ты человек, Реми, реальный, и я бы не хотела, чтобы ты был другим. Мы хотим этого. Мы оба хотим семью. Мы заслуживаем этого, как любой другой.

Он сжимает челюсть, скрипя зубами.

— Маленькая петарда, то, что мы хотим этого, не значит, что это правильно. Я никчемн во всем, помимо боев.

— Нет, это не так. Ты великий боец, но это не то, что делает тебя ТОБОЙ. Реми неужели ты не видишь, как вдохновляешь других? Ты честный, целеустремленный, страстный, яростный и нежный. Ты защищаешь и оберегаешь, не ожидая ничего взамен. Я ни разу не слышала, чтобы ты осуждал людей, критиковал. Ты живешь своей собственной жизнью по своим правилам и делаешь все, чтобы защитить тех, кто тебя окружает. Ты любишь даже сильнее, чем сражаешься, а я никогда не видела кого-либо, дерущегося так же, как ты. Никто не учил тебя, как быть собой — это просто ты. В каком бы состоянии ты ни был, ты — единственный отец, которого я хотела бы для своих детей, и единственный мужчина, которого я буду любить. Позволь этим двоим уйти. Биологически они создали тебя, но. Они. Не. Сделали. Тебя. Тобой.

Он вслушивается в мои слова, и пока он обдумывает их, я хватаю его за затылок и притягиваю вниз, чтобы поцеловать эти прекрасные губы, чтобы не позволить ему сказать еще какие-то ранящие слова о себе.

Его рот, поначалу такой жесткий, смягчается под моим давлением, пока я не чувствую, как напряжение в нем отступает, и он отвечает мне языком и шепчет:

— Ты ослеплена, потому что ты моя.

— Нет. Я вижу, потому что я твоя.

Он отодвигается назад, чтобы рассмотреть выражение моего лица, его оберегающий взгляд озаряет меня, я знаю, что он сделает все, чтобы защитить меня и нашего ребенка.

— Они не согласны с моим выбором. А ты согласна с ним? — спрашивает он меня.

Боже, я согласна со всем, что он делает, вот насколько я доверяю, уважаю и люблю его. Я знаю, что он спрашивает о своем выборе справляться с болезнью натуральными методами. Скорее всего, это требует от него двойных усилий, чем если бы он принимал лекарства; требуется дисциплина и весь его образ жизни должен быть посвящен его самочувствию и, прямо скажем, это не какая-то игра на публику. Это его жизнь и он пытается прожить ее, а я хочу прожить свою жизнь с ним. Любой, кто хоть раз болел и был на медикаментозном лечении долгое время, знает, что стоит тебе наладить что-то одно в организме химическими препаратами, как что-то другое выходит из строя. Только посмотрите на список побочных эффектов. Волшебных пилюль для здоровья не существует.

Мы меняемся и здоровье тоже. Это цель, которая все время движется, которую необходимо достигнуть, день за днем, все время. Ремингтон всегда будет биться в этой битве... и я всегда буду биться вместе с ним.

— Я согласна с твоим выбором, Реми, — говорю я ему, удерживая его взгляд, чтобы он понимал, что я серьезна.

Ох, насколько же нежна улыбка, что появляется на его лице.

— У нас будет малыш, который будет зависеть от нас. Ты должна сказать мне, если тебе будет слишком тяжело, Брук.

— Я скажу тебе, — соглашаюсь я.

Он берет мою маленькую руку в свою большую мозолистую ручищу, и мы вместе смотрим на наши руки, переплетая пальцы.

— Пообещай, что скажешь мне, если я отобьюсь от рук, и ты захочешь, чтобы я принимал лекарства, а я пообещаю, что сделаю это сразу же, как ты скажешь.

— Ремингтон, я обещаю тебе, — говорю я, сжимая его руку.

— И я обещаю тебе, — он притягивает меня ближе и обхватывает руками, я прижимаюсь к нему, принимая его сильные, защищающие объятия, когда он расставляет пальцы на моем круглом животе и наклоняет голову через мое плечо, чтобы посмотреть него.

— Я буду защищать тебя, пока не умру, — шепчет он мне на ухо. — Ничто не навредит вам двоим. Если она такая, как я, то я буду поддерживать ее, как не могли они. Я покажу ей, что она может быть успешной, несмотря ни на что. Что всего можно добиться.

Я невероятно тронута, поворачиваю голову, чтобы упереться носом в его потную грудь, желая быть здесь, и нигде более.

— Это будет он. И он справится. Так же, как и ты.

Глава 18

Тёмный

Они привели в действие его спусковой механизм. Его родители. Они игнорировали его всю жизнь, и когда они приходят увидеться с ним, все, что делают — только причиняют ему боль. И пару часов не прошло после их визита в Остине, как Реми стал совсем темным.

Я знаю, что это благодаря им. Пит знает это. Райли знает это. Тренер и Диана, они тоже это знают.

Утром после их визита, он едва мог встать с кровати, и сейчас это продолжается в течение нескольких дней. Реми опустошен. Так больно видеть его таким. Такое чувство, будто меня пинают ногами в живот, ежедневно.

— Он уже встал? — спрашивает меня сегодня Пит из гостиной. Команда расположилась на кушетках, наблюдая за тем, как я закрываю дверь в спальню позади себя. Я в отчаянии качаю головой. Реми до сих пор лежит, и он полностью закрылся, таким я его еще никогда не видела.

Он почти не смотрит на меня. Мало ест. Мало говорит. Он находится в плохом, плохом настроении, но, кажется, будто пытается ни на ком не срываться. Поэтому он не говорит ничего, абсолютно ничего вообще. Все, что говорит мне о его внутренней борьбе — это его кулаки, которые сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются, пока его взгляд сфокусирован на одной точке, минута за минутой.

— Черт. В этот раз все плохо, — говорит Пит, проводя рукой по лицу. Он продолжает называть этот приступ "плохим".

На лицах Дианы, Люпа, Пита и Райли отражаются и мои чувства: отчаянье и печаль.

— Он хоть капсулы глютамина принимал? — спрашивает меня тренер, морщины на его лбе достигают лысины. — Иначе он потеряет мышечную массу, над которой мы так тяжело работали!

— Он принял их.

Он просто взял их с моей руки, проглотил с глотком воды и плюхнулся обратно в кровать.

Он даже не притянул меня к себе, как во время своей маниакальности.

Как будто он не нравится сам себе... и я ему не нравлюсь.

Тихо, ощущая себя такой мрачной, будто надо мной нависла грозовая туча, я сажусь в кресло и смотрю вниз на свои руки. И чувствую, что на целую ужасную минуту все взгляды направлены на меня. Они просверливают мою макушку, будто я должна знать, как бороться с этим дерьмом. А я не знаю. Я провела две ночи, держа большого тяжелого льва в своих объятиях, тихо плача, так, чтобы он не слышал. Остальные дни я провела, массируя его мышцы, пытаюсь вернуть Ремингтона Тэйта назад к себе.

Ремингтон даже не осознает, что это он держит нас всех вместе. Теперь мы все пытаемся поднять его. Мы так взаимозависимы, каким-то образом находимся в депрессии вместе с ним. Я точно знаю, видя наши лица в течение почти трех дней, никто из нас не будет улыбаться, пока снова не увидит две ямочки на его щеках.

— Он что-нибудь говорит? — нарушает тишину Пит. — По крайней мере, зол ли он на тех мудаков? На что-нибудь?

Я качаю головой.

— В этом вся проблема с Реми. Он просто принимает это. Как удар. И он продолжает стоять, но принимает это. Иногда мне хочется, чтобы он просто сказал, что чувствует, черт побери! — Пит поднимается и ходит по комнате.

Райли качает головой.

— Я это уважаю, Пит. Когда ты открываешь рот, чтобы сказать что-то, оно становится реальностью. Что бы не творилось в его голове, тот факт, что он не озвучивает этого, значит, что он борется. Он не позволяет этому вырваться наружу.

Я опускаю волосы, как тонкую занавесь, смагивая влагу в глазах, не позволяя им увидеть, как это все на меня влияет. Но это так. Я была подавлена один раз в жизни. Это большая черная темная дыра. Это была не такая легкая депрессия, когда тебе грустно и у тебя ПМС. Это всепоглощающее чувство, когда хочется умереть. И желание умереть полностью противоречит всем нашим инстинктам выживания. Наш нормальный инстинкт — убить, чтобы защитить наших близких, убить, чтобы выжить. Лишь вообразив себе, что Реми чувствует то же самое, что и я чувствовала, когда моя жизнь разрушилась, я тону в темноте так, что начинаю беспокоиться о том, чтобы быть в состоянии вытащить его, вместо того, чтобы тонуть вместе с ним.

Независимо от того, что он чувствует, мне нужно напоминать себе, что он не может контролировать мысли, которые его ум подбрасывает ему. Его ум — это не он, даже если прямо сейчас он контролирует его реакции. Я хочу поддержать, придать устойчивости, понять. Не быть эмоциональной, нуждающейся и готовой развалиться на части в любую минуту. Но, Боже, на шестом месяце беременности, я, безусловно, эмоциональная, нуждающаяся и понемногу разваливаюсь без него.

— По крайней мере, он спускается побить грушу. Вы не представляете, как сильно я восхищаюсь им за это, — хмуро добавляет Райли.

— Как думаешь, он преодолет это до боя, Брук? — спрашивает меня Тренер. — Ради Бога, наблюдать за тем, как моего мальчика унизили в прошлом сезоне... Это был его год. Его сезон.

— Не думаю, что он сегодня будет сражаться, — предполагаю я.

— Таким образом, мы можем попрощаться с первым местом в рейтинге, — ругается Пит.

— Ты не можешь позволить ему драться в таком состоянии, Пит! Он может пострадать. Он может сделать больно самому себе, — выпаливаю я; затем делаю вдох и пытаюсь успокоиться.

— Лучше бы он не помнил, — говорит Пит с бесконечным количеством горечи в голосе.

— Что ты имеешь в виду?

— Лучше бы он не помнил того, что ему сделал родители.

Мои защитные инстинкты нарастают с удвоенной силой.

— Что они с ним сделали?

Что-то тревожное есть в том, как Пит колеблется, в том, как окидывает глазами команду, затем возвращаясь ко мне. У меня учащается пульс к тому времени, когда он, наконец, начинает говорить.

— Они принудительно поместили его в психиатрическую больницу, потому что впервые он стал темным, когда ему было десять, Брук. Но сначала, они думали, что он был одержим. Это стало их навязчивой идеей и они применяли к нему экзорцизм.

Последние слова просачиваются в мой беспокойный мозг, и я так убита горем и разбита, мое сердце замирает в груди. Я издаю звук и прикрываю рот.

Диана закрывает лицо.

С губ Райли вырываются ругательства, когда он поворачивает голову к коврику.

Тренер смотрит вниз на свои руки.

Образовавшаяся тишина... тянется с печалью, неверием и с таким мучительным отчаянием... за больным мальчиком, которого не понимали.

Я думаю о песне "Iris" — песне, которую он включал мне. Песня, в которой он хотел, чтобы я его увидела и поняла. Когда даже его собственные родители не понимали его.

О Боже.

— Его удерживали в круге экзорцизма в его собственном доме, — говорит Пит, еще глубже вонзая в меня кинжал. — В его комнате ничего не было, чтобы он никому не смог причинить боль и он был привязан к кровати веревками. Это продолжалось в течение нескольких дней, мы не знаем точно сколько, но больше недели, пока маленький сосед, который играл с Ремом, не пришел в поисках его и тогда его родители вмешались. "Священнослужителя" уволили, и вместо этого Реми поместили в психиатрическую больницу.

В комнате ни звука.

Я перестала дышать. Кажется, будто я перестала жить.

— К сожалению, — продолжает Пит, — он помнит этот эпизод маниакальности, потому что в учреждении над ним проводили какой-то экспериментальный гипноз, чтобы извлечь воспоминания. Чтобы посмотреть, сработает ли какая-то терапия. Не то, чтобы сработала. Хуже то, что его собственное тело защитило бы его от этих ужасных воспоминаний, если бы мы не облажались с тем чертовым гипнозом.

Все еще тишина.

Но я слышу собственное сердцебиение, такое сильное. Сильное и готовое, как в те времена, когда я могла бегать, как ветер. Я могу даже слышать, как кровь хлещет по моим венам, быстро и яростно. Я готова... и сердитая... и жажду бороться. Бороться за него. Я помню, как он рассказывал мне воспоминания о своих родителях. Как его мама перекрещивала его ночью. Неопишуемая боль крохотными трещинами проходит во мне. О, Реми.

— Так он все это помнит? — спрашиваю я в то время, как внутри мое тело горит от бессильной ярости.

— Мне известно, что он знает, что они неправы... когда у него голубые глаза, но когда приходит темная сторона, я знаю, что он задумывается об этом. Разочарование и отчаяние высечено в каждой черте его лица. Вполне естественно задаваться вопросом, почему тебя не желают.

— Но он желанный! — кричу я.

— Мы знаем, Би, успокойся, — Райли поднимается и подходит.

Он обнимает меня и я осознаю, что мои руки находятся на животе и в моей голове образуется образ того, как маленький мальчик Ремингтон проходит через это не из-за своей вины. О, как бы мне хотелось, чтобы эти чертовые злые родители сейчас были передо мной, и в то же время, я рада, что их нет, потому что не знаю, что бы я сделала или сказала им. Но я хочу сделать им больно за то, что они обижали его! Я хочу ударить и кричать на них, с вилами бегать за ними. Сжимаю руки и отстраняюсь от Райли. Он и Пит теперь мне, как

братья, но Рему не нравится, когда они прикасаются ко мне, а мне не нравится делать то, что причиняет ему боль, даже, если он и не видит. Мне нужен комфорт, но его мне может дать только мужчина, лежащий в кровати в спальне.

Тихонько я направляюсь в спальню.

— Увидимся позже, ребята, спасибо, что навещаете его.

— Один из нас будет поблизости, — предупреждает Пит.

Я не хочу шуметь, поэтому машу им рукой возле двери и закрываю ее позади себя, и мое сердце проделывает свои сумасшедшие прыжки, как всегда, когда я вижу Реми. Его большое мускулистое тело распростерто на кровати лицом вниз, как лев в состоянии покоя. Мой игривый мальчик, мой защитник, мой ревнивый парень, мой дерзкий боец. Мой маленький мальчик, которого неправильно поняли.

Мои глаза пробегаются по всей его длине, его темных колючих волосах на подушке, его красивой квадратной челюсти. Он тихий и отдыхает. Отдыхает так, будто он ранен в таком месте, куда мои руки не могут достать, а глаза не могут увидеть.

Я запираю дверь, затем отхожу и начинаю снимать свою одежду. Не из-за сексуальных причин я хочу быть обнаженной, а потому что мне нужно чувствовать его кожу на своей. Когда он спал со мной ночью, то никогда не позволял ничему стоять между нами.

Ему нравится чувствовать меня, а я до боли хочу чувствовать его.

Забравшись в постель, я обнимаю его сзади.

— Посмотри на себя, — говорю я, подражая ему, как он иногда говорит мне. Провожу губами по раковине его уха и скольжу рукой по его плечу и груди, останавливая руку там, где бьется его сердце. Он стонет, когда я целую его за ухом.

— Посмотри на себя, — любя, говорю ему на ухо. Нежно облизываю его за ухом, как он делает со мной, проводя руками по его телу, лаская его, как он ласкает меня. — Я люблю, обожаю, дорожу, нуждаюсь и хочу тебя так, как никогда не считала возможным любить, обожать, дорожить, нуждаться и хотеть другого человека или что-нибудь в этом мире, — шепчу я. Он тихо рычит, будто в знак благодарности, и у меня наворачиваются слезы, потому что это так несправедливо, что ему приходится сталкиваться с этим. Почему кто-то должен столкнуться с чем-то подобным? Почему прекрасному человеку, который не хочет никому наносить вреда, химические импульсы причиняют боль? Чтобы чувствовать, что жизнь ничего не стоит? Что он ничего не стоит? Чтобы думать, что ему лучше умереть?

Ему не нужно говорить мне. Я была там. Но я была там лишь однажды. Он же там так часто, и не имеет значения, как много раз он поднимался обратно, он всегда будет знать наверняка, что в дальнейшем это снова затянет его вниз. Он такой боец. С любовью я провожу языком по его рельефному прессу, мускулистых руках, его горлу, по линии его губ.

Он отворачивается.

— Что я делаю, Брук? — спрашивает он.

Я застываю от тона его голоса, лишённого всяческих эмоций.

— Я считаю, что могу быть отцом? Что я даже смог бы стать твоим мужем? — он поворачивается, издав странный звук, словно от боли, заглушая его, уткнувшись в подушку. Мышцы на его руках напрягаются, когда он запускает их под подушку, чтобы прижать ее к своему лицу.

— Реми, — говорю я, заставляя свой голос перестать дрожать, а боль внутри себя заткнуться. К чертям собачьим. — Меня не волнует, что твой разум говорит тебе, что он заставляет твое тело чувствовать, ты знаешь. Реми. Ты знаешь. Ты добрый и благородный, и

ты заслуживаешь это. Ты хочешь этого, — обнимаю его рукой за талию и прижимаюсь ближе.

— Я заслуживаю того, чтобы меня усыпили. Как собаку.

Слезы, всего секунду назад навернувшиеся мне на глаза, струятся из-под моих век.

— Нет, ты этого не заслуживаешь, нет.

Он отодвигается от меня, но я не позволяю ему. Обвиваю руками его плечи и останавливаю его от отодвигания дальше, запускаю пальцы в его волосы, поглаживая кожу головы.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя, как сумасшедший чертог лунатик. Если ты являешься хаосом, то я хочу быть хаосом вместе с тобой. Просто позволь мне прикоснуться к тебе, не отстраняйся, — шепчу я, шмыгая носом. Он издает стон и снова утыкается лицом в подушку, и когда я касаюсь его, он практически вздрагивает. Но я ласкаю его руку, татуировку "Б" на его бицепсе, кельтские татуировки. Звуки, которые он издает, как настоящий лев, как раненый лев, заставляет меня чувствовать себя такой отчаянной и свирепой, как львица, пытающаяся вернуть интерес своего самца.

Я думала, что это трудно, иногда, когда он маниакальный, потому что он, как шар энергии, и его так тяжело контролировать. Но никогда не было так сложно, как сейчас, когда моего бойца затягивает темнота, когда он не хочет ничего делать. Когда ему кажется, что он этого не стоит.

Проводя пальцами вверх по его челюсти, я царапаю ногтями его голову так, как знаю, ему нравится, и он позволяет мне, но не открывает глаза, только издает эти низкие рычащие звуки.

— Хочешь послушать музыку? — спрашиваю его, и он не говорит "нет", так что я тянусь к его Айподу, засовываю один наушник в его ухо, а другой в свое и включаю песню "I Choose You" (Я выбираю тебя) в исполнении Sara Bareilles.

Он слушает песню, когда я ласкаю его, точно так же, как он ласкал меня, и я хочу, чтобы он чувствовал то же, что и я от его ласк и облизываний. Я хочу, чтобы он чувствовал себя обласканным, защищенным, понятым, желанным, любимым, чувствовал заботу. Так что я стараюсь изо всех сил... и я знаю, что мои руки не такие большие, как его... и я знаю, что мой язык меньше его, когда касаюсь его позади на шее... но я знаю, что ему нравятся мои прикосновения и ему нравится ощущать мой язык на себе...

Так что песня "I Choose You" говорит о том, что я выбираю его... и как он становится моим, а я становлюсь его.

И я шепчу ему на ухо:

— Я всегда буду выбирать тебя, Реми. С первого дня, когда я тебя увидела, я полюбила то, что увидела и с каждым днем любила это все больше. И я люблю то, к чему прикасаюсь, мужчину, которого обнимаю прямо здесь и прямо сейчас, — я прижимаюсь холмиком своего живота к его пояснице. Я, безусловно, сейчас беременна, и довольно сложно исхитриться, чтобы подобрать удобную позу, но я действительно хочу держать его настолько близко, насколько могу.

Он внезапно переворачивается. Его руки обнимают меня, как тиски и он кладет голову мне на грудь, держась за меня. Он не смотрит на меня, но я чувствую его потребность. Я касаюсь его макушки своими губами и расслабляюсь в его руках, так что он знает, что мне нравится находиться здесь.

Вдруг он стонет и его мышцы пульсируют, когда он отпускает меня с видимым усилием,

и откатывается обратно на кровать.

— Уходи, детка. Иди куда-то в другое место. В таком состоянии я не на что не гожусь.

Во мне что-то сжимается. Я не хочу, чтобы он считал, что с ним нянчатся и жалеют, так что я взбиваю свою подушку, будто все хорошо и говорю:

— Я не хочу никуда уходить. Я лучше буду здесь с тобой.

Он удостаивает меня взглядом, и мое сердце бьется только для того, чтобы чувствовать его глаза на мне. Оно бьется еще быстрее, когда он протягивает руку. Он запускает пальцы в мои волосы, не отводя от меня взгляда. Его глаза никогда не были такими мрачными; он выглядит терзаемым, но в черном цвете его радужной оболочки, я все еще вижу его. Тот огонь, присущий ему. Ту энергию, ту интенсивность, что скрывается в нем, как тигр. Его руки двигаются вниз по моей спине, затем переходят на грудь, по моим твердым чувствительным соскам. Потом он кладет голову на меня, располагая свою открытую ладонь на моем животе.

— Ты действительно хочешь быть со мной, — угрюмо говорит он. Хищник в нем все еще находится там. Лев. Грубый инстинкт, которым он является. Сковывает меня вопросительным взглядом, что почти кажется командой. Да, его глаза темные и холодные, но эти радужки все еще живы и голодны. Жаждающие моей любви, я осознаю. Жаждающие меня.

— Да, Реми, — говорю я без тени сомнения ни в моем голосе, ни во мне. — Я хочу быть с тобой. И не называй меня мазохисткой, потому что ты — мое все. Мое приключение и мой настоящий, сексуальный, ревнивый и прекрасный в одном лице, и ты делаешь меня безумно счастливой. Нора могла стать наркоманкой, и теперь я понимаю, что ничем не отличаюсь. Я зависима от тебя. Ты мой кокаин, и также являешься моим единственным дилером.

Он закрывает глаза и выдыхает.

— Ты можешь не хотеть быть с собой сейчас, но я хочу быть с тобой, — говорю я ему. — Я бросила всю свою жизнь просто для того, чтобы быть с тобой. Только с тобой. И ты знаешь, это была не плохая жизнь, — я глажу его волосы. — Я арендовала квартиру; у меня были хорошие заботливые родители, обалденные друзья, и возможность получить работу в моей новой карьере. Я оставила все это. Я оставила свои мечты позади, чтобы следовать за твоей, и за тобой. Как какая-то глупая фанатка, — у меня вырывается смешок.

Его большое твердое тело рывком принимает сидячее положение, он наклоняет мою голову назад и обрывает мой смех своим ртом.

— Ты не глупая фанатка, — шепчет он в меня, всасывая мой ответ, прежде чем добавить: — Ты моя женщина, и ты слишком чертовски хороша для меня.

Я вздрагиваю, когда он укладывает меня под себя, стону и прикасаюсь к каждому сантиметру кожи, куда могу достать.

— А ты мой мужчина и слишком хорош и ценный для кого угодно, но ты все еще мой. Мужчина. Мой.

Он рычит и переворачивается на мне так, что его эрекция находится у меня между ног, его мучительный взгляд скрещивается с моим в поисках надежды. Оборачивая одну мою ногу вокруг своих бедер, затем хватая меня за колено и делает то же со второй.

— Я люблю тебя, — затаив дыхание, говорю я. Кажется, я говорила это все время, но предполагаю, что ему нужно, чтобы я сказала это прямо сейчас. То, как его черты становятся чувствительными, когда он слышит это, заставляет мои внутренности кипеть от необходимости сказать это снова. Поднимая голову, я повторяю это с каждым поцелуем на

его лице. Решаю говорить эти слова, пока он не устанет от этого. И ему требуется много-много времени, чтобы, наконец, заткнуть меня своим ртом.

Как минимум, шестьдесят четыре поцелуя.

Он входит в меня на тринадцатом поцелуе. Двигается во мне, толкаясь глубоко с каждым разом, когда говорю "Я люблю тебя", принимая это с напором, будто только то, что он знает, что я буду любить его, заставляет его силой брать от меня.

— Я люблю тебя, — стону на следующем толчке, он закрывает глаза и я чувствую, как он отчаянно поглощает мою нежность. Я в безвыходном положении пытаюсь сдержать оргазм, держась за его плечи, проговаривая "Я люблю тебя, я люблю тебя", но он горяч, он красив, он нуждается во мне, а я нуждаюсь в нем. Он подносит меня к пику, даже когда я сопротивляюсь этому, и в оргазме я произношу "я люблю тебя" шестьдесят второй раз.

К тому времени его глаза выглядят еще более хищными, как будто все мои "я люблю тебя" только еще больше разжигают в нем голод. И когда он начинает кончать во мне, то смотрит на меня, будто не уверен, что еще верит мне, потому что не может поверить самому себе, что способен на любовь. Так что, когда он не может ничего с собой поделаться и накрывает мой рот своим, засовывая язык в грубой и жесткой манере, я хватаюсь за него и отвечаю на поцелуй еще жестче.

Он содрогается во мне, его мышцы сжимаются. Хватает мои бедра, чтобы унять меня, но я качаю ими, уговаривая полностью кончить во мне. Он тихо стонет, посасывая мой язык, а я крепче обвиваю ногами его за поясницу, плотно обнимая его руками, когда он отпускает. И его мышцы перестают сгибаться и сокращаться, я все еще продолжаю удерживать его, так что ему не избавиться от меня. Переносит свой вес немного на меня, когда прогибается, и я с ним, запутавшаяся, пряча лицо в его шею, когда он перекачивается на свою сторону. Он все еще во мне, и я не хочу, чтобы он выходил.

— Не выходи, — стону я.

Он выходит, поворачивая меня, затем пристраивается сзади и начинает облизывать меня, положив одну руку мне на грудь, а другую на живот. Я стону и кажется, хочу плакать от счастья, потому что мой лев вернулся. По крайней мере, он достаточно заботится о чем-то. О нас.

Как мы с ребенком заботимся о нем.

Позже, он включает мне песню "Hold Me Now" в исполнении Red, и я осознаю, что он просто просит меня держать его. Я это делаю, поворачиваясь к нему, как только он перестает ухаживать за мной, побуждая его положить голову мне на грудь, пока его большое тело не устраивается рядом со мной, и даже тогда его ладонь собственнически расположена на нашем ребенке.

♥ ♥ ♥

ПРОХОДИТ НЕДЕЛЯ.

Не считая нескольких часов, когда Ремингтон заставляет себя тренироваться, он остается в нашей комнате и, кажется, не хочет выпускать меня из виду. Он не очень разговорчив со мной, но продолжает обнимать меня, как тисками, и хочет, чтобы я его кормила и трахалась все время. Я пытаюсь сделать так, чтобы у него остался интерес к жизни, рассказывая ему о всяких мелочах, которые в состоянии заметить, когда выхожу из комнаты за едой для нас. Я рассказала ему, что на днях застучала целующихся Диану с Тренером. Рассказала, что Мелани усердно работает над поиском узоров для комнаты нашего ребенка, и что Пит, кажется, грустит по Норе. Ему нравится слушать, я это точно

знаю.

Приближается финал, а Ремингтон еще не был на ринге ни одного вечера за последнее время. Он опустился на второе место после Скорпиона. Он смог бы опуститься еще ниже, но Скорпион потерял пару очков; он дерется под наркотой, как говорит Пит, и он не был столь быстрым, как прежде. Мысль о том, что Нора с этим мудаком, беспокоит меня до тошноты. Возможно, она находится под наркотой, беспомощная, но эта мысль разъедает меня и я действительно не могу думать об этом сейчас. Все, чего я хочу — чтобы Ремингтон удачно закончил этот сезон — это его мечта. Затем... затем нам нужно найти способ, чтобы вновь благополучно вернуть Нору домой. Хоть и знаю, где-то в глубине души, что парни что-то спланировали, но это меня не успокаивает.

Но теперь до большого боя осталось три дня, а Ремингтон все еще полностью темный. Сегодня он пошел на тренировку и даже не посмотрел никому в глаза. Я знаю, что он что-то чувствует, что-то плохое. Знаю, что он не озвучивает это, потому что это будет означать поражение, а он никогда не проигрывает. "Кроме того раза, когда он сдался ради тебя", говорит мне грустный голос.

Все стали крайне обеспокоенными, а я особенно, когда Реми просит меня позвать Пита с Райли. Они стучат в дверь спальни, и я прикрываю обнаженное тело Реми белой простыней так, что на виду остаются только его мускулистая спина и руки, и привожу их внутрь.

— Они здесь, — говорю я.

Райли приближается первым и опускается на колени возле кровати.

— Привет, Рем, как дела?

— Плохо, — предостерегает он.

— Что случилось? — говорит Пит.

Тишина.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня... в чертовую больницу... и устроили меня.

Райли выпучивает глаза так же, как и Пит. Парни мгновение смотрят на меня, и Ремингтон повторяет то же самое, что сказал только что.

— Я хочу, чтобы вы отвезли меня... в чертовую больницу... и записали на ту процедуру, — добавляет он.

Что-то в его словах, в том, как мужчины колеблются, прежде чем ответить, посылает мне новый прилив тревоги, проносимой сквозь меня.

— Ты хочешь снова это сделать, — говорит Райли.

Он кивает в подушку.

— Сейчас, — решительно подчеркивает он.

Райли растеряно поворачивается к Питу, который через мгновение выхватывает свой телефон.

— Сначала нам нужно узнать, когда это можно сделать. Я позвоню в больницу, — говорит он и начинает набирать номер, выходя из комнаты.

— Это оживит тебя, — говорит Райли, поднимаясь на ноги и с глухим стуком похлопывая Ремингтона по спине.

Ремингтон хватается его за галстук, притягивая ближе и выпрямляясь.

— Черт возьми, не опекай меня. Просто отвези меня туда и не смей позволить ей увидеть, — скрежещет зубами он.

Мои брови поднимаются вверх, когда до меня доходит, что Ремингтон думает, что я

вышла из комнаты. И глаза Райли моментально двигаются в мою сторону, сигнализируя не выдавать себя, что я слышала. Но я больше не вру Ремингтону, так что делаю шаг вперед.

— Я хочу находиться с тобой. Если они лечат или еще что-то делают с тобой. Я хочу быть там, и я буду там.

Он выпрямляется на звук моего голоса, но сначала смотрит на Райли.

— Райли... — предупреждает он. Райли ослабляет галстук, когда Реми поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. — Ты остаешься здесь и я вернусь, — он говорит грубо, но с явной заботой, используя совершенно другой тон со мной, чем тот, который использовал с мужчинами.

— Я так не думаю, — настойчиво противостою я, потому что, серьезно, меня не переубедить в этом. Эти трое действуют так, будто я некомпетентная слабая маленькая размазня!

Реми сужает глаза и сжимает челюсть на мое упрямство, а я поднимаю брови, скрещивая руки на груди.

— Я иду туда, куда и ты. Понимаешь? Что бы то ни было, это не проблема, — говорю я.

Он удерживает мой взгляд, на скулах у него двигаются желваки.

— Это. Не. Проблема! — заверяю я, блефуя изо всех сил.

Но я не упущу его из виду.

Глава 19

Тёмный против Синего

Полностью осознавая то, что чуть ли не силой заставила парней позволить мне сопровождать их, я разумно молчу во время нашей поездки в больницу. Все, кажется, находятся на той же волне. Ни одного обмена словами. Даже едва взглядами. Мы все, кажется, ожидаем, чтобы Реми что-то сказал, но его внимание зафиксировано на пролетающем городском пейзаже, а профиль выглядит решительным. И я даже не думаю, что он что-то видит; он потерян в своей голове.

Когда мы прибываем, я чувствую, как тепло его тела внезапно окутывает меня, когда он наклоняется, кратко прикасаясь своими губами к моим. Его голос дрожью проносится сквозь меня, когда он говорит:

— Я скоро вернусь.

— Нет! Я хочу пойти с тобой! — взываю к его широкой спине, когда он исчезает внизу коридора с медсестрой, а Пит направляется к регистратуре, чтобы записать его. Я начинаю подозревать, что это, фактически, серьезное дело, когда Райли начинает разговаривать со мной, как с ребенком.

— Намного лучше, если ты останешься здесь, Брук, — он почти стонет.

Я хмурюсь:

— Не обращай со мной, как с цветком, Райли. Я хочу быть там с ним. Мне нужно находиться там для него.

Пит направляется в сторону, где исчез Ремингтон, и я быстро бегу за ним.

— Пит, я могу пойти с ним?

На мгновение, между парнями устанавливается эта связь мужчина-к-мужчине, затем Пит наконец кивает Райли и говорит мне:

— Я приду за тобой, когда он пройдет предварительную подготовку.

— Предварительную подготовку?

Пит исчезает в том же коридоре, что и Ремингтон.

— Райли?

Я совсем запуталась.

Райли вздыхает.

— Ему проводят процедуру, чтобы вызвать судорожный припадок головного мозга, — когда он начинает объяснять, я слушаю так, будто нахожусь по другую сторону тоннеля, отдаляясь все дальше и дальше в течении секунды. В моих глазах горит огонь и все, что я сейчас знаю — это то, что в больнице белые стены. Такие пустые, ровные и белые. — ... в то время, как его мозг будет получать электрический ток. .

Сердце являет собою полую мышцу, и оно делает миллиарды ударов в течение нашей жизни.

За свою короткую жизнь я узнала, что вы не можете бегать, если разорвали связку, но ваше сердце может быть разбито на миллион кусочков, а вы все еще сможете любить всем своим естеством.

Всем своим несчастным, безумно уязвимым чертовым естеством...

Мое сердце еще никогда так сильно не колотилось в груди. Тук, тук, тук. Даже при том, что я пытаюсь действовать, будто ЭТО НЕ ТАК УЖ СТРАШНО, в голове все крутится п

кругу, пока я пытаюсь понять, что мне только что объяснил Райли. Что Ремингтон собирается подвергнуть себя электрошоку. Чертовый электрический ток будет проходить через его голову к мозгу, чтобы осуществить ему чертовый судорожный припадок мозга.

Сейчас он говорит мне, что может быть какая-то кратковременная потеря памяти, что ему введут анестезию короткого действия, что уровень кислорода в крови и частота сердечных сокращений будет контролироваться, что кроме кратко или долговременной потери памяти нет других известных побочных эффектов. Клянусь, что когда проигрываю в голове то, как Ремингтон исчезает вниз по коридору с персоналом больницы, то слышу низкий глухой звук, что эхом раздается в холодных белых стенах — и он исходит от меня.

— О, Райли, — его имя звучит низким жалким стоном, и я закрываю лицо, когда во мне возрастают паника и страх, будто волною накрывая меня.

Сердце замирает, когда появляется Пит и жестом зовет меня. Я подбегаю и слеую за ним в кабинет, полуживая от сильнейшей паники. Вижу оборудование, остро чувствуя непреодолимую холодность больницы, и в середине комнаты вижу его. Он связан липучками за массивные запястья.

Его прекрасное тело лежит на плоской поверхности, одет он в больничную одежду, лицо направлено в потолок.

Реми.

Мой прекрасный, дерзкий, игривый, голубоглазый парень и мой серьезный хмурый мужчина, который любит меня так, как никто никогда в жизни не любил меня.

Побуждение защитить его от грядущего настолько сильное, что я подхожу медленными, но решительными шагами, одной рукой обнимая свой животик размером с дыню, где находится наш малыш. Рука безудержно дрожит, когда я тянусь к большой загорелой ладони, привязанной к операционному столу. Привязанной. К столу. А мой голос трещит, как стекло, когда я легонько сплетаю свои пальцы с его, пытаюсь звучать спокойно и рационально, когда на самом деле чувствую себя достаточно безумной, чтобы кричать.

— Реми, не делай этого. Не причиняй себе боль, пожалуйста, больше не делай себе больно.

Он сжимает мои пальцы, отведя от меня глаза.

— Пит...

Пит хватает меня за локоть и тянет прочь, и я выхожу из себя, когда понимаю, что Ремингтон действительно не хочет меня здесь видеть. Он не посмотрел мне в глаза. Почему он не посмотрит в мои долбаные глаза? Поворачиваюсь к Питу, когда он выводит меня из комнаты, мой голос доходит до степени истерики:

— Пит, пожалуйста, не позволяй ему делать этого!

Пит хватает меня за плечи и шипит, чтобы не привлекать к нам внимания:

— Брук, это обычная процедура, используемая на людях с БП, так они спасают людей от склонности к самоубийству! Не каждый знает правильную дозу лекарства, а врачи осведомлены в этом. Он будет в отключке во время этого.

— Но это всего лишь бой, Пит, — несчастно утверждаю я, указывая на комнату. — Это всего лишь глупый бой, а это он!

— Он пройдет через это. Он делал это раньше!

— Когда? — кричу я.

— Когда ты ушла, и мы должны были удержать его от вскрытия вен из-за тебя!

Обожемой. Мое сердце так сильно бьется, и думаю, что не только сердце, но и все мое

тело разрушается внутри, растрескиваясь от горечи того, что только что сказал мне Пит. Боль настолько велика, что я, защищая, обнимаю свой живот, отчаянно пытаюсь напомнить себе, что нужно дышать, если не ради себя, то ради ребенка. Его ребенка.

— Брук, это то дерьмо, с которым он жил всю свою жизнь. Когда он на подъеме, когда проигрывает, постоянно. Его решения могут ранить, но они помогают ему пройти через это. Так он был устроен, вот почему он тот, кто он есть. Он сильный из-за этого дерьма! Можно быть жалким или сильным, но нельзя быть и тем, и другим одновременно. Он сильный. Ты должна быть сильной с ним, он сломается, если узнает, что это ломает тебя.

Даже при том, что мои страхи полностью съели всю мою уверенность, и меня вот-вот вырвет, мне так или иначе удастся собраться в некое подобие человека. У меня получается выпрямить спину и поднять голову, сделать небольшой неровный вдох, потому что я сделаю это для него. Я буду делать это для него и докажу себе и ему, что буду достаточно сильной, чтобы любить его до смерти.

Делаю еще один вдох и вытираю уголки своих глаз.

— Я хочу быть там.

Пит указывает на дверь и одобрительно мне кивает.

— Прошу.

Я направляюсь в комнату тихими и почти нерешительными шагами. Он большой, массивный и сильный, я знаю, даже, если мое сердце — словно камень в груди, а вся кровь ощущается, как лед во мне, я собираюсь доказать ему, что я достойна быть его женщиной и тем, кто устоит, когда не сможет он. Не знаю, как буду доказывать это, потому что разваливаюсь, как разрушенное здание, когда захожу внутрь. Выгляжу я нормально, но внутри, в глубине моей души я разлетаюсь, нерв за нервом, орган за органом.

Сейчас он смотрит на меня — прямо мне в глаза, и я вижу беспокойство в его темных глазах. Конечно, он боится, что я развалюсь. Он не хочет видеть это в моих глазах.

— В порядке? — спрашивает он хриплым шепотом.

Я киваю, дотягиваясь к его руке. Моим ответом должно быть "Больше, чем в порядке". Правильно? Но я просто не могу пропустить больше слов через свое закрытое горло. Так что я переплетаю свои пальцы с его, и когда он сжимает меня, я вспоминаю наш полет из Сиэтла, эту руку — ту, которую я не отпущу. И я сжимаю ее в ответ так сильно, как могу и неуверенно улыбаюсь ему.

— Вот это моя девочка, — шепчет он, проводя своим пальцем по моему.

Он привязан и скоро получит разряд электрошока, а спрашивает обо мне. О Боже, я так сильно его люблю, если он умрет, то я хочу умереть вместе с ним, и это не чертова шутка. Я моргаю, смахивая слезы и сжимаю его еще сильнее.

— Могу я держать его за руку? — спрашиваю одну из медсестер.

— К сожалению, во время процедуры нельзя, — говорит она мне.

Ремингтон с осторожностью смотрит на меня, когда я заставляю себя сделать шаг назад, и они прикрепляют какие-то электроды к его лбу. Огненный шар образуется в моем горле, сердце и в животе. Я даже не дышу, когда медсестра спрашивает его:

— Вы готовы?

— Заряжайте, — отвечает он, кратко бросая на меня взгляд, проверяя мою реакцию, и снова возвращается к потолку.

Они делают инъекцию, чтобы усыпить его.

Начинают задавать ему вопросы.

— Полное имя?

— Ремингтон Тэйт.

У меня на глаза наворачиваются слезы.

— Дата рождения?

— Десятое апреля, 1988.

— Место рождения?

— Остин, Техас.

— Имена ваших родителей?

— Дора Финлей и Гаррисон Тэйт.

Я с трудом могу принять тот факт, что он привязан, и говорит о своих долбаных родителях, которые сделали его темным, как сейчас. Он глубоким сильным голосом отвечает на все, о чем они его спрашивают.

Затем она говорит ему:

— Считайте от одного до ста.

И ему прикладывают маску дыхательного аппарата.

Он начинает считать, и я в уме считаю вместе с ним. Его глаза закрываются. Красивые темные ресницы на его твердых скулах.

Мои защитные инстинкты так сильно бушуют, что мне хочется кричать на них, чтобы они остановились сейчас, когда он не может видеть меня и не может удержать от прекращения этого. Но я стою здесь, потому что он хочет это сделать. Потому что он сильный. Сильнее меня. Он будет загонять себя в форму, до которой его довела эта жизнь.

Затем ударяет ток.

Его большое тело сокращается и напрягается на столе.

Мое тело напрягается, готовое взорваться.

Аппарат издает звуковой сигнал.

Пальцы на его ногах поджимаются.

Я не знала, будет ли он метаться, ломать вещи, потому что он такой сильный, но его тело все еще сохраняет прежнее состояние, пока ток проходит через его мозг.

О Господи.

Господи, твою мать.

Я влюблена в Ремингтона Тэйта и у него биполярное расстройство 1 типа, и это обрушивается на меня, как лавина.

Не думаю, что когда-либо так плакала. Несмотря на то, что направила все свои усилия на то, чтобы не плакать, слезы буквально хлещут из глаз, и руки дрожат, а тело такое слабое от горя, что я отхожу назад, сползая вниз, прислоняясь к стене, безуспешно пытаюсь вобрать все слезы назад в себя.

— Эй, Брук, эй, — говорит Пит, становясь на колени и обнимая меня.

— Это так тяжело, — говорю я, закрывая лицо и пытаюсь отстраниться от него, потому что Реми бы этого не хотел. Реми бы это не понравилось. — Не прикасайся ко мне, Пит, о Боже, это так чертовски тяжело. Так чертовски тяжело!

Он хватает меня, слегка встряхивает, он говорит успокаивающим голосом, а в глазах его видна боль:

— Он не страдает, Брук. Он просто хочет поправиться. Брук, он НЕ жертва. Он делает свой выбор на основе своих обстоятельств. Он будет волноваться за тебя. Тебе нужно собраться, как он, пожалуйста, прошу тебя, будь сильной.

Я киваю в то время, когда все, о чем могу думать — это прекрасный мозг Реми.

Его прекрасное тело, мой храм, мое святилище, проходит через это.

— Брук, мне это тоже причиняет боль. Ясно? Мне тоже это причиняет боль. Ты не можешь позволить ему увидеть это. Он сильный, потому что как бы он не был обеспокоен, это его реальность; он справляется с этим, он никогда не падал духом. Он не жалуется на это. Не позволяй ему увидеть, что это ломает тебя, иначе ты сломаешь его. Ты не должна спасать его; просто будь с ним, когда он спасает себя.

Взяв себя в руки, я киваю и вытираю слезы, пытаюсь собраться. Вытираю глаза, пытаюсь встать, и медсестры с доктором говорят, что все сделано.

Реми все еще в отключке, на столе, они сняли с него маску и все трубки из его дыхательных путей... Я хватаю его за руку, когда они отстегивают его, подношу к своим губам, и целую каждую костяшку пальцев, затем вытираю их губами от своих слез.

То, как Реми заботится о...

Пит такой хороший человек. Мне разбивает сердце то, что моя сестра, должно быть, не увидела этого.

— Пит, ты действительно нравишься моей сестре, я не знаю, что случилось, — шепчу я.

Он поднимает брови в удивлении:

— Что? Брук, мне она тоже нравится, до сих пор. Но я не оставлю своего брата ради кого-то.

Молча кивая, я изучаю огромную ладонь Ремингтона. Каждую мозоль, каждую линию на этой ладони... размер этих костяшек, длину и форму его красивых пальцев, короткие чистые ногти.

Тихо глажу линии ладони Реми, и затем поднимаю голову и улыбаюсь, глядя в добрые карие глаза Пита.

— Однажды ты найдешь кого-то, кто заставит тебя сделать все, что угодно, ради нее. Пит, я позабочусь о нем. Ты научишь меня идеально заботиться о нем.

Он улыбается, похлопывая меня по плечу.

— До тех пор никому из вас не придется делать это самостоятельно, — он кладет руку на плечо Ремингтона. И я клянусь сердцем и умом, даже если не по крови, он действительно является братом Ремингтона, и в этот момент мне так хочется, чтобы и мы с сестрой были такими же близкими и верными, как они.

— Брук, я сделал кое-что, за что мне очень стыдно, и думаю, что должен перед тобой извиниться, — выпаливает Пит. От вида отчаяния в его глазах, в центре моего живота образуется маленький кубик льда.

— Когда ты ушла, ему было так плохо. Он был под надзором с целью предотвращения самоубийства в больнице, и они продолжали усыплять его, когда он просыпался, потому что он разрушал все вокруг и пытался пойти за тобой. Они давали ему антидепрессанты, но не действовало, а с быстрой сменой циклов, как у Реми, это совсем плохая идея. Так что мы должны были начать водить его на это, — он указывает на стол. — Мы делали это в течение нескольких недель, и таким образом его выписали из больницы...

Он смотрит на меня, и мне кажется, что я даже не дышу. Я просто уставилась, ожидая большего, запутанная и частично онемевшая от всех этих американских горок этого дня.

— После первых трех процедур ему стало немного лучше, так что его выписали, и мы приходили три раза в неделю на электрошоковую терапию в течение пары недель. В течение этого времени, он все еще был темным. Мы приводили к нему четырнадцать женщин.

Мое сердце разрывается от упоминания о них, и чувствую, как в уме возвожу барьеры, обнимая свой живот, а мой мозг кричит — я не хочу знать, я не хочу знать, я не хочу знать!

— Я заставил всех этих женщин подписать документы, что они не будут говорить, фотографировать, что они используют двойную защиту... Они все выходили через полчаса с нетронутыми презервативами, подтверждая, что не смогли заставить его перевернуться или хотя бы поднять голову с кровати. Он сказал им всем уйти. Всем им.

Я продолжаю смотреть, а Пит потирает свое лицо руками и добавляет:

— Он не спал ни с кем из них, Брук, независимо от того, как сильно мы старались для этого. Он был одержим твоим чертовым письмом, читал и читал его каждый раз, когда просыпался. Когда он, наконец, прошел через эту депрессию и его глаза стали голубыми, он ничего не помнил. Может, потому что он был темным, или может, из-за побочного эффекта электрошока. Ему провели около двенадцати процедур. Но мы почти потеряли его, Брук, понимаешь? Райли и я были... мы были чертовски злы на тебя тоже! Так что мы сказали ему, что он повеселился со всеми теми женщинами.

— Пит! — Я в полном ужасе открываю рот.

— Мне жаль! Но мы хотели, чтобы он вспомнил, как это было раньше, до тебя. Так что он будет помнить, что есть сотни женщин, а не ты одна, — он пожимает плечами и смотрит на меня почти умоляюще. — Но даже когда мы пытались заставить его думать, что у него все хорошо без тебя, думаю, что голова не является тем, что управляет таким мужчиной, как он. Он слышал все о женщинах, не комментируя этого, начал собирать вещи и сказал, что мы полетим в Сиэтл и что мы должны забрать сестру и вернуть к тебе. Так что да. Райли и я — ввали ему, — говорит он. — Это убивает меня. Сейчас, как только он узнает правду... он никогда не поверит нам снова!

Его голос срывается и он отворачивается, когда Райли заходит в комнату. Райли переводит взгляд с него на меня, чувствуя, что что-то случилось. Наконец, Пит говорит мрачным усталым тоном:

— Я рассказал ей, чувак.

Райли встречает мой недоверчивый взгляд с огорченным лицом.

— Би, — говорит он.

Это все, что он говорит. Букву. Ту одну букву, вытатуированную на правом бицепсе Реми.

— Вы должны сказать ему, — говорю я, смотря то на одного, то на другого, даже не в состоянии вынести боль, которую чувствую за Ремингтона прямо сейчас. — Вы больше никогда в жизни не можете врать ему снова. Это несправедливо по отношению к нему! Однажды я тоже так поступила, и я понимаю, что вы хотели защитить его... но это вносит беспорядок в его сознание. Забыть о том, что ты делал — это сбивает с толку. Вы не можете, никто из вас, никогда лгать ему снова. Вы оба, слышите меня?

Райли проводит рукой по лицу и его голос тоже дрожит:

— Он уволит наши чертовы задницы.

Я смотрю на них обоих, на их расстроенные выражения лица и качаю головой.

— Если вы в это верите, значит, совсем его не знаете.

♥ ♥ ♥

ОН ПРОСЫПАЕТСЯ на кровати вскоре, после того, как парни ушли. У него затуманенный взгляд, но он фокусируется, когда его глаза останавливаются на мне. Они еще не голубые, но я вижу немного жизни в этих черных океанах, и я чувствую легкое

покалывание внутри, что превращается в огромный узел эмоций.

— Ты только посмотри на себя, — он говорит хриплым от наркотиков голосом. Я чувствую очевидную похвалу в его словах, будто я выгляжу фантастически красивой, и когда вижу, как появляются эти ямочки, сила моих эмоций чуть не выводит меня из строя. Он не знает, что был развалиной без меня, но теперь знаю я. Он не знает, что ему приводили женщин для его удовлетворения, и что он не хотел их. Он не знает, что он является великолепным, идеальным, красивым, благородным, хорошим и все всем, чего я когда-либо хотела.

И прямо сейчас, это очень сильно ранит — знать, что его братья, о которых он заботится и любит, тоже не знали, что делать и прибегли к вранью.

— Посмотри на себя, — нежно отвечаю я, сразу вставая на колени на полу возле его кровати и прижимаюсь щекой к костяшкам его пальцев. Целую каждый синяк на его руке еще раз.

— Эй, я прошел через это, не хочу, чтобы ты волновалась, — говорит он, поглаживая своей свободной рукой меня по затылку.

— Я знаю, — наклоняя голову, я вытираю лицо о простынь, может быть, он не увидит слез, текущих из моих глаз. Я снова с любовью целую костяшки его пальцев. — Я знаю, ты это сделал.

Даже под анестезией, его голос все еще имеет тот же эффект на меня, что и всегда.

— Поднимайся сюда. Что ты делаешь там внизу? — хрипло бормочет он и тянет меня вверх. Я знаю, что ему ввели мышечные релаксанты, но несмотря на это, прежде чем я это понимаю, он притягивает меня к себе и укладывает так, как мы спим ночью, когда он в моей постели. Мой круглый живот мешает, но он не огромный, так что я наклоняюсь, вдыхаю запах его шеи и утыкаюсь лицом в его грудь, когда мы устраиваемся.

— Твои медсестры вышвырнут меня отсюда, если увидят это, — говорю я.

Он хватает меня за зад и устраивает меня немного лучше.

— Я им не позволю. Ты — мое лекарство.

Я закрываю глаза и он пахнет собой. Его руки принадлежат ему. Все нормально, за исключением того, что я в одежде, а он в больничной рубашке, и мы не в отельном номере. Он — это все еще он, не скрывающий своих чувств ко мне. Все, что я хочу, прямо здесь, в моих руках.

Прикасаюсь рукой к его челюсти и целую любую часть лица, что могу, немного отчаянно хватаясь за него.

— Реми, ты мой король, — я крепко обнимаю его. — Для меня нет шахматной партии без тебя.

Он сдвигается и пультом настраивает кровать так, чтобы мы слегка сидели. Усаживает меня к себе на колени, его губы на моем ухе:

— Ты королева, которая защитит меня, — радостно говорит он, и когда я киваю, потому что не могу говорить, он гладит мои волосы и смотрит мне в лицо, и я знаю, даже если он не говорит мне, что мои глаза опухшие, и он понимает, что я плакала. Чувствую, как он прижимается своими губами к моим векам, сначала к одному, затем к другому, сжимая руку в кулак в моих волосах и настойчиво просит: — Оставайся сильной, моя маленькая петарда. Оставайся сильной со мной.

Я киваю:

— Я попытаюсь, потому что ты вдохновляешь меня.

— Мы достали тебе то, что ты хотел, Рем, — говорит Райли от двери. Мне так уютно в его руках, что я даже не поворачиваюсь, чтобы приветствовать его. А затем я чувствую что-то гладкое на моей щеке. Открываю глаза и вижу, что Реми протягивает мне розу. Он. В больнице. Дарит мне розу с этими темными, но мерцающими глазами с голубыми крапинками.

— Реми, — говорю я в замешательстве, и у меня вырывается озадаченный смех.

— Я бы отдал тебе целый чертов сад, если бы мог, — он поднимает мой подбородок, удерживая меня своим взглядом. — За то, что ты здесь, прямо сейчас, со мной.

— О, Боже, — я утыкаюсь головой в его грудь, потому что не могу с этим справиться, мои пальцы сжимают его больничную одежду. — Я буду здесь каждый раз, когда тебе будет нужно сделать это. Я буду здесь, обещаю тебе.

Когда мы выписываемся из больницы, я получаю сообщение от Мелани.

"Как дела в Долго и Счастливо? Помимо счастливо?"

Я улыбаюсь, когда мы возвращаемся в наш арендованный "Эскалейд", будто это просто очередной понедельник, и Ремингтон забирается со мной в машину и кладет руку на спинку моего сиденья, как он всегда делает. Я прошла через ад и вернулась в рай, и вдруг я осознаю, какой будет моя жизнь: после темноты я всегда буду находить свой свет, которым является он.

Я печатаю в отчет: "Идеально".

— В последний раз шок помог нам вытащить его из суицидальных мыслей, но мы должны были делать это три раза в неделю, а у нас просто нет времени на это сейчас. Мы больше не можем вводить ему никаких мышечных релаксантов, так что будем надеяться, что этого было достаточно, — говорит всем нам Пит.

— Мне чертовски хорошо, — рычит Ремингтон, кажется, мы все следуем за его взглядом и Райли набирается мужества говорить.

— Рем, Пит и я хотели бы с тобой поговорить кое о чем, — говорит он, бросая на меня краткий взгляд, используя тон голоса, который практически умоляет меня уговорить Реми принять оправдания. — Пит получил новую информацию о сестре Брук и мы просто хотим сказать тебе кое-что. Завтра утром перед твоим походом в спортзал?

— Я слышал, — просто говорит он, удивив всех в машине. — Я все еще думаю, что с вами делать, болваны.

— Черт, Рем, — ошеломленно говорит Райли. — Я близок к тому, чтобы идти менять штаны, просто будь рассудительным.

Пит выглядит действительно расстроенным.

— Рем, клянусь Богом, я бы никогда не лгал о чем-нибудь другом, это казалось безвредным; казалось, это только поможет твоему душевному состоянию.

— Моему душевному состоянию не помогает знание того, что я не могу верить вам, недоумкам, — он рычит, и они оба замолкают, продолжая выглядеть мрачно, когда он добавляет, — Вы мои братья, но ОНА МОЯ. Если бы она ушла от меня из-за вашего вранья, я бы убил вас прямо сейчас. Я бы, к чертям, убил вас обоих.

— Мы бы вернули ее к тебе, Ремингтон, — обещает Пит. — Клянусь, если бы мы знали, насколько ты... клянусь, мы бы вернули ее обратно к тебе.

— Рем, мы пытались помочь тебе выжить. Как делаем всегда. Мы думали, что это конец, чувак. Мы думали, что помогали. Но затем Брук вернулась и мы поняли, насколько неправы, черт, как мы были неправы. Мы даже не знаем, как исправить репутацию, чтобы не

выглядеть в твоих глазах идиотами.

Реми задумывается в течение длительного времени, и они трое обмениваются странными, как бы братскими связующими взглядами. Затем Ремингтон кивает и рукой обнимает меня за талию, притягивая к себе, и когда он прижимается лицом к моей точке пульса с мягким рычанием, проводит рукой по округлости моего живота, все напряжение спадает с моих плеч. Я таю в его руках.

Внутри меня все трепещет, когда я слышу, как он снова вдыхает, на этот раз дольше и глубже, как будто он нуждается в моем запахе, чтобы успокоиться и найти свой центр. Я наклоняю голову и целую его в темную макушку, проводя пальцами по его волосам. Клянусь, что не могу прекратить его целовать. Я целую его в челюсть, висок, дотягиваюсь к его руке, целую тыльную сторону его пальцев.

Когда мы возвращаемся в номер, Диана подает ужин, ее лицо сияет, когда она видит его за столом, и когда Реми смотрит на меня через стол, похлопывая по своим коленям, я почти бегу к нему. Когда он подносит для меня вилку, я чувствую себя глупой голодной птицей, которую подкармливают впервые за столетие.

Когда он спрашивает меня:

— Еще?

Тихо и пристально наблюдает за моим ртом, когда поднимает вилку, я киваю и принимаю всю еду с нее и затем, еще до того, как жевать, я прижимаюсь губами к его, потому что не могу выразить, какое я чувствую облегчение после той процедуры, видя, что он в порядке. И вообще немного лучше.

Он лениво падает на кровать, его тело все еще ослаблено от остатков анестезии и мышечных релаксантов, что ему ввели, матрас скрипит под ним, таким мускулистым и свободным.

— Иди сюда, — зовет он, даже не поднимая голову или смотря, где я нахожусь.

Мы только почистили зубы и я собираю одежду, которую он оставил разбросанной, затем добавляю свою к аккуратной стопке на кресле в углу и обнаженная, скольжу к нему под одеяло. Наша кожа соприкасается. Каждое ощущение все более обостряется. Я благодарна за его прикосновение. За звучание его голоса. За каждое мгновение, проведенное прямо сейчас с ним. Сейчас я вижу, как это дорого мне. Каждая песня, что он включал мне, когда этот блестящий ум в порядке и пылает светом и мыслями. Драгоценный, даже когда он в темноте, тихо борется с этим и прижимается ко мне.

Его рука обнимает меня за талию, и его пальцы охватывают мое бедро, когда он перетаскивает меня удобней к себе. Мое беспокойство от зрелища того, через что он только прошел, все еще проносится через меня, и я не могу удержаться, изо всех сил прижимаясь к его телу. Я слышу, как в изумлении рокошет его смех.

Слышать его мягкий сексуальный смех...

О Боже.

— Это не смешно, — говорю я со слезами на глазах, поворачиваясь к нему лицом. — Это чертовски не смешно.

— Нет, так и есть, — шепчет он с одной очаровательной ямочкой, его голос глубокий и шероховатый, когда он проводит подушечкой большого пальца по моему носу. — Никто никогда не беспокоился обо мне прежде.

— Они это делают, Реми. Все, кого ты любишь, тоже тебя любят. Пит, Райли, тренер и Диана. Они просто лучше скрывают это от тебя.

Он задумчиво смотрит на меня, затем кладет руку на мой живот, мягко и нежно касаясь своими губами моих.

— Я делал это прежде. У меня все под контролем, маленькая петарда, — эти темные глаза наблюдают за мной, теперь он поглаживает пальцем мой лоб. — Не печалься из-за меня, хорошо? — он притягивает меня к себе, сжимает и зажмуривает глаза со стоном, будто чувствует себя хорошо, обнимая меня. — Я хочу делать тебя счастливой. Я хочу делать тебя чертовски счастливой, я никогда не хочу огорчать тебя.

— Хорошо, — говорю я, все еще немного на эмоциях, прижимаясь губами к его подбородку.

— Хорошо? — говорит он, поворачивая голову и прижимаясь своими губами к моим.

Проводя рукой по своему животу, я переплетаю наши с ним пальцы, и киваю.

— Более, чем хорошо.

Запуская свободную руку в его волосы, я обхватываю одной ногой его бедро и осыпаю тысячью и одним поцелуем его лицо, заставляя его смеяться. Я тихо смеюсь вместе с ним, все больше улыбаясь с каждым поцелуем, но не останавливаясь.

Сейчас я знаю, что он действительно мой. Эти пальцы стали моими с момента, когда они прикоснулись ко мне. Это лицо. Эти губы. Его огромное, доброе, защитное, собственническое и прощающее сердце. Он стал моим с тех пор, как я стала его, и от осознания этого мне кажется, будто я была разбита на кусочки, а затем собрана в новую, целую и счастливую.

— Я хочу спать с тобой во мне, — умоляю я, двигаясь своим открытым ртом по его челюсти, мои пальцы внезапно чуть ли не царапают кожу его плеч, когда я дышу в его горячую кожу, пытаюсь стать ближе со своим раздутым животиком между нами.

Он просовывает руку между нами и начинает готовить меня пальцами, когда поворачивает голову, чтобы медленно неторопливо овладеть моим ртом, его язык замедляет меня, облизывая с ленивым удовольствием.

— Ты готова? — возбужденно бормочет он.

— Заполни меня... — это все, что я могу сказать, задыхающийся звук вырывается из моего горла, когда он хватается за талию и погружает меня на свою длину. Наполняя меня так, что я полна и пронизана им, я едва могу говорить или дышать или думать о чем-нибудь еще, кроме того, что Реми внутри меня, пульсирующий и горячий, его рот берет меня медленно и спокойно, заверяя меня, что у него все под контролем. И что у него есть я.

♥♥♥

ОН ВСЕ ЕЩЕ ТЕМНЫЙ в день боя, и атмосфера в номере люкс наполнена напряженностью, когда мы ждем его готовности.

Пит, Райли и тренер топчутся возле двери его спальни, в то время, как меня съедает заживо болезненное беспокойство, потому что я действительно не знаю, стоит ли ему драться в таком состоянии.

— Упомяните имя того ублюдка! — шипит тренер Питу. Думаю, он хочет спровоцировать Ремингтона направить свою буйную энергию в действие, но Пит качает головой.

— Мы не будем использовать гнев. Он полон ненависти к себе, когда подавлен, — шепчет Пит.

Но то, что я лично больше всего чувствовала — это его внутренняя борьба. Он замкнут в себе, сражаясь. Он не говорит о ненависти к себе, но я чувствую, что он думает, чувствует

эти слова в душе. Электрошок помог, но он все еще подавленный. Меня разбивает то, что он должен драться в таком состоянии.

— Попробуй разогреть его мышцы, Брук, — предлагает Пит.

Подойдя туда, где Реми молча пытается завязать свои ботинки, я провожу рукой вверх и вниз по его спине, расслабляя все мышцы, которые могу, пробуждая их медленными, преднамеренно жесткими натисками своих пальцев.

— Ладно, Рем, давай разогреемся. Знаю, тебе понравится эта, — говорит Пит, подключая Айпод Реми к моим колонкам.

“Uprising”(Восстание) в исполнении “Muse” на высокой громкости взрывается в комнате. Бунтарский ритм музыки, кажется, достигает ушей Ремингтона, и его мышцы начинают работать, как будто он не может не реагировать.

Мое сердце слегка вздрагивает. Он приходит в себя?

Он был так занят борьбой внутри себя, что я просто задаюсь вопросом, оставил ли он немного борьбы для Скорпиона.

Он переходит на второй ботинок в то время, как я массирую его твердые мышцы и пытаюсь передать каждую унцию хорошей и целительной энергии, что у меня есть к нему. Я разогреваю каждую мышцу, одну за другой, двигаясь вверх по спине, обращая особое внимание на его мышцы плечевого пояса. Когда я не могу удержаться и наклоняюсь к его темной голове, чтобы спросить его о самочувствии, он поворачивается, хватая меня за затылок, и придерживая его, накрывает мой рот своим, и овладевает мной.

Когда он отстраняется, мой рот полыхает от его влажного тепла, а его глаза кипят темным ожесточенным отчаянием. Он смотрит на меня, как будто я являюсь единственной надеждой в мире, взгляд его глаз такой дикий и жестокий, он зажигает надежду внутри меня, что может быть, он будет бороться. Может быть, он хочет этого достаточно сильно, чтобы пройти через это. Я знаю, как сильно он желает эту победу, и я знаю, как сильно он ненавидит, когда темная сторона овладевает им.

— Ремингтон, чувак, это то, чего ты так долго ждал, — Пит хватая его за плечи и ободряюще сжимает. — Все, чего ты всегда так хотел, находится в пределах досягаемости. Все. У тебя есть планы после чемпионата, я это знаю. Победа поможет воплотить их в жизнь. Брук, ребенок...

На этих словах я вижу, как он на мгновение зажмуривает глаза, затем делает длинный медленный вдох. Пит наклоняется, чтобы прошептать ему что-то на ухо, а Ремингтон кивает и хрипло говорит ему:

— Спасибо.

Когда он снова открывает глаза, то встает, а синапсисы в моем мозгу, кажется, загораются от волнения.

Завернутое в свою боевую одежду, его рельефное загорелое тело выглядит новейшей боевой машиной, каким он сделал себя. Когда он говорит:

— Иди сюда, Брук, — я так безумно нервничаю о бое, что чуть не спотыкаюсь, когда иду вперед. Он берет меня в охапку и крепко обнимает, оставляя теплый поцелуй позади моего уха. — Ты нужна мне хотя бы в поле моего зрения. Все время. В любой момент.

Внезапно у меня внутри все содрогается от осознания того, что он будет драться, и что бы не случилось, я буду смотреть на него.

— Я не сдвинусь со своего места! — обещаю я.

Он обращает на меня внимание на секунду дольше, затем целует участок позади моего

уха еще раз и гладит меня по заднице. Это все, что он делает. Потом он начинает прыгать на месте, крутя руками вверх и вокруг себя, и вся атмосфера резко меняется, когда команда снова начинает дышать.

— Где Джо? — он угрюмо спрашивает Пита.

У меня внутри начинает покалывать, когда я понимаю, что он действительно возвращается.

— Она уже разведывает территорию, — говорит Пит, и в его голосе слышно беспокойное дрожание, когда он, вероятно, понимает то же самое, что и я.

— Ни ты, ни Джо не должны спускать глаз с Брук, ты меня слышишь? — командует он, хрустя шеей то в одну, то в другую сторону.

— Мы поняли, приятель! — уверяет его Пит.

— Ладно, мы готовы? — тренер размахивает сумкой через плечо, содержащей чистую одежду Реми, “Геторейд” и дополнительные наушники.

— Готовы, — отвечает Ремингтон, отключая Айпод от динамиков. Музыка мгновенно замолкает, и мы все наблюдаем, как он хватается свои наушники с тумбочки и подключает их к серебристому Айподу.

— Да, черт возьми, это мой мальчик! — кричит тренер.

Райли вопит:

— Вот это МУЖИК!

— Кто надирает задницу? — тренер хлопает Реми по спине, когда они выходят за дверь.

— Я, — слышится низкое рычание Ремингтона.

Тренер хлопает его по спине с еще большим стуком.

— Какое имя все будут выкрикивать сегодня?

— Мое.

— Скажи это!

— Разрывной.

— Эти засранцы не так его произносят!

Ремингтон стучит кулаком в грудь и выкрикивает:

— РАЗРЫВНОЙ!!

— ПРАВИЛЬНО! — выкрикивает тренер в ответ.

Они стучаются кулаками, затем тренер выводит его из комнаты к лифтам, все мы следуем позади.

— Ты хорошо подготовился к бою, парень?

— Да.

Тренер кивает, и говорит:

— Что мы будем делать, если он не сдастся, парень? Ты уже знаешь, что делать?

— Я знаю, что делать.

Когда я слышу последний спокойный ответ, моя кровь уходит в ноги, и, кажется, будто все остальные части меня дрожат и моя кожа покрывается миллионами мурашек и даже больше. Часть меня хочет быть смелой и смотреть этот бой, но я не помню, чтобы в моей жизни еще так не хватало мужества.

Внезапно нахмурившись, Ремингтон толкает пальцем тренера в грудь.

— Что бы ни случилось, ты не бросаешь полотенце. Слышишь меня? МЫ НИКОГДА не сдаемся.

Напряженность в воздухе резко возрастает, идет обмен взглядами. Когда немедленного

ответа от тренера не слышно, Ремингтон толкает его на шаг назад.

— Тренер. Ты не бросаешь полотенце на ринг. Мы не сдаемся. Точка.

Тренер кратко бросает взгляд в мою сторону, кратко, да, но не достаточно кратко для меня, чтобы не заметить колебание в его глазах, когда он кивает. Выдохнув возле меня, Пит берет меня за руку, когда мы слышим звонок.

— Пойдем, — бормочет он.

Мы заходим в лифт, но я так чертовски нервничаю, мое свирепо стучащее сердце разобьет пару ребер к тому времени, как мы доберемся в “Андеграунд”. Ремингтон тихо вертит свой Айпод, и черные наушники в одной руке. Он пытается сосредоточиться. Со всей любовью, что есть к нему в моем сердце, я наблюдаю, как он наклоняет голову, надевает наушники и включает свою музыку.

— Зачем ты пообещал? — Райли становится перед тренером, пока Реми слушает музыку, его тон обвинительный. — Если дела пойдут очень плохо, мы не дадим там ему умереть сегодня!

— Его глаза становятся голубыми! Если кто-то и умрет сегодня, то это точно не наш мальчик! — спорит тренер.

Ладно, это все сумасшедшие разговоры! Мой желудок сжался, как ядовитая гремучая змея, и я просто не могу ни секунды больше стоять здесь, как немая.

— Пит, о чем ты говоришь? Я начинаю психовать.

— Пошли слухи о том, что это матч десятилетия, — отвечает он себе под нос. — Они оба упрямы, как черт, и один должен сдаться, чтобы кто-то победил, Брук. Может стать совсем плохо. Как ты говорила... случается что-то и похуже обычного дерьма

Небольшая вспышка воспоминания о финале прошлого сезона проигрывается в моей голове, непрошено и нежелательно. Помню упавшее тело Реми на окровавленный пол. Толпа, выкрикивающая его имя. И затем тишина, когда они понимают, что их Разрывной — яростный, страстный, красивый Разрывной — пал.

В то время, как все мои внутренности скручиваются, как соленые крендельки, от воспоминания, мы начинаем выходить из лифта, но Ремингтон хватается меня за руку и тянет назад. Он шепчет мне на ухо:

— В поле моего зрения.

Его глаза впились в меня и я молюсь, молюсь, молюсь, чтобы он не увидел страх в моих глазах, но он опускает свои наушники на шею, и я слышу музыку, гремящую между нами. Сумасшедшую и быструю.

— На своем месте все время, Брук, — говорит он мне, запуская руку в мои волосы и прижимаясь своим ртом к моему, пробуя меня на вкус, позволяя мне пробовать на вкус его, что опьяняет меня и ошеломляет. Он прижимается своим лбом к моему, его взгляд пламенный, когда он смотрит на меня. — Я обожаю тебя с каждым своим вдохом, каждой своей унцией я обожаю тебя, — с жестким и быстрым поцелуем он шлепает меня по заднице. — Наблюдай за тем, как я повалю его!

Когда мы едем в “Андеграунд”, он держит руку на спинке моего сиденья, слушая музыку. Остальные в машине сидят в мертвой тишине. Я могу чувствовать ожесточение в воздухе, когда он уходит в раздевалку и мне хочется кричать тысячу “Я люблю тебя”, но он сейчас с Айподом, пытается сосредоточиться.

— Пит, действительно ли он готов к этому? — неуверенно шепчу я.

— Я на это очень надеюсь, Брук. Я не хотел бы, чтобы этот приступ отобрал у него еще

одну его мечту. Давай, — говорит он, когда мы проталкиваемся сквозь толпу к нашим местам.

По меньшей мере две тысячи человек сегодня заполнили арену. “Андеграунд” весь сезон дразнил свою публику, и сейчас они чертовски жаждут увидеть противостояние Скорпиона и Разрывного. Лица выкрашены в красные полосы, имитирующие кровь. Яркие красные “Б” красуются на щеках женщин, а у некоторых и на груди.

Я вижу красный, красный цвет Разрывного, повсюду на сидениях и позади, среди стоящей толпы, где так же есть немного черного. Черного цвета Скорпиона.

Усаживаясь на свое место рядом с Питом, я замечаю, что Ремингтон опять забронировал по два места с каждой стороны вокруг нас, кажется, что мы ждем уже целую жизнь. Созерцание пустоты по центру ринга, кажется, заставляет толпу кричать еще громче, в ожидании, когда Ремингтон и Скорпион заполнят этот квадрат 23 на 23 фута.

— Раааазрывнооооой! — группа друзей кричит в унисон через ринг напротив меня.

Позади меня начинают скандировать: “Выпускайте их сюда! Сюда! Сюда! Сюда!”

Динамики трещат, словно микрофон только что включили и конференсье появляется на сцене. Я почти выпрыгиваю из кожи.

— Приветствую вас, дамы и господа! — люди приветственно кричат в ответ прежде, чем он продолжает. — Что ж, вот мы и здесь в этот вечер! Вы готовы? Вы все ГОТОВЫ узреть бой, не похожий на другие? Не похожий НИ НА ОДИН другой! Рефери?

Рефери в углу ринга обращает свое внимание к конференсье.

— Сэр, сегодня мы не будем нуждаться в ваших услугах, — галантно говорит конференсье, добавляя драматический поклон, который взрывает на арене громовой рев, когда толпа встает и выкрикивает свое одобрение.

— Верно! — в ответ толпе кричит конференсье громовым голосом. — Сегодня НЕТ правил, НЕТ рефери. Всё дозволено. ВСЁ ДОЗВОЛЕНО, ГОСПОДА! Без нокаутов — э борьба подчинения. Сдавайся!

— Или умри!! — восторженно кричат люди.

— Дамы и господа! Да! Сегодня в “Андеграунд” бой подчинения! Теперь, давайте вызовем ваш худший кошмар на ринг! Человек, из-за которого плачут ваши дочери. Человек, от которого вы хотите бежать. Человек, с которым вы точно не хотите оказаться на ринге. Наш действующий чемпион, Бенни, Чееерный, Скорпионннннн!

Я учащенно дышу. Не знаю, как я думала, буду справляться, сидя здесь, смотря этот бой чертового десятилетия, потому что каждый орган внутри меня дрожит от нервов и, кажется, меня вырвет наизнанку. Всё дозволено. Без рефери. Просто, как они и думали, это случится, так и будет, а я даже не знаю точно, какое душевное состояние воюет внутри Ремингтона.

— Пит, меня тошнит, — выдавливаю из себя я, делая глубокий вдох, и мой живот сжимается от неожиданного спазма.

Вдали, фигура в черной одежде, приближается к рингу, и тошнота усиливается на всю мощь, когда я его вижу.

Скорпион.

С его гигантским средним пальцем, торчащем в воздухе, решаю, что он даже хуже моего Волдеморта, потому что этот парень на самом деле жив.

— Такой придурок, — говорит Пит с отвращением.

В последний раз, когда я имела неудовольствие наблюдать, как Скорпион выходит на бой, Ремингтон бросил борьбу, чтобы спасти Нору от этого отвратительного подвоя

человека. А Нора, где она сейчас? Что Скорпион делает с ней? Ремингтон сказал мне доверится ему, и я так и делаю, но мой страх настолько велик, когда я смотрю в лицо этого отвратительного кошмара, что каждая унция рассудка покинула меня. Невозможно заглушить безумный крик в моей голове, говорящий мне, что Ремингтон сегодня пострадает. Он пострадает и снова ты не можешь это остановить! Ты ничего не можешь с этим поделать!

Вдруг, я замечаю Нору на трибунах и ужасные гнев и боль пронесаются через меня, когда она тщательно избегает моего взгляда.

Скорпион выпрыгивает на ринг и, когда его команда снимает его халат, сверхбольшая татуировка черного скорпиона, которую он, кажется, недавно сделал по всей спине, приветствует толпу, когда он поворачивается, позволяя всем увидеть это. Парень все еще уродливее любого мудака, и я чувствую извращенное удовольствие от вида шрама от Реми на его страшном лице.

— Хорошие новости, он все еще отвратительный, — говорит Пит.

— Пит, я не могу поверить, что моя сестра, будучи чистой и свободной от него, снова вернется к этому. Меня от этого тошнит, — я украдкой снова смотрю на Нору через ринг и ее измена разрезает меня, как нож.

— Все не так, как ты думаешь, Брук, — говорит мне Пит, затем кивает на ринг. — У твоего парня все схвачено. Просто подожди и увидишь.

— Что ты имеешь в виду? — в недоумении спрашиваю я, но если Пит и отвечает, то я не слышу.

Скорпион только что повернулся в сторону Норы, и она смотрит на него с мрачным выражением, которое мне кажется не очень похожим на взгляд влюбленной молодой женщины. Затем он рывком поворачивается, чтобы посмотреть на меня, только для того, чтобы поднять свой средний палец в воздух. Прямо на меня.

— Боже правый, Брук, ради всего...

Я поднимаю оба свои средние пальцы в ответ, и чудовище улыбается мне своей желтой улыбкой.

Пит вздыхает и стонет, будто от желудочной боли.

— Ладно, если Ремингтон знает, что он только что показал тебе фак, а ты показала фак ему в ответ...

— Бууууу!

Немедленно кричит толпа и он тоже показывает им средний палец, вместе со своей желтой улыбкой, и будто это недостаточно мерзко, он хватается за свой пах и сжимает.

— БУУУУУ!! — кричит толпа.

Боже, я не могу понять, почему моя сестра предпочла быть с таким типом! Она всегда была такой романтичной. Она хотела принца. А водится со Скорпионом?

— И нашему чемпиону сегодня бросают вызов, мы все знаем его имя! Мы все в ожидании увидеть, справится ли он сегодня на ринге. Итак... сможет ли? Прррриготовтесь приветствовать единственного и неповторимого, Ремингтоооооон Тэйт, вапшш Рааааазрывной!!

Невозможно подавить молнии, что проходят сквозь меня, когда я слышу его имя. Было шумно, когда вышел Скорпион. Но то, как люди начинают кричать в поддержку Ремингтона, заставляет мое горло сомкнуться от эмоций, а сердце дернуться в груди.

— Рем-инг-тон! Рем-инг-тон!

Скандирование прорывается сквозь толпу. Красный цвет занимает всю арену. Затем я

вижу одно пятно красного цвета, которое я умираю, как хочу увидеть, когда крики его имени окружают меня, как и его цвет. "Ремиииии, убей его, Ремиии!" "Вперед, Рррррразрывной!"

Функции моего организма усиливаются во всех отношениях. Мои легкие, сердце, надпочечники, глаза, каждая часть меня напрягается для него. В тот момент, когда он рысью забегает на арену, я вращаюсь в вихре нервозности, страха и волнения. Я разрываюсь между стремлением укрыть его в безопасном месте и желанием подбодрить его, как делают остальные его фаны, дать ему понять, что я знаю, что если кто-то и владеет этим рингом, то это — он.

Одним простым прыжком он забирается на ринг и немедленно позволяет Райли снять свой халат с плеч. Клянусь, что слышу коллективный вздох женщин недалеко от меня.

— Ремиииииии! Убей его, Реми!! — кричит кто-то.

А затем, происходит удивительное.

Он начинает со своих фирменных дерзких поворотов. Все его мышцы, великолепные, загорелые и твердые, и я слышу поблизости женский крик, что его тело должно быть увековечено, оно такое мужское и совершенное. Затем он смотрит на меня. Голубые глаза сияют. Голубизна синего. Появляются его ямочки, и я понимаю с содроганием в сердце, что это то, что имел в виду тренер о возвращении синего. Его глаза голубые. Ясные, красивые, блестящие голубые. Эти глаза и ямочки обращаются непосредственно к бабочкам в моем животе, и я взрываюсь вместе с ними.

Безумие эмоций проносится сквозь меня, и внезапно я знаю каждой клеточкой своего существа, он сделает это. Он, Ремингтон Тэйт. Мужчина, который падает и поднимается снова и снова. Он пробивается вперед, прокладывает путь, завоевывает, продолжает. Он. Сделает. Это. Я помню, кто он. Откуда идет его энергия, какой-то безымянный источник, которым никто в этом мире не обладает. Он непобедим и непревзойденный — и он собирается повалить Скорпиона, точно так, как и хотел.

Звенит колокол, и мой парень не теряет времени. Он направляется прямо в центр ринга, и пока Скорпион, кажется, считает, что они будут немного прыгать по кругу, Ремингтон наносит три удара по корпусу, достаточно быстро, чтобы заставить уродливое животное отступить назад.

Во мне лопаются пузырьки волнения. Я приставляю руки ко рту, и мои крики мгновенно присоединяются к остальным:

— Реми!!

— Брук? — Пит заставляет меня сесть на место, но я так взволнована, что не могу долго сидеть на месте. Я чувствую его, Ремингтон, в весе моего живота; я чувствую его живого внутри меня и его энергию во мне.

Бой начинается в полную силу.

Реми ударяет костяшками пальцев в челюсть Скорпиона, удар отталкивает его. Моя грудь едва может сдержать все эмоции внутри, когда легкие с трудом вдыхают воздух. Боже, я так долго ждала, чтобы это произошло, кажется, тысячу лет, и я едва могу это выдержать. Толпа ждала так же долго, чтобы увидеть это, и они кричат во всю глотку. И я тоже!

— Вперед, РЕМИ!!!

— Убей его, Реми!

— Ремингтон, я чертовски люблю тебя! Обожемой, я люблю тебя! — кричу я.

— Брук! — зловеще говорит Пит, указывая на мой живот. — Все это прыгание не пойдет на пользу.

— Все хорошо, Пит. Это так хорошо!

Ребенок смещается, и я ощущаю некоторые терпимые схватки, но я чувствовала их изредка — я читала, что тело начинает практиковаться сроком до трех месяцев до родов. Думаю, ребенок чувствует мой адреналин. Или он знает, что папочка бьется. Он извивается каждый раз после схватки, и я думаю, что сейчас слишком много действий для него, чтобы отдыхать. Как мы можем расслабиться, наблюдая за этим? Обожемой!

— Я не знаю, что происходит с Ремингтоном и этим рингом, — говорит Пит. — Но он просто поднимается на него и независимо от того, чем он живет, он блестяще выступает. Райли говорит, что это мышечная память, но я не очень уверен.

— Это Реми, Пит, — взволновано говорю ему я, хватаю и обнимаю его.

Ремингтон снова наносит идеальный удар, защищаясь, подпрыгивая, ударяя, в то время, как Скорпион не нанес ни одного удара. Ни одного. В толпе распространяется скандирование: "Убей его, РАЗРЫВНОЙ! Убей его, РАЗРЫВНОЙ! Убей его, РАЗРЫВНОЙ!"

Пит сказал мне, что никакая тренировка в мире не может превратить бойца в сильного нападающего; вы либо жестокий нокаутер, либо нет. Он сказал, что над скоростью еще можно поработать, но не над тяжелой рукой, и теперь я могу видеть разницу в силе ударов.

Теперь я могу видеть, почему Скорпиону пришлось сжульничать, чтобы выиграть чемпионат в прошлом сезоне.

Между раундами Реми энергично подпрыгивает, в то время, как Скорпион сидит на своем стуле с опущенной головой, его команда смазывает вазелином или чем-то еще его повреждения.

Колокол снова звенит.

Ремингтон отходит от канатов и наносит удар, но на этот раз Скорпион наносит удар в ответ, быстро и точно, нарушая его ритм.

Они входят в клинч. Ремингтон вырывается и наносит хук справа. Скорпион защищается и в ответ наносит мощный удар в грудную клетку Ремингтона.

Из него выбивается дыхание, но Реми не качнулся. Нет. Мое дерево не шатается. Вместо этого он наносит те "удары пачками", его лицо сосредоточено и жестокое, а голова Скорпиона начинает качаться, кровь хлещет из обеих ноздрей и из рассечения возле одного глаза.

Скорпион бьет в ответ, его кулак врезается в челюсть Ремингтона, в результате чего кровь выплескивается из его рта. Меня охватывает еще одна схватка, и на этот раз у меня возникают проблемы с дыханием. Бой напряженный, захватывающий и одновременно на него больно смотреть.

Вихрь ударов продолжается. Прыжки, преследование, они продолжают наносить друг другу удары. Разница в силе ударов очевидна. Ремингтон быстрее и сильнее, а Скорпион, кажется, сегодня является боксерской грушей. Он шатается и почти выровнялся, но не падает, а продолжает размахиваться, нанося удары прямо в ответ Реми. Он хватается Ремингтона за шею и пытается бросить его на пол, и когда у него не получается, он поднимает колено, ударяя им в живот.

— Чтооо! Это нечестно! — кричу я.

— Ремингтон боксер; он всегда использовал свои ноги только для того, чтобы стоять, но здесь никаких ограничений, Брук. Если Скорпион хочет укусить...

Страх снова проносится внутри меня, и меня охватывает еще одна схватка, достаточно сильная, чтобы заставить издать стон боли и на мгновение присесть.

С гневным рычанием Ремингтон отталкивает Скорпиона назад и начинает валить его. Удар за ударом. Бух! Бух! Бух!

Я видела, как он убивал свою быструю грушу и свою тяжелую грушу, но я никогда еще не видела, чтобы он убивал другого человека таким образом. Скорпион прикрывает свое лицо и наклоняется, и Ремингтон нападает, нанося удары в его живот, один, два, три раза. Скорпион отскакивает на канаты и падает на колени.

Он сплевывает на землю и с трудом встает, в то время, как Ремингтон отходит назад, восстанавливая свое дыхание, его брови нахмурены, а глаза мерцают, как у хищника.

Скорпион бросается вперед и наносит сильнейший прямой удар в челюсть Реми, затем он наносит еще один жесткий удар в грудную клетку справа. Реми, пошатываясь, отступает назад.

Я вижу желтый оскал на лице Скорпиона, когда он направляет третий удар прямо в висок Реми, и Ремингтон отскакивает на канаты со звуком, который так неприятно слышать. Я дергаюсь на сидении с отчаянным криком боли.

Он выпрямляется с дрожащим дыханием, от которого расширяется его широкая грудь и кажется, будто мое сердце вырезали. Боль, что я чувствую каждый раз, когда ему наносят удар, оживляет мои схватки! Я внутренне морщусь, когда он снова приближается к Скорпиону, теперь с таким же кровотечением, как и у его оппонента.

Они возвращаются к этому снова, и я слышу все те звуки их ударов, пум, пум, пум!

Мои нервы напрягаются, пока раунды тянутся мучительно долго. Один за другим. Никто не сдается. Никто не падает. Беспокойно корчась на своем месте, я чувствую хлопок, и затем меня достигает скользкий звук, я смотрю вниз и в ужасе вижу, что вода стекает из-под моей юбки, вниз по моим голым ногам.

— Нет, — говорю я.

Чувствуя, как побледнела в явной панике, поднимаю взгляд на Ремингтона, затем на Пита, а он так увлечен боем, что я мысленно закрываю глаза и говорю ребенку — пожалуйста, пожалуйста, подожди, когда твой папа будет готов.

Я только на шестом с половиной месяце. На седьмом, не более. Я не могу родить сейчас!

Ремингтон использует один кулак, его рука неоднократно размахивается. Он такой быстрый, что я едва могу видеть его движения, скорее слышу звуки столкновения костей.

Несомненно. У меня начались роды. Схватки. Происходит все, о чем я читала в книгах. У меня только что отошли воды. Слава Богу, не водопадом, но все равно вода стекает по моей ноге, вытекая из меня. Я делаю глубокий вдох, когда меня охватывает боль. Схватки до воды были ничем по сравнению с той болью, что я чувствую сейчас, когда мой живот сжимается от спазмов. Но Ремингтон там борется, и я никуда не пойду, пока он не будет готов уйти.

Обожемой, до этого момента я даже не успела испугаться, что меня ожидают роды!

Я так занята, пытаюсь вспомнить, как делать медленные расслабляющие вдохи, о которых читала, что не замечаю, как Нора оставила свое место и направилась ко мне.

— С тобой все в порядке, Брук? — беспокойно спрашивает она.

Дерьмо. Она заметила.

— Хорошо, — выдыхаю я, когда мои схватки ослабевают.

— Брук, Бенни не сдастся. Он скорее умрет, — добавляет она дрожащим голосом, на глазах у нее блестят слезы. — Ты не хочешь, чтобы Реми убил его, Брук — что это сделает с

его умом! И Бенни не такой монстр, он не такой.

— Нора, — Пит тянется к ее руке и привлекает ее к себе. — Об этом позаботятся, Нора Скорпион больше не навредит тебе.

Смотря ей в глаза, он поднимает руку и касается ее лица, и Нора затаила дыхание от прикосновения. Ощутимый жар чувствуется между ними, и Пит смягчает голос, продолжая:

— Мы договорились. Мы получим его.

— Что? — спрашиваю я в недоумении. — Что происходит?

Пит уступает свое место Норе и садится в свободное сиденье с другой стороны от меня.

— Пит, что происходит? — требую ответа я.

— Пит! — кричит Нора. Она дико качает головой и Пит колеблется.

— ПИТ! — яростно требую я. — Клянусь, я не могу принять эту чушь прямо сейчас!

Пит ослабляет свой галстук на мгновение, затем наклоняет голову к моему уху и выпаливает:

— Скорпион жаждет крови Ремингтона. Он не думает, что Ремингтон может заставить его сдать, или что он способен убить его, он заставил Ремингтона согласиться на то, что любой чемпионат должен закончиться повиновением. Если наш парень выиграет, он получит чемпионский титул, но, что более важно для него, он получит... видео Норы.

Нора издает стон и прячет лицо в руках, а я просто так потрясена, что мой мозг почти визжит, пытаясь это обработать. Нору шантажировали с помощью видео с ней? И Реми... согласился на это?

— Он хотел сделать это, — немедленно говорит мне Пит.

— Боже, Нора, — говорю я. Мысль о том, что этот сумасшедший использует мою сестру, чтобы заставить Ремингтона сделать душераздирающий выбор и убить Скорпиона — это заставляет меня бояться за всех нас. Если этот ублюдок не смог обыграть Реми, то намерен превратить его в убийцу?

И сделать так, чтобы он остался темным навсегда...

Я концентрирую все свое внимание на своей сестре, когда начинается еще одна схватка, и Нора медленно скользит рукой по моему животу.

— Это ребенок?

Делая глубокий вдох, и наклоняясь к ней так, чтобы не слышал Пит, я киваю.

— Да.

— Что мне делать, Брук?

— Просто держи меня за руку, пока я наблюдаю, как мой парень сделает это.

Будто слыша меня, Ремингтон продолжает приканчивать Скорпиона. Мои нервы в клочья. Почти черная кровь Скорпиона брызнула на пол ринга и, хотя он и спотыкается, все равно отказывается падать.

Тяжело дыша, но не останавливаясь, Ремингтон хватается за шею и дергает в сторону, где пусто место Норы. Его губы шевелятся, когда он что-то бормочет Скорпиону на ухо и в тот момент, когда Скорпион издаст смешок, арену заполняет громкий хруст.

— АААААА! — ахает толпа, когда видит сломанный локоть Скорпиона, его рука безвольно болтается.

Мой живот связывается в узел, когда бой становится еще более жестоким, и Реми заводит Скорпиона в угол и ударяет его голову с обеих сторон, атакуя его так, будто он является его скоростной боксерской грушей. Скорпион отбивается и наносит удар коленом в живот Реми.

— Брук, — всхлипывает Нора. — Они убьют друг друга!

Горящий шар страха образуется в моем горле, когда мы обе в ужасе наблюдаем бой. Они все еще действуют жестко. Скорпион сделал несколько пинков и они вернулись в центр. Реми испачкан кровью, и Скорпиона и своей, и несмотря на то, что Скорпион едва может стоять прямо, он напрягает плечи и пытается ударить Ремингтона своей головой.

— Один из них должен остановиться сейчас же! — шепчет Нора себе под нос.

— Это должен быть Скорпион, — говорю я.

И затем, Ремингтон наносит быстрые сильные один-два-три удара, от которых Скорпион моментально падает на колени. Вопль волнения вспыхивает среди толпы, а Реми проводит тыльной стороной руки по лбу и отыскивает меня среди зрителей.

Когда он находит меня, то не отрывая от меня глаз, хватая Скорпиона за волосы, поднимая на ноги, показывая ему Нору возле меня.

Он шепчет что-то Скорпиону, а в ответ Скорпион сплевывает красную кровь.

Реми толкает его в сторону и снова занимает позицию, поднимая свою защиту, которая явно говорит, "Ладно, мудаки, мы просто продолжим драться и посмотрим, кто не выдержит первым".

И они снова дерутся. Ремингтон отклоняется и ударяет с той же неестественной силой, которую так любит его толпа, и они сразу начинают кричать в одобрении, когда мы все наблюдаем, как он работает мышцами. Скорпион выдерживает два джеба и хук, затем падает лицом вниз.

Толпа возбуждена и взволнована, и все громче звучит знакомое скандирование:

— РЕМ-ИНГ-ТОН! РЕМ-ИНГ-ТОН!

— Разрывной! Кончай с ним!!!!!!! — кричит молодой человек с угла первого ряда.

Все затихает, когда Ремингтон подходит к неподвижному телу Скорпиона и, кажется, я даже не дышу. Мое сердце делает всевозможные движения в груди, когда я слышу, как Нора начинает тихо всхлипывать возле меня.

Скорпион ползет по полу. Ремингтон пристально смотрит на меня, его широкая блестящая грудь расширяется с каждым изможденным вздохом, и я знаю, что мой лоб сморщился от боли, но пожалуйста, пожалуйста, я не хочу, чтобы он понял, что что-то не так.

— Вперед, Реми!!!! — кричу я, но не могу встать, и мне приходится кричать это со своего сидения. Он поворачивается и ударяет Скорпиона, когда тот пытается встать.

Люди воют в своем одобрении.

Ремингтон хватая здоровую руку Скорпиона и ломает все пальцы одним движением; затем ломает запястье.

Скорпион выпучивает глаза. Он начинает извиваться, когда Ремингтон скользит руками к его неповрежденному локтю. Ремингтон начинает скручивать его в неудобный угол, и болезненная схватка разрывает мое тело, заставляя меня сглотнуть страдальческий стон.

Скорпион бьется под ним и начинает плевать. Внезапно раздается громкий вопль, и черное полотенце падает на ринг, прямо рядом с телом корчащегося Скорпиона.

Ремингтон сжимает челюсть, когда замечает это, а публика начинает освистывать, когда понимает, что команда Скорпиона сдалась за него. На лице Ремингтона появляется разочарование и ему требуется несколько секунд, прежде чем он, наконец, выпускает своего противника. Скорпион выплевывает тонну крови и смотрит на Ремингтона, тяжело дыша.

Ремингтон начинает уходить, но услышав, что Скорпион что-то бормочет себе под нос,

поворачивается и наносит удар кулаком, вырубая несчастное насекомое.

— РАЗРЫВНОЙ! — слышу крик диктора.

Реми смотрит на меня, выражение его лица такое ожесточенное, как боль внутри меня. Буря тестостерона вихрем кружится вокруг него, и я могу увидеть его эмоции, кипящие в голубых злых глазах, тихо кричащих:

— Никогда больше не связывайся со мной или с тем, что принадлежит мне!

Он подходит к краю ринга и я качаю головой "нет", не подходить. Я хочу видеть его там, с поднятой рукой, принимающего свой чертов титул, услышать его имя от конференсье, услышать, что то же самое имя разрывает динамики.

Конференсье хватает его руку и поднимает в воздух прежде, чем Ремингтон достигает канатов, и счастье наступает меня, смешиваясь с моей болью, когда я слышу...

Когда я слышу то, что должна была услышать еще на том финальном бое в прошлом сезоне...

— Победитель чемпионата "Андеграунд" этого сезона, представляю вам: РЕМИНГТОН ТЭЙТ, РАЗРЫВНОЙ!!! Раааааааазрывной!! Разрывной... куда ты идешь?

У меня щиплет глаза и он становится красивым пятном.

Я всхлипываю, потому что знаю, что сейчас он прыгнул с ринга и направляется ко мне. Я знаю, что он знает, что что-то не так — он всегда знает. Мне не нужно говорить ему. Пит, сидя рядом со мной, не замечает этого. Но моя сестра знала. И Реми, он знает. Я чувствую его руки, потные и в крови, когда он встает на колени передо мной.

— Брук, о, детка, она подходит, да? — когда я киваю, он говорит, тяжело дыша, с горящими голубыми глазами, вытирая мои слезы: — Я держу тебя, хорошо? У тебя есть я, детка; теперь я держу тебя. Иди сюда, — он поднимает меня, и я плачу в его чертово горло, обнимая его руками, когда он начинает нести меня к выходу.

— Он не... должен... уже родиться... Еще слишком рано... Что если он не справится...?

Все мои эмоции были закупорены, а сейчас они топят меня. Мы должны были сделать это после, после боя. После того, как будет готова комната. После того, как вернемся в Сиэтл.

Толпа окружает нас, и фанаты дотягиваются, чтобы прикоснуться к его чертовой загорелой мускулистой груди, когда он прокладывает нам путь, игнорируя все крики, оклики, все, кроме меня.

— РАЗРЫВНОЙ, ТЫ СКАЛА! РАААААЗЗЗЗРЫВНОЙ!

Начинает реветь песня, прямо реветь через динамики, и я не узнаю певца или мелодию, когда голос присоединяется к этому реву.

— По просьбе нашего победителя, который должен задать очень особенный вопрос... — слышу, как говорит конференсье, когда Ремингтон проводит нас сквозь толпу, с моей головой, прижатой к его груди. Я слышу его сердцебиение. Его дыхание. Я чувствую каждую его часть.

Он продолжает идти сквозь толпу людей, и даже через свою боль, я замечаю, что поклонники держат в руках белые розы, когда мы проходим мимо них, а некоторые бросают их к нам с трибун. Затем я слышу, как начинаются слова песни, пока три слова не поражают меня, как выстрел адреналина, проносающегося в моей крови: "Выходи за меня..."

— Ч-что? — выдыхаю я.

Он не отвечает.

Когда мы, наконец, выходим из "Андеграунда", он говорит Питу пригнать машину, и

когда мы в нее забираемся, Нора садится вперед вместе с Питом.

Ремингтон ладонями сжимает мое лицо, и смотрит на меня, его голос охрип от эмоций и обезвоживания, лицо — распухшее и окровавленное, и меня убивает, что я ничего не могу с этим поделать.

— Песня должна была попросить тебя выйти за меня замуж, но тебе придется сидеть на мне во время предложения, — шепчет он, а его глаза в темноте отсвечивают синим и силой. — Ум. Тело. Душа. Все это для меня — ты. Ты — вся моя.

Он сжимает мое лицо своими влажными, мозолистыми, кровоточащими руками.

— Выходи за меня, Брук Дюма.

Глава 20

Когда приходит время

Я сказала "да"!

Я проигрывала его предложение в голове снова и снова, прекращая думать об этих болезненных схватках. Они становятся все чаще и чаще — с интервалом меньше минуты. Пока я лежу в ожидании на больничной койке, желание тужиться становится все сильнее, но мне еще нельзя.

Реми заправляет выбившую прядь волос мне за ухо, мучение отражается на его лице.

— Брук... — это все, что он способен сказать, будто извиняясь, смотря на меня.

Мне больно смотреть на него. Его лицо в крови, а челюсть слегка опухшая. Я хочу прикоснуться, позаботиться, излечить, но каждый раз, когда пытаюсь дотянуться и сделать что-то, он останавливает меня и целует мою ладонь.

— Нам нужен лед для твоего лица, — протестую я.

— Кого волнует мое чертово лицо, — возражает он.

Затем я стону, когда начинается еще одна схватка, а он рычит, как будто чувствует это.

Он сжимает челюсть, будто изо всех старается собраться. Когда медсестра проверяет меня на семи сантиметрах, то спрашивает, хочу ли пройтись, чтобы дотянуть до десяти? Я не хочу, но киваю. Ремингтон заметно дрожит, пытаюсь держать себя под контролем, и помогает мне встать с кровати. Я хватаюсь за его предплечье для поддержки, когда мы начинаем выходить из комнаты, и прошу его:

— Останься со мной. Останься со мной, хорошо?

— Хорошо, Брук, — бормочет он на автомате.

Мы беремся за руки, и его подбадривающее прикосновение вселяет в меня мужество, пока мы ходим по коридору больницы.

Свободной рукой он обнимает меня за талию, когда меня сотрясает новая волна схваток.

— Отвлеки меня, — умоляю я.

— Тебе понравился бой? — спрашивает он меня на ухо.

Его голубые глаза танцуют в восторге, губы изгибаются в однобокой улыбке из-за опухшей части челюсти, и я взрываюсь болезненным смехом между схватками, потому что конечно, конечно же Реми любопытно это узнать.

— Ты надрал задницу, как всегда, но сейчас твой ребенок выбивает дерьмо из меня.

Он помогает мне вернуться в палату. Вскоре я погружаюсь в туман боли и все, чего хочу — это тужиться, тужиться, тужиться.

К тому времени, когда доктор говорит мне, что можно тужиться, я уже истощена.

Обнимая меня своими сильными руками за плечи сзади, Ремингтон утыкается носом мне в шею, будто мой запах успокаивает его. Его запах успокаивает меня, и я пытаюсь не кричать ради него, потому что хочу, чтобы он был со мной, и знаю, что он бы никогда не захотел забыть такой момент. Сильно прикусывая губу, я тужусь и сжимаю его руку, проглатывая свои стоны. Тужась сильнее против боли, я тужусь снова, сильнее и дольше. Раньше я никогда не задумывалась, почему это называется "родовые муки", но теперь я знаю. После еще нескольких захватывающих дух усилий, ребенок, наконец, выходит, и я устало стону, пока в теле стихает давление, роняя голову назад на стол.

Доктор берет его на руки и сквозь затуманенный взгляд, с облегчением, я вижу что-то мокрое, скользкое и розовое.

— Это мальчик, — слышим мы, а затем комнату заполняет первый плач малыша. Его легкие могут быть пока не полностью развитыми, но этот мягкий небольшой вопль все равно переполняет мое сердце радостью.

— Мальчик, — выдыхаю я.

— Мальчик, — хрипло повторяет Ремингтон и моя грудь переполняется, когда я слышу в этом слове принятие и удовлетворение. Реми не нужно говорить мне, но я знаю, что теперь наш сын для него настоящий. Наш сын настоящий для нас обоих.

Я незаметно, про себя, улыбаюсь, пока глаза наполняются слезами. Врач бормочет медсестрам, когда они перерезают пуповину:

— Дышит самостоятельно. Никаких осложнений. Но он все равно недоношенный, и нам все еще нужно инкубировать.

— Мы хотим увидеть... — задыхаясь, кричу я. Мои руки такие слабые, что я едва могу их поднять, и я даже не знаю, почему, так я вряд ли что-то ими делала, когда тужилась.

Крошечный малыш издает еще один вопль, пока его обтирают и затем, наконец, они несут его к нам. Не думаю, что Ремингтон дышит, да и мое собственное дыхание вырывается из горла, когда я держу эту крохотную частичку жизни первый раз.

Доктор начинает приводить меня в порядок, пока медсестра ждет, чтобы забрать ребенка в отделение интенсивной терапии, но Ремингтон склонил свою темноволосую голову к моей. Мы прижимаемся носами друг к другу над лысенькой маленькой головой ребенка.

— Я люблю его, Реми, — шепчу я, поворачивая голову вверх, стремясь почувствовать его теплое дыхание на своем лице, а его губы на моих. — Я так сильно тебя люблю. Спасибо тебе за ребенка.

— Брук, — коротко шепчет он, обхватывая нас руками. Я знаю, что в глубине души Реми не верит, что заслуживает этого. Никто не учил его тому, что он делал, так что я прижимаю его большие плечи к себе так сильно, как могу, одной из своих слабых, дрожащих, уставших рук, держа ребенка в другой.

— Если он такой, как я, мы будем его поддерживать, — он беспокойно шепчет мне на ухо. — Если он такой, как я... мы будем с ним.

— Да, Реми. Мы научим его музыке. И упражнениям. И как заботиться о своем маленьком теле. Оно будет сильным и будет изумлять его, и возможно, иногда расстраивать. Мы научим его любить свое тело. И себя. Мы научим его любви.

Он вытирает глаза тыльной стороной рук.

— Да, — и оставляет поцелуй у меня на лбу. — Да, мы научим его всему этому.

— Обними нас снова, — прошу я, когда он отступает, как будто я с ребенком, издающие писклявые плачущие звуки, не можем принадлежать ему.

Он возвращается, и мы таем в его объятиях. У него самые лучшие объятия и мы прекрасно в них вписываемся. Я чувствую, как он вытирает слезу с моей макушки снова, и это тоже заставляет меня тихо плакать. Он такой сильный. Я никогда не думала, что этот маленький момент может сделать такое с ним. Я держу нашего малыша одной рукой, потому что мне нужно обнимать Ремингтона другой.

— Иди сюда, — призываю я, протягивая руку. Затем он наклоняет голову и прижимается ко мне, и я не знаю, чье лицо более влажное. — Я так тебя люблю, — шепчу

ему я. — Ты заслуживаешь этого, и даже большего. Пока ты борешься там, я буду бороться за то, чтобы ты вернулся домой.

Он сердито рычит и снова вытирает глаза, будто ненавидит плакать. Затем он обхватывает мое лицо и целует участок позади моего уха, и его голос более хриплый, такой, которого я еще не слышала.

— Я люблю тебя до чертиков. Сильнее некуда. Спасибо тебе за ребенка. Спасибо тебе за любовь ко мне. Не могу дождаться, чтобы сделать тебя своей женой.

♥ ♥ ♥

Я НАХОЖУСЬ в отдельной комнате, к тому времени, когда снова вижу Нору. Она заходит, выглядя румяной и счастливой, следуя за Питом, который выглядит почти таким же покрасневшим, как и она. Может даже и больше. Пока Пит хлопает по спине Ремингтона и поздравляет новоиспеченного папу, Нора направляется прямо ко мне.

— Брук, я видела его! Я видела его через окно! Он там самый крошечный ребенок из всех!

— Я знаю, Нора, он такой маленький! — мой голос дрожит от волнения, когда я говорю о нем. — Он еще не должен был появиться, но врачи поражены тем, как хорошо он развит для своего возраста.

Она садится на угол моей кровати и тянется к моей руке, ее глаза сверкают от счастья. На мгновение, мы удерживаем взгляды, и хотя я не хочу стирать эту улыбку с ее лица, я должна задать вопрос, ноющий в глубине моей души.

— Нора, что ты делала со Скорпионом? — я вздрагиваю, когда пытаюсь сесть прямее, затем спускаю ноги с кровати, усаживаясь удобнее. — Почему ты не сказала нам, что он шантажировал тебя, чтобы мы могли тебе помочь?

Она краснеет от подбородка до лба, и снова закрывает лицо руками.

— Просто это так стыдно.

Ремингтон возле двери жестом показывает, что выйдет с Питом, и я встречаюсь взглядом с моим большим львом, его волосы растрепаны, он в спортивных штанах и толстовке, в которые только что переоделся. И когда я осознаю, что у нас есть ребенок, чувства меня переполняют так, что, кажется, я поплыву, как облако.

Со взглядом, наполненным гордостью самца, он тихо шепчет:

— Мы будем снаружи.

— Мне жаль, что из-за меня у тебя столько проблем, — говорит ему Нора.

Он держит дверь открытой и качает головой, показывая одну ямочку.

— Вообще никаких проблем.

Когда за ним закрывается дверь, все, что я слышу в комнате — это тихие рыдания Норы и мой собственный голос, когда я протягиваю руку, чтобы погладить ее по затылку, осторожно спрашивая ее:

— Он причинил тебе боль?

Она хватается платок из своей маленькой сумочки и вытирает уголки своих глаз.

— Нет. Он был дураком. Говорил, что скучает по мне. Он хотел вернуть меня и готов был сделать что угодно, чтобы удержать меня. Наверное, поэтому он дрался так чертовски плохо, — говорит она. — Я рада, что он проиграл. Просто ненавижу то, что это все еще причиняет мне боль.

— О, Нора.

— Когда ты вернулась домой, я не могла даже ясно мыслить. Ты такая... защищенная.

Беременная его ребенком! Он так в тебя влюблен. В то время, как я находилась в аду! Бенни сказал, что распространит видео повсюду, если я не вернусь. Он хотел снова навредить тебе. Он хотел иметь способ заставить Ремингтона проиграть. Я не хотела быть с ним, но я боялась, что он будет шантажировать вас тем видео обо мне! Так что я согласилась. Он предложил мне... наркотики... я хотела их. Это действительно так, но я знала, что если приму их, то никогда не вернусь домой. Моим планом было остаться с ним, — она вытирает щеки, когда потоки слез не прекращаются, даже при том, что ее голос остается устойчивым и сильным, — пока не закончится сезон, и тогда я буду ему больше не нужна, чтобы навредить вам двоим. Я полагала, что найду способ, чтобы забрать видео и убежать от него.

— Нора... — я раскрываю руки, и она наклоняется и кладет голову мне на плечо. — Теперь мы должны двигаться вперед, — шепчу я. Слова выходят почти, как мольба, потому что теперь у меня есть ребенок. Ребенок. Он будет нуждаться во мне, как мой любимый, и мне нужно, чтобы Нора сама была сильной. Реми защитил ее для меня, но я считаю своим долгом защищать своего сына и своего парня так же яростно — и это относится и к моей семье.

Она протягивает согнутый мизинец, как мы делали в детстве, когда давали обещания друг другу. Со смехом мы сцепляем их.

— Только не говори маме с папой. Они отчаянно хотят увидеть своего внука и летят сюда в то время, как мы разговариваем, — говорит она мне.

— Никто не должен узнать о видео. Но они, должно быть, были взволнованы, услышав твой голос по телефону.

Теперь уже, взволнованная от любопытства, она указывает на дверь.

— И как же вы, ребята, собираетесь назвать маленького?

Я улыбаюсь ей от уха до уха, и шепчу:

— Я понятия не имею, надеюсь, что папа знает.

♥ ♥ ♥

ЕГО ИМЯ — Рейсер.

Рейсер Дюма Тэйт.

Потому что он мчался к финишной прямой еще до того, как мы были готовы.

Медсестры говорят, что он большой мальчик для недоношенного ребенка, даже при том, что мы с Реми считаем его таким крошечным.

Боже, он — совершенство. Десять крошечных пальчиков на руках. Десять крошечных пальчиков ног. Розовый маленький ротик. Маленький носик.

Теперь ему нужен инкубатор на четыре недели, но, видимо, он почти готов, чтобы его забрали домой. Он больше не нуждается в трубке для кормления, и сейчас весит восемь здоровых фунтов, что поражает каждого, кто не может поверить, что он недоношенный. Затем, конечно, они видят его отца и понимают, почему этот ребенок такой большой и здоровый.

Ремингтон проводит день, тренируясь для следующего сезона, в то время, как я торчу в больнице, и вынуждена кормить его своим собственным грудным молоком, таким образом, он получит все питательные вещества и преимущества иммунной системы, в которых он нуждается. Я также читала о "методе кенгуру", когда медсестры усаживают ребенка на обнаженной коже матери, чтобы все его системы укрепились и созрели. Я люблю читать обо всех научных данных о том, на что способен контакт кожа-к-коже.

Так что один раз в день медсестры приносят ко мне Рейсера, я раскрываю свою рубашку

и чувствую нашего малыша на своей голой коже. Иногда здесь Реми находится, и растягивается позади меня, таким образом становясь моим кенгуру, а я кенгуру ребенка — как называется метод. Но нет. Реми не ощущается, как кенгуру позади меня; он слишком дикий для этого. Он прижимается лицом к моей ключице и всматривается вниз, в нашего ребенка, в то время, как я чувствую его на своей коже, и именно сегодня Рейсер наконец открывает свои глаза, чтобы посмотреть на нас. И они голубые, до боли знакомые, безусловно голубые, и я влюбляюсь во второй раз в своей жизни.

♥♥♥

МЫ БЫЛИ ВЫПИСАНЫ из больницы, и мы, трое, находимся в Сиэтле, наконец, играя в семью.

Сегодня сороковой день после родов, и этой ночью мы с Ремингтоном, наконец, сможем заняться сексом. Но он полон решимости, что впервые, когда он снова меня возьмет... я буду полностью его. Так что, в полдень мы едем в городскую мэрию.

Боже, я. Умираю. Так сильно хочу побыть с сексуальным папашей малыша.

— Он спит, — шепчу я с кресла в гостиной, где я сидела, чтобы накормить Рейсера этим утром.

Ремингтон все еще в своих пижамных штанах, и с обнаженной грудью, и он подходит с таким гордым защитным блеском в глазах, что я умираю от выражения его лица.

— Подойди, понюхай его, — шепчу я с широкой, опьяненной улыбкой.

Он подходит и делает большой вдох возле макушки Рейсера.

— Он хорошо пахнет, правда? — говорю я.

— Так же хорошо, как ты, — хрипло шепчет Ремингтон, и когда я вдыхаю аромат малыша, он вдыхает мой.

Мы смеемся, и он скользит руками под мое тело, обхватывая меня, и говорит мне:

— Держи его.

Я так и делаю. Он поднимает меня в то время, как я держу ребенка, и несет нас к постели.

— Диана так взволнована из-за него, они все взволнованы. Она уже здесь? — спрашиваю я.

— Она в пути, — говорит он.

Я нетерпеливо киваю.

В наших наушниках звучит “Kiss Me” в исполнении Ed Sheeran. Песня кажется какой-то знакомой, но ее знакомость по-настоящему поражает меня, когда я усаживаю Рейсера в небольшую колыбель с моей стороны кровати, а Ремингтон обнимает меня и начинает целовать. Я хочу поступить, как девушка и пожаловаться на свой живот. Он все еще не полностью плоский, но ему это нравится, он целует его. Я хочу пожаловаться на все эти гормоны во мне, но я чувствую себя драгоценной, дорогой и такой счастливой, что даже не могу подобрать слов, чтобы сказать, как сильно я желаю это для людей, которых люблю. Я знаю, что значит теперь для Ремингтона иметь семью. Он никогда не жаловался, что у него ее не было. Но теперь, когда она у него есть, я знаю, он видит разницу. Знаю, он видит, чего ему не хватало. Теперь у него есть семья, о которой он заботится и, которая заботится о нем.

От стука в дверь мы отрываемся друг от друга, и когда Реми открывает ее, входит Диана, лучезарно улыбаясь, когда видит меня в красном халате Ремингтона и его в пижамных штанах.

— Я думала, что вы двое уже будете готовы!

Он целует меня грубо и возбужденно, его глаза пылают блеском огня.

— Иди, готовься. Не могу дождаться. Чтобы сделать тебя Моей.

— Я уже твоя!

Он проводит своим большим пальцем вниз по моей губе.

— Я буду делать тебя Моей всю твою жизнь.

Забегая в ванную, где я оставила одежду, я быстро и нетерпеливо одеваюсь.

Не могу оставить Рейсера больше, чем на пару часов, а наша встреча назначена на двенадцать, так что я не хотела мудрить со сложным нарядом. Я выбрала простую, но хорошенькую белую юбку и кружевной белый топ. Ремингтон сказал мне, что организует мне большую свадьбу в церкви позже, что он просто не может дождаться, чтобы сделать меня своей. Я сказала ему, что не беспокоюсь об этом, а просто хочу мужчину!

Он заставляет бабочек во мне порхать в полную силу, когда я стягиваю волосы в пучок, что выглядит небрежно, но красиво; затем пытаюсь оживить свое лицо, щипая себя за щеки, чтобы никто не узнал, что Рейсер так часто будит меня по ночам.

Когда я выхожу, мой парень уже в гостинной. Каждый гормон в моем теле грозит вырваться, даря мне сентиментальную послеродовую депрессию, когда я смотрю на Реми в его черном костюме. Высокий, широкоплечий, он прекрасно сложен, его торчащие волосы растрепаны, как всегда, голубые глаза мерцают любовью и волнением, а его ямочки... он весь такой мужчина, такой мальчик и такой мой.

Прежде, чем я осознаю, что плачу, он подходит и вытирает мои слезы пальцами, тихо смеясь от того, что я такая эмоциональная. Затем он облизывает уголки моих глаз, поднимает на руки и выносит из нашей квартиры.

Вся наша банда толпится в ратуше, все, кроме Дианы и нашего драгоценного Рейсера, которого мы не должны подвергать слишком многому, пока он не станет сильнее.

Здесь Мелани, Райли, тренер Люп. Тренер даже держит фотографию 5 на 8 улыбающейся Дианы, говоря нам:

— Она хотела быть в двух местах одновременно, так что я предложил принести ее снимок, пока она заботится о будущем чемпионе!

Рядом с ним стоят и смеются мои родители. У моей матери слезы на глазах, а отец сияет гордостью. Пит и Нора стоят рядом с ними, держась за руки, так как теперь они пытаются построить отношения, пока мы будем находиться в Сиэтле несколько месяцев в течение межсезонья. И Джо. Она тоже здесь, с этой дерзкой небольшой усмешкой и армейской выправкой.

Волнение пузырьками трепещет в моей груди, обжигая меня, когда мы с Ремингтоном направляемся туда, где должны оставить свою подпись, моя рука держит его — эту загорелую, мозолистую, огромную руку, которую я никогда не отпущу.

И затем мы официально расписаны, и вступаем в брак. Он берет мою руку в обе свои, его голубые глаза блестят, они влажные и полностью собственнические, когда он надевает кольцо мне на палец.

Кольцо платиновое.

— Белый бриллиант — это ты, — кратко шепчет он, подняв руку вверх в поле моего зрения. И справа от центрального белого бриллианта находится голубой бриллиант, а слева — черный бриллиант.

— Ты являешься остальными двумя, — говорю я, и глубина моих чувств перехватывает дыхание, когда я обхватываю его твердую челюсть своими маленькими руками и крепко

целую его. — Я люблю тебя.

Затем я беру его большую руку и надеваю платиновое кольцо, с гладкой гравировкой на внутренней стороне "МОЕМУ НАСТОЯЩЕМУ, ТВОЯ БРУК ДЮМА".

— МИСТЕР и МИССИС РАЗРЫВНОЙ!!! — кричит банда, когда мы сделали это.

Мы смеемся, и Ремингтон поднимает меня над землей, подбрасывает в воздух и ловит.

— Теперь ты Моя, — счастливо утверждает он, затем прижимает меня ближе к себе и его смех переходит в сверкающий взгляд. Восхищенно всматриваясь глазами в мое лицо, он держит меня за затылок, наклоняется и дарит мне самый мягкий, нежный и самый затяжной поцелуй, который он когда-либо дарил мне в своей жизни.

— У нас есть для вас подарок, Брук, — Пит и Райли подходят к нам с коробкой. — Это от команды, включая нашего нового участника, Джо.

Я машу Джо, которая стоит в конце прохода, и открываю подарок.

Мелькает вспышка красного, и я достаю оттуда блестящий красный халат, идентичный боксерскому халату Реми. Но на этом надпись "ДЕВУШКА РАЗРЫВНОГО".

Радостно улыбаясь, я обнимаю их, но не долго, потому что слышу рычание, и меня обнимают большие, сильные и очень собственнические руки.

Сорок дней неудовлетворенности сексуального желания сопровождают нас по пути домой. Примитивная сексуальная энергия кружится между нами, как растущее торнадо, питаюсь нашими эмоциями. Нашим счастьем, нашей любовью. Нашей потребностью. Когда мы заходим в нашу квартиру, Рейсер спит крепким сном в своей колыбели, которую Диана, видимо, перенесла в гостиную. Она опускает журнал, когда мы входим, и со счастливым визгом обнимает Ремингтона так крепко, что он удивленно усмехается. Затем она обнимает меня своими теплыми руками.

— Надеюсь, вы оба понимаете, что я буду относиться к этому ребенку, как к собственному внуку, — говорит она нам.

— Диана, — эмоционально говорю я, тронутая ее словами, — спасибо.

Ремингтон улыбается ей, его ямочки на щеках великолепны, и Диана обнимает его еще раз, перед тем, как уйти. Реми снимает свой черный галстук, отбрасывая его в сторону. Рывком расстегивая верхнюю пуговицу своей белоснежной рубашки, он заключает меня в объятия, и накрывает мой рот, переплетая наши языки, поднимая меня на гладкий деревянный стол возле входа.

— Мне нужно поцеловать, — он проводит руками по моим изгибам, — мою прекрасную жену.

Дрожь счастья проходит через все мое тело, когда я запускаю руки в его торчащие волосы и терзаю его губы так же яростно, как и он мои. Рейсер просыпается, по часам, с внезапным воплем, и мы оба отрываемся друг от друга и поворачиваемся на звук. Прежде чем я могу соскочить со стола, Ремингтон опускает меня, и целует местечко возле моего уха, быстро говоря:

— Покорми его, и тогда ты сможешь покормить меня следующим.

— У меня есть отличная идея о том, что ты хочешь, так что хорошо.

— Хорошо? — говорит он, направляясь на кухню, а я поднимаю Рейера из колыбельки.

— Больше, чем хорошо! — кричу я. — Возьми колыбель, когда пойдешь в спальню.

Я быстро сажусь на краю кровати, и рывком снимаю свой топ, опускаю бюстгальтер вниз и прижимаю нашего протестующего маленького ребенка к своей груди, сверяя часы, чтобы поменять грудь.

Вскоре Реми устанавливает кровать с моей стороны кровати, и начинает вышагивать. Мой лев беспокоен.

Перенасыщенный сексуальный поток проносится между нами — это зарядка за сорок дней. В уме я трахала Ремингтона тысячью способами, и я знаю, что он также трахал меня глазами каждый день.

Ремингтон пристально наблюдает, когда я кормлю Рейсера. Он съел персик и два яблока, и сейчас снова шагает, наблюдая за тем, как я кормлю нашего сына, потом расстегивает пуговицы своего пиджака, затем рубашки. В его глазах — голод. Я такая же голодная. У меня еще никогда не было такой жажды. Мы привыкли быстро излечиваться в этой жизни, но нет быстрого способа излечить свое тело после родов, и мы должны были подождать, несмотря ни на что. Но Боже, Рейсер такой хороший ребенок. Он ест и спит. У меня такое чувство, будто он знает, что его папа особенный. И он пытается сделать это легким для меня. Думаю, если бы он этого не делал, то мы бы обратились за помощью. У нас есть варианты. Выбор. Мы сами владеем собой, нашими жизнями, и мы, и люди вокруг нас этому рады.

— Ты уже закончила? — грубо спрашивает он, подходя ближе, чтобы посмотреть, и вытягивая рубашку со штанов. Он такой собственник. Каждый день, каждую ночь он притягивает меня к себе и говорит мне, что я его. Но он не понимает, что каждый раз, когда он говорит это, он также говорит, что он мой. Нельзя по-настоящему овладеть чем-то, что не владеет тобой в ответ, даже машиной.

Пока я кормлю нашего сына, мы слушаем музыку, ставим друг другу песни, и ставим песни Рейсеру. Теперь рубашка Реми висит по бокам, обнажая его восемь кубиков пресса, и он подходит и кладет руку мне на грудь, которую Рейсер еще не занял. Он держит меня за шею, наклоняется и целует меня.

Желание проносится по моим венам, и к тому времени, как Рейсер перестает сосать и дремлет, Ремингтон отстраняется и смотрит на меня, его веки прикрыты, и мои губы пульсируют от его поцелуя.

— Помнишь вопрос о семье, по которой ты не скучал, потому что у тебя ее никогда не было? — шепчу я, протягивая руку к его челюсти, любя то, что его губы тоже выглядят опухшими от нашего поцелуя. — Ты не скучаешь по ней, потому что у тебя она есть. И знаешь, что? Твоя семья находится с тобой не из-за судьбы, крови или потому, что у них нет выбора. Они с тобой, потому что они любят тебя. И выбрали тебя.

Я смотрю в его голубые глаза:

— Я выбираю тебя.

Все еще держа Рейсера возле своей груди, я оборачиваюсь, и вытаскиваю свернутый конверт, который находился в моей прикроватной тумбочке позади меня.

— Я написала тебе письмо.

Самодовольно усмехнувшись, он тянется к нему, но я убираю его обратно с озорной улыбкой.

— Я обменяю его на свое старое письмо.

— Нет, — говорит он, щипая меня за нос.

Я смеюсь.

— Ты жадина! Да! — настаиваю я.

— О чем там идет речь? — спрашивает он, с вызовом изогнув бровь.

— Ты сможешь увидеть, если отдашь мне старое, которое я написала, когда была

молодой и напуганной, и ты получишь это, которое я написала сейчас, когда я... когда я твоя.

Его глаза загораются от моих последних слов. Когда он вытаскивает старое письмо из своей тумбочки, я быстро забираю его, так, чтобы он никогда не вспоминал, что я уходила от него, потому что теперь я никогда его не оставлю.

— Ты можешь прочитать новое, когда захочешь, — говорю ему я, поднимаясь и направляясь к колыбельке, а его глаза вспыхивают. Он кивает, оставляя его на тумбочке.

Вместо того, чтобы читать его, он наблюдает за тем, как я укладываю Рейсера, и ожидая, когда я уложу его, он направляется к Айподу, уже подключенному к колонкам. Когда мы ехали обратно с ратуши, я сказала ему, что мне хочется включить ему песню “From This Moment” в исполнении Shania Twain и Bryan White и, внезапно, песня заполняет нашу спальню.

Мое сердце трепещет, когда я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него, мои руки пусты, пусты без него. Он сжимает руки по бокам и делает глубокий вдох, его взгляд пылает сине-горячим страстным желанием и, через секунду, мы двигаемся друг к другу с разных сторон кровати. Я начинаю лихорадочно снимать юбку, а он сбрасывает рубашку, мы оба следим за действиями друг друга.

Я обнажаюсь быстрее него и, забравшись в постель, подползаю к нему, дотягиваясь, чтобы снять его штаны. Одним рывком он хватает меня за затылок и накрывает мой рот так, будто не целовал меня целую жизнь. Искры проносятся по всему моему телу, когда наши рты наслаждаются, а мы оба издаем голодные стонущие звуки. С нетерпением я опускаю его черные брюки вниз на пол. Он пинает их в сторону и опускает меня на кровать, ни на мгновение не оставляя моего рта. Мои руки движутся по его твердым мышцам и гладкой коже, когда я чувствую все его мозоли на мне и каждая часть моего тела пробуждается для него.

— Я хочу тебя, я люблю тебя так, как ничто в своей чертовой жизни, ничто, — страстно шепчет он, убирая мои волосы назад, и я вздрагиваю, когда наши губы снова соединяются и мы перекатываемся на кровати. Он поднимает мои руки вверх, переплетая наши пальцы, а я оборачиваю ноги вокруг него. Он входит в меня, и я задыхаюсь, стону и облизываю его рот, чувствуя его длину и ширину, его пульсирующую твердость,двигающуюся во мне. Со стоном удовольствия, он облизывает меня в ответ, проникая медленно и восхитительно, но контролируя себя, хотя я чувствую дрожь напряжения в его теле, склонившимся над моим.

— Все хорошо? — шепчет он, горячо целуя мне шею, отпуская мои пальцы и сжимая их крепче, проводя губами по моим.

— Больше, чем хорошо, — выдыхаю я. Выгнув спину, я открываю рот, когда его язык проникает и владеет моим, наши бедра покачиваются, а наши рты быстро двигаются в то время, как тела двигаются медленно и плавно, когда мы занимаемся любовью друг с другом впервые, как муж и жена.

— Я люблю тебя, — шепчу я, как призыв, когда он заполняет меня снова и снова, и он повторяет это в ответ каждый раз, когда проталкивается внутрь, сжимая мои руки.

— Я тоже тебя люблю.

Он оставляет меня липкой внутри и снаружи, и когда мы истощенные и уставшие, он рычит и притягивает меня к себе. Потом проводит пальцем по моему бедру, затем медленно и с любовью заталкивает свою сперму обратно внутрь. Носом он убирает мои волосы и утыкается мне в шею, проделывая все свои львоподобные штуки, ухаживая, облизывая и

любя меня, шепотом говоря мне, что я его. И я закрываю глаза, когда он обхватывает мой живот, как будто мы иногда забываем, что Рейсера там больше нет, и хватаюсь за его руку на моей и киваю, когда он бормочет мне на ухо:

— Моя.

Ночью Рейсер не плачет, чтобы поесть, и я просыпаюсь испуганной и обеспокоенной, а вижу только, как Рейсер крепко спит на руках своего отца. Ремингтон держит его, как меня, твердо, но осторожно. Рейсер издает небольшие звуки, когда дышит, его волосы темные, как у папы, но кожа розовая и мягкая, тогда как папа крупный и твердый, и внезапно я начинаю тихо плакать от ощущения счастья.

Сердце являет собою полую мышцу, и его биение сопровождает нас всю жизнь. Размером с кулак, оно состоит из четырех камер: два предсердия и два желудочка. Я использую его, как использую свою душу, тело и кости, жилки, нервные окончания, чтобы любить каждой частичкой и молекулой в себе. Оно накачивает меня жизнью, так что я могу свободно дарить эту любовь этому единственному мужчине, и этому маленькому мальчику, которого он подарил мне.

Я влюблена, и я навсегда изменена этой любовью, этим мужчиной и нашей новой маленькой семьей.

Я всегда мечтала о медалях и чемпионских титулах, а сейчас я мечтаю о голубоглазом мальчике, из которого вырастет мужчина, и о моем голубоглазом бойце, который в один день изменил мою жизнь, прикоснувшись своими губами к моим.

ЕМУ

Дорогой Ремингтон,

Я была выпускницей колледжа, когда пришла посмотреть на твой бой, и ты превратил меня в женщину. Ты сделал меня женой. И ты сделал меня матерью. И ты сделал, и каждый день делаешь меня самой счастливой женщиной в мире. Я собираюсь провести остаток своей жизни, любя тебя. И наших детей. И бегая с тобой, кушая с тобой, позволяя тебе поднимать меня, подбрасывать в воздух и облизывать. Я буду твоим другом, любовницей, медсестрой, партнером по тренировке, твоей любовью, женой, и львицей, борющейся на твоей стороне. Я всегда буду твоей поклонницей номер один. Спасибо тебе, Ремингтон, любовь моя, за то, что каждый день вдохновляешь меня своей нежностью и энергией. Спасибо тебе за то, что являешься отцом, о котором я даже не могла мечтать для своих детей. Спасибо тебе за маленького бойца. Я хочу, чтобы ты знал — я буду очень счастлива работать с тобой над тем, чтобы вскоре у нас появилась наша Айрис.

Я люблю, и я влюблена в тебя, навеки и навсегда, сейчас и каждую секунду. Темный и синий, каждая часть тебя, великолепный ты — мой. И я буду ценить и оберегать тебя, всегда.

Твоя Брук

Больше книг на сайте - Knigolub.net

R.I.P. — переводится с английского, как *rest in peace* — покойся с миром; мир праху твоему (надпись на надгробье)

pussy — слабак, также переводится, как женские половые органы

Hugo Boss AG — немецкая компания-производитель модной одежды

СВЕРХНОВАЯ ЗВЕЗДА— взрыв звезды, при котором практически вся ЗВЕЗДА разрушается. В течение недели сверхновая звезда может затмить все другие звезды Галактики. Светимость сверхновой звезды на 23 звездных величинах (в 1000 млн. раз) больше, чем светимость Солнца, а энергия, высвобождаемая при взрыве, равна всей энергии, излученной звездой в течение всей ее предыдущей жизни

Аффективные расстройства (расстройства настроения) — общее название группы психических расстройств, связанных с нарушениями в эмоциональной сфере.

Квадрицепсы формируют переднюю и боковую поверхности бёдер.

“Джелло” — фирменное название концентрата желе. Товарный знак полуфабрикатов желе и муссов, выпускаемых в порошке, а также готовых желе. Принадлежит компании “Крафт фудс”.

"Бенадрил" — антигистаминный (противоаллергический) препарат.

"Тайленол" — лекарственное средство, анальгетик и антипиретик из группы анилидов, оказывает обезболивающее и жаропонижающее действие, аналог парацетамола.

Пулlover (от англ. pull over — «тащить сверху», «надевать сверху») — физическое упражнение в бодибилдинге, нагружающее сразу две большие мышечные группы: грудные (подчёркивает низ) и широчайшие мышцы спины по всей длине (верх и низ).

Реакция «бей или беги» — состояние, при котором организм мобилизуется для устранения угрозы.

“*Миссис Даутфайр*” (1993) — комедия реж. Криса Коламбуса.

FBO (BOAT) — базовый оператор авиационной техники.